ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО
«КОЛОС»
ПЕТРОГРАД.

The System of Sociology

BY

PITIRIM SOROKIN.

Professor of Sociology in the University of Petrograd.

Vol. I.

SOCIAL ANALITICS.

PART I.

The structure of the elementary social phenomenon.

PETROGRAD.
1920.

ПИТИРИМ СОРОКИН.

С65т

СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ.

Том I.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

5965

ЧАСТЬ I.

Учение о строении простейшего (родового) социального явления.

СОЦ
АКАДЕМИЯ

ПЕТРОГРАД.
Издательское т-во „КОЛОС".
1920.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С пред. М. М. Ковалевского. СПБ. 1914 г. Ц. 2 р. 75 к. (распр).

Л. Н. Толстой, как философ. М. 1914. (распр).

Проблемы социального равенства. II. 1917. (распр).

Элементарный учебник общей теории права. Ярославль. 1920.

Общедоступный учебник социологии. Печатается в издании Ярославск. Кредитного Союза Кооперативов.

Система социологии, т. II. Печатается в изд. «Колос»

Десятая Государственная Типография.

ПАМЯТИ

Максима Ковалевского

Евгения де-Роберти

и Петра Зепалова.

Предисловие.

Современная социология вышла из той стадии, когда ей нужно было доказывать свое право на существование. Нравится это или не нравится, но факт таков, что социология оказала и оказывает сильнейшее влияние на все общественные и гуманитарные дисциплины, она заняла свое место в ряду других наук и заняла настолько прочно, что будущее ее не зависит ни от капризов власти, ни от предрассудков тех или иных ученых. Констатируем этот факт.

Рядом с ним констатируем и другой.. Несмотря на быстрое развитие социологии за последние десятилетия—она продолжает быть в состоянии „становления". В силу целого ряда причин, она не успела еще застыть в определенные, шаблонные формы; разно понимаются ее предмет и задачи, разно очерчиваются и контуры всего социологического здания. В этом отношении социология делит участь всех социальных, обобщающих дисциплин: подобно тому, как правоведы до сих пор ищут определения права, как политико—экономы продолжают искать определения экономики и хозяйства, психологи—понятия психики и сознания, так и социологи не вполне еще столковались относительно предмета социологии и основных проблем ее изучения. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ряд курсов и руководств по общей социологии; дальнейшим подтверждением сказанному служит недавний анкетный материал, собранный и разработанный Американским Социологическим Обществом, в лице „комитета десяти" наиболее видных американских социологов. Этот материал показывает, что даже в Америке, где кафедра социологии была открыта ранее, чем в других странах, где социология преподается не только в высших, но и в средних школах, где еще в 1915 г. она праздновала свой пятидесятилетний юбилей [1]) — и там доси пор не устано-

[1]) См. юбил. выпуск. The Amer. journal of sociology. May. 1916 г. Ст. *Small'a*: Fifty years of sociology in the United States (1865—1915 г.).

вились общепринятые шаблоны построения и изложения социологического материала. [1]).

Такие условия имеют своим следствием два основных результата: они способствуют, с одной стороны, росту индивидуального творчества, с другой—благоприятствуют процветанию своеобразного социологического авантюризма. Социологическая мысль, не стесненная установившимися шаблонами, не имея на себе груза общепринятых традиций, не имея проторенных путей, принуждена самостоятельно, на свой страх и риск, строить здание социологической дисциплины. В ряде случаев такая свобода дает положительные результаты. Но рядом с ними чаще наблюдается другое явление, правильно отмеченное Зиммелем. — Так как социология является сравнительно „новой наукой", то к ней устремились всевозможные нигде не находящие себе должного помещения проблемы, — вновь открытая страна всегда Эльдорадо для бездомных и безпочвенных элементов: неизбежная на первых порах неопределенность и незащищенность границ дает каждому право искать там убежища" [2]). Этот факт мы можем наблюдать на каждом шагу. Что только не называется теперь социологией! Самые нелепые конструкции, самые незрелые теории, все недодуманное, все недоношенное сплошь и рядом выпускается на духовный рынок под этикеткой социологии. Нужно ли говорить, что такая спекуляция социологией компрометирует последнюю! Нужно ли настаивать, что достоинство последней требует борьбы против такого злоупотребления!

Указывая на эти печальные факты, автор данной книги ничуть не хочет сказать тем, что его собственная работа гарантирована от этой печальной участи. Напротив, сказанным он желает предупредить читателя, чтобы он, приступая к чтению данной книги, имел в виду эту опасность. В науке и, пожалуй, только в ней нет патентов и гарантий. Свобода критики и свобода мысли — первое и основное условие возможности науки. Единственный судья здесь—опыт и наблюдение. Если предлагаемые вниманию читателя страницы противоречат последним, они заслуженно разделят печальную участь ошибочных теорий. Если же отдельные положения выдержат нелицеприятный и беспристрастный экзамен этих судей— они получают право на общественное внимание.

---

[1]) См. The Amer. journal of sociology. 1911 г. May, ст. Report on questionnaire of commitee of teaching и March, 1912 г. ст. Report of the commitee of ten. Часть этого материала опубликована Социол. Институтом в брош. «Программы по социологии». Петроград, 1919 г.

[2]) *Simmel*: Soziologie. 1908.2.

Предлагаемая книга, по собственной оценке автора, несвободна от многих недостатков. Эти недостатки усугублены несколько преждевременным ее появлением и общими условиями момента. Работая последние годы над „Системой социологии", автор намеревался опубликовать ее позже. Он расчитывал на поездку заграницу, на работу в богатых книгохранилищах Запада, на непосредственное ознакомление с положением и преподаванием социологии на Западе и в Америке, на личное изучение общественной жизни передовых стран. Война помешала и продолжает мешать исполнению этого намерения. Далее, в связи с общими условиями нашей родины и в силу личных тяжелых обстоятельств, черновые заметки, выписки и вообще материал для „Системы", собиравшийся автором в течение ряда лет, частью погиб, частью оказался вне Петрограда и не мог быть использованным.

Мало благоприятными для работы были и общие условия жизни в Петрограде за 1919 г., в течение которого писалась „по памяти" эта книга.

Все это не могло не повлиять на научное совершенство книги, не могло не увеличить ее недостатков.

Если, тем не менее, автор все же решился выпустить ее теперь, то потому, что в современных условиях трудно мечтать о совершенной отделке своей работы. В обществе, где жизнь каждого из нас может оборваться в любую минуту,—от голода, от тифа, от произвола—в таком обществе не приходится строить научных планов, расчитанных на годы; в таком обществе тщательная отделка работы становится неосуществимой роскошью, желание дать хорошо обработанный труд заменяется здесь желанием дать приличный черновик этого труда.

Таким черновиком и является издаваемая автором „Система социологии"..

При всех ее недостатках она все же настолько отделана, что, по убеждению автора, будет не бесполезной в нашей, чрезвычайно бедной социологической литературе.

Руководящие принципы, положенные в основу „Системы социологии", таковы. Во-первых, социология, как наука, может и должна строиться по типу естественных наук. Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противоположении „наук о природе" и „наук о культуре" по мнению автора, не может быть и речи.

Во вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий нормативизм из социологии, как науки, должен быть изгнан.

Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т. п. принципов. Они несоизмеримы и гетерогенны. Конечно, „лестно самолюбию раздавать монтионовские премии и читать выговоры, принимая мерилом самого себя, но бесполезно“ [1]). Внесение нормативизма в область науки до сих пор загрязняло ее и не давало никаких положительных результатов. Больше того, все нормативные положения и оценки, как пытался доказать это автор, по своей логической природе не могут быть научными суждениями [2]). Другое дело—социология прикладная, социология, как *искусство*. Здесь нормативизм уместен. Он составляет сущность прикладного социологического искусства. Зато такая дисциплина не составляет науки, ее основная посылка, а тем самым и все ее выводы,—не обязательны.

В-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной—объективной не только в смысле отсутствия оценочных норм и в смысле методов изучения явлений, но и в более специальном значении этого термина.

Социология до сих пор была наукой, в значительной мере изучающей „психические реальности“. Последние непосредственно не даны наблюдению, они не имеют предметного характера. Их нельзя „ощупать, взвесить и измерить“. Все это вело и ведет к субъективизму в социологии, к условности и неопределенности ее положений. Задача времени—освободиться от этого психологического субъективизма. Подобно тому, как изучение самих психических процессов за последнее время объективируется, подобно тому, как сама психология из науки о неуловимых „состояниях сознания“ превращается в объективную науку о поведении

---

[1]) *Герцен*: С того берега. Собрание соч. под ред. Лемке. т. V, 455.

[2]) См. *Сорокин:* Преступление и кара. Введение: нормативная ли наука этика. СПБ. 1914. *Его же*: Категория „должного“ и ее применимость к изучению обществ. явлений. Юрид. Вестник. 1917 г., Январь. *Его же*: „Структура современной догматики уголовного права. Вестник психологии, крим. антропологии и педологии. 1917. Вып. 1—2 и 3—5. Беспощадная критика явных и тайных нормативно-оценочных элементов в соц. науках и теориях дана в капитальной работе V. Pareto: Trattato di sociologia generale. т. I и II. 1916.

См. также *А. Пуанкаре*: Наука и нравственность в вопр. теории и психол творчества. т. VII

человека, или в рефлексологию или в физиологию нервной системы, так и социология должна постепенно превратиться из науки о „психических реальностях“ в объективную дисциплину, изучающую явления „предметного“ характера, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие „ощупывание“ и „измерение“. Такими явлениями мы считаем акты, внешние двигательные реакции индивида, живущего в среде себе подобных, короче—явления взаимодействия людей. Освобождение от субъективного психологизма—очередная задача социологии. Как видно будет из текста—эта задача сейчас не вполне осуществима. Но посильное стремление к ея достижению—необходимо [1]).

В-четвертых, поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить „философствование“. Значительная часть социологических курсов представляла и представляет скорее философски-умозрительные трактаты,—специальные главы натур-философии или „социальной философии“— чем изложение данных опыта и наблюдения. Примерами подобных трактатов могут служить даже такие работы, как „Чистая социология“ Уорда. Многие видят в таком философствовании особую ценность и достоинство. Автор убежден в противоположном. Если социология хочет быть точной наукой, она должна исходить из фактов, итти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов. С этой точки зрения в социологии не место философствованию, в смысле умозрения. Поменьше философствования и побольше наблюдения и тщательного анализа фактов—таков очередной лозунг социологии. Хорошо проверенная статистическая диаграмма стоит любого „социально-философского“ трактата.

В-пятых, разрыв с философствованием означает и разрыв с несчастной идеей „монизма“—незаконным детищем незаконного брака социологии с философией. Не так давно еще, особенно в русской публицистике, считалось особенно почетной кличка „мониста“. И обратно, название „плюралиста„ означало нечто ругательное и научно-низкопробное.. (См. напр. „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ Г. В. Плеханова). Автор с большой охотой уступает „монизм“ всем, кому не лень наклеить на себя эту этикетку. Он твердо убежден в том, что „монизм“—результат догматического философствования, а не вывод опыта и наблюде-

---

[1]) См. *A. Bentley:* The process of government. (1908 г.), где дана дельная критика психологической социологии.

ния. Монизм в социологии, как правильно характеризовал его покойный М. М. Ковалевский,— это попытка решить бесконечно сложную задачу общественных явлений по методу уравнения с одним неизвестным [1]). Автор убежден, что такая попытка — покушение с абсолютно-негодными средствами. Последовательный социологический плюрализм—такова его позиция. Она систематически проведена в ряде глав данного и следующего тома и будет развернута во всю ширину в „Социальной механике“..

Таковы основные руководящие принципы, легшие в основу всей „Системы социологии“ *Последняя, по заданию автора, должна дать цельное и возможно законченное представление о социологии, как науке. Она должна показать, что социология не есть складочный подвал, куда сваливаются самые разнородные проблемы, „за ненадобностью“ не нашедшие себе места в других дисциплинах, а наука цельная, законченная, имеющая вполне определенные очертания, и вполне определенное строение, обусловливаемое ее природой.*

Вся „Система социологии“ представляет обширную работу, состоящую, по меньшей мере, из 8-ми томов. Данный и печатающийся 2-ой том охватывают только первую часть социологии, „Социальную аналитику“, изучающую строение социальных групп и народонаселения [2]).

Со времен О. Конта социологи привыкли делить социологию на социальную статику и динамику. Но большинство из них, начиная с самого Конта, работало почти исключительно в сфере социальной динамики. Чуть не вся социология ушла в область изучения эволюции общества и открытия „эволюционных законов“. Социальная статика числилась в качестве отдела социологии, но, за редкими исключениями, не наполнялась никаким систематическим содержанием. На ее месте оставалось „пустое место“ или, в лучшем случае, в этот отдел второпях включали два — три вопроса и... тем довольствовались.

Выпускаемые сейчас два тома „Аналитики“ представляют попытку заполнить этот пробел.

Данный том посвящен аналитике простейшего социального явления, печатающийся второй том — аналитике сложного

---

[1]) См. подробнее об этом *Сорокин*: Теория факторов М. М. Ковалевского. Сборник памяти М. М. Ковалевского.

[2]) Упрощенное и сокращенное изложение всей «Аналитики» и 1-ой части «Соц. механики» дается мной в печатающемся «Общедоступном учебнике Социологии». (Изд. Яросл. Кредитн. Союза кооперативов).

социального аггрегата, каковым является население, как всего земного шара, так и отдельной его части. Первый том — подготовка ко второму, оба вместе являются прелюдией к следующему — главному — отделу социологии: к „Социальной механике". Этим заданием объясняется содержание 1-го тома: в нем речь идет только о том, что относится к аналитике строения простейшей модели социального явления. Все другие вопросы намеренно исключены из его содержания.

В „Введении" автор дает общее понятие о социологии и ее отделах. В третьей главе он определяет центральное понятие взаимодействия и касается некоторых вопросов, связанных с методами его изучения.

Четвертая глава посвящена анализу элементов взаимодействия.

Пятая—классификации форм взаимодействия.

В шестой главе „замыкается" разорванный круг явления взаимодействия и дается понятие последнего, как коллективного единства.

В седьмой изучаются те „скрепы", которые „приговождают" людей друг к другу, делают из них коллективное целое, — с одной стороны, с другой — те условия, которые разрывают эту цельность и разрушают реальные совокупности.

Начав свой анализ с элементов взаимодействия, с *междуиндивидуальных* отношений, автор, идя от простого к сложному, логически приходит к понятию социальной группы и к *междугрупповым* отношениям. Избранная им дорога сама собой приводит его „ко второму этажу" аналитики,—к исследованию междугрупповых взаимодействий, являющихся предметом изучения второго тома „Аналитики". Таким путем второй том логически связывается с первым и служит его продолжением. Если с первого взгляда покажется странным, почему автор берет центральным пунктом исследования явление взаимодействия и почему он так долго останавливается на его изучении, почему он не определяет социологию, как науку об обществе, то по прочтении обоих томов, эта странность должна рассеяться.

Книга посвящается памяти *М. М. Ковалевского и Е. В. Де-Роберти.* Посвящение — слабый знак признательности автора своим незабвенным учителям. К этим именам я присоединяю имя своего дорогого друга *П. Н. Зепалова.* Молодой ученый, человек кристальной чистоты души, социалист по убеждениям, идеалист по натуре, безкорыстный альтруист по поведению, П. Н. Зепалов пал жертвой гражданской

войны в 1918 г. Трагедия человечества продолжается: лучшие сыны земли продолжают распинаться во славу обоготворенных идолов и подмалеванных фетишей. Но... не будем говорить об этом. Не сказано ли: "не плакать, не смеяться, а понимать"? Последуем удобному рецепту Спинозы и забудем о „горестных заметах сердца". Если плакать нельзя, а смеяться невозможно, то постараемся хоть понимать.

В заключение приношу глубокую благодарность моей жене, Е. П. Баратынской, брату и ряду друзей, бескорыстно помогавших мне в безмерно тяжелые для меня месяцы 1918 г. Их помощь позволила мне приступить к опубликованию „Системы социологии". Выражаю свою признательность книгоиздательству „*Колос*", давшему возможность напечатать эту книгу в тяжелые годины переживаемого времени.

Автор.

Петроград, февраль 1919 г., январь 1920 г.

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

Часть I.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Предмет социологии и ее отношение к другим наукам.

§ 1. Предмет социологии.

Основные понятия социологии, ее строение и характер до сих пор понимаются различно социологами и „публикой". [1]) В силу этого первой задачей всякого теоретика социологии является задача определения предмета и границ этой дисциплины. Без решения ее теоретик социологии рискует заблудиться в сложном мире общественных явлений и вполне заслуженно получит упрек в неясности и неопределенности своего построения.

---

[1]) До чего разнообразно понимаются «обычным мнением» такие термины: как «общество», «общественный», «социальный», «социологический» и т. п., каждый может убедиться, читая газеты, слушая речи политиков, изучая партийные программы и т. д. и т. д. Здесь что ни автор—то свое понимание этих слов, а чаще всего—отсутствие всякого понимания. Обычным явлением здесь служит (в особенности в политических программах партий и в речах наших партийных политиков) противопоставление: «социального» «политическому» (напр. «социальную революцию» противопоставляют «политической», социальные реформы—политическим), в программах партий встречаются те же противопоставления, (напр., аграрная и рабочая реформа называется почему то «социальными реформами», а реформа государственного строя почему то не удостаивается этого названия), часто социальное» отождествляется с экономическим», (почему и говорят постоянно: «социально-экономическая программа, реформа и т. д.), нередко термин «социальный» различается от термина «общественный» и т. д. и т. д. Короче—в орудовании этими и подобными терминами царит полный произвол и хаос... См. ряд других иллюстраций этого рода у *Waxweiler'a:* Esquisse d'une Sociologie (1906 г.), стр. 67—72.

С решения этой задачи я и начну изложение своего социологическаго курса.

Положение социологии, как самостоятельной дисциплины, будет очерчено, если, во-первых, выделена будет область явлений, изучаемых ею; во-вторых, если будет показано, что эта область достаточно важна для изучения и никакой другой наукой не изучается, и в-третьих, если будет определено отношение социологии к другим наукам и, в частности, к так называемым социальным дисциплинам.

Следовательно, задача характеристики социологии сводится к трем вопросам: 1) *какие явление социология изучает*, 2) *почему эти явления для своего исследования требуют создания специальной дисциплины*, 3) *каково взаимоотношение социологии к другим существующим научным дисциплинам, в частности, к наукам социальным.*

Постараемся кратко решить эти вопросы.

Определить объект социологии, как и любой науки, это значит выделить тот разряд фактов, который является предметом ее изучения или, иными словами, установить особую точку зрения на изучаемый ряд явлений, отличную от точки зрения других наук [1]).

Предварительный и краткий ответ на вопрос об объекте социологии будет таков: *Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, с другой.*

Этим определением очерчивается разряд явлений, изучаемых социологией. Из него следует, что все остальные формы и виды взаимодействия исключаются из сферы социологического изучения. Ни факты взаимодействия неорганических тел и их элементов, ни факты взаимодействия животных и растительных организмов в область социологии не входят. Наша социология есть *homo-социология*. Она трактует только о человеческих взаимоотношениях.

Поскольку одно указание на явления взаимодействия было бы недостаточно для того, чтобы определить мир, изучаемый социологией, постольку добавочный признак, что это взаимодействие должно быть *междучеловеческим*

---

[1]) В данном пункте нельзя не присоединиться к Е. В. Де-Роберти, Ваксвейлеру, Зиммелю, Гумпловичу, Франку и др., совершенно правильно, указывающим на равнозначность «выделения объекта» и «установления особой точки зрения». «Точка зрения—это все», подчеркивает Ваксвейлер. (См. DeRoberty: Sociologie et Psychologie Annales de l' Institut intern. de Sociologie, т. X, стр. 108; *Waxweiler*: Esquisse d'une sociologie, стр. 39. *Simmel*: Soziologie (1908), гл. I, *Франк:* Философия и жизнь. 284--285. *Гумплович*: Programme de Sociologie. Annales. т. I 104.

взаимодействием, эту неопределенность устраняет. Из бесконечного числа явлений, таким образом, выделяется определенный класс или разряд, имеющий вполне ясные и точные внешние границы.

§ 2. Основания для существования социологии, как автономной дисциплины.

Не касаясь пока ряда добавочных условий, необходимых для того, чтобы приведенное определение объекта социологии приобрело полную точность, спросим себя теперь: *имеется ли основание выделять явления междучеловеческого взаимодействия в особый класс и создавать для их изучения не только особую теорию, но и самостоятельную научную дисциплину?* Не впадаем ли мы в этом случае в ту ошибку, в которую впал бы тот, кто, по выражению Л. И. Петражицкого, стал бы создавать особую науку „о сигарах в десять лотов весом“ [1]). Не будем ли мы здесь грешить против принципа адэкватности теории, и против принципа наименьшей траты умствен-

---

[1]) «Далеко не все безукоризненные с обще-логической точки зрения классовые понятия и классы могут иметь значение и ценность в науке, как таковой, пишет *Л. И. Петражицкий*. Напр., относительно, классов: «сигары в десять лотов весом», «собаки с длинным хвостом и короткой шеей» и т. п. можно было бы высказать столь большие массы «истин», что их изложение заполнило бы многие толстые томы. Относительно сигар, весящих 10 лотов, можно, напр., утверждать, что они подвержены земному притяжению, падают по таким то законам, что они подвержены расширению и проч. (ср. содержание механики и физики вообще); далее можно высказать множество истинных положений, относительно их химического состава... Следующие томы нашей воображаемой «науки о сигарах весом в 10 лотов» можно было бы заполнить истинами биологического характера, затем, истинами специально ботанического характера и т. д. Такого же рода обширные «науки» могли бы быть образованы относительно «собак с длинным хвостом и короткой шеей», относительно «оловянных солдатиков» и т. п.

Но такие «науки, правильно заключает Петражицкий, были бы пародией науки и наглядным образцом того, как не следует образовать теории.. Ненаучность подобных теорий состояла бы в неадекватности их, а именно в том, что высказываемое в них (логические сказуемые) было бы отнесено к неподходящим, слишком узко очерченным классам, между тем как оно правильно и должно было бы быть отнесено к более обширным классам; напр., положения об инерции, о притяжении к земле и т. д. высказаны только относительно сигар, да еще почему то относительно «сигар весом в 10 лотов», между тем как дело идет о том, что в действительности относится ко всем физическим телам; т. е. к гораздо более обширному классу предметов... Такие теории затемняют существо дела и способны вводить в заблуждение, создавая ошибочные предположения, будто то свойство, которое приписано объектам данного класса, представляет особенность этих предметов, нечто им специально принадлежащее». *См. Петражицкий*: Введение в изучение права и нравственности. СПБ. 1907. 72 и 75—77 стр.

ных сил? Ведь выделению особых классов нет логического предела: один может выделять класс: „сигар, в 10 лотов весом", другой—„деревья в 5 вершков толщины", третий, „людей бреющих усы и бороду", четвертый—„женщин, носящих корсеты" и т. д. Что было бы, если бы для каждого из подобных разрядов явлений стали бы создавать особую дисциплину! „Так как разнообразию комбинаций предела нет, силы же памяти ограничены, то в конце концов избыток (таких) знаний (и добавим: таких „наук") оказался бы для нас тяжелее, нежели их недостаток; пред необозримостью накопляющихся сведений опустились бы руки", справедливо отмечает А. А. Чупров [1]).

В силу сказанного и встает вопрос: *имеются ли достаточные основания для создания особой науки—социологии, ставящей* своей *задачей изучение явлений взаимодействия между людьми?*

Ответ на этот вопрос зависит от решения трех предварительных вопросов. 1) достаточно ли важен сам класс явлений, которые социология изучает; 2) представляет ли он явление sui generis, свойства которого не имеются в других классах явлений, 3) не изучается ли он другими науками, появившимися раньше социологии и потому делающими последнюю, как самостоятельную науку, излишней?

Практическая и теоретическая важность социологии.

Едва ли нужно доказывать положительное решение первого из поставленных вопросов. Важность явлений человеческого взаимодействия следует хотя бы из того, что мы в изучении их кровно и эгоистически заинтересованы. Знание этих явлений нам нужно прежде всего с точки зрения практической. Поскольку наука была и остается одним из орудий в борьбе за существование, постольку это значение она сохраняет и в области изучения человеческих взаимоотношений. Короче—*практическая* важность изучения явлений человеческого взаимодействия несомненна.

Что же касается *теоретической* важности и ценности специального изучения явлений данного разряда, то этот вопрос решается в зависимости от решения остальных двух,

---

[1]) *А. А Чупров*: Очерки по теории статистики. СПБ. 1909. См. о значении принципа наименьшей траты сил у него же: 1 по 20 стр. *Мах*: Познание и заблуждение. Изд. Скирмунта. 459 и сл. *Риккерт*: Границы ест.-научн. образования понятий, пер. Водэна, passim.

указанных выше вопросов: если явления человеческого взаимодействия суть явления sui generis, обладающие свойствами, неимеющимися во всех остальных видах взаимодействия, то этот факт является достаточным основанием для выделения их в особый класс и для построения специальной научной теории относительно этого класса. В этом случае правильно построенная теория будет адэкватной и не будет противоречить принципу экономии сил. Если при этом окажется, что этот класс явлений не изучается никакой другой наукой, то это условие будет достаточным логическим „оправданием" существованию особой науки, посвященной его изучению.

Социология и физико-химические науки.

Можем ли мы сказать, что *явления человеческого взаимодействия представляют явления sui generis, отличные от всех других видов взаимодействия—неорганического и органического?* Очень может быть, и это весьма вероятно, что в их основе лежат процессы физико-химические и органические. Весьма возможно также, что в далеком будущем, наука сведет их к последним и объяснит весь сложный мир междучеловеческих явлений законами физики и химии. Во всяком случае, к этому нужно стремиться и сейчас. Но значит ли это, что в данный момент любой добросовестный исследователь может объяснить мир человеческого взаимодействия теоремами физико-химических и биологических наук?

Будем искренни и правдивы: такая претензия была бы мало обоснованной и тенденциозной хлестаковщиной. Пока, увы! такая попытка никому не удавалась и вряд ли скоро удастся. Правда, такие попытки были и они продолжают появляться, но печальный исход их служит лишним аргументом в пользу того, что *пока* класс явлений взаимодействия между людьми несводим к простым физико-химическим и биологическим процессам.

В качестве примера таких попыток в наше время укажу на попытки *В. Оствальда*, *Solvay'a*, *Воронова*, *Haret*, *и Ant. Portuendo y Barcelo*. В. Оствальд, Solvay и Воронов попытались выразить социальные явления в терминах энергетики и рассматривать их, как явления физико-химические. Что же из этого получилось? Мы получили ряд формул в роде того, что „сознание есть течение нервно-энергетического процесса", что „война, преступление и наказание" суть явления „утечки энергии", что „продажа-покупка — это реакция обмена",

(Оствальд [1]) что „сотрудничество есть сложение сил", социальная борьба—вычитание сил", „социальная организация—равновесие сил", вырождение—распадение сил", „правосоотношение сил" и т. д. и т. д. [2]). Все это, пожалуй и верно.

Но, спрашивается, много ли мы приобретаем от таких аналогий в деле познания социальных явлений или явлений междучеловеческого взаимодействия? Во всяком случае не больше, чем от аналогий печальной памяти „органической школы" в социологии. Все эти формулы и аналогии представляют в лучшем случае—трюизмы, в худшем—неточные сравнения.

Тот же вывод придется сделать и по адресу попыток создания „социальной механики", пытающейся все поведение людей и взаимоотношения между ними подвести под законы обычной механики физических явлений. В качестве примеров таких попыток могут служить попытки Haret и Antonio Portuendo y Barcelo. Тот и другой пытаются приложить законы механики к социальным явлениям. Тот и другой исходят из положения: „если принципы и законы механики приложимы ко всем видам силы, то, очевидно, они должны быть приложимы и к силам психическим, называемым социальными силами" [3]).

Вслед за этим они приступают к транспортировке понятий механики в область человеческих взаимоотношений. Индивид превращается в „материальную точку", окружающая его среда—сочеловеки—в „поле сил" (champ de force) и т. д. Вслед за этой установкой понятий идут теоремы в роде следующих: „увеличение кинетической энергии индивида равно уменьшению энергии потенциальной", L'énergie total de l'individu dans son champ se conserve constante à travers toutes ses modifications" [4]); „совокупная энергия социальной группы в отношении ее работы (quant à une action) в некоторый момент t_1 равна совокупной энергии, которую она имела

---

[1]) См. В. Оствальд: Философия природы, СПБ. 1903 г., *Его же*: Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaften, Leipzig, 1909 г. *Solvay*: Note sur les formules d'introduction à l'énergétique physio-et psychosociologique. Изд. Института Solvay, 1906 г.

[2]) См. Воронов: Основания социологии.

[3]) *A. Y. Barcelo:* Mecanique sociale. Revue internat. de sociologie 1915 г. 492. См. *Haret:* Mécanique sociale (1910), предисловие и passim. Несколько в ином положении находится *R. de la Grasserie*, пытавшийся создать «космосоциологию», частной ветвью которой по его мнению является homo-социология, изучающая мир человеческих взаимоотношений. См. его «*De la Cosmosociologie*», изд. Интерн. библиотеки социологии.

[4]) Ibid. 567 стр.

в первоначальный момент t_0, увеличенной совокупностью работы, которую в этот промежуток времени (t_4—t_6) произвели все посторонние группе силы, действовавшие на индивидов или элементы этой группы" [1]) и т. п.

Все это верно; но, спрашивается, что приобретаем мы нового от таких „законов социальной механики"? В лучшем случае трюизмы, в худшем случае теории и теоремы, похожие на „науки" „о сигарах весом в 10 лотов". Несомненно, глубокая правда звучит в словах A. Barcelo, что „тело индивида со всеми его органами и материальными элементами составляет систему, подчиненную законам физической механики", что „при всем желании нельзя себя вырвать (se soustraire) из под действия закона тяготения, как и всякого другого закона физической механики". Но из этого-то именно и следует, что не целесообразно и научно бесполезно строить особую дисциплину для приложения законов физической механики к людям, *рассматриваемым в качестве простых комплексов материи*. Как таковые—они стоят наравне со всеми физическими телами и несомненно подчиняются законам физики. Но отсюда же следует, что в этом случае они перестают существовать, как *люди, отличные* от *неодушевленных предметов, и становятся простой материальной массой*. Все специфически человеческое, все то, что мешает поставить знак равенства между человеком и неорганическим предметом,—в этом случае исчезает. Короче, такое познание ровно ничего не дает нам для познания социальных явлений, как явлений sui generis. „Если право есть „соотношение сил", то чем же оно отличается от соотношения сил между грузом A и грузом B, находящимися на концах рычага? Ведь и тут тоже соотношение сил; но следует ли из этого, что соотношение грузов или сил A и B есть правовое отношение? И рассеяние теплоты, благодаря лучеиспусканию, и преступление, говорят нам энергетисты, есть, „утечка энергии". Но значит ли, что всякое рассеяние энергии есть в то же время и преступление".

„Подобное изучение социальных явлений, не есть изучение социального общения людей, а изучение людей как *обычных физических тел*" [2]). Но люди не только физические тела; а еще и живые существа; и не только живые существа, но еще существа, обладающие тем, что носит название мысли, психики, сознания. Если живой организм отличается от

---

[1]) Ibid. 576.

[2]) *Сорокин:* Преступление и кара, подвиг и награда. СПБ. 1914 г Стр. 43—44. Там же подробнее об этом вопросе. См. стр. 42—45.

неорганической материи, если процессы жизни до сих пор не удалось свести к физико-химическим процессам,—что и дает основание для существования биологии,—то тем паче отличны от неорганических тел организмы, наделенные высшими формами психики, каковыми являются люди; тем труднее свести явления взаимодействия таких организмов к процессам взаимодействия мертвой материи; следовательно, тем больше оснований для существования особой науки, изучающей людей и их взаимодействие, как *человеческое взаимодействие, со всем своеобразным богатством его содержания*, а не как простое взаимодействие материальных масс. Попытка же рассмотрения их только как физических тел—вполне законная с точки зрения физика,—ведет не к познанию явлений человеческого взаимодействия, а просто к *исключению* их из поля зрения и изучения. Для физика нет людей, а есть только „материальные массы". Для него не существует ни актов подвига, ни преступления, ни добра, ни зла, ни любви, ни ненависти, ни слов проклятия, ни слов молитвы, для него даны только „массы" и „движение". Как бы ни были прекрасны его микроскопы, телескопы и спектроскопы—он не найдет в актах людей и в них самих ни „истины", ни „добра", ни „красоты", ни „убийства", ни „спасения".

Поскольку же мы хотим познать все бесконечное разнообразие этих явлений, постольку категория междучеловеческих отношений уходит из поля зрения физико-химических наук и дает почву для существования особой науки, изучающей все эти явления во всем их своеобразии [1]).

Больше того. *Если бы даже явления человеческого взаимодействия удалось свести к физико-химическим процессам, то и тогда мир человеческого взаимодействия продолжал бы оста-*

---

[1]) Для иллюстрации возьмем поведение людей и спросим себя: объяснимо ли поведение индивидов А, В, С, Д... законами механики? Сводятся ли бесчисленные акты, которые каждый из них совершает, к принципу инерции и закону тяготения? Можно ли посредством их, плюс законы рычага, плюс учение о равномерном и неравномерном движении, плюс остальные принципы механики,—можно ли этими принципами объяснить «движения» А, вступающего в брак, В, идущего в суд, С, умирающего на баррикаде, и т. д.? Способны ли эти принципы пролить свет на явления религиозные, политические, экономические, эстетические и т. д. Стоит поставить такие вопросы, как сразу же станет понятным, что, увы!—наука еще бесконечно далека от возможности сведения указанных явлений к простым физико-механическим процессам.

Не только общественное поведение людей, но самые элементарные поступки индивида, пока что, необъяснимы законами физической механики. Вот почему приходится быть в этом отношении скромным и не предъявлять смелых, но утопических претензий. Такая смелость вместо уважения делает их авторов смешными. И, думаю, заслуженно.

ваться явлением sui generis, отличным от обычных процессов неорганического взаимодействия. Здесь, mutatis mutandis, мы можем повторить слова *Отто Глезера*, высказанные им по поводу автономности биологии. „Не следует предполагать, пишет он, что доказательство чисто физико-химической природы жизненных процессов покажет, будто бы живые существа в каком бы то ни было отношении отличаются от того, что они в действительности представляют собой. Вопрос о том, может ли анализ отнять у предметов некоторые их свойства, является, конечно, вопросом праздным; и, однако, нам постоянно заявляют, что сведение жизненных явлений к физико-химической основе докажет, что живые существа, в конце концов, не живы! Анатомическое и гистологическое исследование лошади не могут показать, что животное это есть корова. Если бы мы свели его ткани к их составным химическим элементам и, не довольствуясь этим, продолжали наш анализ до тех пор, пока не показали бы, что лошадь всецело состоит из электронов, то как могло бы это показать, что лошадь не есть лошадь? Если поэтому разложение ничего не может отнять у анализируемых предметов, то ясно, что раз последние в каком бы то ни было отношении единичны и своеобразны, столь же единичными они будут и по окончании процесса разложения, как и до него. Единственный вопрос в итоге состоит в том, единичны, особенны ли живые существа или нет. На этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ“ [1]).

Перефразируя слова Глезера, мы можем сказать: „*Если бы нам показали, что люди и их взаимоотношения всецело состоят из электронов и их деятельности, то как могло бы это показать, что люди не есть люди... Единственный вопрос в итоге состоит в том, единичны-ли, особенны ли, отличны ли*

---

[1]) *Отто Глезер* Размышления об автономности биологической науки. Новые идеи в биологии. Сб. № 1. СПБ. 1913. Стр. 79—80. «Ничто не могло бы быть более физическим и химическим, чем разложение вселенной на системы электронов, продолжает тот же автор. Когда подобное разложение было бы окончено, то органический (соответственно-социальный П. С.) мир и все, что его характеризует, могло бы быть выражено в терминах электронов, если бы такой способ выражения показался удобным... Неужели, однако, не осталось бы совершенно справедливым, что водород есть водород, а кислород—кислород? Если бы даже было доказано, что эти газы представляют собой существенно сходные конфигурации электронов, они тем не менее остались бы индивидуально различными, так что желающие могли бы основать две отдельные науки—о водороде и кислороде,—при чем науки эти были бы автономны... Разложение отнюдь не уничтожает единичности, особенности там, где она существует; и заявить, что это справедливо по отношению к организму, значит, сказать плоскость». Ibid. 84—85.

от неорганических тел люди или нет. На этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ".

Все сказанное об отличии людей от неорганических тел с соответствующими изменениями *применимо и к отличию их от остальных организмов—животных и растений.* Конечно, представители homo sapiens—организмы, и к ним, как к организмам, применимы законы биологии. Но люди—не только организмы; они сверх того еще существа, одаренные психикой, сознанием, разумом, т. е. *рядом свойств, которых у остальных организмов нет.* В этом смысле они особенны и единичны [1]). В силу этого и явления их взаимодействия отличны от явлений взаимодействия остальных организмов. Первые до сих пор не удалось свести к последним. Но если бы даже социально-психическое общение людей и было сведено целиком к процессам биологическим, то. „анатомический и гистологический анализ людей и их общения не могут показать, что люди суть амебы; они не могут привести к выводу, что люди не есть люди". „Единственный вопрос состоит в том, единичны ли, особенны ли, отличны ли люди или нет. А на этот вопрос возможен лишь утвердительный ответ".

Перефразируя слова того же О. Глезера, мы можем сказать: „Удивительные процессы социально-психическаго взаимодействия и явлений сознания резко отделяют людей от мира явлений, изучаемых биологией, и образуют специфическую основу для автономности нашей науки. Автономность эта отнюдь не метафизическая или абсолютная, но чисто практическая, подобно автономности физики, химии, астрономии, геологии и биологии" [2]).

Социология и биология, в частности, экология.

Этого положения отнюдь не колеблют выросшие за последние годы отрасли биологических наук:—зоологии и ботаники, изучающие явления взаимодействия между животными и растениями и носящие название: *экологии или зоо-и фито-социологии.* Не колеблют, во-первых, потому, что они и не претендуют на сведение явлений человеческого взаимодействия к чисто биологическому взаимодействию растительных и животных организмов; во-вторых, потому, что процессы взаимодействия, с одной стороны, между жи-

[1]) См. об этом ниже.
[2]) Глезер. Ibid. 80.

вотными организмами, с другой — между растениями оказываются столь различными, что заставляют строить отдельные дисциплины зоо-социологии и фито-социологии. Тем больше оснований для самостоятельного существования homo-социологии; в-третьих, потому, что попытки „биологической школы“ в социологии свести социальные явления к биологическим, оказались безуспешными; в-четвертых потому, что сами авторы, пытающиеся рассматривать homo-социологию, как часть биологии, напр. *Ваксвейлер*, принуждены выделять явления человеческого взаимодействия в самостоятельный класс, отличный от других видов взаимодействия организмов, и создавать для его изучения особую науку—социологию [1]). Это только и важно. А там отнесут ли социологию к комиссариату биологии, как это делает Waxweiler, или будут называть ее автономным ведомством,— для сути дела безразлично . . . Вот почему зоо-и фито-социологи, с одной стороны, и homo-социолог, с другой, могут прекрасно кооперировать, не вступая в „ведомственные пререкания“ и не соперничая из за вопросов компетенции и правомочий ([2]).

Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы признать, что *явленія взаимодействія людей суть явленія sui generis, отличные от других видов взаимодействія.*

Если *люди и их взаимоотношения, рассматриваемые с точки зрения физика, как простые „центры сил“ или „комплексы матеріи“, подлежат изученію физико-химических наук, если они же, рассматриваемые как организмы, подлежат веденію биолога, то человеческие взаимоотношения, как явленія sui generis, несводимые пока к физико-химическим и биологическим взаимоотношениям и отличные от первых, дают основаніе для существования особой научной дисциплины, называемой нами социологией или homo-социологией.*

---

[1]) См. Waxweiler: Esquisse d'une sociologie. 1—87.

[2]) О фито и зоо-социологии см. Сукачев: Введение в изучение растительных сообществ, СПБ. 1915; Henslow: L'écologie au point de vue de l'evolution des vègètaux. *Scientia*, т. XIII. Приложение. 87—107. *Морозов:* Лес, как растительное сообщество, СПБ. 1913, *Его же:* Биология наших лесных пород, *Вагнер:* Социология в ботанике (Природа, 1912 г. сентябрь) и др. Я очень просил бы читателя не понимать мою критику скороспелых попыток уравнения соц. явлений с физико-химическими за критику механически-точных методов изучения явлений, свойственных «точным наукам». Как видно будет из нижеследующего, в отличие от г. г. «нормативистов», неудачливо пытающихся изобрести для социологии и социальных наук какие то особые методы, отличные от методов точных «наук о природе», я категорически признаю, что методы естеств. и соц. наук — едины, что только идя путями ест. наук социология может научно прогрессировать. Различны не методы изучения, а объекты тех и других дисциплин.

Если теперь мы покажем, что этот своеобразный мир человеческих взаимоотношений, не изучается никакой другой наукой, то этим самым существование социологии будет оправдано. Оставим пока в стороне так называемые социальные науки.

После сказанного выше едва ли нужно подробно доказывать, что явления человеческого взаимодействия,—*поскольку они резко отличны от процессов взаимодействия неорганических тел*,— не изучаются физико-химическими науками, в частности, физической механикой.

Сложнее стоит вопрос в отношении биологии. Если само по себе очевидно, что мир человеческого взаимодействия не изучается такими биологическими дисциплинами, как морфология, анатомия и физиология, имеющими дело не *с междучеловеческими процессами*, а *с явлениями, даннымі в пределах (или внутри) человеческого организма*, то иначе обстоит дело *с экологией*, как ветвью биологии. „Под экологией, по определению Геккеля, разумеется наука, изучающая *отношения организма к окружающей его внешней среде*, в смысле совокупности условий существования. Эти условия частью органические, частью неорганические". Сообразно с этим экология изучает: 1) *отношения организма к среде космической* (неорганической), 2) *отношения первого к среде органической*, т. е. *явления взаимодействия между организмами* (1). В настоящее время, как выше было указано, часть экологии, изучающая взаимоотношения организмов друг к другу, распалась на две ветви: на *зоо-социологию*, имеющую своим предметом взаимоотношения животных друг к другу, (животные сообщества) и *на фито-социологию*, исследующую взаимоотношения растений друг к другу (растительные сообщества) (2).

Как видим, экология имеет объектом изучения класс явлений, аналогичный тому, какой является предметом социологии. И тут, и там изучаются факты взаимодействия. И тут, и там подвергаются исследованию процессы взаимодействия организмов (ибо и homo sapiens есть также организм).

---

1) *Haeckel*: Generelle Morphologie der Organismen, т. I. Berlin, 1866 г., 286.

2) «По аналогии с социологией, задачей которой является изучение взаимодействий между членами общества,.. нашу отрасль знания, изучающую также внутренние взаимодействия в растительных сообществах, их виды, формы и их генезис, можно назвать фито-социологией». *Сукачев:* Введение в учение о растительных сообществах. СПБ. 1915. 119—120.

Спрашивается, поэтому, *не поглощается ли социология экологией?* Не претендует ли социология на место, раньше занятое последней? Короче, не изучаются ли явления человеческаго взаимодействия, помимо социологии, экологией?

Ответ на эти вопросы должен быть таков. *Если* люди *ничем не отличаются от амеб и др. организмов*, если они не обладают специфическими свойствами, главным образом, в виде ряда психических свойств, если поведение и психика их может быть сведена к тропизмам и таксисам, к простой раздражимости протоплазмы и к рефлексам, если мир человеческаго взаимодействия тождественен с миром взаимоотношений остальных организмов, короче — *если можно поставить знак равенства между человеком и амебой или другим организмом, между человеком и растением, — тогда да, тогда никакой особой homo-социологии не нужно*, тогда учение о взаимодействии людей целиком войдет в зоо- и фито-социологию ...

Если же дело обстоит иначе, *если нельзя поставить знак равенства между человеком с одной стороны, парамецией, муравьем, рыбой и оранг—утангом — с другой*, если нельзя отождествить homo sapiens с растением, если соответственно с этим — нельзя сказать, что колония полипов, муравьиная куча, рой пчел или лес по существу тождественны с человеческим „обществом", *тогда ответ будет иным*, тогда мир человеческих взаимоотношений придется выделить в особый класс, тогда рядом с зоо- и фито-социологией придется создать homo-социологию. Тогда существование homo-социологии наряду с фито и зоо-социологией будет необходимо.

Дилемма ясна и в выборе едва ли можно колебаться. Сами биологи, вплоть до Леба и др. крайних механистов, уподобляющих человека машине, признают, что это машина sui generis; а отсюда следует, что явления человеческого взаимодействия образуют специальный разряд явлений, требующий для своего изучения особой дисциплины. Ваксвейлер, конструирующий социологию, как часть биологии, целиком исходящий из принципов Леба и др. крайних механистов в биологии, принужден выделить явления человеческого взаимодействия из других экологических явлений, конструировать их в особый класс (явления de l'affinité social, как вид явлений de l'affinité specifique) и сообразно с этим строить социологию, как особую ветвь экологии [1]).

---

[1]) См. Esquisse d'une Sociologie, 51—87. В мире взаимодействия растений, говорит он, нет ни малейшего следа *affinité social*. 72. Sociabilité. далее пишет *Ваксвейлер*, свойственна только человеку. В силу этого «сравнитель-

Для сути дела безразлично, назовут ли социологию особой ветвью экологии или признают ее самостоятельным министерством, важно то, что явления, изучаемые ею, суть особые явления, не похожие на другие экологические процессы. А этот факт, как видим, в весьма определенной форме признают и те, кто социологию рассматривают, как ветвь экологии.

Если различие явлений взаимодействия в мире растений и в мире животных заставило размежеваться зоо-социологию от фито-социологии, то тем больше оснований для выделения homo-социологии, изучающей факты, несравненно резче отличающиеся от зоологических и ботанических форм взаимодействия.

Вот почему, и с точки зрения механистов, и с точки зрения виталистов с спокойной совестью можно сказать: *зоо-и фито-социология не только не делают излишней homo-социологию, но напротив они требуют ее существования.*

Этого же требуют и методологические соображения: для науки важно не только сходство явлений, но и их различие. При наличности последнего—а оно здесь на лицо,—было бы нецелесообразно классы явлений, отличные друг от друга, объединять в одну группу [1]).

ная социология людей и животных не может осветить (èclairer) человеческую социологию, как таковую». «Социальные отношения, в виде sociabilité, не существуют у животных; вот почему сравнительное изучение социальных отношений животных и людей неизбежно бесплодно». Il suit encore de là продолжает он, que si l'on adopte en sociologie la méthode logique qui consiste à aller du simple au composé, les faits sociaux primaires ne seront pas, dans l'ensemble, fournis par la sociologie comparée anthropozoologique, mais plutot par la sociologie comparée purement humaine; un sentiment social aussi complexe que «la confiance», n'aura pas son homologue simple chez les animaux mais chez des hommes à sociabilité peu developpée: une combinaison sociale aussi puissante qu'un trust, sera comparable a une autre forme d'association humaine, non pas à une fourmilière. Si l'on veut chercher dans la sociologie animale le phénomène correspondant à une cooperative de consommation et que l'on apporte un cas de symbiose, on tombe donc dans l'analogie méthaphorique, pour ne pas dire dans le ridicule». Стр. 82—84.

Такие решительные утверждения, по существу вполне правильные, в устах сторонника Леба и др. механистов, лучшее доказательство того, что мир человеческих взаимоотношений пока что не сводим к другим экологическим явлениям.

[1]) Не останавливаясь здесь подробнее на вопросе: чем отличаются факты междучеловеческого взаимодействия от аналогичных явлений, данных в мире животных и растений, — ибо с этим вопросом не раз придется иметь дело в дальнейшем»—«сказанного, надеюсь, достаточно, чтобы признать это различие на лицо Тех же, кто в этом различии сомневается, прошу поверить мне в этом пункте «в кредит»; достаточные доказательства будут приведены ниже.

Что касается, наконец, *общей части биологии*, то и она не является той дисциплиной, которая изучает явления человеческого общения и делает существование социологии излишним. Это имело бы место лишь в том случае, если бы оказалось верным положение „органической школы“ в социологии, что „общество есть организм“ и потому процессы человеческого общения тождественны с процессами организма. Но, как известно, „органическая школа“ безвозвратно погибла: окончательным ее поражением был тот провал, который постиг ее на третьем международном конгрессе социологии, в 1897 году. Здесь выступали в ее защиту все крупные представители этой школы. И, однако, защита оказалась безуспешной: конгресс вынес абсолютно обвинительный приговор органической школе и всяким попыткам отождествления явлений человеческого общения с организмом и его процессами. „Пусть нам процитируют хоть один пример прогресса социальной науки, обязанный своим бытием аналогиям органической школы! Социология совершенствовалась и совершенствуется благодаря сравнениям различных человеческих обществ, а не благодаря бесплодному сравнению обществ вообще с живыми организмами“, говорил здесь Тард, подводя итоги критике органической школы [1]).

Итог всего сказанного тот, что 1) *явления человеческого взаимодействия пока что несводимы к чисто биологическим процессам*, 2) *если даже они будут сведены, то от этого анализа они не перестанут быть процессами sui generis, ибо никакой анализ не может показать, что люди не есть люди и что человек есть амеба*, 3) *в силу этого изучение этих явлений требует особой дисциплины*, 4) *биология искомой дисциплиной не является*, 5) *таковой должна быть социология или хото-социология*.

Социолог может и должен строить свою дисциплину на данных биологии, он обязан считаться с ними; больше того, там, где это возможно, он должен сводить изучаемые им процессы к их биологическим основам, но было бы ошибкой думать, что это сведение без остатка может быть

---

[1]) См. *Tarde*. La théorie organique des sociétes. Annales de l'Inst. intern. Sociologie. т. IV, 237—8. К данному же тому «Анналов» я отсылаю всех, желающих познакомиться с «органической школой» и критикой ее положений. Он подводит итоги с одной стороны, всем результатам, достигнутым органицистами в области социологии, (доклады Лилиенфельда, Новикова, Вормса), с другой—весьма четко указывает всю бесплодность метода и направления органицистов (доклады Тарда, Л. Штейна и др. критиков этой школы).

выполнено теперь, и что оно позволит поставить знак равенства между homo-социальными явлениями, с одной стороны, фито-и зоо-социальными процессами, с другой.

Социология и индивидуальная психология.

Теперь обратимся к социальным наукам и к наукам о духе и спросим себя: *не изучают ли они* процессы человеческого взаимодействия. Здесь, в первую очередь, встает вопрос об отношении социологии *к психологии* — индивидуальной и коллективной.

Исходя из того факта, что взаимодействие людей по своей природе есть прежде всего взаимодействие психическое,— обмен чувствами, идеями, волевыми импульсами,—многие социологи, принадлежащие к так называемой „психологической школе", делали два основных вывода: 1) социология должна опираться на психологию, 2) социология есть ничто иное, как коллективная психология.

Верны ли эти положения? Обратимся сначала к индивидуальной психологии. Спросим себя: изучает ли она явления человеческого взаимодействия? Ответ придется дать отрицательный. *Объекты социологии и индивидуальной психологии различны.* Последняя не изучает явления „интерментальные", „междучеловеческие," а представляет дисциплину, исследующую состав, строение и процессы индивидуальной психики или сознания. Я довольно точно выражу свою мысль, если скажу, что между психологией и социологией дано то же отношение, какое существует в биологии между анатомией, морфологией и физиологией организмов—с одной стороны, и экологией (фито- и зоо-социологией)—с другой. Как первые дисциплины изучают явления, данные в границах организма, а не между-органические отношения, так и психология имеет своим предметом явления, заключенные в пределах индивидуальной психики, а не между-психические или интерментальные процессы. Подобно анатомии психология „анатомирует" индивидуальную психику, разлагая ее на элементы—волю, интеллект, чувства—эмоции,— подобно физиологии она изучает процессы, данные в пределах индивидуальной души, наконец, подобно морфологии и систематике она дает классификацию „психологических типов" (типы характеров, типы псих. темпераментов и т. д.), но ее компетенция не выходит за пределы индивидуальной души или сознания. „Между-психические" процессы общения, взаимные акции и реакции людей ее не интересуют.

Они стоят вне ея царства, как вне царства анатомии, физиологии, морфологии и систематики стоят экологические явления, изучаемые фито-и зоо-социологией.

Конкретный пример уяснит указанное различие. „Социальный факт, говорит Dupréel, нельзя свести к чисто психическому, и нельзя объяснить его одной психологией. Покажем это на примерах: сумасшествие (la folie) есть факт психологический и биологический: он интересует также и социальную жизнь. Психолог изучает состояние сознания сумасшедшего, он сравнивает его с состояниями сознания более нормальными. Он занимается также действиями сумасшедшего, но он интересуется ими лишь постольку, поскольку эти действия суть показатели психического состояния. Биолог также изучает состояние органов и интересуется актами сумасшедшего, но лишь постольку, поскольку они являются симптоматическими показателями.

Все меняется как только сумасшедствие начинает изучаться с точки зрения социологической. Что именно происходит в душе и в теле сумасшедшего для социолога не важно: не в этом для него главный вопрос. То, что для него важно, это—с одной стороны *природа симптомов, согласно которым общество признает данного человека сумасшедшим;* с другой—*это следствия сумасшествия.* Если сумасшедший в буйном помешательстве ломает мебель, психиатру не важны ни величина убытка, причиненного этими актами, ни чувства и действия, которые этот факт вызовет у собственника разбитой мебели. И обратно, умственное состояние сумасшедшего важно для общества, а следовательно и для социолога лишь по причине следствий, которые с ним связаны. Сумасшествие с точки зрения социологической представляется определенным видом умственных состояний, неизбежно или потенциально связанных с определенными актами, чаще всего убыточными для общества или лиц, близких к сумасшедшему“ [1]).

Таково основное различие между точками зрения или объектами психологии и социологии.

Это различие не могут не признать и виднейшие представители „психологической школы“ в социологии. „Охотно соглашаюсь, говорит Тард, что обычная психология не способна распутать клубок социальных фактов“ [2]).

[1]) *Dupreel:* Sociologie et psychologie. Instituts Solvay. Bulletin mensuel Янв. 1911 г., 180—6. См. также *Зиммель:* Проблема социологии: Нов. идеи в социологии Сб. № 1. 136—141.

[2]) *Тард:* Психология и социология. Новые идеи в социологии. Сбор. № 2, СПБ. 1914, 70.

Отсюда его стремление создать „интерментальную“ или взаимную психологию, которая, по его мысли, и должна явиться основной частью социологии. „Я разумею, говорит он, не „обычную психологию“, к которой можно относиться с заслуженным ею пренебрежением, но то, что я позволю себе назвать в дальнейшем изложении—„взаимной психологией“ (interpsychologie)... Между-психология или междулогика являются, в сущности, элементарной социологией, которая одна только и может объяснить социологию сложную или социологию в тесном смысле слова“ [1]). Под объектами последней—социологии в тесном смысле слова—он разумеет определенный вид между-психических отношений. „Не все между-психические отношения суть общественные явления, говорит он. Для того, чтобы быть общественными явлениями, эти отношения должны заключаться в воздействии одного я на другое или на другие или предполагать такое воздействие“ [2]).

Как видно отсюда, интерпсихология или социология Тарда наука совершенно отличная от „обычной“ или индивидуальной психологии. Объекты, задания, содержание и характер их совершенно различны [3]).

Сказанного достаточно, чтобы признать, что *области явлений, изучаемых психологией и социологией* (или интерпсихологией Тарда), *совершенно различны* и не дают ни малейшего основания для их смешения или отождествления. „При наложении друг на друга“ они не совпадают и не покрываются взаимно [4]).

---

[1]) *Тард* Ibid. 69—78.

[2]) *Тард* Теория психических воздействий. Русская высшая школа общ. наук в Париже СПБ. 1905 г., 5.

[3]) *Тард* правильно понял и аналогию социологии или интерпсихологии с зоо и фито-социологией «Чтобы яснее выразить мою мысль, говорит он, не лишнее будет сопоставить науку, о которой я говорю, с той, которую можно было бы создать под названием *интер-физиологии* или интер-биологии и которая симметрически соответствовала бы ей Можно сказать, впрочем, что эта отрасль биологии уже существует... Происхождение видов, рассматриваемое согласно Дарвиновским принципам борьбы и естественного подбора, есть не что иное, как обширный и непрерывный *интер*-физиологический процесс (а не *интра*-физиологический, как воображают иные глубокомысленные естествоиспытатели). Изучение микробов в их взаимных отношениях к крупным организмам есть также обширная и имеющая богатую будущность отрасль интер-физиологии». Теория псих. воздействий. 10.

[4]) В связи с борьбой «социологической» и «психологической» школы вопрос о взаимных отношениях социологии и психологии, как это часто бывает при спорах, совершенно не основательно был осложнен. В споре были затронуты многие проблемы, прямого отношения к делу не имеющие и носящие преимущественно методологический характер напр., о месте психологии

Социология и коллективная психология.

Что касается отношения социологии к *коллективной или социальной психологии*, или, как ее иначе называют, к „психологии народов“ (Volkerpsychologie), то для решения вопроса надо условиться, что под ней понимается. Изучая то, что фактически дано под этими именами, мы должны сказать, что объекты их если не вполне, то частично совпадают. Так, с точки зрения Сигеле, коллективная психология изучает такие явления человеческаго взаимодействия, единицами которого являются индивиды „неоднородные“ и „имеющие слабую органическую связь“ (Толпа, театральная публика, съезды, случайные собрания и т. п.) В таких группах взаимодействие принимает иные формы, чем в аггрегатах „однородных и органически соединенных“. Это обстоятельство, по мнению Сигеле, служит основой для образования коллективной психологии, отличной от социологии, которая по Сигеле, якобы изучает только взаимодействие „однородных“ и „органически связанных“ между собою единиц [1]).

Такова же точка зрения и Де-ля-Грассери, по мнению которого об'ектом коллективной психологии служат аггрегаты случайные, неорганизованные, не обнаруживающие ни дифференциации, ни координации, ни постоянства отношений. Аггрегаты организованные—объект социальной психологии [2]).

По мнению Г. Лебона, коллективная психология есть наука, изучающая „души рас“ [3]). Большинство итальянцев,

---

и социологии в классификации наук Конта, о том, следует ли объяснять социальные процессы, исходя из свойств индивидуальной психики, или наоборот—последнюю следует объяснять, как функцию социальных процессов, индивид или общество являются реальностью и т. д..

Эти споры, основанные гл. обр. на недоразумении, и прямого отношения к данному вопросу не имеющие, будут затронуты ниже, в различных отделах «социологии». Здесь же достаточно указаного различия между социологией и психологией

См. об этих спорах: *Сорокин*: Границы и предмет социологии. Новые идеи в социологии. Сб. № 1. 102—108 Новые идеи в социологии, Сб № 2: «Социология и психология», сборник, специально посвященный этому вопросу (ст. *Де-Роберти, Дюркгейма, Тарда, Лолле, Дракическо, Паланта*). См. также *Baldwin*: Psychologie et sociologie (l'individu et la societè). Изд. Междун. социол. библиотеки.. Соответственные места в работах Уорда, Дюркгейма, Коста, Леви-Брюля, Бугле и др.

[1]) *Сигеле:* Преступная толпа. СПБ. 1896 г. 3—17.

[2]) *Де-ля-Грассери:* De la psychosociologie. Revue de sociologie. 1912 г. № 3, 163 и сл.

[3]) *Лебон:* Психологич. законы эволюции народов. СПБ. 1906 сл. «Душа рас».

*

помимо коллективной психологии и социологии, различают еще социальную психологию. Так, по Росси, коллективная психология изучает взаимодействие, данное в случайных аггрегатах, (в „толпе"), возникающее на почве синестезии (sinestesia collettiva); социальная психология изучает „душу народа или расы", т. е. душу устойчивых аггрегатов; социология же является венцом той и другой науки, имея своим объектом „социальное взаимодействие (il concorso sociale mutuamente consentito), сначала бессознательно-автоматическое, а потом все более и более сознательное" [1]).

Близко смотрят на дело Ф. Сквилаче, Кольмо, Гроппали и др. Тард, как мы видели, вместо коллективной психологии строит психологию интерментальную, отождествляя ее с социологией [2]).

Из этого краткого обзора понятий коллективной или социальной психологии следует: 1) если она ставит своей задачей изучение всех основных форм взаимодействия между людьми и явлений возникающих в процессе этого взаимодействия, т. е. то же, что, согласно данному выше определению, изучает и социология, то, очевидно, она сольется с последней и одно из этих двух названий будет излишним. Которое? — совершенно безразлично, ибо суть дела не в названии, а в самом характере науки. В этом случае я предпочитаю название социологии. 2) Если под коллективной или социальной психологией понимают то, что понимают под этими терминами Сигеле, Грассери, Тард, Росси, Сквилаче и др., то, очевидно, она будет просто на просто главой социологии, как науки, изучающей все основные формы взаимодействия между людьми.

Так разрешается вопрос о взаимоотношении социологии и коллективной, социальной или интерментальной психологии.

---

[1]) *P Rossi*: Psicologia collettiva. Milano. 1900. 213. Sociologia e psicologia collettiva. 2 изд. 99—112, 145—149.

[2]) *Тард*· Теория психич. воздействий. «Термин: социальная или коллективная психология кажется мне неудовлетворительным. Он может повести к недоразумениям, п. ч. мистические умы стремятся прикрыть этим ярлыком понятие об обществе, как о каком то гигантском мозге, составленом из наших маленьких мозгов и обладающем особым социальным «Я», отличным от наших индивидуальных сознаний. Кроме того, этот термин остается темным и неясным и относится только к одной из разновидностей обширного класса и т. д. Вот почему я нахожу, что нужно говорить не об изучении коллективной или социальной психологии, а об изучении другой науки, более общей и более точной, которую я называю интер-психологией» (interpsychologie). 3—5.

Социология и специальные дисциплины, изучающие взаимоотношения людей.

Теперь остается рассмотреть *взаимоотношение социологии и отдельных социальных наук*, изучающих тот же разряд явлений, который изучается и социологией.

Возьмем ли мы политическую экономию, или науку права, или науку о религии, или дисциплину, изучающую искусство, все они, как и другие „социальные" науки, изучают явления человеческаго взаимодействия. Dupreel вполне правильно указывает на то, что „основные понятия права сводятся к понятию социального отношения" (или взаимодействия). Отношение вверителя к должнику, господина к рабу, супруга к супругу—все это частные виды междучеловеческих взаимоотношений или взаимодействий. „Явление собственности представляет не простое отношение хозяина к вещи, но отношение между собственником и другими членами общества". То же приложимо и к явлениям, изучаемым административным, государственным, уголовным правом и т. д Короче—„всякое правовое отношение—это вид социального взаимоотношения, рассматриваемый со специальной точки зрения" [1]). Л. И. Петражицкий прекрасно показал, что сами объекты права суть человеческие акты (делания, неделания и терпения), взаимные акции и реакции людей между собою [2]). Короче, наука права изучает специальный вид явлений человеческаго взаимодействия.

То же может быть сказано и о политической экономии Объект последней—совместная хозяйственная деятельность людей [3]) т. е. определенный вид взаимодействия людей в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. Такие явления, как взаимоотношения спроса и предложения, как отношения, возникающие на почве ценности, как само явление ценности и т. д., по справедливому указанию Дюпрееля, суть частные виды социальных отношений или взаимодействия людей [4]).

То же может быть сказано и о других социальных науках: о науке нравов, морали или этике, науке о религии,

---

[1]) См. *E. Duprèel*: Le rapport social. (Essai sur l'objet et la méthode de la sociologie). Paris. 1912. гл. IV, 48—113.

[2]) См. *Петражицкий*· Теория права. т. I и II. Passim.

[3]) См. курсы политической экономии: *Туган-Барановского, Чупрова, Железнова, Мануйлова, Каблукова и др.* См. в особенности *Р. М. Орженцкій.* Понятие об эк. явлении. 1903.

[4]) См. подробнее Dupreel: Le rapport social. 56—70.

об искусстве, и т. д. Наука нравов изучает коллективные способы мышления и действования людей. Мораль—определенный вид человеческаго поведения и дает рецептуру должного взаимоповедения; эстетика изучает явления взаимодействия, складывающиеся на почве обмена эстетическими акциями и реакциями (между беллетристом и читателем, актерами и зрителями, художником и толпой, пианистом и слушателями и т. д.) Наука о религиозных явлениях имеет своим объектом процессы взаимодействия верующих, объединенных общностью верований, идей и чувств, превращающей верующих в коллективное целое, называемое церковью, и т. п. [1]).

Короче, так называемые „социальные науки“ изучают тот или иной вид взаимодействия людей.

Раз дело обстоит так, раз объекты социологии и социальных наук если не вполне, то частично между собой тождественны, спрашивается: в каком же отношении стоит к ним социология? Является ли она *простым ярлыком*, обозначающим совокупность всех социальных дисциплин, или же она имеет *самостоятельное существование, как независимая*, не сливающаяся ни с одной из социальных наук отрасль знания?

Что касается основных взглядов, данных в социологической литературе по этому вопросу, то их можно разделить на две-три главные группы: 1) взгляд, считающий социологию лишь *corpus'ом всех социальных наук* (социология представляет простой термин, обозначающий совокупность всех отдельных наук, изучающих мир социальных явлений); 2) взгляд, отводящий социологии в качестве ея объекта определенный вид социального бытия, *не изучаемый другими науками* и 3) взгляд, признающий социологию самостоятельной наукой, которая изучает *наиболее общие родовые свойства* явлений человеческого взаимодействия.

Разсмотрим каждый из этих взглядов. Примером первой точки зрения могут служить первоначальные мнения Дюркгейма и его сотрудника Фоконнэ. „Социология, говорят они, есть и может быть лишь системой, corpus'ом социальных наук“ [2]).

---

[1]) См. подробнее об этом у Dupreel'a ibid. 70—113.

[2]) См. *Durkheim*: Sociologie et sciences sociales. Revue philosophique. 1903 г., 465 и сл. Я пишу: «первоначальные мнения Дюркгейма» потому, что позднее он, повидимому, изменил свои взгляды по этому вопросу. В другой статье, под тем же названием, напечатанной в сборн. «Метод в науках» он уже допускает существование «общей социологии», изучающей то, что составляет единство этого (социального) рода, что характеризует социальный факт in abstracto» «Метод в науках». Изд. «Образования». стр. 233. Позднее

Примерами второй точки зрения могут служить мнения Зиммеля, Буглэ, Гумпловича и др.

Третья точка зрения, разделяемая едва ли не большинством социологов, представлена М. М. Ковалевским, Де-Роберти, Де-Грефом, Уордом, Морселли, Эллвудом, Кареевым, Дюркгеймом (в позднейшую стадию), Вормсом и др.

Остановимся на этих взглядах. Мотивы первого мнения таковы. „Социальный мир, пишут Дюркгейм и Фоконне, есть мир бесконечный, о котором нельзя составить ясного, не искаженнаго представления, пытаясь охватить его разом и во всей полноте, ибо в таком случае надо заранее согласиться на ознакомление с ним лишь в главных, общих очертаниях, надо удовольствоваться самым смутным познанием его. А потому необходимо, чтобы каждая часть его изучалась отдельно; каждая из них достаточно обширна для того, чтобы быть предметом целой науки“ [1]).

Эти мотивы правильны. Разделение труда между науками в целях более детального изучения явления—вещь необходимая и неизбежная. Но отсюда вовсе не следует то заключение, которое делают авторы цитаты. Специализация и дифференциация наук, как увидим ниже, не только не исключают, а напротив, требуют синтетическую науку, обобщающую основные результаты анализа; во вторых, если бы социология была *только* простым corpus'ом социальных наук, то она превратилась бы в *пустое слово*, в *этикетку*, напрасно вводящую в заблуждение наивных людей. В качестве такой этикетки, лишенной своего собственнаго содержания, она была бы совершенно излишней. „В результате явилось бы только новое имя, между тем как все, обозначаемое им, уже установлено по своему содержанию и своим отношениям или же вырабатывается в границах старых областей исследования“ [2]).

Как видим, первый взгляд приходится отвергнуть.

Обратимся ко второму. Этот взгляд сходен с третьим в том, что оба они признают социологию, как самостоятельную дисциплину, не сливающуюся с другими, специальными науками о социальных явлениях. Различие их между собою состоит в том, что второе из указанных выше решений

он еще более категорически высказывается на этот счет и обвиняет Ришара в искажении его взглядов. Дюркгейм пишет: «утверждение Ришара о том, что по Дюркгейму общая социология невозможна—радикально ошибочно». «Возможность общей социологии я не отрицал и не отрицаю». См. L'annee sociologique, т. XII, (1913 г., Paris), стр. 1.

[1]) *Дюркгейм и Фоконне.* Revue philos., 474.

[2]) *Зиммель:* Проблема социологии. Нов. идеи в социологии. Сб. № 1. 111.

обосновывает эту самостоятельность социологии на своеобразии ее объекта: этим объектом должны быть явления, не изучаемые другими социальными науками. Социология должна иметь „свой угол“ для исследования. Это своеобразие об'екта социологии дает ей автономность и превращает ее в специальную же дисциплину, отличную от всех остальных социальных наук. Третий взгляд, в отличие от второго, обосновывает самостоятельность социологиии не на том, что она должна обрабатывать „свой клочек“, не вспахиваемый и не разрабатываемый другими дисциплинами. Но на том, что существование специальных наук, изучающих отдельные стороны мира человеческаго взаимодействия, делает необходимой науку, которая изучала бы родовые свойства, общие всем явлениям или сторонам человеческого взаимодействия.

Ее объектом являются те же явления, части которых изучаются специальными науками, но под иной точкой зрения: социология берет их во всей их целокупности, глобально, и фиксирует свое внимание лишь на том, что между ними есть общаго, свойственного всем видам социальных явлений. Воспользуемся аналогией. На фабрике каждый рабочий имеет свое дело и выполняет ту или иную специальную функцию. Однако, это разделение труда не только не делает не нужной работу директора или правления, которое ведает всем предприятием, устанавливает общий план работ и сметы, наблюдает и координирует работы всех специалистов и рабочих, короче ведает фабрикой, как целым единством, но напротив, требует такой систематизирующей и синтезирующей деятельности. Без нее все дело пойдет вкривь и вкось, и фабрика развалится. То же применимо и к области взаимоотношения социологии к частным социальным наукам. Роль специалистов здесь играют последние, роль правления или директора—социология. Таково обоснование автономности социологии согласно третьему из указанных взглядов.

Рассмотрим каждый из них. В качестве наиболее типичного примера второго решения возьмем теорию *Зиммеля*. По его мнению, объектом социологии являются *формы* общения. Вся „материя“ социальных явлений, говорит он, уже захвачена и изучается другими социальными науками. Здес социологии нечего делать. Если, однако, она хочет жить самостоятельно, она должна иметь свой „клочек“ для разработки. Единственным подобным „клочком“, не разрабатываемым другими дисциплинами, являются сами „*формы общения*“, которые до известной степени, независимы от „материи“ или „содержания“ явлений взаимодействия. Подобно тому,

как одни и те же геометрические формы, напр., шар, могут быть наполнены разным содержанием, и обратно—одно и то же содержание (материя) может заключаться в различных геометрически пространственных формах—так одни и те же формы общения или взаимодействия людей могут в одном случае выступать с одним содержанием, в других—с другим, и обратно. „В общественных группах, самых несходных по целям и по всему их значению, мы находим все же одинаковые формы отношения личностей друг к другу. Главенство и подчинение, конкуренция, подражание, разделение труда, образование партии, представительство, одновременное развитие сомкнутости внутри и замкнутости во вне и бесчетное множество других явлений встречаются в государственном общежитии, и в религиозной общине, в шайке заговорщиков и в экономическом товариществе, в художественной школе и в семье. *Как бы ни были многообразны интересы*, которые вообще приводят к этим обобществлениям,—*формы, в которой они совершаются, могут быть одинаковы.* И с другой стороны: *одинаковый по содержанию интерес может представиться в весьма разнообразно оформленных обобществлениях, напр.*, экономический интерес реализуется путем конкуренции и путем планомерной организации производителей; тождественные религиозные жизненные содержания требуют где свободной, где централистической формы общежития; интересы, заложенные в основе отношений полов, находят удовлетворение в необозримом многообразии семейных форм“ и т. д. [1]).

„Социология продолжает Зиммель, как учение об общественном бытии человечества, которое и в бесконечно многих других отношениях может быть объектом науки, относится таким же образом к остальным специальным наукам, как к физико-химическим наукам о материи относится геометрия [2])

Такова сущность точки зрения Зиммеля. Сходна с ней позиция и Бугле [3]).

Другие социологи, в принципе стоя на той же позиции, в качестве особого объекта социологии выдвигают другие признаки. Так, Гумплович видит такой объект социологии „в движениях человеческих групп и в взаимном влиянии их друг на друга“ [4]).

---

[1]) *Simmel*: Soziologie. 1908. 8—9.

[2]) *Simmel*. Jbid. 12.

[3]) *Bouglè*: Les sciences sociales en Allemagne. Paris. Alcan 160.

[4]) *Гумплович*: Un programme de sociologie. Annales. т. I, 76, 104. Социология и политика. 1895. 50 и сл; Основы социологии; СПБ. 1899, 112 и сл.

Приемлемо ли, спрашивается, такое решение вопроса о взаимоотношении социологии к остальным социальным наукам?

И да, и нет. Поскольку явления, называемые Зиммелем „формой общения", охватывают совокупность свойств, принадлежащих всем различным „по содержанию" явлениям человеческаго общения, постольку его позиция приемлема; но она в этом случае сводится к третьей точке зрения. Поскольку же под формами общения разумеется класс явлений sui generis, не изучаемый другими науками и делающий социологию *специальной* наукой, подобной другим социальным наукам, поскольку социология в этом случае является не наукой „генерализирующей" (по выражению Риккерта) или наукой „номотетической" (по терминологии Виндельбанда), а дисциплиной частной, обрабатывающей „частичный уголок" явлений взаимодействия людей, постольку точку зрения Зиммеля придется отвергнуть. Допустим, что Зиммель прав, что „формы общения" действительно даны, как нечто отличное от материи или содержания явлений общения. Допустим далее, что для изучения первых будет создана особая наука. Что из этого следует? Только то, что к числу существовавших специальных наук прибавится еще одна специальная. Но отсюда вовсе не следует, что не нужно „генерализирующей" науки об общих свойствах социальных явлений; не следует и то, что эта добавочная специальная дисциплина может выполнять функции „генерализирующей" науки или встать на ее место. Появление такой добавочной ветви знания соответствовало бы увеличению рабочих специалистов фабрики добавочным рабочим специалистом, но оно отнюдь не покрывало бы собой потребности предприятия в директоре или в правлении. Без последних, выполняющих направляющие, „генерализирующие" функции, предприятие не может обойтись. Подобно этому (как сейчас я покажу,) без „генерализирующей" дисциплины не может обойтись и совокупность частных наук об явлениях человеческого взаимодействия. Поэтому, „социология" Зиммеля, поскольку она была бы специальной дисциплиной, не устраняла и не устраняет необходимость „генерализирующей" науки о родовых свойствах явлений человеческого общения.

Своей попыткой Зиммель в лучшем случае создал бы добавочную частную науку, названную им социологией, и только.

Но и этого фактически нельзя сказать о конструкции германского социолога. Мнимая убедительность Зиммелев-

ского построения всецело покоится на метафорических оборотах его терминологии, в частности, на излюбленном немцами противопоставлении „формы“, и „материи“. Эти термины уместны в области художественных явлений, а не в области понятий, имеющих дело с явлениями общения. Стоит проанализировать эти „воззрительные“ выражения, и вместо „подкрашенных незнакомок“ под ними окажутся чрезвычайно старые знакомые вещи; „форма“ превратится в более широкое, обусловливающее понятие (родовое), „материя“—в обусловленное первым видовое понятие. Так, понятие „человек“ является формой для понятия „мужчина“, а мужчина—материей по отношению к первому понятию. Отсюда вывод: едва ли правильно противопоставление „формы“ и „материи“, как чего то совершенно разнородного. Штаммлер, весьма охотно кокетничающий с этими терминами, при попытке отдать себе отчет в них, принужден придти к этому же выводу и таким образом лишить свои построения прелести „новизны“ [1]).

То же приходится сказать и о Зиммелевском противопоставлении материи и формы. Его построения в этом смысле или принципиально негодны, или же сведутся к тому, что „формы“ Зиммеля представят обусловливающие понятия, „материя“—обусловленные. Принципиально негодны они в силу необоснованности аналогии с геометрическими формами. Геометрия может и должна говорить о формах, ибо она имеет дело с пространством. Ея объект по существу „воззрительный“. В явлениях же общения людей положение вещей совершенно иное. Разве власть или подчинение, разделение труда или конкуренция, имеют какую-нибудь воззрительно-пространственную форму? Треугольны они или круглы? Широки или узки? Плоски или выпуклы? Эти категории совершенно не приложимы к этим понятиям, как

---

[1]) «Чтобы иметь отчетливое представление о высших понятиях, пишет *Штаммлер*, необходимо критически выяснить следующие вопросы: какие составные части можно мысленно отбросить, сохраняя в то же время, самое понятие, под которое подводится рассматриваемое представление, и при устранении каких элементов, наоборот, исчезает совершенно и данное понятие? Эти последние элементы дают *форму* понятия, первые же относятся к его *материи*». Иными словами «элементы первого порядка суть элементы *обусловливающие*, вторые же суть элементы *подлежащие определению*». Общее понятие права будет формой для различных частных правовых постановлений: эти последние будут материей по отношению к первому.

Штаммлер: Хозяйство и право, т. I. СПБ, 1907, 122. Еще яснее та же мысль, что форма суть родовое, обусловливающее понятие, а «содержание» или «материя» видовое или частное, выражена им в его: Theorie der Rechtswissenschaft. Halle. 1911, 7 и сл.

неприложимы они и к дифференциации, к солидарности и т. д. А, ведь, раз проводится аналогия, должна же она иметь какое либо сходство! Здесь его нет, поэтому все аналогии с шаром и т. д. приходится признать простыми метафорами, лишь затемняющими, а не уясняющими суть дела.

Совершенно ошибочным, далее, является положение, будто бы могут быть одни и те же формы общения с совершенно различным содержанием, и обратно—одно и то же содержание общения в различных формах. Прекрасное подтверждение этой ошибочности дает никто иной, как сам Зиммель на протяжении всего курса своей: „Soziologie".

Перед нами „форма общения" в виде явлений властвования и подчинения. Спрашивается, тождественна ли она в деспотии и в современной республике, при властвовании одного, неограниченного монарха над группой и при властвовании двоих, или народных представителей над гражданами? История нам ясно отвечает на этот вопрос и отвечает отрицательно. Так же отвечает и сам Зиммель. Властвование одного над группой имеет совершенно иную „форму", чем властвование „двоих", взаимоотношение властителя к подчиненным, его природа, его функции—совершенно различны во всех этих случаях [1]).

От мнимой тождественности „форм общения" при различных содержаниях ничего не остается, кроме слова „властвование", да общих, родовых признаков взаимоотношения власти к подвластным.

То же можно видеть и на анализе других „форм общения", исследуемых Зиммелем [2]).

Вот почему его тезис: одна и та же форма общения может наполняться различным содержанием, и обратно,— либо абсолютно ложен, либо в лучшем случае этот тезис должен быть понимаем так: родовое явление (напр., властвование) может распадаться на виды. Родовое явление (или соответственное родовое понятие) условно называется формой, видовое—материей. *При таком понимании понятие социологии Зиммеля, как выше было указано, сводится к третьему из указанных взглядов*: социология, как наука о формах общения, под которыми разумеется совокупность отношений, наиболее общих и родовых, свойственных каждому явлению взаимодействия людей, есть наука изучающая эти родовые свойства процессов общения.

---

[1]) См. *Simmel*: Soziologie Гл. 3; Uber-und Unterordnung. Стр. 141.
[2]) См. напр. гл., Die quantitative Bestimmtheit der Gruppe.

Так, фактически, дело и обстоит. *Зиммель глубоко ошибается, когда думает, что „формы общения", изучаемые его социологией, не изучаются другими социальными науками и не являются „материей" последних.* Разве то же явление властвования и подчинения не составляет предмет изучения науки государственного права? „Власть и государство", понятия: „власти", „междувластных отношений", „форм и видов властвования" и т. п.—разве все это не главы этой науки, которые можно встретить в любом курсе государственого права [1])?

„Формы общения", называемые им Die Treue, и Dankbarkeit, точно также изучаются, в качестве „материи" в ряде социальных наук (напр., явления обмена, спроса и предложения, изучаются политической экономией); солидарность и разделение труда одинаково изучаются и этикой, и наукой о государстве, и политической экономией; влияние числа на организацию группы составляет предмет демографии и т. д. [2]). Короче,—*социология Зиммеля имеет своим объектом явления, изучаемые рядом частных социальных наук; поэтому, его положение, что социология должна обрабатывать „свое поле", не обрабатываемое другими отраслями знания, им не доказано. Отсюда вывод: поскольку он обосновывал автономность социологии на только что указанной предпосылке, ему этой автономности доказать не удалось.*

Вывод из всего сказанного о конструкции Зиммеля таков: 1) Если бы ему удалось выделить для социологии вид взаимодействия, не изучаемый другими дисциплинами, то это означало бы лишь создание добавочной специальной отрасли знания, нисколько неделающей не нужной „генерализирующую" науку в смысле третьего, указанного выше взгляда. 2) Собственная концепция Зиммеля, построенная на противопоставлении „формы" и „материи", ошибочна: неверно его утверждение, что одна форма общения может иметь различное социальное содержание; неверно, что одна и та же „социальная материя" может проявляться в различных формах общения; неверно его положение, что явления, называемые им „формами общения", не изучаются другими социальными науками; наконец, лишена всякой основы ана-

---

[1]) См. напр. *Дюи:* Конституционное право. 1908. 24 и сл. *С. Котляревский:* Власть и право. 1915 г. *Палиенко:* Суверенитет. 1903. *П. Покровский:* О госуд. власти. Юрид. Записки. 1914 г, вып. XXI—XXII; *Б. Кистяковский:* Сущность госуд. власти. Юрид. Зап, 1913, вып. III. Курсы. *Корнунова, Петражицкого. Тарановского* по общей теории права, курсы *Эсмена, Н. И. Лазаревского* и др. по госуд. праву.

[2]) Simmel: Soziologie: 581—593, 403—453, 47—133 и др.

логия „форм общения“ с геометрически пространственными формами. 3) Какой нибудь смысл и содержание операции Зиммеля с „формой и материей“ могут иметь только в том случае, если эти термины понимать в смысле явлений и понятий обусловливающих, родовых (форма) и обусловливаемых, видовых (материя). А в этом случае концепция Зиммеля сводится к третьей из указанных выше точек зрения относительно взаимоотношения социологии и частных социальных наук.

Все сказанное о Зиммеле с соответствующими изменениями применимо и к другим авторам, примыкающим ко второму из указанных выше взглядов.

Обратимся к рассмотрению третьего решения. Оно гласит: *социология есть наука, изучающая наиболее общие свойства явлений взаимодействия людей*, отдельные виды или стороны которых *изучаются специальными, т. н. социальными науками.*

Такой ответ сразу же вызывает ряд вопросов: нужна ли такая наука? Не будет ли она простым ярлыком для всего corpus'a социальных наук? Не обречена ли она по сути дела на диллетантство и поверхностность? Такие и подобные возражения раздавались и раздаются. Остановимся на них.

Я не раз выше указывал, что дифференциация наук не только не исключает, но напротив требует существования „генерализирующей“ науки.

1) Это положение основывается прежде всего на том, что там, где дан ряд явлений, распадающихся на несколько видов, там должна быть дана и наука, изучающая общеродовые свойства данного разряда явлений. Здесь вполне применима теорема Л. Петражицкого, гласящая: „Если есть n видов сродных предметов, то теоретических наук, вообще теорий должно быть n+1; напр., при наличности 2-х видов требуется 2+1 = 3 науки; при наличности 3-х видов—4 науки и т. д.“ [1]). Такое требование вытекает из прин-

[1]) *Петражицкий.* Введение в теорию права. 80. «В самом деле, продолжает проф. Петражицкий, если класс *a* (напр. правовые явления) и класс *b* (напр., нравств. явления)—действительно классы сродных явлений, т. е. на ряду со своими специальными особенностями имеют и общие черты и свойства, относятся к тому же высшему роду, то для надлежащего познания объектов того и другого класса необходимо как знание родовых, общих, так и специфических свойств; но при наличности только двух дисциплин, теории *a* (напр., права) и теории *b*, (напр., нравственности) такое знание невозможно в виде вполне правильных теорий, а неизбежно или полное отсутствие знания родовых свойств или же наличность в обоих дисциплинах хромых теорий; для избежания того или другого необходима наряду с двумя видовыми дисциплинами, изучающими специфические особенности класса *a* и класса *b*, еще одна высшая, родовая дисциплина *c*, изучающая и излагающая свойственное общему роду». Ibid. 80—81.

цина адекватности теории. Растения и животныя—это два вида, принадлежащие к общему роду организмов; наряду с их специфическими свойствами они имеют и общие свойства. Поэтому, наряду с ботаникой и зоологией дана третья наука—общая биология, имеющая своей задачей исследование этих общих, родовых свойств явлений жизни.

То же применимо и к социологии. В целях лучшего и детального изучения явлений социальной жизни здесь необходима специализация наук; каждая из специальных дисциплин будет изучать и изучает частный вид явлений человеческого взаимодействия (см. выше). Но все эти виды, как частные случаи родового факта,—человеческаго взаимодействия,—должны иметь и ряд общих свойств. Изучение их требует „генерализирующей" науки об этих родовых свойствах; такой дисциплиной является социология. К числу n частных социальных наук, изучающих n видов социального явления, должна присоединиться n+1-ая наука—социология.

2) Бытия такой „генерализирующей" науки требует и *принцип экономии сил*. Вместо того, чтобы каждая частная наука говорила о законах и отношениях, имеющих место не только в пределах изучаемых ею явлений, но и в ряде других видов данного рода, научно-экономнее и правильнее будет, если такие законы и отношения будут сразу формулированы в применении ко всем видам явлений, где они имеют место. Ценность положения: „сигары в 10 лотов весом притягиваются прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния" равна нулю, хотя это положение и правильно. Иначе совсем обстоит дело с положением: „все тела притягиваются прямо пропорционально массе" и т. д. Это положение Ньютона поистинне было великим открытием и прежде всего *с точки зрения экономии сил* [1]).

[1]) «Открытие этого закона, правильно говорит Чупров, обозначает собою переворот в теории тяготения. Почему? И до Ньютона допускали, что солнце как целое притягивает планеты: приходила также в голову мысль о законе обратной пропорциональности квадрату расстояния. Ньютон совершил лишь переход от рассмотрения сил, действующих между телами конечных размеров, к изучению сил, с которыми притягиваются бесконечно малые частицы. Но этот переход сопряжен с такой экономией умственной энергии, что по праву занимает отводимое ему место в истории вопроса. Если бы память должна была удерживать в отдельности каждый установленный в этой области единичный факт (напр., что сигары в 10 лотов весом, что медный куб и шар., что два камня и т. д. притягиваются согласно формуле тяготения. П. С.) то с ростом знаний сложность проблемы вышла бы за пределы ограниченных способностей человеческого разума». Благодаря открытию Ньютона, «мы

Множество частных случаев оно свело к общему явлению; частное проявление отношений тяготения, замечавшееся в отдельных случаях, оно сделало родовым свойством материи вообще. И в этом его громадное значение. С точки зрения экономии сил всякое превращение частного случая в общий факт, видового явления или свойства в родовое— раз такое превращение соответствует действительности— будет научным выигрышем. В силу этого принципа не только возможна, но и метологически необходима социология, ставящая своей целью изучение родовых свойств явлений взаимодействия. Учение о таких свойствах было бы большим приобретением с точки зрения экономии сил.

3) Существования социологии в этом смысле требуют и сами интересы специальных наук. Нет сомнения, что социология, как наука индуктивная, неразрывна от частных наук, анализирующих мельчайшие факты социальнаго взаимодействия и только от них и через них она получает данные для формулировки своих обобщений. В этом смысле частные дисциплины могут быть названы видами *специальной* социологии. Поэтому, ее прогресс зависит от прогресса первых.

Но если верно это, столь же верно и обратное положение, что прогресс специальных наук зависит от прогресса социологии. Duprat прав, говоря: „социология столь же необходима для прогресса специальных наук, как эти последние для прогресса самой социологии“ [1]). Различные разряды явлений взаимодействия, изучаемые отдельными науками, напр., явления экономические, религиозные, правовые, эстетические и т. д., в действительной жизни не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и влияют одни на других. „Заработная плата рабочих, напр., зависит не только от отношений между спросом и предложением, но и от известных моральных идей. Она падает и подымается в зависимости от наших представлений о минимуме благополучия, которое может требовать для себя человеческое существо, т. е. в конце концов, от наших представлений о человеческой личности“. (Связь идей и эконом. фактов). Формы политического устройства связаны и зависят от числа и плотности населения [2]).

сразу выходим из затруднения: пестрая масса отдельных фактов становится тотчас легко обозримою. Весь богатый запас наблюдений резюмируется в краткой формуле». *А. А. Чупров.* Очерки по теории статистики. 1909 г. 9—11.

[1]) *Duprat*: Science sociale et démocratie. Paris. 1900, 71 стр.

[2]) См. для примера: *Coste:* Les principes d'une sociologie odjective. 1899 г. *Его же:* L'experience des peuples (1900) *Simmel*: Soziologie гл. 2.

Разделение труда определенным образом связано с явлениями солидарности. [1]) Экономическая организация общества зависит часто от форм религиозных верований [2]). Географические условия определенным образом влияют и на организацию производства, и на строй семьи, и на обычаи народа [3]) и т. д. Короче, в подлинной действительности все явления взаимодействия людей одни с другими связаны.

Поэтому, если экономист ограничился бы только экономическими явлениями, игнорируя и не учитывая явления не экономические и влияние последних, то вместо законов, формулирующих действительные отношения экономических явлений, он дал бы лишь воображаемые законы, не способные совершенно объяснить подлинные экономические процессы. А раз это так, то ему волей-неволей приходится быть уже не только специалистом-экономистом, но и социологом, координирующим отношения основных форм социальной жизни. То же mutatis mutandis применимо и ко всякой специальности. Так или иначе координирования и установления взаимоотношений между различными классами социальных явлений не избежать любому специалисту. Волей неволей он здесь вынужден выступать как социолог и как не „специалист".

Мало того, уже само выделение определенной стороны социального бытия, напр., религиозной, в качестве особого объекта, из общего комплекса социальных явлений, предполагает наличность общего понятия социальных явлений, их основную классификацию, черты сходства и различия членов этой классификации с выделяемым членом и т. д. и т. д. Без этих предпосылок, и без правильного разрешения этих задач немыслимо ни правильное определение изучаемого вида соц. явлений (напр., права, религии, хозяйства и т. д.) ни верное определение взаимоотношений между ним и другими видами явлений общения, ни правильная формулировка основных закономерностей, данных в правовой, экономической, религиозной и др. областях исследования. Значит, каждый специалист есть всегда и социолог и не может не быть им. И если социологии бросают упрек в диллетантизме в виду того, что невозможно де охватить все стороны

---

[1]) См. *Дюркгейм*: Разделение общест. труда 1900 г. *Bouglè:* Revue générale des théorie récentes sur la division du travail. L'année sociologique. т. 6, 73—122.

[2]) См. *Bouglè:* Le regime des castes. 1908.

[3]) См. напр., *Demolins:* Comment la route crèe le type social, т. I и II. Librairie de Paris.

общественной жизни, то тот же упрек и с тем же правом можно бросить любому специалисту, ибо и специалист явно или тайно неизбежно должен быть социологом. Различие здесь будет лишь в том, что „специалисту“ приходится разрешать все эти общие вопросы „по случаю“; ad hoc, „с кандачка“; социология же, как наука специально занимающаяся этими проблемами, будет разрешать и разрешает их планомерно, систематически. В первом случае при поспешном разрешении больше шансов впасть в ошибки, во втором—меньше.

Не этим ли объясняются „неудачи“ специальных дисциплин, большинство которых до сих пор еще ищет определения своего объекта? Конечно, социолог не будет решать указанные вопросы одним приемом, независимо от данных специальных наук. Но если успех его работы обусловлен прогрессом последних, то с другой стороны, как видно из сказанного, и прогресс последних зависит от совершенства социологии. В этом убеждает нас и история социологии, и история специальных наук Совершенствование последних влекло за собой улучшение социологии и обратно, сам факт обоснования и развития последней вызвал в итоге почти во всех частных науках настоящую революцию. Неоспоримым фактом развития их за последние десятилетия является тенденция „социологизирования“ последних. И наука о праве, и наука о хозяйстве, и дисциплины, изучающие явления: религиозные, эстетические, психологические, язык, нравы, обычаи, движение народонаселения и т. д.—все они за эти десятилетия в большей или меньшей мере „социологизировались», прониклись общесоциологическими принципами и понятиями, соответственным образом перекрасились, короче—не избегли влияния этой дисциплины. „Социологизм“ специальных наук—знамение времени. Этот факт достаточно убедительно говорит о неразрывной связи между первыми и последней, о взаимной обусловленности их совершенствования и взаимной заинтересованности в существовании и развитии каждой.

Вот почему, вполне правильно утверждение, что сами интересы специальных наук требуют существования генерализирующей науки в форме социологии. Вот почему Orgaz вполне прав, говоря, что если в наше время в самой социологии, под влиянием школы Дюркгейма, наблюдается тенденция разработки „специальных“ социологий, то эта тенденция не только не исключает, а напротив, требует развития генерализирующей или общей социологии, унифицирующей

явления „философски“ (Вормс) „методологически“ (школа Дюркгейма) „субстанционально“ (органико-реалистическая школа [1]).

Вот почему прав и Maupas, настаивающий на методологической ценности социологии. „Исключая специфических областей социальной реальности, социология может иметь лишь генеральный характер. Отныне она имеет своим объектом проблемы методологические, общие всем соц. наукам; ея миссия—систематизировать результаты, добытые последними. Позже, она может ставить и новые проблемы, которые, выходя из пределов специальных наук, позволили бы ей, как физике, дать обобщения, дающие знания объ субстанциональной реальности основного социального факта“ [2]).

4) Вообще говоря, положение социологии по отношению к частным дисциплинам *то же самое*, что и положение общей биологии по отношению к анатомии, физиологии, морфологии, систематике и к др. специальным биологическим отраслям знания [3]); положение общей части физики к акустике, электрологии, учению о свете и т. д:, положение химии—по отношению к химии органической, неорганической и т. п. Поэтому тот, кто вздумал бы говорить, что социологии, как единой науки нет и не может быть, а есть только специальные науки,—тот должен был бы доказать, что нет физики, как общей и единой науки, нет общей биологии, общей химии и т. д. [4]).

Впрочем, такие голоса сейчас перестали звучать: социология уже вышла из того состояния, когда можно было оспаривать ее право на существование. Теперь это существование факт и право на него у социологии несомненно.

Таково решение вопроса об отношении социологии к частным социальным наукам. Как я уже сказал, на этой позиции в данном вопросе стоит большинство социологов“ [5]).

---

[1]) См. *R. Ongaz:* Sociologie générale et sociologie spéciale. Revue intern. de soc. 1914. № 3.

[2]) *Maupas:* Caracteres et critique de la sociologie. 209.

[3]) «Общая биология исследует законы, приложимые ко всем живым существам всех групп», правильно говорит Ле-Дантек. См. *Le Dantec:* Il y a une biologie générale. Revue phylosophique. 1912. Июнь. 561—62.

[4]) См. об этом *Де-Роберти:* Новая постановка основн. вопросов социологии. 262. *Ковалевский:* Социология. т. I. ст. 1910 г. гл. I по V. Здесь же читатель найдет и подробную трактовку вопроса об отличии социологии от философии, истории, этики, психологии, зоо-психологии, статистики, истории учреждений, права, этнографии и полит. экономии.

[5]) См., кроме цитированных авторов, *Де-Греефъ:* Precis de sociol. 8. *Морселли:* Sociologia generale 1898. 33. *Уорд·* Очерки социологии. 1901. 113. *Гиддингс.* Основ. социологии. 1898. гл. II. *Кост.* Les principes d'une sociol. objective, 33

На этом мы можем окончить предварительную характеристику социологии. В предыдущем я кратко ответил на три основных вопроса: 1) какие явления социология изучает, 2) почему эти явления для своего изучения требуют создания специальной дисциплины, 3) каково взаимоотношение социологии и других научных дисциплин, как социальных, так и физико-химических, биологических и психологических.

Более детально и более определенно физиономия социологии выяснится в последующих главах данной работы.

ГЛАВА II.

Архитектоника социологии и ее основные отделы.

§ 1. Теоретическая и практическая социология.

В предыдущей главе я кратко наметил границы и предмет социологии. Теперь очертим ее архитектонику. Вопросы архитектоники любой дисциплины, вопросы не принципиальные, а скорее вопросы научного удобства и практической продуктивности. Научный материал каждой науки можно распределять различно. Важно лишь одно: чтобы это распределение было научно продуктивно, помогало бы разработке проблем данной науки и облегчало бы усвоение самого материала.

Если в других, более развитых науках—я разумею дисциплины физико-химические и биологические—успели уже установиться на этот счет определенные шаблоны и определенное разделение науки на основные отделы,—то в социологии таких шаблонов пока что нет. Здесь, что ни автор,—то своя система, что ни курс—то свой порядок [1]).

и сл. *Duprat*: Science sociale et democratie. 31—77. *Small*: ст. в American journal of sociology. 1912, сентябрь. *Ellwood*: Sociology in its psychol. aspects. 1912. 15 и сл. *Richard*: La sociologie générale et les lois sociologiques. Paris. 1912. *Вакселлер*: Esquisse. *Duprêel*: Le rapport social. *Pareto:* Trattato di sociologia generale. Firense. 1916 г. т. I., гл. I. *Паланте*: Очерк социологии. 1910. гл. II. *Cornejo:* Sociologie generale 1911. т. I.. гл. I. *Кареев:* Введение в изучение социологии. 1907. 1—3. *Хвостов*: Социология 1917. 1—3. *Squillace*: I problemi costituzionali della sociologia. 1907. гл. IV—VI.

[1]) Помимо социологических курсов для подтверждения сказанного мне достаточно сослаться на анкетный материал «комитета 10-ти социологов», опубликованный в American journal of Sociology. В Америке комитетом 10 социологов, в состав которого вошли все более видные социологи Заокеанских республик, была произведена анкета с целью выяснения вопросов:

Не только нет сходства в распределении материала в пределах каждого крупного отдела социологии, но не установлено шаблона и в самом делении последней на эти основные отделы. Правда, со времени О. Конта, разделившего социологию на два основных отдела: социальную статику и социальную динамику,—это деление в той или иной форме можно встретить почти у всех социологов. Но это сходство самое общее, и скорее внешнее, чем внутреннее: само понятие социальной статики и динамики трактуется социологами далеко не одинаково.

Вот почему каждому социологу приходится итти своим путем и руководствоваться своим научным тактом.

С точки зрения автора данной работы наиболее целесообразным будет такое деление социологии:

I. *Теоретическая социология*, изучающая явления человеческого взаимодействия с точки зрения *сущаго*. *II. Практическая социология*, исследующая их с точки зрения *должного*. Это деление в общем и целом соответствует принятому теперь в Америке делению социологии на: pure sociology и applied sociology [1]). Оно диктуется необходимостью различения чисто теоретических дисциплин, научных в узком смысле этого слова, от дисциплин практических, представляющих скорее искусство, а не науку. Строение тех и других с точки зрения логической совершенно различно [2]).

в каких учебных заведениях преподается социология, что под этим названием преподается фактически, каковы система, подразделение, план и материал социологических курсов, наконец, каковы те научные и педагогические принципы, которые положены в основу преподавания социологии. Материал, полученный таким путем, как и следовало ожидать, рисует весьма пеструю картину. См. The american journal of Sociology, т. 16, № 6, т. 17, № 5.

[1]) «Чистая наука, пишет Уорд, есть наука теоретическая; прикладная—практическая. Первая ищет и устанавливает принципы науки, вторая указывает действительное или возможное применение этих принципов. См. Ward: Reine Soziologie. Innsbruck., 1907 г. т. I. 2—5. Сходны определения *Райта, Small'a* и др. «Общая социология, пишет последний, есть наука об условиях (физических и психических), элементах, формах, силах, процессах, результатах и усложнениях человеческого общества. Специальная социология (прикладная социология, соц. технология или социальная политика), опираясь на данные общей социологии, ставит своей задачей, выработку мер, способных обеспечить прогресс и достижение поставленных целей». Ст. Small'a в Amer. journ of Sociology. 1912, Сентябрь.

[2]) См. об этом: *Сорокин*: Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть. Преступление и кара, подвиг и награда. 1914. Введение. Его же: «Категория «должного» и ее применимость к изучению обществ. явлений». Юрид. Вестник. 1917 г. № 1.

Теоретическая социология и ее отделы.

I. *Теоретическая* социология в дальнейшем распадается на три основных отдела: 1) *Социальную аналитику*, 2) *Социальную механику и 3) Социальную генетику.*

Объясним кратко основания и характер этого деления.

1. Предметом *социальной аналитики является изучение строения* (структуры) *социального явления и его основных форм.* Этот отдел распадается на два основных под'отдела: 1) на социальную аналитику, изучающую строение *простейшего социального явления*: (a) определение такого явления, b) разложение его на элементы, c) систематика основных его форм) и 2) на социальную аналитику, изучающую строение *сложных социальных единств*, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений: a) определение таких единств, b) разложение их на простейшие соц. явления, c) классификация основных видов таких сложных социальных соединений.

Как анатомия растений или животных открывается анатомией клетки, в качестве простейшего организма, и потом уже переходит к анатомии тканей, органов и многоклеточных организмов, так же и социальная аналитика изучение социальных явлений должна начинать с изучения простейших форм последнего и потом уже переходить к анализу более сложных социальных образований.

Таким образом социальная аналитика есть учение о социальных явлениях, рассматриваемых, во-первых, статически, взятых в пространстве, а не во времени, во вторых, изучаемых не с точки зрения функциональной, а с точки зрения их строения.

2. *Социальная механика* (или социальная физиология) имеет своим предметом изучение не строения, *а процессов взаимодействия людей* иными словами—*поведения людей и тех сил, которыми оно вызывается и определяется.*

Задачи социальной механики или соц. физиологии по отношению к социальным явлениям те же, что и биологической физиологии по отношению к организму. Отношение ее к социальной аналитике то же, что и отношение физиологии к статическим биологическим дисциплинам: к анатомии (гистологии), морфологии и систематике. Подобно тому, как в биологии „основной задачей физиологов является установление ряда жизненных превращений и сведение их, по возможности, к точной физико-химической причинности“,

так и здесь основной задачей социальной механики является изучение ряда процессов социального взаимодействия или изучение поведения людей, живущих в среде себе подобных, исследование факторов, обусловливающих это поведение и формулировка причинных связей существующих между этими факторами и актами человека. Подобно тому, как в физиологии процессы „изученные и постигнутые, каждый в отдельности, должны быть затем, как звенья громадной жизненной цепи, сочетаны вместе, чтобы можно было придти *к познанию жизни, как целого*“ [1]), *так и здесь социальные процессы*, изученные в отдельности, должны быть „сочетаны вместе, чтобы можно было придти к познанию общественных явлений, как целого“ [2]).

Пользуясь данными социальной аналитики, социальная механика занимается изучением социальных функций или эффектов, которые вызываются факторами человеческого поведения. Первая ее задача дать классификацию „раздражителей“ поведения людей. Вторая задача—изучение влияния каждого раздражителя („фактора“) на поведение людей и через последнее—на общественные явления. Свойства и функции каждого „раздражителя“ сначала должны изучаться *отдельно* (подобно химии, изучающей каждый элемент отдельно, кислород, водород и т. д.) затем необходимо изучить функции и свойства этого раздражителя в *соединении с другим* „раздражителем“ (*по два*) (подобно химии, изучающей, напр., соединение кислорода с водородом: H_2O). В этом случае изучение даст возможность установить социальные эффекты такого совместного действия двух „раздражителей“, их взаимоотношение и т. д. (иными словами функции раздра-

---

[1]) *Iост*: Физиология растений—СПБ. 1914 г. 1.

[2]) Довольно удачно под именем социальной механики характеризует эту часть социологии Уорд. «Предмет социологии, пишет он, есть человеческое творчество, творческая деятельность (Errungenschaft). Дело идет не о том, что такое люди, а о том, что они делают; не о структуре, а о функции. Социологи до сих пор работали, главн. образом, в области социальной анатомии, теперь их внимание должно быть направлено в область соц. физиологии». Об'яснением этого факта игнорирования соц. физиологии, по его мнению, служит ошибочная мысль, что физиология динамична и связана с соц. прогрессом. «Но физиология—это чистая функция. Она спрашивает и отвечает на вопрос: что делают структуры и органы. Последние для нее лишь чистое средство, функция же—цель... Анатомия нужна, но она только предверие... Поскольку социология имеет дело с социальной деятельностью людей, постольку она является изучением поступков (Handlungen)... и процессов, благодаря которым различные социальные продукты рождаются в жизнь... Оформившись они становятся перманетными. Человеческий полип постоянно строит коралловый риф, на высшей поверхности которого живет и действует последнее поколение». Ward: Reine Soziologie. 18—19.

жителя А должны изучаться в соединении с AA_1, AA_2, AA_3, AA_4 и т. д.). Следующий этап заключается в изучении социальных функций „раздражителей“ по *три*$_3$ (AA_4A_2, AA_1A_3, AA_1A_4 и т. д.) (подобно, напр., H_2SO_4); далее—по *четыре* и т. д.

Если бы социальной механике удалось сколько нибудь удачно справиться с задачей разложения и классификации сил, определяющих поведение людей, а через поведение—и ход социальных событий, такое изучение их функций дало бы возможность хоть сколько-нибудь понять бесконечно-сложный узор общественных явлений, уловить их закономерность, короче—хоть немного отдернуть то таинственное покрывало Изиды, которое до сих пор скрывает от нас тайны социальных процессов, делает народы и человечество не повелителями своих судеб, а жалкими игрушками непонятных и неизвестных нам социальных стихий.

Вне такого изучения эта задача неразрешима. Вне ее социология попрежнему будет бессильно топтаться среди необозримого океана социальных явлений; вне ее мы будем бессильно барахтаться в волнах социального моря, неспособные ни понять их, ни управлять ими, ни даже уяснить себе нашу прошлую историю, осознать наше настоящее и тем более—предвидеть будущее. Здесь перед социологией дилемма: или она такую аналитику и механику создаст—тогда она действительно будет наукой, или она их не создаст,—тогда попрежнему слова „социология и социальные науки“ будут обозначать по преимуществу поток слов, а не научных формул, море фраз, а не научных теорем, раскрывающих нам функционально-причинные зависимости социальных событий.

Нет надобности говорить, что эта задача бесконечо трудна и если она вообще разрешима, то это разрешение потребует работы ряда поколений. Но иного выхода нет и потому социологии волей-неволей придется идти по этой дороге.

3. Что касается *социальной генетики* или *генетической социологии*, то она, соответствуя в основных чертах социальной динамике О. Конта (в биологии—учению о происхождении и эволюции видов), основной своей задачей ставит формулировку *исторических тенденций или линий развития*, обнаруживающихся в неповторяющемся во времени развитии, как всей социальной жизни, так и отдельных ее сторон или институтов. На ряду с этой задачей она же должна дать объяснение *различных отклонений и отступлений от этих тенденций, поскольку такие отступления даны в ту*

или иную эпоху, в той или иной сфере общественного взаимодействия.

Иными словами, социальная генетика изучает основные постоянные линии развития социальной жизни, данные во времени, а не в пространстве.

Следуя довольно распространенной терминологии, ее иначе можно назвать теорией социальной эволюции (в отличие от оценочной теории прогресса) [1]).

Как видно из сказанного, генетическая социология не является историей: она не описывает подробно ни историю общественной жизни, ни историю любого института. Это—задача истории и специальных исторических дисциплин. Социология и здесь формулирует лишь наиболее общие, родовые тенденции развития, данные во времени. Описательная же история—дело специальных дисциплин [2]).

Преследуя указанные задачи, генетическая социология вместе с тем может быть пробным камнем правильности теории социальной механики: если теоремы последней правильны, то комбинация раздражителей, соответствующих условиям определенного общества в определенную эпоху, на основании теорем механики, должна дать именно ту конкретную картину и те события, которые действительно произошли в данное время, в данном общении людей. Если аналитические теоремы механики истинны, то вычисленные на их основании эффекты должны совпасть с действительно происшедшими историческими событиями. Если этого совпадения нет—значит теоремы механики не точны или неверны.

Таковы три основных отдела теоретической социологии.

---

[1]) О различии понятий эволюции и прогресса см. *Сорокин*; Основные проблемы прогресса. Нов. идеи в социологии. Сб № 3.

[2]) В силу «случайных» конкретных обстоятельств, в частности, того факта, что до недавнего времени историки мало занимались первобытным обществом и исходными моментами в развитии отдельных соц. институтов (семьи, собственности, государства, хозяйства, религии, права и т. д.), социологам пришлось взять на себя почин изученя в этой области; поэтому многие стали называть генетической социологией изучение первобытного общества и исходных моментов в развитии обществ. жизни. См., напр., *М. М. Ковалевский*: Социология, т. II, «Генетическая социология». Думается, такое приурочение термина «Генетическая социология» к истории первобытного общения людей лишено логических оснований. Историческое описание любой эпохи—дело истории, а не социологии; это относится и к первобытной эпохе. Генетическая социология занимается лишь формулировкой исторических законов, а не историческим описанием первобытной обществ. жизни. Взаимоотношение генетической социологии и истории правильно формулировано *Н. И. Кареевым*. См. его «Историко-филос. и социол. этюды». СПБ. 1899, ст. Задачи социологии и теории истории. 135—139.

Практическая социология.

II. Задачи *практической социологии или социальной политики* ясны из самого ее названия. Она должна быть осуществлением афоризма О. Конта. Savoir pour prevoir, prevoir—pour pouvoir. (Знать—чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь). Эта дисциплина должна быть прикладной дисциплиной, которая, опираясь на законы, формулированные теоретической социологией, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям, подобно тому, как прикладная химия, технология, агрономия, медицина, санитария, опирающиеся на соответствующие теоретические науки—физику, химию, биологию и т. п.—отдали на служение человечеству силы пара, электричества, воды, ветра, теплоты, короче силы неорганического и, в меньшей мере, силы органического мира.

Благодаря слабому развитию социальных наук человечество до сих пор бессильно в борьбе с социальными бедствиями и не умеет утилизировать социально-психическую энергию, высшую из всех видов энергий. Мы не способны глупого делать умным, преступника—честным, безвольного—волевым существом. Часто не знаем, где „добро", где „зло", а если и знаем, то сплошь и рядом не способны бороться с „искушениями". Если биологическая медицина еще далека от совершенства, то „социально-психической" медицины нет почти и в зародыше. Мудрено ли поэтому, что наша борьба с социальными бедствиями дает наглядную иллюстрацию истории человеческой глупости. Преступников мы лечим эшафотом и тюрьмами, душевно-больных—домами сумасшествия, способными здорового делать идиотом, но не наоборот; общественные волнения мы исцеляем пулеметами и осадными положениями, невежество—рядом многолетнего глупения в классной комнате, нужду голодного—смертью, разврат—домами терпимости.

Более ярких доказательств нашего невежества нельзя и придумать. Положение дел может измениться лишь тогда, когда мы лучше будем знать закономерности и причинные отношения явлений взаимодействия. Тогда дана будет почва и для появления рациональной социальной политики. В отличие от бессодержательных, хотя и напыщенных „систем морали", большею частью представляющих набор елейных фраз, неспособных что-либо изменить и что либо излечить, социальная политика, подобно прикладной меди-

цине, должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни, (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т. д.), для наилучшего использования социально-психической энергии. Короче, она должна быть опытной системой индивидуальной и общественной этики, как теории должного поведения.

Таковы в основных чертах главные отделы социологии и основные задачи каждого из них. Нужно ли говорить, что эти задачи необъятны, и трудности, встающие на пути их достижения, бесконечны. Вместо неопределенной науки „общих фраз" перед нами вырисовывается грандиозная дисциплина. Вместо диллетантского „социологизирования" и обычая открывать все тайны обществ. жизни волшебным ключем какого либо одного „фактора", приправленного неизменными: „Сезам откройся", перед нами рисуется тернистая дорога кропотливого исследования, требующая гениальных способностей, бесконечных сил, терпения и воли для того, чтобы успешно продвигаться по ней.

Но иного пути нет. „Легкие" пути не дадут ничего, кроме новых словесных груд. Решение всех этих задач— дело ряда поколений, дело сотен и тысяч работников, которые кирпич за кирпичем будут вносить в общую сокровищницу науки. Хотя рисующиеся задачи бесконечно велики, но для коллективной мысли человечества нет границ и непреодолимых препятствий. По крайней мере, существование таких границ не доказано.

Будем верить, что будущее возведет великое здание социологической науки, смутный абрис которой я набросал в этой главе.

Социология:
- I Теоретическая.
  - 1) Социальная аналитика
    - Соц. аналитика простейшего соц. явления.
    - Соц. аналитика сложных систем взаимодействия
  - 2) Социальная механика
  - 3) Социальная генетика
- II Практическая. Социальная политика.

ГЛАВА III.

Понятие взаимодействия людей и методы его изучения.

§ 1. Понятие взаимодействия и поведения людей. Социология, как наука о поведении взаимодействующих людей и его результатах.

До сих пор я не раз пользовался термином: „взаимодействие“, но точного определения этого термина не давал. Теперь восполним этот недостаток. Определение взаимодействия людей таково. *Явление взаимодействия людей дано тогда, когда a) психические переживания или b) внешние акты c) либо то и другое одного (одних) из людей представляют функцию существования и состояния (психического и физического) другого или других индивидов.* Иными словами, *когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют.*

Этим определением явление взаимодействия людей, изучаемое социологией, очерчивается точно и ясно.

a) Всякий раз, когда мы можем констатировать, что *психические переживания* A (ощущения, представления, идеи, чувства, эмоции, воления) зависят от существования и состояния B, обусловливаются последним, изменяются под его влиянием, иначе, где B служит „раздражителем“ психических состояний и поведения A, мы говорим: A и B взаимодействуют.

в) Всякий раз, когда *внешние акты* A являются функцией существования и состояния B: (вызываются, изменяются, задерживаются под влиянием переживаний, поступков и существования B), мы говорим:—взаимодействие между A и B существует.

Здесь под *внешними актами* разумеются все внешние, доступные наблюдению, движения индивида, начиная с доступных наблюдению физиологических процессов и кончая поступками или цепью последних; иными словами, под внешними актами разумеются как „рефлексы отправления“, так и „рефлексы поведения“. Само собой разумеется, что не все они одинаково легко могут наблюдаться и не все имеют одинаково важное значение. Чисто внутренние физиологические реакции в этом отношении играют второстепенную роль; главное значение приобретают внешние, видимые реакции поведения, в выполнении которых так или иначе участвует весь

организм. *Совокупность таких внешних актов составляет то, что мы называем поведением человека* (*behavior*, *comportement*) [1]).

c) Всюду, где и *психическое переживание*, *и внешние акты* A обусловлены существованием и состоянием B, мы говорим: взаимодействие между A и B дано.

Примеры: Благодаря появлению в данной комнате B радостное настроение A сменилось „грустью". Угрозы B вызвали переживания страха в A. На лицо взаимодействие между A и B, (тип „a"). Телеграмма, полученная A от B из Америки заставила A *итти на почту* и дать ответ. Появление ребенка B „вызвало" на устах его матери A „улыбку". Слово B побудило A ответить на „оскорбление" „пощечиной". Грязная одежда B заставила A, сидевшего с ним рядом в трамвае, *пересесть* на противоположную скамью. На лицо взаимодействие. (Тип „b").

Медленность движения трамвая, управляемого вагоновожатым B, вызывает *раздражение и злобу в настроении* торопящегося A и заставляет его *взять извозчика*.

Игра артиста B доводит „до неистовства" г-жу A и заставляет ее „бешено *апплодировать*". Декрет комиссара B, призывающий A на военную службу, „*повергает его в уныние*" и заставляет *итти* в комиссариат.

На лицо взаимодействия между A и B („тип „C").

Из этих примеров, иллюстрирующих основное положение, становится совершенно ясным понятие взаимодействия людей. В интересах большей ясности я подразделил его на три основных типа, чтобы оттенить, что взаимодействие дано всюду, где внутренние переживания или внешние акты, или, наконец, то и другое одного или одних индивидов являются

---

[1]) Поведение и внешние акты в нашем смысле совпадают с тем значением, которое придают этим терминам ряд американских исследователей поведения животных и человека. «Под поведением я разумею, пишет *Дженнингс*, общие телесные движения организма. Они не вполне резко отличимы от внутренних физиологических процессов. Термин поведение (behavior) представляет коллективное имя для наиболее резких и очевидных форм деятельносли, выполняемых организмом».

Jennings: Behavior of the Lower Organisms. New York. 1906 V.

Сходно определяет эти термины и *Пармели*. Под поведением (behavior, а не conduct), он разумеет «внешние видимые движения животного организма, составляющие (constitute) внешний физиологический процесс».

Parmelee. The science of human behavior. New-York. 1913. 1

Уже, чем наше, то понимание, которое дает этим терминам *М. Даугол*л. Он под поведением разумеет лишь акты, в выполнении которых участвует весь организм, и вдобавок акты конативно—целевые.

См. *М. Даугол*л: Основн. проблемы соц. психологии. М. 1916. 259—60. Его же: Psychology, the Study of Behavior. 1912.

функцией данности (существования и поведения) других или другого индивида [1]).

---

[1]) Но здесь встает вопрос: раз отношение взаимодействия между А и В. или большим числом индивидов дано тогда, когда переживания и поступки (либо то и другое) одного (одних) из них зависят от существования и состояния другого или других индивидов, то не ведет ли это к тому, что в каждый данный момент мы должны признать *взаимодействующими всех людей земного шара?* Разве в конечном счете, можно отрицать, что состояние и поведение каждого из нас обусловлены состоянием и поведением всех людей? Как бы ни было незначительно влияние поведения какого либо китайского сановника или австралийского фермера, но в конечном счете, и оно является одним из условий, определяющим собою судьбу Ивана, Петра, Павла, находящихся далеко от них и даже не ведающих об их существовании?

На эти вопросы я отвечаю отрицательно и в силу тех же оснований, в силу которых всякая номографическая наука не считается с возражением что «все в этом мире связано» и что поэтому причину того или иного явления нельзя искать в той или иной конкретной причине, а надо такой причиной считать все состояние мироздания в предшествующий момент», Социология, как и всякая «генерализирующая наука», в своем причинном анализе опирается на общие постулаты индукции, в частности на постулат *«наличности в мироздании параллельно развивающихся и независимых друг от друга рядов причинно обусловленных явлений»*, полагаемых Курно в основу теории науки. Tout se lie, tout s'enchaine dans ce monde—допущение подобной всеобщей взаимной обусловленности явлений, если не сводить его бессознательно на нет, делает номографическую работу невозможной, говорит правильно А. А. Чупров, следуя Cournot. Если каждое единичное явление представляется следствием всего состояния мироздания в предшествующий момент времени, то никакой анализ, никакие индуктивные или иные методы не в состоянии подвинуть нас ни на шаг на пути номографического изучения вселенной. Но такое допущение противоречит «здравому смыслу», *А. А. Чупров*: Очерки по теории статистики. 99—100. «Никто не будет в серьез принимать, цитирует он блестящие строки Курно, что, топая ногою, может повлиять на движение корабля, плывущего по водам противоположного полушария, или сотрясти систему спутников Юпитера; влияние, во всяком случае, было бы столь ничтожно, что не обнаружилось бы ни в каком уловимом для нас действии, и *мы совершенно вправе с ним не считаться* Не представляется невозможным, чтобы событие, происходящее в Китае или Японии, отразилось на том, что имеет произойти в Париже или Лондоне, но вообще, несомненно, способ, каким располагает свой день парижский обыватель, ни в коей мере не зависит от того, что происходит в каком-либо китайском городе, куда европейцы никогда не проникали. Это как бы два небольших мира, в каждом из которых наблюдается своя цепь причин и их действий, и цепи эти развиваются одновременно, не переплетаясь и не оказывая друг на друга сколько-нибудь заметного влияния».

К понятию взаимодействия вполне применимы и дальнейшие слова Курно. «От следствия (в данном случае состояние А, зависящее от В. П. С.) мы восходим к его *непосредственной* причине (Акт В. П. С.); эта причина, в свою очередь, представляется следствием и т. д... Эта неопределенно длинная цепь причин и действий, следующих друг за другом, - цепь, в которой наблюдаемое ныне явление представляет лишь одно звено,—представляет по существу своему линейный ряд. Бесконечно большое число подобных рядов может существовать одновременно: эти ряды могут скрещиваться, так что одно и то же явление, если в возникновении его участвовало несколько различных

Очерченное понятие взаимодействия по своему логическому характеру достаточно точно и определенно. Но можем ли мы, на основании этого определения, в каждом данном случае сосуществования людей сказать: „вот здесь взаимодействие между ними существует; а здесь его нет"? Иными словами, нет ли в данном определении взаимодействия таких признаков, которые не легко доступны констатированию, которые не представляют внешних явлений и потому легко могут остаться незамеченными? Если такие признаки есть, то не делают ли они бесполезной всю логическую точность определения и неработоспособным все понятие и критерии взаимодействия?

В предыдущем определении я указал, что взаимодействие людей потенциально дано не только тогда, когда одни внешние акты, или внешние акты и психическое состояние одного индивида являются функцией существования и состояния другого или других индивидов, но оно дано и тогда, когда *одно психическое состояние индивида* зависит и изменяется в силу существования и состояния другого человека.

Вот этот то случай взаимодействия и заставляет остановить на нем наше внимание и удалить все вытекающие из него неясности.

Здесь, встают два вопроса: 1) Бывают ли в действительности случаи, когда изменение психического состояния индивида не влечет за собою или не сопровождается теми или иными изменениями его поведения? 2) Если такие случаи бывают, то как мы можем изучать их? На основании каких признаков мы можем сказать, что психические переживания А претерпели такое-то изменение, что индивид А находится во взаимодействии с В?

Что касается первого вопроса, то, насколько можно судить по современным данным, на него приходится ответить отрицательно. Согласно результатам, добытым современной психологией и физиологией *представляется невероятным изменение психического состояния без тех или иных внешних или внутренних физиологических процессов.* Всякое психическое переживание обычно сопровождается теми или иными изменениями в поведении человека: переживания любви, ненависти, чувство боли или удовольствия, осознание идеи, воле-

---

явлений, входит следствием в несколько разных рядов причин или порождает, в свою очередь, несколько рядов следствий, которые, начиная с этого исходного момента, им всем общего, будут в дальнейшем оставаться различными и совершенно друг от друга оторванными». *Cournot: Essai sur le fondements de nos connaissances*, Paris. 1851 г. 49—52. *Чупров:* Ibid. 104—105.

вое решение, короче все психические акты влекут за собой то или иное изменение поведения, в виде: „ласкового взгляда“, „угрожающего жеста“, „гримасы боли“, „улыбки“, тех или иных слов, того или иного движения рукой, дрожания мускулов, прилива или отлива крови к различным органам, изменения походки и т. д. и т. д. Эти внешние проявления внутренних, субъективных переживаний могут быть весьма резкими и крупными (напр., то или иное волевое решение часто „объективируется“ в длинном и сложном ряде актов, совершаемых в течение недель и месяцев, на протяжении которых индивид стремится достигнуть намеченную цель), иногда же эти внешние показатели могут быть весьма незначительными, замечаемыми лишь с великим трудом и то путем тщательного изучения и анализа. Несмотря на такие случаи, допуская даже такие факты, где современными методами исследования быть может и нельзя будет открыть никаких внешних проявлений изменения психического состояния, все же мы должны думать, что „психический процесс и мозговой процесс неотделимы друг от друга“, что „по современным воззрениям нет ни одного душевного, resp сознательного или субъективного явления, которое не сопровождалось бы движением нервного тока, пробегающего по клеткам и волокнам мозговой ткани“ [1]). Это положение следует также из того, что сама психическая жизнь в ея высших проявлениях возможна лишь там, где есть развитой мозг и в частности серое корковое вещество мозга [2]). Раз так, то минимальный физиологический “корелят“ субъективного переживания всегда будет дан в форме хотя бы нервномозгового процесса и ряда реакций, совершающихся в нервной системе. Та же объективная психология и физиология показывают нам, что и любое из психических переживаний, начиная с простейших актов ощущения и восприятия и кончая сложнейшими субъективными переживаниями, так или иначе проявляются в тех или иных внешних явлениях, в тех или иных рефлексах [3]).

Вывод из сказанного тот, что *на основании современных научных данных представляется невероятным, чтобы какой либо психический процесс происходил без тех или иных внешних, физиологических процессов, чтобы изменение психических*

---

[1]) *Бехтерев.* Общие основания рефлексологии. Петроград. 1918. Э. 16.

[2]) См. об этом *Вагнер.* Биологич. основания сравнительной психологии. Изд. Вольф. т. II. 272—285; т. I. Passim.

[3]) См. об этом *Бехтерев:* Op. cit. гл. I и II, XIX, XXXIII, XXXIV—XXXVII и passim.

переживаний так или иначе не отражалось на внешнем поведении человека или его внутренних физиологических процессах. Случаи, где такого „внешнего" выражения нет, следует понимать в том смысле, что пока мы не имеем достаточно тонких инструментов для наблюдения и констатирования этих незначительных внешних изменений поведения.

Таков вкратце ответ, который приходится дать на первый из поставленных вопросов.

Теперь перейдем ко второму. Допустим на минуту, что возможны чисто психические переживания, не сопровождающиеся никакими внешними процессами. Вообразим, напр., что слова В сильнейшим образом подействовали на А, вызвали в его „душе" „настоящую бурю", перевернули в ней все вверх дном, но что А *абсолютно ничем не обнаружил, не проявил во вне эту душевную революцию.* Выражение его лица, тон его голоса, ритм его слов, характер его движений, ход и характер его физиологических процессов, короче—все его поведение, включая сюда и все доступные наблюдению внутренние физиологические процессы А, ни на иоту не изменились. Спрашивается, доступны ли будут нашему наблюдению такие явления? Можем ли мы что либо сказать о них? Можем ли даже узнать о них? В состоянии ли мы улавливать такие формы взаимодействия? Ответ ясен сам собой. Такие душевные революции, не сопровождаемые никакими внешними проявлениями, если они даже и возможны, (что невероятно) не доступны наблюдению, мы их не можем замечать, мы даже не можем догадаться об их существовании. Для нас они равны несуществующим.

Вот почему *факты взаимодействия, где только одно психическое состояние А изменяется и зависит от существования В, без изменения поведения А, такие факты не доступны наблюдению, мы не можем знать даже об их существовании; следовательно,—они равны несуществующим, если бы даже и были возможны.*

Таким образом, на практике явления взаимодействия людей сводятся ко второму и третьему из указанных выше случаев (типы: „в" и „с"), т. е. к функциональной зависимости либо внешнего поведения А, либо и внешнего поведения и внутренних переживаний от существования и поведения В.

Если дело обстоит так, то тем самым отпадают и те неясности в понятии взаимодействия, вопрос о которых был только что поставлен.

Так как фактически невероятно, чтобы возможно было изменение психических переживаний без соответствующего

изменения поведения, так как такое изменение одной психики, если его даже допустить, все равно недоступно наблюдению, то взаимодействие всегда (и в случае „в“ и „с“) проявляется во внешних актах людей, т. е. во внешних явлениях, доступных наблюдению и констатированию.

Отсюда следует медификация определения взаимодействия. Вот она. *Взаимодействие людей дано там, где поведение одного индивида, в одних случаях сопровождаемое сознанием, в других— нет, является функцией поведения другого или других людей.*

Подставляя это значение взаимодействия в данное выше определение социологии мы получаем следствие: *социология изучает*: 1) *такие виды поведения людей, где поведение одних является функцией поведения и существования других*: 2) *явления, возникающие в результате такого поведения.* Иными словами, *социология есть наука о поведении людей, находящихся в процессе взаимодействия и о результатах такого поведения.*

§ 2. Субъективный и объективный методы изучения психических явлений Спор. „субъективистов“ и „объективистов“ в психологии и социологии. Решение спора.

Проблема.

Сказанное, однако, ничуть не предрешает вопроса о способах изучения явлений взаимодействия. Если из области изучения социологии выпадают случаи чисто психических переживаний, не объективируемых во вне никакими внешними признаками,—так как такие явления не существуют, а если существуют, то недоступны изучению—то этим не предрешается вопрос: *изучать ли въ остальных явлениях взаимодействия только внешние акты или вместе с ними и те психические переживания, которыми они в ряде случаев сопровождаются*? Иными словами, следует ли изучать явления взаимодействия только с внешней, объективной стороны, совершенно не касаясь внутренних, психических переживаний взаимодействующих индивидов? Или следует изучать их и со стороны суб'ективных переживаний? Если остановиться на последнем решении, то как и каким образом возможно изучение субъективных состояний взаимодействующих индивидов?

Вопросы эти, как известно, уже давно волнуют психологов и физиологов; спор между сторонниками субъективной психологии, признающими возможным и необходимым изучение психических состояний, как таковых, и сторонниками

объективной психологии, отрицающими возможность и продуктивность изучения психики и заменяющими изучение последней изучением внешних актов и физиологических процессов, явление не сегодняшнего дня.

Раз социологу приходится иметь дело с психическими явлениями, он не может избежать этих вопросов. Куда, по которой из этих двух дорог он должен пойти? Многим, быть может, покажется странным сама постановка такого вопроса. „Ясно, скажут они, что надо изучать и психические переживания. Не психическими ли по своей природе являются социальные факты? Как же обойтись без изучения психики?"

Но дело обстоит не так просто, если мы поглубже вникнем в суть дела. Положительному решению вопроса: следует ли в явлениях взаимодействия изучать не только внешнюю сторону, данную в актах, но и соответственные психические переживания, мешают два главных препятствия: 1) *неопределенность самого понятия „психического" и его синонимов* (сознание, душевное явление и т. п.) и 2) *недоступность психики прямому наблюдению.*

Любой исследователь, стремящийся к точности своих положений, избегающий оперирования с неопределенными терминами и субъективизма в своих изысканиях, не может не считаться с такими фактами: введя психические термины в свои построения, оперируя с субъективными, недоступными прямому наблюдению, психическими процессами, он рискует загрязнить субъективизмом и неопределенностью все свои построения. Вот почему, как увидим сейчас, многие исследователи предпочли путь игнорирования психики и стали на путь изучения одних внешних актов и физиологических процессов (человека и животных).

Из двух зол: пожертвовать ли изучением психических переживаний в пользу точности и объективности своих положений, или напротив изучать и исследовать их, рискуя загрязнить объективность и определенность своих построений, „объективисты" избрали первый путь, сторонники „субъективной психологии"—второй.

Так как та же дилемма стоит и перед социологом, то волей неволей приходится подробнее остановиться на этом споре и прежде всего на вопросах: 1) *действительно ли неопределенны и неясны не только второстепенные понятия психологии, но и само понятие „психического"*, 2) *действительно ли психические переживания недоступны прямому наблюдению и объективному изучению?*

*

Неопределенность понятия „психики". „Суб'ективная и об'ективная" психологии.

На примере самих психологов не трудно показать неясность и неопределенность понятия „психики" и „сознания". Эти термины постоянно употребляются, есть целая наука „психология", но, увы! основные понятия: „психика и сознание" до сих пор остаются неопределенными. Этим фактом объясняются те злоключения, которые связаны с употреблением этих терминов. Я уже не говорю о гносеологических разномыслиях относительно понятия психического [1]). Для моей аргументации достаточно указания на сумбур мнений в этом пункте у представителей так называемых точных наук,— психологов, био-психологов и биологов. Приведем факты.

Обычное определение психологии, как науки „о состоянии сознания, говорит Вундт, делает круг, ибо если спросить вслед за тем, что же такое сознание, состояния которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет сумму сознаваемых нами состояний" [2]). „Описание или определение их (сознания и его элементов), говорит Гефдинг, невозможно" [3]). Логический круг при попытке определить сознание находим мы и у других авторов. Так, термин „сознание" (consciousness) в „Словаре психологии и философии" Болдуина определяется, как „the distinctive character of whatever may be called mental life", а слово: „Mind" определяется, как „the individual's conscious process, together with the dispositions and predispositions which condition it" [4]). Иными словами, сознание определяется чрез термин психический, духовный (mental), а духовный определяется чрез термин сознательный" (conscious). „Определение психического, наталкивается, как известно, на большие трудности", [5]) говорит Риккерт.

При желании, таких примеров можно было бы подобрать не мало. Читая курсы психологии, мы сплошь и рядом встречаем, как „психическое" отождествляется сначала с „со-

---

[1]) См., напр., 4-ый сборн. «Новых идей в философии. Изд. «Образования.

[2]) Вундт: Введение в психологию. Москва 1912, 9.

[3]) Гефдинг. Очерки психологии. СПБ. 1908. 49. «Сознание необъяснимо и почти что не поддается описанию» Natorp: Einleitung in die Psychologie. 1888 12—14.

[4]) См. слова: Consciousness» и «Mind» в «Dictionary of philosophy and psychology» by J. M. *Baldwin* 1901. New York.

[5]) Риккерт: Психофизич. причинность и психофиз. параллелизм. Нов. идеи в филос. Сб. № 8. 3.

знанием", а затем, через несколько страниц, тот же автор не стесняясь, говорит о „бессознательных" психических процессах. Это шатание мысли станет еще рельефнее, если мы попытались бы узнать у психологов, что следует понимать под „умом", „разумом", „мыслью", „познанием" и т. д. Как и в приведенных примерах в понимании этих терминов царит полная разноголосица. В виду такого положения дел немудрено, что полный разброд мнений обнаруживается и в вопросе: в каких явлениях дано психическое и где его нет. Одни, как, напр., Геккель [1]), *Ле-Дантек* [2]), Перти и др. находят сознание и психическое у всякой клетки. („клеточное сознание", „атомная душа"). Мало того, тот же Геккель, а недавно Де-ля-Грассери, находят возможным говорить даже о психике молекул, атомов и „психологии минералов". Выходит—весь мир обладает психикой и сознанием, начиная от камня и кончая человеком. Другие более умеренны в этом отношении: они признают *психическое данным лишь у организмов, начиная с низших и кончая высшими.*

Представителем этого течения может служить крупный исследователь поведения низших организмов—Дженнингс. В виду того, что непрерывность эволюции поведения от простейших до человека не дает возможности указать: где и на какой стадии появляется сознание,—с одной стороны, и в виду того, что между поведением человека и др. животных обнаруживается сходство,—с другой, Дженнингс и подобные ему авторы заключают, что сознание (психика) является свойством организмов вообще [3]). К этой же категории приходится причислить и таких авторов, как Вундт, Роменс, Летурно, Эспинас и др., которые с большим увлечением толкуют о „патриотизме", „любви", „сознании долга", „эстетике" „чувстве собственности" и т. п. среди муравьев, пчел, пауков, червей, и т. д.

Эти течения, утверждающие данность психики или состояний сознания даже в мире неорганических явлений (первое течение) или только в мире органических фактов (второе), в виде реакций вызвали третье течение, которое склонно изгнать психику не только из мира неодушевленных предметов и организмов, но и из мира людей: оно пытается свести все „психические явления" к простым физико-химическим реакциям в форме тропизмов, таксисов или чисто физиологических рефлексов. „Сознание—это только мета-

[1]) См. его «Мировые загадки» и «Perigenesis der Plastidule».
[2]) См. его «Познание и сознание».—элемент φ Изд. Карбасникова.
[3]) См. *Jennings*: Behavior of the lower Organisms. New-York. 1906. 336.

физический термин для явлений, которые определяются ассоциативной памятью", говорит Леб[1]). Аналогичную позицию занимает и Herrick [2]). Близки к этому взгляду и воззрения Bohn'a, Bell'a и др.

Мудрено ли, наконец, что такая безнадежная разноголосица и путаница в значении и смысле основных понятий психологии, вместе с самим понятием психического, привела многих исследователей к крайнему выводу: *выбросить из научной терминологии, как само понятие „психического", так и другие основные понятия психологии, заменить субъективную психологию объективной рефлексологией или физиологией, или наукой о поведении.* „Горизонт строго объективного исследования высшей нервной деятельности, пишет проф. И. П. Павлов, успешно и постоянно ширится. Зачем же физиологии проникать в предположительный фантастический внутренний мир животного. В *течение 13-ти лет я ни разу полезно для успеха дела не воспользовался при своих исследованиях психологическими соображениями.* Физиология мозга животных не должна ни на момент сходить с истинной почвы естествознания... Я вижу и преклоняюсь перед усилиями мысли в работе старых и новейших психологов, но мне вместе с тем представляется, и едва ли это можно оспаривать, что работа эта совершается страшно не экономично" [3]).

Сообразно с этой бесплодностью психологических понятий и методов в лаборатории Павлова определен был даже штраф за всякое употребление психологического термина. При таком изучении т. н. психических реакций „психическая сторона не отрицается, а только исключается". „Биологи, изучая так наз. психологические реакции животных, самим ходом исследования все более и более отстраняются от психологического их истолкования и ограничиваются выяснением законосообразной связи между внешними раздражениями с одной стороны и ответной внешней реакцией

---

[1]) См. Loeb: Comparative Physiology of the brain and compar. Psychology. New-York. 1909—12.

[2]) «Consciousness is a functional phase of the more complex mechanisms of those higher non stereotyped actions for which the reflex machinery is inadequate, in much the same way that the tropisms of Paramecium and the sucking reflex of an infant are functional phases of the simple inborn neuromuscular mechanisms of these organisms. *Herrick*: The evolution of Intelligence. Science. т. XXXI. № 784. См. изложение и критику всех этих «монизмов» и этой разноголосицы в книге *В. Вагнера*: Био-психология», т. I, изд. Вольфа и в книге *Parmelee*: The science of human behavior. New-York. 1913. Гл. XIV—XVI.

[3]) *И. П. Павлов:* «Настоящая физиология» головного мозга. Природа. 1917. Январь. 38.

животного и физиологическими процессами в нервной системе—с другой. Таким образом психика животных остается вне исследования. Физиология не делает никакой принципиальной разницы между организмом человека и животных, и объективный метод, ею применяемый при изучении животных, применим ео ipso и к человеку" [1]).

К таким же выводам пришел В. М. Бехтерев и его школа. В последней своей работе: „Рефлексологии" он выбрасывает за борт науки все психологические термины и понятия, начиная с термина „психический" Употреблявшееся им раньше название „объективная психология" заменяется „рефлексологией", „термин соотносительный" пишет В. М. Бехтерев, устанавливается вместо психической или нервно-психической деятельности; „психические процессы" мы будем называть соотносительными процессами". Изучение соотносительной (читай: психической, П. С.) деятельности, доказывает он далее, не только возможно без обращения к субъективной психике, но дает гораздо лучше результаты, чем субъективная психология [2]).

Подобно им и Мак-Даугол приходит (хотя половинчато) к аналогичным выводам. В своей книге „Psychology, the study ot behavior", как видно уже из названия, он пишет: „мы может определить психологию, как положительную науку о поведении (behavior) животных существ (living things). Такое определение, доказывает он дальше, во всех отношениях лучше и предпочтительнее обычнаго определения ея, как науки о духе (mind) [3]).

---

[1]) *I. Зеленый*: Современная биология и психология. Нов. идеи в философии. Сб. № 9. 65.

[2]) См *В. М. Бехтерев*: Общие основания рефлексологии. 1918. 15—16.

[3]) Let us now compare our conception of psychology as the science of behavior with the more usual definition of it as the science of mind. Понятие «mind», доказывает он далее, совершенно неопределенно. «Никто не может указать, что он разумеет под mind. Если же предпочитают слову «mind» слово сознание (Consciousness), мы попадаем в еще более худшие условия. Ибо для каждого из нас сознание другого есть предположение, а не непосредственно данный факт. Если, поэтому, мы не можем определять психику (mind) через сознание, то остается определить ее чрез термины поведения (behavior) Понятие поведения, с другой стороны, может быть определено без всякого привнесения спекулятивных предпосылок или гипотез путем указания фактов, открытых прямому наблюдению всех людей, путем указания: вот то, что я разумею под поведением».

McDougall: Psychology, the study of behavior. London 1912 31—32.

Сходны взгляды и аргументация *Parmelee*: The science of human behavior.

Довершением этого похода против субъективной психологии является по-

Из сказанного видно, *насколько спорными и разнородно понимаемыми являются: как само понятие психического, так и основные понятия психологии. Теперь понятным будет, почему точные исследователи, боясь загрязнить свои построения субъективизмом и неопределенностью, предпочитают игнорировать психику и изучать одни внешние акты.*

Что же из всего этого следует? *Следует ли, во-первых, что человек не обладает психикой, что она отрицается начисто сторонниками объективизма?*

Нет, не следует. Не следует, во-первых, потому, что наличность в каждом из нас психики,— идей, чувств, эмоций, волевых устремлений — *факт*, данный непосредственно каждому из нас. Это факт неоспоримый . Отрицать его нельзя, ибо отрицание его повело бы за собой отрицание „я", отрицание нашего собственнаго существования.

Не следует этот вывод и потому, что сами наиболее крайние „объективисты" не отрицают наличности у человека „психики", но только исключают недоступные для наблюдения и опыта чисто субъективные психические состояния. . . Что это так, это следует из того, что в той или иной форме им приходится иметь дело с психикой. Так, Бехтерев рассматривает психику, как вид „молекулярной энергии низших животных, характеризующейся сократимостью протоплазмы". Производной этой энергии — жизненной по существу — и является психическая деятельность в виде наших переживаний" [1]). Таким образом, под словом энергия или нервный ток—предполагается при этом, что эта энергия, называемая им нервно-психической энергией, отлична от других видов энергии (см. 21 стр.)—психическое нисколько не отрицается, а признается данным у человека. Так же поступают и другие авторы. При чем некоторые из них, напр. Lasswitz[2]), Грот, Краинский прямо признают существование особой психической энергии. Не иначе поступает и школа Павлова, заменяя психическое явление термином „нервного тока", „нервного раздражения", „нервного процесса" и т. п. Леб и др. принуждены говорить о таких явлениях, как „ассоциативная

пытка *Джемса* уничтожить и гносеологическое понятие «сознанія—вообще», какъ сущности или субстанціи».

См. *Джемс*: Существует ли сознание. Нов. идеи в философии. Сб. № 4, 102—127.

[1]) *Бехтерев:* Общие основания рефлексологии. 20—22. «Психические или субъективные процессы являются результатом напряжения энергии или нервного тока». 142.

[2]) Ст. *Lasswitz*: Die moderne Energetik in ihrer Bedeutung für die Erkenntniskritik. Philos. Monatshefte, т. XXIX.

память", устанавливать особые виды рефлексов (напр. рефлекс цели Павлова [1]), отображением коих служат внутренние психические переживания и т. д. и т. д. Мало того, каждому из них приходится то и дело употреблять термины: „мысль", „высшая умственная деятельность", „болевое раздражение", „рефлекс сосредоточения и внимания" и т. д. Короче, никто из них не отрицает данности у человека совокупности внутренних переживаний, называемых обычно психическими [2]).

Речь *идет не об отрицании их, а исключительно о том, как наиболее целесообразно изучать их*: изучать ли их „субъективно", путем метода самонаблюдения, путем аналогии и т. д., или изучать их объективно, путем наблюдения внешних проявлений внутренних психических процессов, объективирующихся в форме тех или иных движений — рефлексов, и в форме объективных физиологических процессов.

Из сказанного мы видим, что *понятие психического* и *психических переживаний действительно неопределенны. Их точное содержание и объем не установлены. Они понимаются разно.*

Но вместе с тем мы видим, *что наличность таких психических переживаний не отрицается даже крайними „объективистами"*.

Констатируем пока этот результат и спросим себя: *как возможно познание этих субъективных переживаний и возможно-ли оно вообще*?

Методы познания психических переживаний.

В общем и целом и субъективисты (за немногими исключениями) и объективисты признают, что *чужая психика и чужие душевные переживания непосредственно нам недоступны.* Каждому из нас доступны только наши собственные переживания, только сознание нашего собственного „я".

В дальнейшем, пути субъективистов и объективистов расходятся. Первые утверждают, что если не прямо, то косвенно мы можем изучать и чужие душевные переживания. Путь для этого — *метод самонаблюдения.* Наблюдая наши переживания и связанные с ними внешние движения мы по

---

[1]) См. *Павлов*: «Рефлекс цели». Вестн. Европы. 1916. Апрель.

[2]) Ст. *Бехтерев* Ibid. 128. «Уже с самого начала при обосновании рефлексологии мы не противополагали ее субъективной психологии и ничуть не исключали последнюю, а наоборот, вполне определенно отмежевали последней область исследований, производимых на себе самом с помощью метода самонаблюдения». 128.

аналогии можем заключать и о душевных переживаниях другого, когда наблюдаем такие же действия других лиц. Из сходства или тождества поступков мы заключаем и о сходстве душевных переживаний. Таков путь для познания психики чужого „я", путь называемый методом аналогии. Другие этот путь аналогии несколько вариируют. Одни, как напр., Петражицкий, [1]) утверждают, что более правильные результаты дает не метод аналогии, а соединенный метод внутреннего и внешнего наблюдения. Он состоит в том, что сначала устанавливается функциональная связь между определенными психическими переживаниями и их внешними проявлениями у людей известного класса или людей вообще. „Добыв такого рода общие сведения, мы имеем посылки для дедуктивных умозаключений в конкретных случаях, т. е. умозаключений не по аналогии наших индивидуальных и чужих индивидуальных движений, а путем подведения конкретных чужих движений под соответственные общие положения." [2]) Другие, — как, напр., Липпс, Scheller, Лосский предлагают свои поправки к методу самонаблюдения. Допуская, что метод аналогии не всегда может дать верные результаты, они дают свои теории для познания „чужой души". Липпс, вместо метода аналогии, выдвигает теорию „вчувствования", согласно которой познание чужого „я" возможно в силу того, что при наблюдении чужих действий мы бессознательно подражаем действиям другого и потому „сопереживаем" с ним его психические процессы. При виде зевка другого мы чувствуем потребность зевать, при виде гнева — мы сопереживаем его и чувствуем стремление к таким же действиям, как и подлинно гневающийся. Отсюда, возможно познание чужой психики [3]). Шеллер, Эллвуд, а в особенности Н. О. Лосский, идут в этом направлении еще дальше и допускают непосредственное познание чужой психики путем интуиции [4]).

---

[1]) *Петражицкий.* Ведение. 30—37.

[2]) *Петражицкий.* Ibid. 35

[3]) «Мы знаем о чужой жизни сознания только путем вчувствования» (Einfühlung). *Липпс* Пути психологии Нов. идеи в филос. Сб. № 4. 148 См. также *Lipps*: Psychol. Untersuchungen, т. I, Lief. 4. Das Wissen des fremden Ich.

[4]) *Ellwood*: Objectivism in sociology. Amer. journ. of sociology т. XXII, 303. We are conscious of the conscious states of others, and that not by a process of logical inference, as some psychologists have implied, but intuitively, directly as we know many of the qualities of physical objects См. *Scheller*. Ueber den Grund zur Anname der Existenz der fremden Ich.

Лосский: Восприятие чужой душевной жизни. Логос. 1914. т. I., вып. 2.

Эта интуитивная теория познания чужой душевной жизни по своей сущности выдвинута была еще *Дарвином*. «Имеем ли мы инстинктивную способ-

В той или иной форме, но все сторонники субъективной психологии признают возможность познания чужой душевной жизни. Сообразно с этим они признают и психологию, как науку о состояниях сознания или душевных процессах.

Иначе смотрят на дело „объективисты". Исходя из положения, что чужая психика недоступна непосредственному наблюдению, они утверждают, что познание чужих психических переживаний вообще недоступно, что все методы, связанные с самонаблюдением—метод аналогии, соединенного внешнего и внутреннего наблюдения, метод вчувствования, метод интуитивизма — все они не дают и не могут дать сколько-нибудь серьезных, точных и надежных результатов, что при всех этих методах человек познает и переживает не психику другого, а свои собственные переживания, что поэтому самым целесообразным выходом из такого положения является отказ от изучения чужих субъективных переживаний (чужой психики); вместо нее следует изучать доступные наблюдению внешние и внутренние физиологические процессы: нервные токи, движения, рефлексы, короче — внешнее поведение индивида [1]). „Чтобы иметь достаточно полное знание той или иной человеческой личности, ничуть нельзя довольствоваться расспросами об ее субъективных переживаниях, а нужно знать личность человека прежде всего по ее действиям, поступкам, по содержанию ее речи, мимике, жестам и вообще по отношениям ее к внешнему миру". Такое объективное изучение личности, без обращения к внут-

---

ность распознавать выразительные движения? спрашивает он. Так как выразительные движения в большинстве случаев должны быть приобретены постепенно и впоследствии сделаться инстинктивными, то уже a priori до некоторой степени вероятно, что и способность узнавать их стала инстинктивной».

Ч. Дарвин: О выражении ощущений у человека и животных. СПБ. 1899. 179—180.

Близка к этой позиции и позиция *Петражицкого*, мимоходом брошенная в примечании. «Если бы обычное учение (метод аналогии и умозаключений) было правильно, пишет он, то наша ориентировка относительно чужих психических переживаний была бы психологически очень сложным и медленным процессом и часто наступала бы с практической точки зрения слишком поздно; если фактически эта ориентировка, напр., в области разговоров, столкновения врагов и т. д. происходит моментально, с величайшей быстротой (что иногда важно для сохранения жизни), то это объясняется существованием более простых, не требующих переживания не только нескольких, но даже и одного суждения, способов познания, в частности слухо- и зрительно-психологических восприятий, мгновенных сочетаний элементов зрительных и т. п. ощущений и элементов психологических представлений».

Петражицкий. Введение. 143.

[1]) «Ни теория аналогии, ни теория вчувствования, ни теория интуитивизма, не дают нам возможности познавать чужое «Я», говорит Бехтерев. Op. cit. 7.

ренней стороне, говорят объективисты, дает и более полную картину, и более точные и верные результаты [1]).

„Субъективная" и „объективная" социологии.

Такова сущность спора субъективной психологии и объективной рефлексологии или физиологии нервно-мозговых процессов.

Я остановился на его изложении потому, что он ближайшим образом касается и социологии. Поскольку последняя имеет дело с деятельностью людей, перед ней встают те же самые вопросы, что и перед психологией, и столь же повелительно требуют того или иного ответа. Поэтому изложим сначала этот спор в области социологии, а потом уже заодно дадим свои заключения по поводу вопросов, затронутых в этом споре.

Как и следовало ожидать, изложенная борьба мнений из области психологии перекинулась в социологию. И здесь появились сторонники „субъективно-психологической социологии", и ревнители „социологии объективной", подобно

---

[1]) *Бехтерев*: Op. cit. 14. См гл. I—IV. То же говорят и другие объективисты.. «В течение 13 лет... я постоянно получал впечатление, что психологич. понятия и систематизация психологами субъективных явлений, говорит *И. П. Павлов*, должна глубоко разниться от физиолог. представлений и физиолог. классификации высшей нервной деятельности, что воспроизведение нервных процессов в субъективном мире является очень своеобразным, многократно преломленным, так что, *в целом психологическое понимание нервной действительности в высшей степени условно и приблизительно*... В течение 13-ти лет я ни разу полезно для успеха дела не воспользовался при своих исследованиях психологическими соображениями». *И. П. Павлов:* Настоящая физиология головного мозга. Природа. 1917. Январь. 36—38. То же говорит и *Mc Dougall*, определяя психологию, как науку о поведении. См. его Psychology, the study of behavior. London. 1912. См. изложение истории и вопроса об объективной школе: *Зеленый* Современная биология и психология. Нов. идеи в философии. Сб. № 9 *Его же*: «Психич. реакции животных, как объект естествознания. Природа. 1913. Октябрь. *В. Вагнер*: Био-психология. т. I. 157—249. *Его же*: Физиология и биология в решении психологических проблем. Нов. идеи в биологии. Сб. № 6. *Его же:* Зоопсихология перед судом физиолога И. П. Павлова. Вестник психологии. т. XIII, вып. 3—5. *Леб:* Значение тропизмов в психологии. Нов. идеи в философии. Сб. № 8.

Аналогична же точка зрения и американских исследователей поведения животных и человека. «Истина, к которой пришли исследователи поведения животных, заключается в том, что психические явления могут быть изучаемы только на основе изучения объективных фактов поведения. Мы не можем претендовать на сколько-нибудь достоверное знание психических свойств животного вида или человеческого рода без хорошего знакомства с формами деятельности и поведения последних», так резюмирует Пармели точку зрения упомянутых исследователей.

Parmelee: The science of human behavior. 78, также гл. XI — XVI.

объективным психологам отказывающиеся иметь дело с психикой, изучать субъективно-психические переживания и пользоваться психологическими терминами.

Вначале и в социологии всецело царил субъективизм. Психологическая школа в социологии сделала его чуть ли не господствующим методом. Но мало по малу возникла реакция против субъективизма и субъективного психологизма и в этой дисциплине. Первым крупным проявлением этой реакции было положение Дюркгейма, гласившее: „первое и основное правило (для наблюдения социальных фактов) состоит в том, что социальные факты следует рассматривать, как вещи" (des choses) [1]). Вслед за ним Кост, выпустивший Les principes d'une Sociologie objective, в предисловии откровенно заявил, что цель его книги—„реакция против мутного потока психологии, грозящего завладеть социологией и смешать ее с науками моральными и политическими" [2]).

Но и Дюркгейм, и Кост, а после них и Ваксвейлер [3]), остановились на полдороге. Они продолжали орудовать и психологическими терминами, и психологическими понятиями, и иметь дело с психическими явлениями. Такие термины, как „социальное сознание", „коллективное представление", „традиция", „мысль", „чувство", и т. п. обычны в работах Дюркгейма и Коста.

Однако, реакция против субъективизма на этом не остановилась. Появились работы „объективистов", поставившие все точки над „i" и категорически объявившие все психологическиеметоды изучения социальных явлений ненаучными. Примером таких работ могут служить работа Bentley [4]) и статья доктора Зеленого [5])—ученика школы И. П. Павлова. Первый в своей работе подверг резкой критике обычные в соц. науках и в социологии психологические термины и понятия, в роде „чувств", „идей" и т. д. Второй прямо высказался за то, что научным изучением социальных явлений будет объективное изучение их физиологической стороны, а не психологической. Психика сама по себе не дана; она

---

[1]) *Дюркгейм:* Метод социологии. Изд. Иогансона. 20.

[2]) *Coste:* Les principes d'une sociologie objective. Paris. 1899. I. «База социологии, добавляет он, должна быть не психологической и субъективной, но объективной и экспериментальной».

[3]) «Единственные формы деятельности (activités) человека, которые интересуют социолога—это деятельности внешние»...
Waxweiler: Esquisse 169.

[4]) См. *Bentley:* Process of Government, 1908 г.

[5]) См. *Seliony:* Ueber die zukünftige Soziophisiologie. «Archiv fur Rassen- u. Cesellschafts-Biologie» 1912, IX, 405—30.

недоступна наблюдению; она не допускает точных методов; поэтому все психическое должно быть исключено из области изучения социолога. Вместо психики последний, как и объективный физиолог, должен изучать лишь внешние выражения деятельности человека: движения, акты, физиологич. процессы и т. д. Вместо недоступного наблюдению психического общения он должен изучать общение людей путем писем, телеграмм, знаков и т. д. Вместо неуловимых психических акций и реакций социолог, подобно физику, изучающему звук путем изучения колебаний воздушных волн, должен изучать только объективно данные корелляты психики: рефлексы, их связь, сцепление, взаимозависимость; напр., связь звука тарелок и шествия человека в столовую, звонка и шествия учеников в класс (условные рефлексы) и т. д. Таковы задания объективной социологии в беглых штрихах, набросанные Зеленым.

Атака объективизма, как и следовало ожидать, должна была встретить отпор со стороны психологистов-социологов. Этот отпор действительно был дан. Говоря это, я разумею статью крупного американского социолога Эллвуда, который подверг резкой критике статью Зеленого [1]) Этот спор, раз начавшись, конечно не погаснет.

Ближайшее будущее, вероятно, сделает его наиострейшим вопросом в социологии и поставит проблему во всю ширину. Вот почему приходится этот вопрос так или иначе решить и здесь [2]).

Из предыдущаго становится ясным, какие научные „минусы“ по мнению „объективистов“ связаны с изучением субъективной стороны явлений взаимодействия, понимая под ней психические переживания. Эти минусы сводятся: к 1) неопределенности понятий: психическое и его синонимов; 2) эта неопределенность влечет за собой загрязнение неопределенностью социологических понятий, раз в последние вводятся, в качестве элемента или признака, психические

---

[1]) *См. Ellwood*: Objectivisme in Sociology. The american journ. of sociology. т. XXII. 289 -305.

[2]) Как видно из изложенного, современная постановка вопроса о психологическом и социологическом субъективизме и объективизме совершенно отлична от старых споров в нашей литературе о субъективном и объективном методе. В последнем случае она носила скорее метафизико-гносеологический характер, в данном случае—этот спор—чисто эмпирико-методологического порядка. Там шла речь главным образом об об'ективности или суб'ективности нормативных элементов науки, этических оценок, здесь дело идет не о нормативных элементах, а о том, доступны ли определенные явления объективному наблюдению, возможно ли функциональное изучение психических явлений, насколько точными могут быть данные о чужих переживаниях и т. д.

переживания; 3) помимо этой неопределенности новые неясности вытекают из того факта, что психические переживания, повидимому, прямо недоступны наблюдению и в силу этого делают весьма вероятным субъективизм при их изучении и толковании.

Решение спора.

Спрашивается, *на чью сторону в этом споре должны мы стать? К которому из двух течений должны мы примкнуть?*

Для меня нет сомнения в том, что научные „минусы", указываемые объективистами, в значительной мере правильны. Но вместе с тем я не могу согласиться на то, чтобы исключить начисто психические переживания из области изучения. Для этого время еще не пришло. Быть может в будущем, с развитием точных, объективных дисциплин, это и удастся. По крайней мере лично я этого хотел бы и есть основания думать, что прогресс науки ведет в этом направлении. Но пока слишком еще несовершенны и незначительны данные, добытые „объективизмом", чтобы можно было социологу совершенно игнорировать субъективно-психическую сторону человеческой деятельности. Остается, поэтому, один путь: *свести до минимума пользование психологическими терминами, только в исключительных случаях обращаться к анализу субъективно-психических переживаний для объяснения того или иного явления и ввести возможную точность в сферу изучения подобных явлений.*

Понятие психических актов и переживаний.

Первая задача, вытекающая из таких заданий, состоит в том, чтобы условиться, *что мы будем понимать под термином психический.* Смысл, который будет придаваться этому термину в данной работе, тождественен смыслу термина: *сознание. „Психическое" и „сознательное" переживание для нас тождественны.* Акт, сопровождаемый *психическими* переживаниями, и акт, сопровождаемый *сознанием,* для нас будут означать одно и то же.

Какие же переживания и акты являются актами сознательными. (resp. психическими)?

Вместо определения я сошлюсь прежде всего на личный опыт каждого. Этот личный опыт показывает, что одни из наших поступков сопровождаются тем, что я называю сознанием, другие—нет. Ряд актов, напр., чихание, отдерги-

вание руки при уколе булавкой, движение ног при ходьбе, механическое пожимание руки при встрече с знакомым совершаются „механически", „бессознательно". Другие акты, напр., акт чтения книги, намеренное протягивание руки при встрече с знакомым, обдуманное и целевое совершение чего либо, совершаются сознательно, при свете „внимания"; в них часто дана „цель", они реализируют волевые решения.

Этого намека достаточно, чтобы читатель понял, что разумеется мной под термином „сознательные" переживания и акты.

Частным и основным видом их являются акты целеполагательные, акты волевые и акты, совершаемые под влиянием идей [1]).

---

[1]) Подходя с несколько иной точки зреняя, мы можем ту же проблему очертить следующим образом. Обычно различаются три основных разряда «психических» явлений: рефлексы, инстинкты и собственно разум. Многие авторы все эти разряды считают входящими в область «психического». Однако, в последнее время рефлексы, как чисто физиологические акты, вполне правильно исключаются из сферы «психики». Остаются, след., инстинкты и собственно разум—как основные категории психического. На этой именно точке зрения и стоит проф. В. А. Вагнер. Им же доказана «бессознательность» инстинктов и их полная автоматичность. Инстинктивные действия—*наследственны, представляют результат филовенетического развития, индивидуально не изменяемы, не есть результат индивидуального опыта,* не имеют никакого *целеустановления, шаблонны* и *бессознательны.*—Таковы их свойства, глубоко отделяющие их от разума—сознания. (См. превосходную работу Вагнера. Био-психология. т. II, СПБ. 1913 г. 198—200). Принимая вполне эти определения признаков инстинкта, мы должны ответить—входят ли инстинкты в область «психики» с нашей точки зрения. И на этот вопрос мы отвечаем отрицательно, подчеркивая, что мы термином «психический» обозначаем только «сознательные» переживания, т. е. то, что Вагнер обозначает термином разум. Именно тот класс актов и отношений, который он называет «разумными» «сознательными», мы называем психическими. Вполне соглашаясь с положениями компетентного био-психолога, мы указали бы лишь на то, что в целях методологических было бы лучше исключить инстинкты, как и рефлексы, из сферы «психического», так как в противном случае получается то неудобство, что одним термином «психического» покрываются совершенно разнородные явления: «сознательные» и «бессознательные». Это тем более следовало бы сделать, что сам В. А. Вагнер исключил из области психики рефлексы. А между тем, стоя на его же точке зрения, трудно провести различие между рефлексом и инстинктом. Как провести точную грань между «реакциями поведения» и «реакциями отправления»? Почему не может быть названо «реакцией поведения» движение обожженной руки, указываемое уважаемым автором, как пример рефлекса, а такой реакцией будет тот же акт, «при приближении опасности»? Я не вижу здесь ничего такого, что позволяло бы провести это различие. Равным образом и другие вспомогательные признаки не более надежны. (См. стр. 9—13).

В виду этого, выделив «сознательные акты»—как акты психические, под биологическим взаимодействием мы понимаем именно рефлекторно-инстинктивное взаимодействие (в смысле проф. Вагнера).

Таков смысл, который я придаю этим терминам.

Теперь, устранив до известной степени неопределенность термина „психический“ и „сознательный“, спросим себя: *доступны ли психические переживания других лиц непосредственному наблюдению?*

К этому признаку присоединяется ряд других объективных признаков «сознательно-психического» акта, определяющих его объем и природу, и делающих невозможными бесконечное расширение «психического», в котором повинны многие лица.

Психическое взаимодействие (сознательное) может быть дано во взаимодействии лишь таких организмов, которые удовлетворяют следующим условиям.

1) С точки зрения *анатомо-физиологической* в их мозгу должны быть на лицо и ассоциационные сферы (кора головного мозга), как сферы, стоящие в неразрывной связи с разумною деятельностью, отсутствие которых свидетельствует и об отсутствии последней. Такие сферы даны лишь у человека и высших животных; отсюда вывод—так как у растений и беспозвоночных этого анатомо-физиологического признака нет, то eo ipso взаимодействие их не носит психического характера.

2) С точки зрения *онтогении* поведение искомых центров, сопровождаемое сознанием, должно обнаруживать способность к *эволюции, к непрерывному развитию*. Этот признак важен потому, что бессознательное (инстинктивно-рефлекторное) поведение не эволюционирует, а здесь одни инстинкты моментально сменяются другими, как декорации театральной сцены. Ребенок, напр., учится жить, мыслить, понимать язык, окружающее, должен учиться, как вести себя, и т. д., тогда как птенец понимает язык матери еще не вылупившись из скорлупы. Все его поведение уже предопределено заранее, он «не учившись учен». Возьмем ли мы шмеля, или пчелу, или ласточку—их поведение будет совершенно одинаковым и в том случае, когда со времени своего появления будут совершенно изолированы, так что ни о каком обучении не может быть и речи, и в том случае, когда они будут жить в обществе себе подобных. (См. факты в работах проф. Вагнера).

3) С точки зрения *био-психологии поведение искомых центров* не может быть совершенно *безличным и шаблонным*, точной копией родового инстинкта, а должно обнаруживать известную индивидуальность.

4) Эти «центры» должны обнаруживать *способность к научению*, к пользованию результатами *индивидуального опыта*, так как отсутствие этого признака говорит и об отсутствии «разума», т. е. говорит лишь об инстинктивно-рефлекторной деятельности, а тем самым не о сознательном, а бессознательном взаимодействии. Значит: ни рефлексы, ни инстинкты, ни т. н. вторично-автоматические акты не являются для нас «сознательно-психическими актами» См. *Вагнер.* Op. cit. т. II. 270—285. *Морган.* Привычка и инстинкт СПБ. 1899 115 и passim. Parmelee: The Science of human. behavior. 319 и 256—280

Но вместе с тем, было бы ошибкой, если бы сознательно-психические акты отождествили с целевыми. Последние составляют вид сознательных актов. Поэтому ошибочной приходится признать теорию *М. Даугалла*, считающего всякий вообще акт поведения и целевым, и сознательным. Незаконное расширение понятия психического до «психики амебы»—таков вывод из его теории действия и такова его основная ошибка. *М. Даугалл.* Осн. пон. соц. психологии. 258 и сл.

На этот вопрос приходится ответить отрицательно. „За отсутствием у нас способности видеть, вообще наблюдать то, что происходит в чужой душе (в сознании других), для нашего наблюдения абсолютно недоступны, совсем закрыты

Не могу я согласиться и с В. А. Вагнером, совершенно правильно ограничивающим объем понятия «разумного» (сознательного в нашем смысле), но ошибочно отождествляющего разум, сознание с целеполагательностью. В ответ на мое замечание по поводу его II-го т Био психологии, что нельзя отождествлять разум (сознание), с целеполагательностью, многоуважаемый ученый в своей статье «Биологи и юристы в вопросах сравнительной психологии» пишет «я вовсе не утверждаю, будто бы таких случаев, когда разумные действия (или слова) у человека могут быть лишены цели—не бывает Такие случаи возможны., но такие случаи ничего не изменяют в справедливости сделанного мной утверждения, на котором я настаиваю, а именно, что разумные акты, в отличие от актов не разумных (инстинктивных), являются целеполагательными. Случаи, когда цель действия не представляется ясной для производящего это действие человека или вовсе исчезает у него из вида... могут быть либо онтогенетического происхождения, когда слова или действия вследствие повторности обращаются сначала в привычку, а затем во вторично-автоматический акт, либо могут быть филогенетического происхождения, когда действия или слова удерживаются целым рядом поколений в качестве пережитков прошлого, уцелевших от времени, когда слова эти или действия имели ясно выраженную определенную цель Традиции передаются в качестве социального наследства так же, как передаются инстинкты, хотя и другими путями и на основании других законов». См. мою рецензию на вышеупомянутую книгу, Вестн. психологии. 1913 г. вып. II-й. Ответ В. А. Вагнера. Вестн. психол. 1913 г. вып. III-й. См. аналогичную же аргументацию у Иеринга. Цель в праве, стр. 14, 15.

Если бы даже все дело и обстояло так, как пишет проф. Вагнер, то и тогда нет основания отождествлять разум (т. е. психику, сознание в нашем смысле). с целеполагательностью, ибо самим же проф. Вагнером констатируется, что могут быть акты разумные, но не целеполагательные. Как они произошли—это уже вопрос другой. А важно то, что феноменология психических процессов нам дает акты разумные, но не целевые. В каждый данный момент имеются у нас, след., поступки разумные, но разнородные: одни сопровождаются целевыми представлениями, другие—нет, а потому игнорировать эту разнородность и называть оба класса явлений одним и тем же термином «целепонимательных или целеполагательных»—не позволительно с логической точки зрения... Это одно. Во-вторых, нам думается, что нельзя смешивать актов хотя и разумных, но не целевых, с автоматически-привычными актами, как это делает наш выдающийся био-психолог. Категория автоматически-привычных актов сплошь и рядом не сопровождается никаким сознанием, т. е разумом, она сплошь и рядом стоит вне психики, или сознания. Это следует, во-первых, из того, что не всякий нервный процесс сопровождается сознанием. (См. *Гефдинг.* Очерки психологии, стр. 71). Во-вторых, из того, что ряд привычных актов, напр., акты, состоящие в управлении велосипедом, лодкой, акты «хороших манер», разговора (самого подбора слов), раз они стали автоматическими, то они совершаются «бессознательно». Я могу править велосипедом, думая совершенно о другом, могу иметь «хорошие манеры», будучи занятым совершенно иными делами и мыслями и т. д. В силу этого, аргумент, что все разумные, но не целевые акты, есть акты автоматически-привычные—перевалливает через край. Такие акты—совсем бессознательны, и потому в счет идти не могут... В-третьих, в силу второго положения, весьма спорным становится и происхождение разумно (сознательно)

все сферы бытия психических феноменов, кроме одной, кроме нашей же собственной психики, кроме сознания нашего „я“ [1]).

Психический мир другого для нас непосредственно недоступен. *Нам даны не прямо психические переживания других, а те или иные внешние проявления последних.* С этим соглашаются все психологи. Этого не отрицают даже те, кто признают, что познание психических переживаний другого возможно не только путем аналогии, но и путем „вчувствования“, „интуиций“ „инстинкта“ и т. д. (Липпс, Дарвин, Шеллер, Лосский, Эллвуд, и др.; см. выше). И они не отрицают, что „вчувствование“, “интуиция“ etc. дают нам познание чужих психических переживаний не как таковых, а на *основе тех или иных внешних проявлений психики.* Для того, чтобы возможно было восприятие „сладостной“ активности чужого зевка или моторной активности чужого гнева, должен быть дан чужой зевок и ряд внешних проявлений гнева. Если бы не было никаких внешних проявлений психических переживаний, мы абсолютно не могли бы знать, что делается в душе другого, радуется он или грустит, проклинает ли или благословляет, думает ли о чем или ни о чем не думает. Можно отрицать и отрицать с основанием, что чужие психические переживания мы познаем только по аналогии. Можно полагать, что чужие переживания по их внешним проявлениям мы познаем инстинктивно, как полагал Дарвин, интуитивно, как полагают другие. Но это не значит, что мы познаем прямо психику другого в чистом виде, а означает, что мы моментально, без цели умозаключений по аналогии, познаем чужие психич. процессы на основе внешних проявлений последних [2]).

не целевых актов, спорным становится утверждение, что разумно—не целевые акты суть многократно-повторявшиеся целепонимательные акты. Во всяком случае, наблюдения над своими и чужими поступками говорят, что для происхождения таких актов вовсе не обязательно многократное повторение.

Дети, напр., сплошь и рядом, после слов «папы», что «мучить кошку—не хорошо и гадко», что «лгать—нельзя» и т. д.—при виде подобных актов, реагируют на это словами: «мучить кошку—гадко», лгать—нельзя» и т. п., не имея ни многократного повторения, ни какой-нибудь цели, но сопровождая свой акт сознанием и исходя из положения «не для того, чтобы», а «потому, что так сказал папа». Подобных фактов можно привести ad libitum.

[1]) *Гетражицкий*: Введение. 30. То же утверждают *Бехтерев.* (Op. cit. 7—14) и др.

[2]) Не представляет отсюда исключения и теория д-ра *Котика.* Если бы его тезисы «о непосредственной передаче мыслей» и подтвердились, то это означало бы, как признает и сам *Котик*, что переходит непосредственно не сама мысль, а особого рода «психическая энергия», пробуждающая в мозгу перципиента соответствующие мысли и представления. См. *Д-р Котик* Непосредственная передача мысли. М. 1912.

Но если чужие психические переживания прямо нам недоступны, то *следует ли отсюда, что они вообще не могут познаваться, что всякая попытка их познания по их внешним проявлениям (слова, движения, мимика, жесты и т. д.), неизбежно ведет к ошибкам, что поэтому, лучше совсем их игнорировать?*

Ничуть не следует. Несомненно, в особенности в случаях сознательного притворства, симуляции и т. д., здесь возможны ошибки. Но сказать, что они всегда неизбежны [1])—это значит сказать слишком много. Если бы дело обстояло так, то „психическое общение" людей было бы невозможно: мы решительно не могли бы знать, что делается в душе другого; люди не могли бы совершенно понимать друг друга. Между тем мы на каждом шагу ставим диагнозы; в роде таких: „X не в духе"; „У что-то загрустил", „L гневается", „А в восторге", „В обдумывает проблему сознания", „С хочет сладкого", „Д замышляет подлость" и т. д. И наши диагнозы оправдываются. На каждом шагу мы говорим с людьми о своих переживаниях и в большинстве случаев понимаем друг друга. Больше того, весьма часто мы познаем, когда человек симулирует, когда нет, когда его слова лгут, когда нет. Все эти ежедневные, самые обычные факты говорят за то, что мы можем познавать чужие психич. переживания на основе их внешних проявлений и чаще всего познаем правильно. Вот почему не следует преувеличивать ошибки, связанные с познанием чужой душевной жизни; тем более нельзя говорить, что попытки такого познания всегда будут ошибочными. Мы хотя и не прямо, но можем познавать и чаще всего правильно чужую душевную жизнь. Вот почему изучение психических переживаний другого не влечет неизбежно „загрязнения" научных теорий; вот почему возможно пользование методами субъективной психологии (методы самонаблюдения, плюс методы аналогии, соединенного внешнего и внутреннего наблюдения, методы „вчувствования", „интуиции", „инстинктивного понимания выразительных движений и т. д.), в качестве методов дополняющих и вспомогательных методам объективного изучения внешних актов.

Сказанное позволяет сделать нижеследующие выводы относительно рассматриваемых социологических методов изучения явлений взаимодействия.

---

[1]) См. напр. *Бехтерев*: Op. cit. 1—17.

Методы изучения явлений взаимодействия.

1) При изучении явлений взаимодействия следует пользоваться совокупностью всех методов, пригодных для этого изучения и способных дать тот или иной научный плюс для понимания данного явления.

2) Отсюда следует, что *объективный метод имеет все законные права на применение его в области исследования явлений взаимодействия. Он составляет основу, исходный пункт и главное рабочее орудие для познания причинных взаимоотношений в данной области явлений.* В самом деле, выше я показал, что психические явления, ничем не проявляющие во вне своего существования, не имеющие внешних знаков в какой бы то ни было форме, такие явления нам недоступны, мы не можем даже догадаться об их существовании, поэтому они на деле равны несуществующим. Появление А, быть может, перевернуло вверх дном психическое состояние В; радость заменило ненавистью и страхом, короче—вызвало душевную революцию. Но если В ничем не проявил во вне этой революции, если ни одно внешнее движение его не изменилось, то мы не можем даже догадаться о самом факте душевной революции; не можем, след., и сказать, что между А и В, согласно определению, существует взаимодействие. Отсюда ясно, почему при изучении взаимодействия мы можем отправляться только от *внешних доступных наблюдению фактов*, а не от внутренних состояний; понятно, почему при взаимодействии мы вынуждены устанавливать связи прежде всего между внешними актами и изменениями поведения взаимодействующих индивидов. Там, где такую взаимозависимость внешнего поведения двух или большего числа индивидов мы можем констатировать, там имеем основание полагать, что взаимодействие между ними дано. Там же, где между поведением их, как внешним фактом, такой взаимозависимости нет, где действия их не кажутся функционально связанными, там мы не можем даже догадаться о данности взаимодействия, хотя бы „души“ их находились в самом живом процессе взаимодействия.

Значит, права объективного метода в изучении явлений взаимодействия вне сомнений. Он исходный пункт, он главное орудие, он же и самое надежное средство для отыскания и формулирования причинных отношений. Он автономен и независим от субъективной психологии и ее интерпретирования. *Он исходит из „внешне“ и объективно данного факта*—явлений движения, поступков, физиологических, доступных наблю-

дению процессов, *идет к таким же внешним фактам и устанавливает связи только между внешними же фактами.* Весь субъективный мир человека остается в стороне и не влияет на правильность теорем объективного метода. Проиллюстрируем это положение. Перед нами два лица: профессор А и его секретарь В. Профессор „диктует" последнему свою статью (т. е. совершает ряд движений, в виде произнесения определенных звуков и т. д.) Секретарь пишет, т. е. проделывает опять-таки ряд внешних движений, в виде процесса письма. Наблюдение далее показывает, что характер значков, выводимых последним на бумаге, а следовательно и движений его руки, а чрез это—и всего его поведения, зависит от характера слов (звуков), произносимых А. То же наблюдение показывает, что когда А перестает „говорить", перестает писать и В; когда А произносит одинаковые слова (звуки), напр., слово „революция", одинаковые в общем значки выписывает и секретарь. Когда слова разные—разными являются и значки секретаря. Совокупность всех этих и многих других фактов делает для нас несомненным, что между А и В дано явление взаимодействия, что движения, поведение В обусловлено поведением А, что эта зависимость носит такой-то характер и т. д. и т. д. Короче, здесь мы исходили только от внешних фактов, шли также к внешним фактам и установили связь также между внешними фактами. Весь субъективный мир А и В остался в стороне. Наличность связи между движениями А и В мы установили без обращения к их психике и, какова бы последняя ни была, она не может поколебать полученного положения, что поведение В в данном случае есть функция поведения А.

Отсюда видна независимость объективного метода от субъективных переживаний и его „самодостаточность". Для своих целей он не нуждается в психологии и в изучении субъективных переживаний.

Из сказанного же видно, что он является исходным моментом в изучении явлений взаимодействия.

Таким образом я отдал ему должное и глубоко убежден в том, что главные завоевания социология может достигнуть именно на этом пути изучения социальных явлений, как *внешних фактов и определения причинных отношений между внешними же фактами явлений человеческого взаимодействия.*

Но спрашивается, достаточен ли этот метод? Все ли он может дать?

Можем ли мы сказать, что изучение психических переживаний ровно ничего не может прибавить к пониманию и

уяснению явлений человеческого общения? Иными словами, *следует ли отказаться от методов субъективной психологии и признать совершенно бесплодным всякое привлечение субъективных психических переживаний к делу уяснения и понимания социальных фактов?*

Думается, что положительный ответ на эти вопросы был бы ошибкой. Конкретный пример покажет в чем дело.

Почтальон приносит индивиду А две телеграммы. А раскрывает первую и читает: „Выезжаю сегодня. Встречай. В.“ А улыбается, вскакивает, зовет прислугу и приказывает к 5 часам приготовить экипаж. Затем раскрывает вторую и читает: „Ваша жена попала под поезд. Приезжайте. Начальник станции X“. А умирает от „разрыва сердца“.

Здесь перед нами два примера взаимодействия. Сходные раздражители (телеграммы). Один и тот же воздействуемый индивид А. И совершенно различные эффекты: в первом случае оживленная реакция на раздражение, во втором— смерть... Спрашивается, могут ли быть вполне понятными для нас эти два явления, если мы будем стоять на строго объективной точке зрения? Достаточно ли ясными и объясненными будут эти факты, если мы заранее исключим из нашего поля зрения всякое привлечение субъективных переживаний, в роде „любви, привязанности, ужаса и тяжести потери, тяжелого горя, чувства одиночества,“ и т. д.? Ответ, думается, ясен сам собой. Стоя на строго объективной точке зрения мы могли бы сказать, что в первом случае раздражитель в виде телеграммы с определенными словами вызвал „улыбку“ и такие то акты, во втором, телеграмма с несколько иными значками—вызвала смерть. И только... Но этого слишком мало для понимания факта, почему эффекты телеграмм в том и ином случае были так различны? Правда, во втором случае значки телеграммы были несколько иные, но едва ли бы правильный вывод мы сделали, если бы различие эффектов в том и другом случае приписали неодинаковости значков телеграмм. Факт в этом случае был бы совершенно непонятным. Сколько-нибудь ясным он становится лишь тогда, когда мы на место телеграфных значков подставим реальное их содержание, когда мы примем во внимание такие психические явления, как любовь, привязанность, тяжелое и неожиданное горе, ужас потери и т. д. и т. д. Мы можем expressis verbis об этих состояниях не говорить, мы можем лишь подразумевать их, но они должны быть учтены в той или иной форме: чело-

век не знакомый по личному опыту с такими переживаниями весьма мало поймет в таких явлениях.

Из этого примера видно, что *обращение к субъективным переживаниям людей, если не всегда, то в ряде случаев кой что дает для понимания явлений человеческого поведения.*. Стоя на чисто объективной точке зрения и исключая начисто психические переживания из области исследования, мы в ряде случаев рискуем не понять весьма многое; явления подвига и энтузиазма, явления жертвенности и религиозного экстаза, акты обожания и преклонения, акты ненависти и любви, и т. д. и т. д. во многих случаях с чисто объективной точки зрения будут похожи на кабалистические знаки, ключ к чтению которых потерян. Мы можем всеми способами исследовать эти знаки, изучать их с помощью лупы и микроскопа, измерять их вдоль и поперек, но если у нас нет ключа к их пониманию—смысл знаков останется для нас непонятным. Чтобы их понять, чтобы их перевести—этот ключ должен быть на лицо. Таким же „ключом“ во многих случаях являются для нас психические переживания актеров человеческой драмы или комедии Только подставляя их под соответственные внешние акты, мы делаем последние вполне понятными и для себя, и для других. Один и тот же акт поднятия руки с протянутым указательным пальцем может означать: и указание дороги, и приказ „идти туда,“ и повелительное: „выйди вон“; чтобы понять, какое значение он имеет, волей-неволей приходится учитывать психическое состояние указующего. Одни и те же слова „ну и свинья же ты,“ часто имеют значение акта ругательного, а часто и ненормальную форму ласкового обращения, т. е. представляют совершенно разнородные явления по своей психической природе и по тем внешним актам, которые вытекают из первого и второго случая. В интересах самого объективного изучения учет этих разнородных смыслов тождественной фразы необходим и неизбежен. Без такого учета, опирающегося на метод личного восприятия и интроспекции с вспомогательными приемами субъективной психологии, объективный исследователь рискует наделать ряд ошибок.

Конечно, как я уже сказал, различные психические состояния могут быть учитываемы нами лишь при условии их внешних проявлений в той или иной форме; ласку или ругань обозначает обращение „свинья“, досаду, злость или восторг выражает восклицание: „черт подери“, мы можем определить не иначе, как учтя все внешние движения, связанные с этими словами (тон, манеру, восклицание, жесты,

мимику, характер взаимоотношений между лицами и т. д.); стало быть и здесь мы стоим на почве объективизма. Но последовательные объективисты хотят совершенно игнорировать субъективную сторону явлений, я же настаиваю на том, что для уяснения и большей точности обращение к этой стороне в ряде случаев необходимо.

Правда, данные, полученные путем метода самонаблюдения (простого и экспериментального) всегда гипотетичны, нередко ошибочны и спорны, особенно в случаях намеренного притворства и т. д. [1]).

Но из того, что нередко люди попадают под поезд, не следует, что поезда вообще вредны и что нужно исключить и уничтожить их. Из того, что выводы субъективной психологии нередко бывают ошибочными, не следует, что они всегда бывают такими и что метод самонаблюдения совершенно бесполезен.

Это в конце концов принуждены признать и сами объективисты. „Уже с самого начала при обосновании рефлексологии мы не противополагали ее субъективной психологии и ничуть не исключали последнюю, а наоборот, вполне определенно отмежевали последней область исследований, производимых на себе самом с помощью метода самонаблюдения. . . Между данными той и другой научной дисциплины должно быть известное вполне определенное взаимоотношение. В этом направлении можно идти дальше и говорить о возможном сближении в будущем обоих научных дисциплин“ [2]). То же говорит и другой объективист, Костылев. „Экспериментальная психология будущего не будет исключительно объективной, как этого, повидимому, желает Бехтерев. Я не вижу основания держаться объективного изучения функционирования рефлексов. Я считаю чрезвычайно важным изучение на ряду с этим при помощи интроспекции процесса их группирования, который приведет нас от зачаточной умственной деятельности ребенка к бесконечно сложному сознанию взрослого“ [3]).

Вот почему нельзя не признать справедливыми нижеследующие слова В. А. Вагнера, направленные против край-

---

[1]) См. об этом *Петражицкий*: Введение. 28 и сл. *Радлов*: Самонаблюдение в психологии, *Челпанов:* Об экспериментальном методе в психологии и *Кони*: Психология и свидет. показания (в Нов. идеях в фил. Сб. № 8). *Бехтерев*: Op. cit. Гл. I—IV; курсы уголовн. судопроизводства *Розина, Фойницкого* и др.

[2]) *Бехтерев:* Рефлексология. 128.

[3]) *Костылев:* La crise de la psychologie expérimentale. 1911. 153.

ностей объективизма физиологов. Чисто физиологический метод недостаточен, говорит он, во-первых, потому, что „реакции нервной системы, при полном сходстве ея морфологического строения могут быть совершенно различными; они могут быть различными у одного и того же организма в зависимости от целого ряда внешних и внутренних причин, из чего следует, что изучая механизмы реакции нервной системы данного организма мы не узнаем того, что нужно для определения и выяснения его психологии. Это, во-первых, во-вторых, мы знаем, что нервная система представляет такой механизм, при посредстве котораго может производиться работа самого разного содержания. Как ткацкий станок, приводимый в движение определенным механизмом и получающий для обработки один и тот же материал, может изготовлять разнородную ткань в зависимости от того, в чьих рукках он находится, так и механизм нервной системы, устроенный у данных организмов по одному образцу, и получая однородное раздражение, может вырабатывать реакции не одного характера и значения“ [1]).

Вот почему, наконец, в области социологии я должен признать если не вполне, то в значительной степени правильной критаку, которой подверг Эллвуд физиологическую социологию Зеленого. Эллвуд допускает известную ценность и полезность физиологической социологии. „Но когда объективисты объявляют, что только их точка зрения научна, когда они порицают, как ненаучную, всякую попытку использовать психические элементы для объяснения социальной жизни—дело принимает другой оборот. В этом случае их метод превращается в догматизм, который может быть оправдан лишь при допущении, что такие метафизические мировоззрения, как мировоззрение механистическое или психо-физический параллелизм, доказаны наукой.“ Но они считаться доказанными не могут [2]). Поэтому объективисты, опирающиеся на это мировоззрение, сами впадают в метафизику. Далее, их метод „быть может хорош для изучения поведения крысы, или общества крыс, или в лучшем случае—поведения человеческой группы, жившей пол-миллиона лет тому назад, жившей в чувственно-материальном (perceptual) мире. Цивилизованный же человек живет в мире идей (ideational). Для него мир реальных объектов в значитель-

[1]) См. *В. Вагнер*· Физиология и биология в решении психол. проблем. Нов. идеи в биологии. Сб. № 6. 6. См. *Его же*: Биопсихология. т. I и Зоопсихология перед судом физиолога. Вест. психологии, т. XIII, вып. 3—5.

[2]) *Ellwood.* Objectivism in Sociology. Amer. journ. of sociology т. XXII. 301.

ной степени заменен миром идей, символов (Standarts), ценностей. Эти идеи, символы, ценности постепенно развивались и накоплялись в течение всей человеческой истории. Сама история человечества таким образом представляется как бы развивающейся традицией или „социальным духом“ (Social mind), который не может быть понят вне его содержания. Человеческая культура сама по существу имеет психический характер и эта культура создала человеческие общества, которые мы знаем“.

Недостаточен этот метод и потому, что нет строгого соответствия между психикой и ее внешним проявлением. „Благодаря организующей активности духа воспринятые идеи, верования, символы могут быть целиком видоизменены и в итоге могут выразиться в совершенно иных формах поведения, чем формы обычные... Этим не отрицается возможность чисто физиологического изучения человеческого поведения. Но заменять в наших описаниях социальных процессов гипотетической деятельностью клеток центральной нервной системы, о которых мы ничего не знаем, хорошо известные нам способы мышления и чувствования, которые при этом гипотетически предполагаются коррелятивными этим физиологическим процессам, — это самый настоящий педантизм“.

Наконец, не верно, что психическое явление нам не дано и не может быть объективно наблюдаемо. „Мы знаем верования и мнения других столь же ясно и точно, как и многие физические явления“. Больше того: „экономическую ценность, приписываемую человеком алмазу, мы знаем лучше, чем физическую сторону оценочного процесса. Многие идеи древних римлян, греков, евреев мы знаем вероятно лучше, чем физические условия их существования. В социальных науках, по меньшей мере, многие психические явления надолго еще останутся более понятными, чем соответствующие им бесконечно сложные физические явления“ [1]).

Такова сущность возражений Эллвуда против претензий объективистов.

Как я уже сказал, если не вполне, то частично они обоснованы. Вывод из всего сказанного об объективизме и субъективизме в социологии будет таков: 1) *исходным и основным методом изучения явлений взаимодействия людей может и должен быть метод объективный, изучающий внешне — данные факты функциональной зависимости поведения*

[1]) Ellwood. Ibid. 303 — 304.

одних людей от существования и поведения других. Социолог здесь прямо принужден исходить из внешних актов (поведения) идти от них к другим внешним же актам и кончать внешними же актами, устанавливая связи между ними. В этом смысле всякая научная социология может и должна быть объективной социологией.

2) В целях большей полноты анализа изучаемых явлений на ряду с объективным методом, имеющим дело лишь с внешними, доступными наблюдению фактами (поведением людей), в качестве вспомогательного метода, может быть допущен и метод интроспекции, обращающийся к анализу психических переживаний людей. Привлечение последних к истолкованию ряда явлений может облегчить и уяснить понимание многих явлений, нисколько не колебля данных объективного наблюдения. Психологическая интерпретация явлений взаимодействия и пользование психологическими терминами диктуются тем, что 1) психические переживания даны у человека, 2) что в силу этого они весьма часто (при т. н. сознательных актах) являются посредствующим звеном между двумя внешними актами, 3) что содержание и смысл многих актов дается характером этих психических переживаний, 4) что сознательно или ненамеренно психологическое наведение всегда является предпосылкой всякого истолкования явлений общественного поведения...

Я кратко выражу свою мысль, если скажу: *социология может и должна быть объективной социологией—социологией внешних, доступных наблюдению фактов и процесов,* но для полноты и точности результатов, добываемых объективными методами, ей приходится иметь дело с психическими явлениями и потому целесообразно дополнять эти результаты данными, добываемыми путем методов субъективной психологии.

Таково единственно правильное для нашего времени решение спора „объективистов“ и „субъективистов“ в психологии и социологии. В нижеследующем автор систематически будет проводить только что очерченную точку зрения относительно методов изучения явлений взаимодействия.

Социальная аналитика.

ГЛАВА IV.

Анализ элементов взаимодействия.

В главе „Архитектоника социологии" было указано, что первой частью теоретической социологии является социальная аналитика. Она изучает строение или состав социального явления и его основные формы.

Было указано также, что она делится: a) на социальную аналитику *простейшего* социального явления и b) социальную аналитику *сложных* социальных явлений. Свой анализ строения социальных явлений начнем с изучения структуры, простейшего социального явления. Только изучив последнее, мы можем перейти к изучению строения сложных социальных явлений и процессов. Вся нижеследующая часть будет посвящена изучению строения простейших социальных фактов.

§ 1. Взаимодействие, как простейшее социальное явление.

То, что обычно называется общественной жизнью или общественными явлениями, представляет собой комплекс фактов и процессов настолько сложный, что изучить его, не разложив на составные части, совершенно невозможно.

Как подойти к этой бесконечно-пестрой и сложнейшей картине? Как ее описать? С какой точки зрения анализировать?

Если бы любой исследователь попытался охватить эту бесконечно разнообразную массу событий, поступков, фактов, явлений и отношений в ее целом, он обречен был бы на полную неудачу. Такая задача без предварительного расчленения и упрощения условий изучения неразрешима.

Вот почему и по существу, и по методологическим требованиям [1]) всякий исследователь того, что называют явлениями общественной жизни, должен взять эти явления в их простейшем виде. Он должен найти простейший случай их проявления, упрощенную и маленькую модель их, изучая которую, он получил бы возможность смотреть на все более сложные факты, как на комбинацию этих простейших слу-

[1]) См. на этот счет *Риккерт*: Границы естественно-научного образования понятий. Пер. Водена. Passim.

чаев или как на усложненный до бесконечности образец этой модели. Социолог в этом случае должен воспользоваться опытом других наук: химии и биологии. Подобно химику, разложившему весь пестрый мир неорганической природы на атомы, подобно биологу, изучающему явления жизни на клетке, социолог должен найти своего рода „социальную клетку", исследуя которую, он тем самым получил бы знание основных свойств общественных явлений; мало того,— подобно химику, объясняющему все сложные предметы и явления неорганическаго мира комбинацией атомов и их соединений — молекул, подобно биологу, сумевшему разложить все организмы на их составные части — клетки и рассматривающему первые, как комбинацию вторых, подобно им простейшее явление, выделяемое социологом, должно быть таково, чтобы оно давало возможность смотреть на все так наз. общественные явления, как на ту или иную комбинацию этих простейших явлений.

Спрашивается, *какое же явление в мире человеческих отношений может быть таким простейшим и фактом? какое явление может служить упрощенной и маленькой моделью громаднаго и сложнаго механизма общественных явлений?*

Сторонники органической школы когда то считали „социальной клеткой" или простейшим социальным явлением *человеческого индивида.* Теперь едва ли есть надобность подробно критиковать их. Они слишком увлеклись аналогиями и не заметили, что индивид, как индивид,—никоим образом не может считаться микрокосмом социальнаго макрокосма. Не может потому, что *из индивида можно получить только индивида* и нельзя получить ни того, что называется „обществом", ни того, что носит название „общественных явлений". Робинзон, живущий на уединенном острове, ни сам по себе, ни своими действиями не составит ни того, ни другого. Далее—*индивид, как индивид, не дает никакого основания для существования особой науки—социологии.* Как физическая масса он изучается физико-химическими науками, как организм—биологией, как обладающее сознанием или психикой существо — психологией. Социологии с индивидом делать нечего и потому она была бы излишней. Индивид не может быть искомой моделью того, что носит название общественных явлений [1]).

---

[1]) Сказанное относится и к ряду других социологов, которые, как Гиддингс, «социальной клеткой», «социальной единицей» считают индивида, socius'a. The unit of investigation, then, in sociology is the socius that is to say the individual who is not only an animal and a conscious mind, but also

Для последних требуется *не один, а много индивидов, по меньшей мере, два.* Если один Робинзон не может составить „общества", то Робинзон с Пятницей—такое „общество" составить могут. По крайней мере, соединение двух лиц в обиходе часто называется „обществом". Их взаимоотношения могут составить „общественные отношения", их акции и реакции — общественные процессы.

Но понятие двух или множества индивидов еще недостаточно для того, чтобы быть „моделью" общественных явлений. Мы можем иметь множество индивидов, но если эти индивиды будут изолированы друг от друга, подобно сардинам, закупоренным в разные коробки, то этот случай сведется к первому: мы будем иметь ряд изолированных индивидов, т. е. в каждом данном случае опять таки одного индивида.

Чтобы два или большее число индивидов могли составить „общество" могли дать „общественные явления", для этого необходимо, чтобы они *взаимодействовали друг с другом, обменивались взаимно акциями и реакциями.* Только в этом случае они составят общественное явление; только в этом случае их взаимоотношения дадут общественные процессы, только в этом случае они создадут почву для существования особой науки, изучающей явления их взаимодействия, не изучаемые другими дисциплинами. „Social are all phenomena which we cannot explain without bringing in the

---

a companion, a learner, a teacher, and co-worker». *Giddings.* Inductive Sociology, 10. Как правильно замечает *Hayes* «конечный элемент, на который научное исследование разлагает соц. реальность, для своего открытия требует гораздо более сложного анализа, чем простое отделение индивида от толпы. Поведение индивида представляет сложное и многообразное сочетание; каждая деятельность, в которой он участвует, является отдельным объектом исследования. Сказать, что socius есть конечный и неразложимый элемент исследования, это равносильно тому, если бы ботаник принял букет цветов в качестве неразложимой единицы ботанического анализа. Как каждый цветок в букете служит представителем ботанической разновидности, так каждое верование или практика, которую Socius разделяет вместе с другими индивидами, представляет вид социологич. разнообразия. Каждая такая разновидность соц. деятельности—объект исследования и каждое участие индивида в такой деятельности—простейший элемент изучения. Но Socius не только слишком сложное явление, он кроме того, слишком *индивидуален, единичен* (unique), чтобы мог быть таким конечным элементом. Socius в развитом обществе может быть столь же единичным, как историческое событие, и может дать материал скорее для биографии, чем для социологии (как науки о законах и основных тенденциях»).

Hayes: Classification of social phenomena. Amer journ. of sociol, т. XVII. 109—110.

action of one human being on another, правильно говорит Ross [1]).

Следовательно, *моделью социальной группы может быть только два или большее число индивидов, находящихся между собой во взаимодействии Моделью социальных процессов могут быть только процессы взаимодействия между индивидами; моделью общественных явлений могут быть только явления взаимодействия людей* [2]).

Вот почему, более правильно, по сравнению с органицистами, поступает школа Ле-Плэ, признающая такой моделью семью, а не индивида „Семья, говорит крупнейший представитель этой школы Демолен, представляет наиболее простую, наиболее элементарную социальную группу, ниже которой социальная жизнь не существует, не может быть продолжаема и передаваема“ [3]).

В семье, как в модели социальной группы, дано два или большее число индивидов и взаимодействие между ними. В этом смысле она удовлетворяет выставленным требованиям.

Такой подход к изучению социальных явлений, ценный во многих отношениях, не может быть, однако, принят целиком. Семья может служить моделью ряда социальных отношений, но не всех: мы знаем, что ряд социальных групп, даже большинство последних, образуется не на семейных началах и к семье никакого отношения не имеет. Собрание друзей, собрание верующих, политическая партия, члены научного общества и множество других ассоциаций являются ассоциациями внесемейными.

---

[1]) *Ross:* Foundations of Sociology. 1905—7.

[2]) Из сказанного следует и ошибочность тех социологических теорий, которые готовы социальное явление свести к одним взаимоотношениям и исключить из них индивидов. В этом повинны многие сторонники социального реализма, в том числе и цитированный выше Hayes. См. Hayes: Op.cit. 111—113. Одни отношения (взаимодействие) не могут быть ни простейшим социальным явлением, ни просто социальным явлением потому, что без индивидов не могут существовать отношения между ними. Будет некому взаимодействовать и не на ком изучать взаимодействие. Вот почему «модель» социального явления должна содержать и индивидов, и взаимодействие между ними. Свойства индивидов и свойства взаимодействия функционально связаны; нельзя одно отрывать от другого.

[3]) *E. Demolins* Comment on analyse et comment on classe les types sociaux La science sociale. 19 année. 1-er Fasc. 75. То же говорит и *R. Pinot* — второй представитель этой интересной и ценной школы. «Человеческие общества организуются и организуют распорядок их частной и публичной жизни согласно специальным способам, которыми семейный организм получает средства существования» *R. Pinot*: La classification des espèces de la famille établie par Le Play est-elle exacte. Science Sociale. Тот же выпуск. 44.

Поэтому нельзя семью брать в качестве образца *всех* социальных групп, взаимодействие между членами семьи— в качестве модели всякого общественного взаимодействия. Семья представляет лишь частный вид родового явления— группы взаимодействующих индивидов.

Вся общественная жизнь и все социальные процессы могут быть разложены на явления и процессы взаимодействия двух или большого числа индивидов, и обратно, комбинируя различные процессы взаимодействия, мы можем получить любой, сложнейший из сложнейших общественный процесс, любое социальное событие, начиная от увлечения танго и футуризмом и кончая мировой войной и революциями. К чему, как не к явлениям взаимодействия, в конечном счете, сводится вся общественная жизнь. Процессы взаимодействия—индивидуальные и массовые, длительные и мгновенные, односторонние и двусторонние, солидаристические и антагонистические и т. д. являются теми нитями, из совокупности которых создается ткань человеческой истории. Из совокупности взаимодействующих индивидов можно составить любую социальную группу, любое „общество", начиная с трамвайной публики и кончая такими коллективами, как государство, „Интернационал", католическая церковь и „Лига народов". Из комбинации процессов взаимодействия можно соткать любое общественное явление, начиная с галдежа толпы, собранной на улице скандалом, и кончая систематической планомерной борьбой мирового пролетариата с мировым „капиталом". На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями эстетическими, религиозными, правовыми и научными.

Короче говоря—*взаимодействие двух или большого числа индивидов есть родовое понятие социальных явлений; оно может служить моделью последних. Изучая строение этой модели мы можем познать и строение всех общественных явлений. Разложив взаимодействие на составные части, мы разложим тем самым на части самые сложные социальные явления.*

Ограничимся этими замечаниями и перейдем к анализу явлений взаимодействия. Изучив эту „модель" социальных явлений мы получим достаточный материал для подтверждения высказанных положений.

§ 2. Элементы явления взаимодействия.

Для того, чтобы явление взаимодействия людей, в указанном выше значении, было возможно, для этого необходимо, чтобы даны были три основных условия: 1) *Наличность двух или большого числа индивидов, обусловливающих переживания и поведение друг друга,* 2) *Наличность актов, посредством которых они обусловливают взаимные переживания и поступки,* 3) *наличность проводников, передающих действие или раздражение актов от одного индивида к другому.*

Вне этих условий явление взаимодействия не может существовать: 1) без индивидов некому взаимодействовать; 2) если бы эти индивиды не совершали актов, то непонятно было бы, как и чем они могут „раздражать", обусловливать поведение и переживания других лиц; не было бы раздражителей; 3) если бы не было проводников, то как увидим ниже, акты-раздражители одного индивида не могли бы передаваться и раздражать других индивидов.

Эти необходимые условия или составные части явления взаимодействия назовем его элементами.

Соединение их, составляющее явление взаимодействия, образует в своей совокупности своеобразное единство или особую систему (см. ниже), как реальность sui generis.

Остановимся на каждом из этих элементов.

§ 3. Индивиды, как элемент явлений взаимодействия.

I. *Основные биологические и психические свойства индивидов.*

Что касается *индивидов*, то их анатомическое строение и физиологические свойства дают нам анатомия и физиология. Их психическую жизнь пытается раскрыть нам психология. Повторять здесь данные этих наук нет надобности.

Для нас здесь важно отметить лишь следующие свойства. а) как всякое живое существо человек обладает способностью реагировать на раздражения, испытываемые его организмом; в) как высший организм он владеет совершеннейшей нервной системой.

Элементарные функции этой системы состоят: 1) в восприятии раздражений, идущих извне (соответственные органы нервной системы называются *рецепторами или воспринимателями*), 2) в проведении их до центрального нервного органа (соответственные части нервной системы называются *проводниками или кондукторами*), 3) в выполнении эффекта—

двигательной реакции, вызываемой раздражением, идущим от центрального органа к рабочим органам, (*соответственные части нервн. системы называются эффекторами*).

Что касается функций высшей нервной системы, то эти функции состоят в *анализаторской* деятельности,—в анализе и разложении раздражений, воздействующих на организм, и в *замыкательной* (в контакторской) деятельности, устанавливающей связь организма с разложенными *или проанализированными раздражителями внешнего мира* [1]).

Обладание таким чудесным рецептивно-кондукторски-эффективным аппаратом дает возможность человеку весьма совершенным образом приспособляться к среде. Рецептивные и анализаторские органы нервной системы служат идеальнейшими органами для того, 1) чтобы отмечать всякое раздражение, действующее на организм, 2) чтобы разлагать комплексы раздражений на элементы, и устанавливать различия последних, иначе,—точно познавать, какие раздражители действуют на нас. Эффекторы и замыкательные органы, получив проанализированное раздражение чрез кондукторские органы, дают возможность организму определенным образом реагировать на эти раздражения и в той или иной форме устанавливать связь между ними и организмом. То удаляя весь организм от вредных раздражителей, то приближая его к полезным, то вызывая ряд движений отдельных частей организма они позволяют последнему сохранять необходимое для жизни равновесие и „непрерывно поддерживать приспособление внутренних отношений к внешним", в чем, по мнению Спенсера, и состоит сущность жизни [2]).

В этом отношении нервная система является прекрасным аппаратом для приспособления организма к среде.

Эта роль нервной системы станет еще более ясной, если принять во внимание наличность в ней особых органов для восприятия раздражений на расстоянии, т. н. Distance-Receptors, реагирующих на раздражение объектов, находящихся на расстоянии.

К числу таких Distance-receptors принадлежат органы *зрения, слуха и обоняния.* Они являются органами для восприятия раздражений от объектов отдаленных, входящих в

---

[1]) См. *Павлов*: Настоящая физиология головного мозга. Природа 1917. Январь. 29—31.

Parker. The origin of the Nervous System and its Appropriation of Effectors. Popular Science monthly, т. LXXV (1909) 56—57. *Parmelee*. The science of human behavior. 1913. 140—145.

[2]) См. *Спенсер*: Основы биологии. т. I, § 1 и след. § 30.

соприкосновение с рецепторами не непосредственно, а лишь путем эманации особых сил (колебания эфира, действующие на зрительные органы, колебания воздушных волн, влияющие на органы слуха и т. д.). Distance-receptors дают таким образом возможность организму приспосабливаться путем надлежащих реакций к объектам отдаленным [1]).

Из других свойств нервной системы отметим следующие: 1) случаи, „где раздражение, действуя на нервную систему *извне*, дает непосредственно за этим сознательное ощущение и уже затем ведет окончательно к какому либо движению". 2) Зависимость ощущений от природы раздражителей. В одних случаях одни „ощущения *не зависят от природы произведшего их раздражителя, а другие происходят наоборот только при известной форме раздражения*". Напр., выведение мочи и кала можно вызвать любым раздражителем: электричеством, механическим насилием и т. д.; напротив, сладострастные ощущения вызываются только легким механическим раздражением половых органов. К последнему типу близка *деятельность органов чувств*—зрительного, осязательного, вкусового, слухового и обонятельного аппаратов.

В этих случаях раздражители действуют на определенные места чувствующих поверхностей тела. „Органы чувств возбуждаются нормально не теми деятелями, которые носят название общих нервных раздражителей, а совершенно особыми влияниями, вовсе неспособными возбуждать общие нервные стволы; зрительный аппарат возбуждается светом, слуховой—звуком, осязательный—легким механическим потрясением" [2]).

Весь организм человека, каждый кусочек его кожи, благодаря нервной системе, представляет, таким образом, чувствительный аппарат, бесконечно более чувствительный, чем любая фотографическая пластинка.

Организм отмечает всякое, мельчайшее раздражение, идущее от окружающей его среды, и обладает способностью, путем надлежащих реакций и движений, отвечать на эти раздражения, приспосабливать себя к этой среде согласно требованиям сохранения жизни.

---

[1]) См. о роли Distance-receptors *Parmelee*: The science. 164 — 166, *Sherrington*: The Integrative Action of the Nervous System, New-York 1906. 324.

[2]) *И. Сеченов*: Физиология органов чувств. 1867. 5—7.

Как вполне правильно отмечает акад. И. П. Павлов, „деятельности (высших отделов центральной нервной системы) устанавливают более подробные и более утонченные соотношения животного организма с окружающим миром, иначе говоря, более совершенное уравновешивание системы веществ и сил, составляющих животный организм, с веществом и силами окружающей природы“ [1]).

Из сказанного следует, что человек обладает прекраснейшими аппаратами для воспрнятия раздражений, для их анализа, и для реагирования на них в форме тех или иных движений (рефлексов безусловных и условных, инстинктивных действий, „разумных или сознательных“ актов и т. д.), как отдельных органов, так и всего организма. В последнем случае организм человека может быть сравнен с машиной, которая в себе носит прекрасный двигательный аппарат; с этой точки зрения организм человека может быть назван *авто-мотором* (самодвигателем).

Таковы те характерные физиологические свойства человека, которые важно было напомнить читателю.

Что касается его *психических* свойств, то здесь ограничимся напоминанием самых общих черт человеческой психики. 1) Наличности у человека психических переживаний. 2) В их подразделении современной психологией на три основные элемента: a) *познавательные элементы*: ощущения, восприятия, представления и понятия, b) *чувственно-эмоциональные элементы*, данные в переживаниях боли и удовольствия, c) *волевые элементы*. Ряд психологов отступают от этого тройного деления и дают иную классификацию, но для нас, в конце концов, этот вопрос не имеет большого значения. Точно также в данном случае неважными для нас являются споры о том, какой из этих элементов имеет первенствующее или главное значение: идеи-ли, чувства-ли или волевые элементы. 3) Заслуживает упоминания тот факт, что ряд раздражений, воспринимаемых рецептивными органами нервной системы, сопровождается психическими переживаниями, входит в „поле сознания“ и влечет за собой „сознательную реакцию“ [1]).

---

[1]) *Павлов* Op. cit. 29. См. общую характеристику анатомических и физиологических свойств человека, имеющих важное значение в изучении его поведения у *Parmelee*: The science of human behavior. Passim, особенно главы: V—X.

[1]) Для ознакомления с психологией человека см. курсы психологии: *Гефдинга, Дилена, Вундта, Джемса и др.*

II. Полиморфизм индивидов.

Человеческие индивиды, обладая рядом общих свойств, в то же время не тождественны друг с другом по видовым качествам. Они различаются один от другого: *и физически, и психически, и социально.*

Такими различиями являются: рост, цвет кожи и волос, внешний вид индивида, походка, мимика и т. д. Дальнейшие различия их обусловлены делением индивидов по полу, по возрасту, по ряду других биологических свойств. Отличаются индивиды друг от друга и по психическим свойствам: по манере чувствовать, мыслить, верить и по характеру верований, знаний, вкусов, симпатий, т. е. по совокупности признаков, обозначаемых словами: „характер", „темперамент", „психический уклад" и т. д.

Не сходны они и по социальному положению: напр., по принадлежности к той или иной группе, к касте, сословию, государству и т. д. Такие различия относительны.

В одних случаях ряд индивидов отличается друг от друга в меньшей степени, в других—в большей. При чем, отличаясь друг от друга физически (напр., по росту или полу), они могут быть сходными по социально-психическому багажу: по манере мыслить, чувствовать, по социальному положению, по мировоззрению и т. д. В других случаях может быть наоборот. Отличаясь „по психическому укладу" (напр. „холерик и флегматик") они могут быть сходными по вкусам, верованиям, убеждению и т. д. И наоборот.

В третьих случаях—различие может быть более полное. (Напр., готтентот и европейская культурная дама).

Отсюда следует, что по степени сходства и по характеру этого сходства можно соединять индивидов в различные группы: однородные и разнородные; однородные, напр., по полу, возрасту, по религии, по языку, по одежде, по социальному положению и т. д., или однородные—по целому ряду признаков—физических, психических и социальных.

Самые разнородные индивиды могут быть сходными в том или ином отношении: „Индивиды принадлежащие к низшим классам юга Италии могут быть сходными с неграми и краснокожими в отношении предрассудков, морального поведения" и т. д. [1]). И обратно, самые сходные индивиды могут различаться по ряду признаков. Отсюда легко видеть всю сложность возможной группировки индивидов: она не покрывается ни политической, ни географической, ни классовой группировкой. Она бесконечно сложнее.

[1]) Waxweiler: Esquisse. 157.

Этот полиморфизм или физическое, психическое и социальное несходство индивидов важно отметить: он обусловливает собою ряд свойств взаимодействия и играет громадную роль в явлениях социальной группировки.

III. Потребности человека.

Из других свойств индивидов отметим наличность *потребностей*, данных вместе с организмом. Эти потребности неодинаковы у отдельных лиц и исторически изменчивы, но вместе с тем есть ряд потребностей, которые в той или иной мере присущи всем человеческим индивидам.

Классификацией человеческих потребностей занимались многие социологи и представители отдельных социальных наук. Мы не будем здесь приводить историю этого вопроса. Ограничимся двумя—тремя примерами. Так, проф. Fairbanks делит все потребности человека на 7 основных классов, дающих основание для семи главных видов социальной деятельности. Таковы: 1) потребность в пище и в защите против холода и воды, дающая основание для экономической деятельности; 2) потребности, вызываемые удовлетворением ряда эмоций—эгоистических и альтруистических (зависть, ревность, соперничество, симпатия и т. д.), дающие основание для социальной деятельности; 3) потребность в защите себя от сотоварищей людей, дающая основание для политической деятельности; таковы основные виды потребностей. Далее идут „производные желания“: 4) эстетическая потребность, 5) интеллектуальная, 6) моральная, 7) религиозная [1]).

Близкую классификацию потребностей дает Де-Грееф, делящий потребности, а соответственно и социальные явления, на семь основных видов: на потребности: 1) экономические, 2) воспроизводительно - семейные, 3) артистические, 4) религиозные, 5) моральные, 6) юридические, 7) политические [2]).

Л. Уорд, признавая потребности и желания социальными силами, главными из потребностей считает голод и любовь [3]) В другом месте он дает несколько иную классификацию социальных сил, основанных на потребностях. Главными „потребностями-силами“ он считает: 1) стремление к удо-

---

[1]) *Fairbanks:* Introduction to Sociology. 3 под. 108—141.

[2]) См *De Greef:* Introduction à la sociologie. 1896 г. т. I. 214. Passim

[3]) *Ward:* Reine Soziologie т. I. 136. Sie (Hunger und Liebe) sind Hauptquellen aller Handlungen und man kann beinahe sagen, dass alle andern Begierden in direkter oder indirekter Linie von ihnen abgeleitet sind

вольствию, 2) избегание страдания; 3) половые и любовные желания, 4) родительские и родственные привязанности. Далее идут „несущественные“ „силы-потребности“: 5) эстетическая, 6) эмоционально - моральная и 7) интеллектуальная [1]). П. Л. Лавров различает потребности: питания полового совокупления, уходя за детьми, безопасности, потребность общения и наслаждения возбуждением нервов [2]).

Не мало потребностями в форме инстинктов занимались психологи и биологи.

Одни из них, следуя Дарвину признают у человека небольшое число инстинктов, а сообразно с этим и небольшое число основных биологических потребностей, к которым присоединяются потребности социально - психического порядка. Так, В. Вагнер все основные инстинкты (а след. и биологические потребности человека), сводит к трем главным инстинктам; к инстинктам: 1) питания, 2) размножения, 3) самосохранения [3]).

Другие, подобно Джемсу, дают чрезвычайно дробную характеристику инстинктов, а сообразно с этим и основных биологич. потребностей. К этому же направлению принадлежат и такие социологи, как Эллвуд и М. Даугелл. Первый различает следующие инстинкты (и потребности): питания, воспроизведения, самозащиты, стадности или социабельности, подражания, приобретения, господства и подчинения, строительства (жилищ), и игры (эстетика) [4]).

До известной степени сходную (но более дробную) классификацию инстинктов и соответственных потребностей дает М. Даугелл. Он выделяет инстинкты (и потребности): бегства, отталкивания, любопытства, драчливости, покорности и самовыставления, родительский, размножения, стадный, приобретения, строительства; плюс—врожденные склонности: симпатия, внушение и подражание, потребность игры и соревнования; на этой почве по его мнению развиваются потребности высшего порядка (эстетические, нравственные, религиозные и интеллектуальные [5]).

---

[1]) Уорд. Op. cit. 326. Психич. факт цивилизации М. 1897. 134. Другие авторы, подобно *Делевскому* и ряду моралистов, делят потребности на эгоистические, симпатические и смешанные. См. Делевский: Социальные антагонизмы, 19 и сл.

[2]) *Лавров:* Опыт истории мысли. Загран. изд. т. I. 581 и сл.

[3]) См. *Вагнер.* Биол. осн. сравн. псих. т. II. 204 и сл. Близкую классификацию их дает *Marshall* в своем Instinct and Reason. 1898.

[4]) *Ellwood:* Rôle de l'instinct dans la vie sociale. Revue int. de soc. 1914. 313—343.

[5]) *М. Даугелл:* Осн. пробл сравн. психологии. Гл. III и passim. Среднюю позицию между классификацией Вагнера и последних лиц занимают такие авторы, как *Parmelee.* См.его The science of hum. beh. гл. XIII.

Отметим далее ряд социологов, из которых одни дают чрезвычайно краткую и простую классификацию потребностей, другие,—весьма сложную. В русской социологич. литературе примером первой может служить классификация К. М. Тахтарева. Человеч. потребности, говорит он, „могут быть легко сгруппированы в несколько основных видов потребностей: экономических, брачных и психических (нравственных, умственных и эстетических) [1]).

Примером весьма сложной классификации потребностей (и то не всех), данных под техническим именем residui (часто заменяемым терминами: sentimenti—чувства, bisogno—потребность, иногда термином istinti), может служить классификация Pareto.

Разделяя residui на 6 основных классов, на: 1) инстинкт или потребность комбинации (Istinto delle combinazioni) 2) потребность сохранения скомбинированных аггрегатов (Persistenza degli aggregati), 3) потребность проявления внешними актами чувств (Bisogno di manifestare con atti esterni i sentimenti), 4) потребности, связанные с жизнью в обществе (Residui in relazione colla socialità), 5) потребность сохранения целостности индивида и его взаимоотношений (Integrità dell' individuo e delle sue dipendenze), 6) половая потребность (Residuo sessuale), Парето каждый класс делит на ряд подразделений, дающих в итоге 52 группы, распадающиеся в свою очередь на ряд подгрупп [2]). Среднюю позицию между ними занимают Штукенберг и Росс. Росс различает желания: 1) голода и жажды, 2) удовольствия, 3) эготические (требования „я"), 4) аффективные (любовь, симпатия etc), 5) воспроизводительные, 6) религиозные. 7) этические, 8) эстетические, 9) интеллектуальные [3]).

Не приводя других примеров из этого беглого обзора видно, какая разноголосица царит в вопросах классификации человеческих потребностей. Но из него же видно и другое: разноречия касаются не столько самого существа дела,—(почти все в конце концов то более, то менее подробно дают под разными именами одни и те же потребности), сколько способа классификации и внешнего расположения основных потребностей.

Не вдаваясь в критику изложенных классификаций, не претендуя на исключительность своей классификации, рав-

[1]) *Тахтарев.* Социология. Петр. 1918. 25—26, 47—48

[2]) См. *Pareto* Trattato. т. I. 446—449 и сл. Дробную же характеристику дает и *Hayes*; см. его Classif. of soc. fenom. 394—399.

[3]) *Ross*: Foundations. V 69. См. также *Small*: Amer. journ. of soc., т. VI. 177—199, *Ratzenhofer*: Sociol. Erkenntniss. 1898. 54 — 66. *Stuckenberg*: Sociology. т. I. 207. 1903 г.

ным образом, не ставя сейчас задачей детальный анализ природы каждой из потребностей, я позволю себе дать нижеследующий список основных потребностей человека. Всякое существо, след., и человек, пока оно живет и пока живет его род, должно удовлетворять потребности, необходимые для продолжения жизни. Отсюда вывод: человеку, как организму, прежде всего свойственны все основные биологические потребности, без удовлетворения коих организм жить не может. К таковым относятся: 1) *потребность удовлетворения голода и жажды*, 2) *потребность половая* (размножения), необходимая для сохранения рода, 3) *потребность самозащиты от сил и влияний, угрожающих жизни*—каковы бы последние не были (самозащита от космических влияний—температуры, смертельного воздуха, ветра, дождя, испарений, механических опасностей, напр., падения в пропасть, утопления, ожога и т. д., самозащита от биологических опасностей—нападения зверей, болезней, гнилой пищи и т. д.; самозащита от социальных опасностей: от сочеловеков, от вредных для жизни и здоровья социальных условий), 4) *потребность групповой самозащиты* (защита и покровительство „своих", „близких",—членов семьи, детей, друзей, членов племени, рода, тотема и т. д; объем и характер этих „близких" колеблется и изменчив у различных индивидов; 5) *потребность движения*. Едва ли есть надобность доказывать свойственность этой потребности человеку. Она в виде „способности реагировать на раздражения—составляет основное свойство всякой живой протоплазмы" [1]). Движение—характерная черта животных организмов. Тем более важной и существенной является эта потребность у человека [2]). Не встречая обычно препятствий к ее удовлетворению, мы не замечаем ее важности. Между тем, хотя бы кратковременное неудовлетворение этой потребности влечет за собой ряд мучительнейших состояний и действует на организм вредно, почти убийственно. Состояние человека, связанного по рукам и ногам, было одним из приемов пытки и такое название заслуживает по справедливости. Мы чувствительны не только к лишению нас способности движений, но к малейшему ограничению свободы передвижения; мучительность заключения человека в камеру тюрьмы, с ограниченным пространством, протесты и борьба против застав, шлагбаумов,

---

[1]) *Шимкевич*: Биологич. основы зоологии. 1901. 49.

[2]) Парето прав, говоря, что у человека, как и у животных, есть потребность действовать, делать что-либо (bisogno di operare, fare qualche cosa.). Op. cit. т I. 556 и сх.

против запретов въезда и выезда, паспортной системы и т. п., как нельзя лучше доказывают правильность сказанного. 6) *Остальные физиологические потребности*: дыхания, обмена веществ, сна, отдыха, разряжения избыточной энергии (игра) и т. д. [1]).

Человек, однако, не только организм, но еще организм, обладающий сознанием, психикой. Мало того, он существо, живущее в среде подобных себе существ. Эти обстоятельства, на почве основных биологических потребностей, породили ряд добавочных потребностей социально-психического порядка. В конкретной форме последние бесчисленны.

Основными из них мы можем считать следующие.

7) *Потребность общения с себе подобными.* В той или иной форме, эта потребность дана у всех людей. Правда, она не одинакова у различных индивидов.

Одних мы называем „медведями-нелюдимами", другие прямо говорят: „одиночество для меня невыносимо". Есть и такие, которые утверждают, что „люди им надоели". Однако, можно смело говорить, что за исключением, может быть чрезвычайно редких единиц (да и то вопрос—существуют ли они) потребность общения с другими людьми или прямо, или косвенно (путем писем, чтения книг, газет и т. д.).— присуща всем людям. Один одинаково общительны и болтливы со всеми, другие—ведут светскую жизнь, третьи—ограничиваются обществом избранных друзей и семьи, четвертые—обществом любимых авторов—живых и мертвых—, с которыми они общаются путем книг, пятые—обществом собутыльников и т. д.; одних она гонит на улицу, в кабачек, других—в театр, в кинемо, третьих—на лекцию, четвертых—„побеседовать с друзьями", пятых—в толпу, шестых—на бал, седьмых—в церковь; короче—формы удовлетворения ее могут быть различными но в том или ином виде она присуща всем людям.

Что это так, доказывается множеством фактов. Во-первых, тем, что люди жили и живут в обществе себе подобных, и что изолированный человек не самодостаточен, почему без общения с другими существовать не может. Людей, живущих изолированно от подобных себе, мы, за весьма

[1]) Я не вношу в качестве особой потребности стремление к удовольствию и избегание страдания, как это делают многие, в том числе Паттэн и Уорд; эти потребности проявляются во всех указанных потребностях: удовлетворение их в общем и целом сопровождается положительным чувственным тоном, неудовлетворение—отрицательным. Вводить их рядом с указанными потребностями равносильно было бы их дублированию.

редкими исключениями, не знаем [1]). Если эти редкие исключения и есть, то изолированность здесь была не добровольная, а принудительная.

Во-вторых, тем, что на самых первичных ступенях жизни человечества люди, помимо обычного общества, периодически собираются в более обширные соединения и устраивают празднества („короборри" австралийцев) [2]).

В-третьих, тем, что изоляция (даже относительная) мучительна и гибельно действует на человека. Доказательством этому служит: общепризнанная мучительность одиночного заключения. Хотя здесь изоляция относительна (ибо обычно человек путем свиданий, путем писем, прогулок, перестукиваний, чтения книг и т. д. общается с другими), но, несмотря на это, одиночное заключение является одним из самых тяжелых наказаний, вызывает застой и деградацию психической жизни, подтачивает здоровье, ведет к преждевременной старости и смерти [3]).

В-четвертых, потребность общения подтверждается и исследованием причин самоубийства. Дюркгейм показал, что основной причиной самоубийств является ослабление социальной связи, т. е. рост одиночества и изолированности человека от сочеловеков [4]).

Помимо этих фактов данность этой потребности свидетельствуется известной всем по опыту „тягой к людям", желанием поделиться своими переживаниями с другими и т. д. [5]).

Сказанного достаточно, чтобы признать наличность данной потребности. Она столь же реальна, как и все перечисленные. Под общей формой потребности общения с сочеловеками может быть чрезвычайно пестрое конкретное содержание: и обмен идеями, и чувствами-эмоциями, и волениями всякого рода, как сходными, так и несходными, как благожелательными, так и враждебными.

---

[1]) Под этими исключениями я разумею случай, происшедший во Франции в конце 18 в., когда нашли в лесу дикого мальчика 12 лет, выросшего без общения с другими людьми. См. об этом у *Waxweiler'a*: Esquisse. 78. у *Погодина*: Язык, как творчество. 178—179. Вопр. теории и психол. творчества. т. IV.

[2]) См *B. Spenser and Gillen*· The Northern tribes of Centr. Australia. Lond. 1904. Главы, посвященные церемониям.

[3]) См. об этом книгу: «Соврем. тюрьма и ея влияние. СПБ. 1913. перев. под ред. П. И. Люблинского Поучительные цифры дает *Познышев*; в «Тюрьмоведении». Психология такого узника хорошо изображена *Байроном*: в «Шильонском узнике».

[4]) См. *Дюркгейм*: Самоубийство. Изд. Карбасникова. 1912. Passim.

[5]) Недаром же множество исследователей (Джемс, Эллвуд, М. Дауголл и др.) возвели ее на степень прирожденного стадного, грегарного инстинкта. В свое время я укажу, почему стадность нельзя считать инстинктом.

Рядом с этой потребностью следует отметить другие потребности *социально-психического* порядка, вытекающие из наличности высоко-развитого сознания у человека. Если остановиться на обычном делении элементов психики на: 1) познавательные, 2) чувственно-эмоциональные, 3) волевые, то социально-психические потребности можно свести: 1) *к потребностям интеллектуальным*, 2) *чувственно-эмоциональным*, и 3) *волевым*.

8) *Потребности интеллектуальной деятельности*. Нет ни одного человека, которому эта потребность не была бы свойственна в той или иной форме. Вместе с организмом человека даны ощущения, восприятия, представления, и их комбинации, т. е. различные формы интеллектуальной деятельности. Эти явления имманентно присущи человеку. Как человек, пока живет, не может не есть, не пить, не двигаться, так он не может не ощущать, не воспринимать, не иметь представлений. Познавательная деятельность в простейших формах—*различения и элементарного синтеза*—появляется уже в мире животных. Тем более она присуща человеку. Она от него неотъемлема. Конечно, степень и формы интеллектуальных потребностей различны у различных индивидов. Но в той или иной форме они имманентно присущи всем представителям homo sapiens. Раз у него имеется развитая нервная система-тем самым дана и интеллектуально-познавательная деятельность; ибо мы видели, что основной функцией нервной системы является анализаторская функция, т. е. различение и дифференциация раздражений среды. А психология указывает, что различение (discernement) представляет простейшую форму познавательной деятельности. Точно также вместе с развитой нервной системой дана и синтетическая или комбинирующая деятельность. „Ученый в своей лаборатории синтезирует и комбинирует воспринимаемые явления согласно определенным нормам, правилам, гипотезам. Невежда также синтезирует и комбинирует, хотя бы и фантастическим, детским, абсурдным образом... Имеется инстинкт (неточное выражение. П. С.), который толкает людей к такой комбинационно-синтетической деятельности, правильно утверждает Парето. Часто соединяют (и устанавливают связи, хотя бы и фантастические П. С.) вещи сходные, иногда противоположные, временами комбинируют исключительные явления с редкими вещами“ и т. д. [1]).

---

[1]) *Pareto*. Op. cit., т. I, 449.

„Люди имеют определеннейшую склонность давать логическое обоснование их актам... У них имеется синтетическая тенденция, незаменимая для практических потребностей. Прежде всего люди хотят мыслить, а плохо или хорошо они мыслят, это уже другой вопрос", не менее справедливо говорит тот же автор [1]). На почве удовлетворения этой потребности выросла не только наука, но и все абсурдные обобщения, абстракции, олицетворения, персонификации и понятия в роде: добра, справедливости, солидарности и т. д. „Такие или сходные комплексы, родившиеся из потребности мыслить и комбинировать, потом могут приобрести независимое существование и в известных случаях быть персонифицированными" [2]). Не только факт существования науки, но еще в большей степени факт существования ошибочных абсурдных теорий, представлений, понятий, суеверных и наивных объяснений, нелепых умственных комбинаций, фантастичных интеллектуальных образований, короче—все те анимистические, фетишистические, тотемические и нелепейшие теории, которые создавало и создает человечество, начиная с самых первобытных людей и кончая „дикарями современной культуры", теории, которыми люди объясняли и объясняют окружающие их явления, все эти „суеверные обломки старых истин", которыми полна история человечества и которые мы находим всюду, где находим человека, все это служит непререкаемым и красноречивейшим доказательством наличности у человека интеллектуальной потребности. Если бы ее не было, то не могли бы возникнуть и эти уродливые детища мысли. Иными словами, человеку свойственен в такой же степени интеллектуальный голод, в какой ему присущ голод физиологический. Один удовлетворяет его фантастическими теориями анимизма, другой—теорией Ньютона и Дарвина, один для его удовлетворения создает теорию „7-ми дней творения", другой—теорию, подобную Кант—Лапласовской теории или доктрине „Основных начал" Спенсера.

Еще бесспорнее станет эта потребность, если мы учтем роль знания, как лучшего орудия в борьбе за существование. Уоллес и Бергсон правы, говоря, что в силу этой потребности для человека стала излишней необходимость изменения тела для приспособления к среде: его место заняли

---

[1]) *Pareto.* Ibid. т. I, 66, 505—507.

[2]) Ibid. 507.

изменения мозга и тех орудий и инструментов, которые созданы человеческим знанием [1]).

Этой потребностью вызвано к жизни бесчисленное множество представлений и теорий, истинных и ложных,—относящихся к явлениям и неорганического, и органического, и социально-психического мира. И научные дисциплины, и религиозные представления и концепции, и теории о душе, о праве, о справедливости, жизни и смерти, красоте и добре, короче все суждения: „А есть В“ и „А не есть В“, из комплекса которых составляются системы, мировоззрения, дисциплины; суждения, начиная с „паук имеет четыре ноги“ или „дьявол покупает человеческую душу“ и кончая комплексом их, составляющим науки: физику, химию, биологию, психологию, социологию, гносеологию и т. д., или таким сочетанием их, как мировоззрение Вед, буддизма, анимизма и т. д.,—все это плоды, родившиеся на почве удовлетворения данной потребности, все это детища последней...

Короче потребность интеллектуальной или умственной деятельности столь же реальна, как и потребность питания. Другое дело, столь ли важна она, как последняя. Но этим вопросом мы сейчас не занимаемся.

9) *Потребность чувственно-эмоциональных переживаний.* Под ней я понимаю потребность человека,—опять таки имманентно присущую его организму, данную вместе с последним, — переживать ряд чисто аффективных состояний—чувств, эмоций, носящих название радости, страха, горя, нежности, любви, симпатии, обожания, отвращения, удивления и т. д., сопровождающихся или удовольствием или страданием (положит. и отриц. чувственные тоны), потребность отличную от интеллектуальной и не совпадающую с последней [2]).

---

[1]) *Бергсон*: Творч. эволюция. СПБ. Изд. Семенова. 121 и сл. «Отличительной чертой сознания является его способность изготовлять искусственные предметы, в частности орудия для приготовления других орудий, и бесконечно варьировать производство... Мы должны были бы говорить не Homo Sapiens, а Homo Faber...»

[2]) Это отличие указанной потребности от интеллектуальной, не противоречит и теории «интеллектуалистов», ибо и последние не отрицают своеобразие чувственно-эмоциональных переживаний от познавательно-интеллектуальных, но настаивают только на связи и обусловленности первых вторыми. Однако, лично я склонен итти дальше и думать подобно *Рибо и Ланге*, что «существует чисто аффективная жизнь, самостоятельная и независимая от жизни интеллектуальной; причина ее лежит ниже, в изменениях синестезии, которая, в свою очередь, есть результат сочетания жизненных процессов. Роль

Так же, как человек не может не мыслить, так же он не может не чувствовать. Больше того: человек хочет мыслить и хочет чувствовать, часто он ищет чувственных переживаний... Реальна ли эта потребность? Вместо ответа процитирую Ланге: „Эмоции, говорит он, не только играют роль важнейших факторов в жизни отдельной личности, но они вообще самые могущественные из известных нам прирожденных сил. Каждая страница в истории—как целых народов, так и отдельных лиц,—доказывает их непреодолимую власть. Бури страстей погубили больше человеческих жизней, опустошили больше стран, чем ураганы, их поток разрушил больше городов, чем наводнения“ [1]). В той или иной форме эта потребность дана у всех людей. Не идеи, не голод и не остальные перечисленные потребности влекли и влекут людей на зрелища: первобытные пляски, игрища („короборри“), в цирк

внешних ощущений очень ничтожна в психологии чувствований сравнительно с ролью внутренних ощущений и, только не заглядывая дальше первых, можно возводить в правило, что «нет эмоциональных состояний, не связанных с состояниями интеллектуальными».

Рибо: Психология чувств. СПБ. 1898. 15.

[1]) *Ланге:* Душевн. движения. 1896 г. 14. Не менее правильно говорит на ту же тему и *Рибо*: «слепая вера в «силу идей» представляет на практике неистощимый источник иллюзий и заблуждений. Идея, если она не более как идея, бессильна: она действует только тогда, когда она прочувствована, когда сопровождается известным аффективным состоянием... Можно основательно и глубоко изучить «Практический Разум» Канта, испещрить его блистательными заметками и комментариями, не прибавив равно ничего к своей практической нравственности, имеющей совершенно другое происхождение. Непонимание этой очевидной истины—один из наиболее досадных результатов влияния интеллектуалистов на психологию чувствований»..

Рибо. Op. cit. 25.

То же говорит и *Pareto*. I ragionamenti per agire sugli uomini, hanno bisogno di transformarsi in sentimenti.

Pareto: Op. cit., т. I. 78. Вся социология Парето есть сплошное доказательство этого положения. Идеи для него—только рефлекс, тень или отражение sentimenti. «Одно и то же чувство, которое толкает людей воздержаться от к.-либо поступка, оно же толкает их создавать соответственную теорию (для оправдания этого воздержания). Так, ужас перед убийством заставляет с отвращением отказываться от него. Он же в виде рефлекса ведет к созданию теорий: «убийство неугодно богу, боги наказывают убийц», «убийство противоречит нравственности, прогрессу, социализму» и т. д. *Pareto*. 74—75. См. passim и главы посвященные residui и derivazione.

Хотя этими авторами, как увидим в «Соц. механике», роль интеллекта и знания недооценена, однако, они правы, настаивая на важности эмоций—чувств в поведении людей и в истории человечества. Чувственно-эмоциональными являются и теории Уорда, Паттена и др., признающие динамическим фактором соц. явлений чувства: удовольствие и страдание. См. Reine Soziologie, Психич. факторы цивилизации и Dynamic sociology *Уорда* и The theory of social forces *Паттэна*, напечат. в Supplement to the Annals of the Americ. Acad. of Polit. and Soc. Science, за январь 1896 г.

гладиаторов, на мистерию, на бой быков, в современный цирк, в театр, в оперу, на концерт, в кинематограф, на поэзо-вечера, на скандал, к месту казни и т. д. Что как не потребность „в сильных ощущениях“ (не точное выражение) заставляла и заставляет людей плясать (танцы, балет, игрища, религиозные пляски, балы и т. д.), возбуждать себя употреблением гашиша, опиума, вина, водки, табака и др. опьяняющих и одуряющих веществ [1]), столь же древних, как и само человечество.

„Хлеба и зрелищ“,—таков вечный красноречивый свидетель данности этой потребности у человека. Если лозунг „хлеба“ относится к биологической потребности питания, то лозунг „зрелищ“ говорит о потребности в аффективных переживаниях [2]). Отнимите эту потребность у человека и вы сделаете непонятным существование множества явлений, начиная с игры и кончая всем искусством: поэзией, живописью, музыкой, балетом и т. д. „Дориан Грей“ Уальда—только сконцентрированный художественный образ человека, сделавшего „целью жизни“ служение и удовлетворение потребности в чувственно-эмоциональных переживаниях. Все люди в большей или меньшей степени Дорианы: различны только формы и степени „прожигания жизни“. Эта потребность дает себя знать всюду: обычай употребления музыки при парадах, при наступлении, при похоронах и свадьбах, такие явления, как сервировка стола (цветы, художественность сервировки), явления комфорта, роскоши („пышные“ платья, „красивая обстановка“ комнаты, все „что ласкает взор“ и т. д.,) все это вызвано и появилось на почве удовлетворения этой потребности. Она, как воздух, всюду проявляет себя, но как воздух, мы ее не замечаем... Если бы ее не было, то насколько упростилась бы наша жизнь. Удовлетворение одного голода не требует ни цветов, ни белоснежных салфеток, ни красиво убранного стола; все эти „аксессуары“ вызваны к жизни „эстетикой“, т. е. чувственно-эмоциональными потребностями. Ими же вызваны к жизни

[1]) *Рибо* цитирует Моро-де Тур, говорящего, что после употребления гашиша «человек испытывает «чувство счастья». Я разумею, говорит он, состояние, не имеющее ничего общего с чисто чувств. удовольствием. Это не есть удовольствие обжоры; его скорее можно сравнить с удовлетворением скупого или с радостью, которую нам доставляет приятное известие». Ibid. 13.

[2]) И сейчас мы видим, что голод не депрессировал лозунг: circenses! театры, кинемо и пр.—полны. Заборы заполнены афишами о зрелищах. Снова и снова повторяется «вечная история». Так было в первоб. время, так было в древнем Риме, так обстоит и в «коммунист. государстве». Не уменьшилась и потребность в опьянении. люди, не имеющие хлеба для питания, тратят его на «ханжу», «самокур» и т. д.

и почти все явления искусства, начиная с примитивных рисунков, фантастических сказок и первобытной песни и кончая Шекспиром, Диккенсом, Бетховеном и Рембрандтом. Она гонит одних в кабак, других—на митинг, третьих—на бал, четвертых—в цирк, пятых—в театр, шестых—в толпу, седьмых—в церьков, восьмых—заставляет подзадоривать людей подраться, девятых—к опасным приключениям, десятых—на выставку и т. д.. Всюду, где люди „любуются" чем-нибудь, всюду, где они говорят „о красивых переживаниях", всюду, где действуют „страсти и аффекты", там вы найдете эту потребность.. Она неизбывна для человека и соприсуща его природе.. Борьба „за жизненные блага" в значительной степени является борьбой за возможность чувственно-эмоциональных переживаний, за возможность их удовлетворения.

Такова беглая характеристика этой потребности.

10) Потребность волевой деятельности. Наряду с указанными потребностями человека имеется потребность волевой деятельности; она состоит в постановке и в достижении осознанной, намеренно поставленной цели [1]). Ставить цели, ближайшим образом связанные с нашим „я", и стремиться к их осуществлению—свойство, имманентно присущее человеку. Если прав был Декарт, говоря: „cogito, ergo sum" (я мыслю, след., существую), то не менее правильным будет сказать: „Volo, ergo sum" (хочу, след., существую). Сознательное „хочу" дано вместе с человеком и от него неотъемлемо! Опять таки, характер целей и волевых стремлений различен у различных людей. Но в той или иной форме они присущи всякому человеку (кроме разве идиотов и психически-дефективных людей). Если история человечества есть в значительной степени результат эмоций и чувств, то известная доля исторических событий может и должна быть объясняема, как результат воления и волевых действий. Если в прошлом роль последних была сравнительно незначительна, то по мере поступательного хода истории значение и роль волевой деятельности ростут. Спрашивается, что же служит доказательством наличности такой потребности у человека? Ответ гласит: постановка людьми осознанных целей, воспринимаемых ими в качестве целей тесно

[1]) Я здесь не хочу пускаться в анализ психологической природы воля. Под ней я понимаю совокупность специфических переживаний, «имеющих характер «активности» в смысле особого качества самого переживания решимости (что нибудь сделать или воздержаться от чего либо)... Некоторые переживания, напр. ощущение тепла, холода, зубной боли, восприятие выстрела кажутся нашему самонаблюдению чисто пассивным переживанием чего то наличного; другие переживания представляются нам, как активные стрем-

связанных с интимнейшими сторонами их „я“ и потому важных и ценных для того, кто их ставит, с одной стороны. С другой—борьба людей с теми, кто препятствует достижению таких целей, или, когда они достигнуты, борьба с теми, кто мешает их дальнейшему выполнению, кто угрожает или препятствует осуществлению соответственных волевых актов.

В той или иной форме такие осознанные воления, не сводимые к желаниям, вызываемым другими потребностями, были и остаются свойственными человеку. Таково воление, связанное с целью поддержания достоинства собственного „я“, „чести“, „доброго имени“ [1]), таково воление „власти“ над другими, воление „славы“, воление „превосходства над другими“, „популярности, авторитета“, одобрения, уважения“; к этой же категории фактов относятся далее: воление „справедливости“, „добра“, „нравственности“, „подвига“, „жертвы“ „долга“ и т. д. Все эти воления отличны прежде всего от стремлений, вызываемых чисто биологическими потребностями: воление „славы“ или „поддержания доброго имени“ не есть ни потребность удовлетворения голода, ни инстинкта размножения, ни самозащиты (в биологич. смысле), ни движения, ни других биологических импульсов. Отличается оно и от потребности удовлетворения интеллектуальных запросов и чув-

---

ления нашего я, направленные на вызов, создание чего либо в ближайшем или в дальнейшем будущем. Только эти (последние) своеобразные (могущие быть познанными и отчетливо различаемыми лишь путем внимательного самонаблюдения и внутреннего сравнения) переживания с чисто-активным характером и следует относить к классу «воли», исключая все прочее из этого класса» (рефлексы, инстинкты, чувственн-эмоц. состояния и познават. элементы). *Петражицкий.* Введение. 169.

Теперь спрашивается, каковы же черты волевого акта, отличающие его от других стремлений? На этот счет, как известно, существует ряд теорий. Правильным мне представляется такой ответ. Волевой акт отличается от других стремлений тем, что 1) он сопровождается представлением определенной, сознанной цели (в силу этого все бессознательные импульсы и влечения не относятся к волению); 2) тем, что он представляется ближайшим образом связанным с идеей нашего «я», с интимнейшими и ценнейшими свойствами этого «я», воспринимаемыми как его сущность, как его ядро. (В силу этого отпадают от воления все стремления, где этой теснейшей связи нет, где она не переживается нами).

Эти две основных черты, плюс своеобразное переживание активности, усилия, отличают воление от других стремлений и влечений, осложненной комбинацией коих оно является. Акты, сопровождающиеся таким переживанием воления, я называю волевыми актами.

См. близкую к очерченной теорию *М. Дауполла*: Основн. пробл. соц. психологии, гл. IX. *Hobhouse.* Mind in Evolution. Lond. 1901. 313. *Parmelee.* Op. cit. 311—312. Само собой разумеется, что воление, как и всякое явление, детерминировано.

[1]) См. анализ понятия чести у *Н. Н. Розина:* Оскорбление чести. 1910 113—128 и Passim.

ственно-эмоциональных (пассивных) переживаний... Возникнув на почве биологических потребностей эти воления выросли в своеобразный вид потребностей, отличающихся от всех их. Поэтому, приходится их выделять в самостоятельную группу[1]).

В той или иной форме эти потребности свойственны большинству людей... Напр. защита „чести", „доброго имени", или волевая потребность „одобрения" другими проявляется в течение всей истории... Месть за оскорбление чести в первобытных группах, поединки и турниры рыцарей средневековья, борьба из за „местничества" в нашей истории, современные дуэли и суды чести—все это ряд фактов, вызванных к жизни этой потребностью... Желание побороть в схватке противника, победить в турнире соперника, „прославить свое имя" физической силой, ловкостью, хитростью, художественным даром, научным трактатом, артистической игрой, красотой движений или лица, пышным костюмом, выделиться пред другими своей роскошной обстановкой, чистокровными лошадьми, какой либо эксцентричностью (Герострат, из за увековечения имени сожигающий храм), и т. д. и т. д.—все это разные виды деятельности, вызванной на почве воления „славы[2]).

Защита „святое святых" своей души в виде норм нравственности и права; жертвование собой во имя исполнения долга, борьба с теми, кто нарушает правовые и нравственные заветы (преследования и наказание преступников) — опять таки категория фактов, подпадающих под факты, вызванные этой потребностью. Почти все акты, связанные с „долгом" и „моральным долженствованием" — целиком вызваны ею же. Борьба за власть, за утверждение своего, „я", принимавшая и принимающая на протяжении истории самые

---

[1]) *Ross u Stuckenberg* выделяют «эготическое» желание, близкое к этой потребности. «Эти желания (egotic desires), пишет Ross, суть требования «я» (self), а не требования организма. Они заключают стыд, тщеславие, гордость, зависть, любовь к свободе, к власти, к славе. Типом желаний этого рода является честолюбие».

Ross. Foundations of Sociology. 1905 169.

[2]) Более слабой формой этого воления служит желание «одобрения» другими и «известности». Il bisogno che l'individuo prova di essere ben accetto alla collettività, di conseguirne l'approvazione, è sentimento (не точное выражение. П. С.) potentissimo», правильно говорит *Pareto.* Op. cit. 594, т. I.

«Знаменательной формой социального воления является та, которая толкает известных индивидов желать «известности» (notoriété), т. е. желать, чтобы другие знали или «замечали» их, чтобы они «говорили, спорили, шумели» о последних».

Waxweiler. Op. cit. 159. В наше время это желание «известности» приняло гипертрофические размеры: люди малюют себя, надевают странные костюмы (футуристы), выкидывают самые эксцентрические поступки для того, чтобы быть «замеченными», чтобы вызвать шум и т. д.

различные формы, начиная от примитивного: „моему ндраву не препятствуй“, от элементарных: „не смей мне перечить“, „не возражать“, и кончая борьбой за политическую и духовную власть,за гегемонию „я“ над сотнями тысяч людей—опять таки явления, выросшие на почве удовлетворения этой потребности [1]).

К этому же разряду фактов относится большинство случаев, где один человек обращается к другому с категорическими, ультимативными приказами и запретами... „Приказываю делать то-то“, „Запрещаю поступать так-то“, эти факты, в тысяче форм встречаемые на каждом шагу, весьма часто представляют акты, вызванные потребностью волевой деятельности...

Ограничиваюсь данным сжатым наброском основных потребностей человека. Различаясь по содержанию в каждом данном случае все десять классов перечисленных потребностей в той или иной форме свойственны большинству людей.

Резюмирую.

Потребности человека: 1) удовлетворения голода и жажды, 2) половая (размножения), 3) индивидуальной самозащиты 4) групповой самозащиты, 5) движения, 6) дыхания, обмена веществ, сна, разряжения избыточной энергии (игры) и др. физиологич. потребности; 7) потребность общения с себеподобными, 8) интеллектуальной деятельности, 9) чувственно-эмоциональных переживаний и 10) волевой деятельности.

Напоминанием этих общих свойств и ограничимся в характеристике индивида, как элемента системы взаимодействия.

§ 4. Акты (действия), как элемент явлений взаимодействия.

I. Акты людей, как раздражители.

Обратимся ко второму элементу системы взаимодействия—*к актам или движениям взаимодействующих индивидов.* Как не раз уже было отмечено, взаимодействие людей характеризуется тем, что здесь переживания и поведение одних людей обусловливается существованием и поведением других. Иными словами, *в явлениях взаимодействия раздражителями для участвующих в нем индивидов являются другие индивиды.*

---

[1]) С этой точки зрения прав *Н. К. Михайловский*, подчеркнувший важность «борьбы за индивидуальность», как прав и *Ницше*, указавший на волю к власти, как волю отличную от приспособления. См. *Михайловский*: «Борьба за индивидуальность» и «Патологическая магия». *Ницше*: «По ту сторону добра и зла», § 252 и «Генеалогия морали». § 12.

Человеческий организм непрерывно получает множество раздражений от окружающей его среды,—раздражений, заставляющих его непрерывно реагировать на них теми или иными движениями, сознательно или бессознательно направленными на установление равновесия между организмом и средой. Это равновесие требуется интересами сохранения жизни. Всякий организм в течение своего существования представляет из себя подвижное равновесие. Раздражители среды чрезвычайно разнородны. Они относятся и к неорганическому миру, и к миру органическому. Внешние, неорганические раздражители, по классификации Давенпорта, распадаются на такие: „1) химические раздражители, 2) вода, 3) (density of medium) плотность среды, 4) молярные агенты, 5) тяжесть, 6) электричество, 7) свет, 8) теплота.“ Ферворн делит их на 5-ть основных групп: 1) механические, 2) химические, 3) тепловые, 4) световые, 5) электрические [1]).

Непосредственное изучение таких раздажителей и вызываемых ими реакций в область социологии не входит. Точно также не входит в эту область и изучение раздражений и реакций, вызываемых *биологическими раздражителями*, т. е. другими организмами. Паразиты, живущие на теле человека, комары, мошки, мухи, собаки, дикие звери, короче множество организмов, с которыми так или иначе приходится соприкасаться человеку, несомненно являются для него раздражителями. Но изучение их, как и вызываемых ими реакций, не составляет непосредственную задачу социологии. Последняя изучает только явления человеческого взаимодействия, т. е. такие отношения, где „раздражителями“ людей выступают люди же, где изменение переживаний и действий одного индивида вызываются прямо или косвенно другим или другими индивидами.

Человек, как живое существо, непрерывно действует, постоянно совершает те или иные поступки, движения, акты... Эти движения и акты доходят до другого человека, в качестве раздражителей, и заставляют его в той или иной форме реагировать на них.

Вся жизнь людей представляет почти сплошной поток таких акций и реакций. Каждый из нас, в течение каждого дня, встречается с множеством людей, получает раздражение от множества действий других индивидов и принужден ежеминутно в той или иной форме реагировать на них. Каждый из нас, иными словами, погружен в человеческое

---

[1]) См. *Verworn*: General Physiology, London, 1899. 348—349.

море, волны этого моря непрерывно ударяют об наш организм в виде слов, прикосновений, движений, ударов, поступков, воспринимаемых органами зрения, слуха, обоняния, осязания, и всем телом, и заставляют нас, в свою очередь, непрерывно реагировать на них: словами, движениями руки, ног, всего тела, рядом усилий, поступков. короче—множеством актов, простых и сложных, тяжелых и легких, мучительных и приятных и т. д., и т. д.

Таким образом, *ближайшими средствами раздражения, исходящими от человека к человеку, являются поступки или акты поведения людей.* В этом смысле они могут быть названы элементами системы взаимодействия.

Такое выделение их в качестве элементов рекомендуется еще и по следующим соображениям. Громадная роль, которую играет человек, в качестве раздражителя, обусловливающего переживание и поведение других людей, была бы значительно меньшей, если бы мы мысленно представили себе человека подобием мраморной статуи, неспособной на движения и поступки. В этом случае, он, как раздражитель, играл бы роль не большую, чем те памятники в городах, мимо которых мы проходим каждый день. Они возбуждают наше любопытство в первый раз, быть может заставляют один—два раза остановиться около них, осмотреть и „полюбоваться“ ими и... только... Потом, ставши привычными, они перестают быть раздражителями. Совсем иначе обстоит дело, когда перед нами живая статуя, человек или множество людей, вечно что-то делающих и своими действиями „раздражающих“ наши органы зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса, всю нашу рецептивную систему в виде внешней поверхности нашего организма. В этом случае мир людей представляет perpetuum mobile, непрерывно испускающий волны раздражителей и непрерывно заставляющий нас реагировать на эти раздражения.

Акты или поступки людей, играющие роль непосредственных раздражителей, по своему конкретному виду бесчисленны и недоступны хотя бы приблизительному описанию и характеристике. Однако, эта конкретная разнородность не мешает подвести их под немногие общие рубрики. Эти рубрики могут быть различными, в зависимости от того, какой принцип мы кладем в основу классификации поступков. В нижеследующем я дам несколько подразделений актов, которые нужны будут для дальнейшего.

II. Акты делания и неделания.

Человек может раздражать других людей: 1) или тем, что он совершает ряд движений, *делает что-либо* (в узком смысле), или 2) тем, что он не совершает ряда движений, *не делает что-либо*, воздерживается от движений.

Так, один человек может „оскорбить" другого и вызвать у последнего ряд поступков либо тем, что он говорит оскорбительные слова (делание), либо иногда тем, что он „презрительно молчит" (внешне остается пассивным, неделание). Поведение Х-а может привести его к тюрьме (т. е. обусловить вмешательство полиции и судей) либо за делание чего либо, напр., за убийство, либо за неделание чего-либо, напр., за „бездействие власти" или за неисполнение тех поступков, которые он должен был выполнить.

С этой точки зрения, следовательно, все поступки человека можно разделить: 1) *на акты делания*, 2) *на акты неделания.*

Под первую категорию подпадут все двигательные действия человека, начиная с движений отдельных органов: (дрожание или иннервация мускулов, поворот глаз, те или иные мимические движения, движения головы, рук, ног, отдельных групп мускулов и т. д.) и кончая комплексом движений всего организма или целой цепью поступков: передвижения всего организма, ходьба, бег, акты чтения, письма, переноса грузов, сложнейшие движения, составляющие ту или иную работу, иногда продолжающиеся в течение дней и недель с теми или иными перерывами.

Под вторую категорию подпадут так называемые акты *воздержания и терпения*, внешне лишенные двигательного характера или дающие двигательные эффекты в самом минимальном и малозаметном размере. Таковы акты: терпеливого перенесения ударов, акты воздержания от активного отпора, от словесного реагирования на брань, от утилизации того или иного соблазнительного предмета, напр., аппетитной пищи, и т. д.

Конечно, это деление условно и относительно. Акты воздержания и терпения представляют также делание в широком смысле. Но некоторое значение оно имеет с точки зрения раздражительных эффектов. Человек для человека является раздражителем не только тогда, когда он что-либо делает, но и тогда, когда он выполняет акты воздержания и терпения. Нередко молчание одного человека влияет на другого бесконечно сильнее, чем делание чего либо, напр., словесное реагирование. Часто акты терпения являются

более действительными раздражителями поведения и переживаний других людей, чем акты делания в узком смысле. Эту эффективность актов терпения прозорливо усмотрел Достоевский. „Пред иною мыслью станешь в недоумении, говорит у него старец Зосима, особенно видя грех людей, и спросишь себя: взять ли силой али смиренною любовью. Всегда решай: „возьму смиренною любовью". Решишься так раз на всегда и весь мир покорить возможешь. Смирение любовное—страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего" [1]). Здесь под „смиренною любовью" разумеются именно акты терпения [2]).

Следовательно, первая группировка актов человека будет такова:

I. поведение: акты, как раздражители:
- акты делания
- акты неделания, распадающиеся на
  - акты терпения,
  - акты воздержания.

III. Акты продолжительно влияющие и имеющие мгновенное влияние. Акты интенсивно-влияющие и имеющие слабое влияние.

Рядом с этой группировкой целесообразно указать и на другую, на группировку актов с точки *зрения интенсивности и продолжительности влияния их на поведение других людей.* Из обыденной жизни мы знаем, что не все наши акты одинаково сильно действуют на других людей и обратно, не все акты других людей одинаково интенсивно и продолжительно влияют на нас. Одни акты почти не оказывают никакого влияния, другие действуют чрезвычайно сильно; эффект одних поступков испаряется мгновенно или быстро после их совершения, эффект других дает себя знать (действует) иногда в течение всей жизни, хотя сами акты перестали совершаться уже давно.

От того, что мой собеседник провел рукой по своей бороде, мое поведение мало изменится. Иначе будет обстоять дело, если он бросится на меня с ножем или предложит мне, скажем, миллион рублей. Первый акт его может пройти мимо меня, вторые могут заставить меня чреагировать резвычайно сильно; они решающим образом могут повлиять на мое поведение и с точки зрения интенсивности раздражения,

[1]) Братья Карамазовы. СПБ. 1895. т. I. 379—80.

[2]) Подробнее о делении актов на эти группы см. *Петражицкий*: Теория права. т. I, 71 и сл., т. II, 431 и сл.

вызванного ими, и с точки зрения его продолжительности. Удар ножем, продолжающийся минуту, может сделать меня калекой на всю жизнь (напр., слепым), миллион рублей может перевернуть весь уклад моей жизни; результаты влияния таких актов могут быть весьма продолжительными, иногда—пожизненными и даже—выходящими за пределы жизни.

Еще яснее это различие обусловливающего влияния актов с точки зрения их интенсивности и продолжительности проявляется в таких фактах, как половое совокупление или ряд поступков, в своей совокупности составляющих заключение брачного договора.

И первый, и второй комплекс поступков принадлежат нормально к тем, которые чрезвычайно интенсивно и весьма продолжительное время влияют на поведение одной или обоих сторон. Особенного внимания заслуживает здесь продолжительность влияния. Акты совокупления для женщины нормально влекут за собой зарождение, роды и появление нового существа, т. е. целый комплекс следствий, развивающихся в течение месяцев и годов, часто решительно изменяющих всю жизнь женщины; иными словами, они оказывают влияние на поведение индивида долгое время после совершения самого акта.

Акты брачного договора сохраняют обычно пожизненное влияние: индивиды, их совершающие, благодаря этим актам, обусловливают переживания и поступки друг друга весьма продолжительное время. Сами акты, вызвавшие это влияние, уже давно умерли, супруги могут жить в различных государствах и, однако, акты эти продолжают сохранять свое обусловливающее действие.

К этой же категории принадлежит и множество других действий, напр., акты приобретения права собственности, обряды крещения, поступления в партию, продажи себя в рабство, объявления себя вассалом какого либо феодала, акты принятия наследства, совершения преступления и т. д.

Короче, *ряд самых разнообразных поступков, начиная с таких, как ранение или изувечение другого человека, и кончая такими, с виду казалось бы незначительными актами, как тот или иной взгляд, жест, слово и т. д.* (вспомним историю Данте и Беатриче) *могут оказывать на других свое обусловливающее влияние долгое время после того, как эти акты совершились.*

Какие именно акты и когда являются такими—это зависит от множества условий: времени, места, индивидов, значения актов и т. д. [1]).

В противоположность таким актам другие поступки имеют только мгновенное влияние: по совершении акта их влияние быстро испаряется. Они перестает действовать. Таковы, напр., акты торговца, продавшего мне пачку папирос; заплатив деньги я взял папиросы и ушел, забывши и о торговце, и об его актах. Таково множество актов—раздражителей, которые ежедневно влияют на нас, но влияют мгновенно: в течение дня мы воспринимаем множество раздражений в виде актов пожимания нашей руки, приветствия, взглядов слов, фраз, прикосновений, движений и т. д. Но большинство их очень быстро теряют свое влияние: пожав руку, обменявшись обыденными фразами, схватив чужой взгляд, отстранив или отстранившись от прикасающагося к нам индивида, мы через минуту забываем об этих раздражениях, перестаем с ними считаться; и объективно они перестают на нас действовать. Поистине было бы ужасом, если бы каждый акт—раздражитель сохранял свое раздражающее влияние длительное время: такой пытки не могла бы выдержать никакая нервная система.

Какие акты и для кого являются такими—это опять таки зависит от множества условий, о которых говорить здесь не будем.

Важно отметить лишь самое деление. Оно, как увидим ниже, имеет громадное значение в общественной жизни и способно объяснить многие загадки, которые без этого обстоятельства были бы мало понятными.

Резюмирую.

II. Поведение: акты, как раздражители, распадаются на акты
- а) оказывающие *интенсивное* обусловливающее влияние на переживания и поведение других.
- в) оказывающие *незначительное и ничтожное* влияние на переживания и поведение других.

III. Поведение: акты, как раздражители, распадаются на акты
- а) продолжающие оказывать обусловливающее влияние на поведение и переживания других *долгое время после их совершения (иногда действующие пожизненно).*
- в) теряющие свое влияние *очень быстро* после их совершения (иногда мгновенно).

---

[1]) Все существующие на этот счет теории-моралистов (напр., Бентам и утилитарианисты), экономистов, психологов и социологов—неверны. Они скорее дают принципы должного, а не теорию сущего.

Чаще всего (но не всегда) актами, действующими долгое время после их совершения, являются акты интенсивно влияющие, и наоборот: акты, оказывающие незначительное интенсивное влияние редко бывают поступками, длительно определяющими поведение и переживания другого человека.

IV. Акты, сопровождаемые сознанием и бессознательные.

Коснемся кратко [1]) поступков человека и с третьей точки зрения—с точки зрения сложности того нервного механизма, который функционирует при их выполнении, с одной стороны, и с точки зрения сопутствования этих актов психическими (сознательными) переживаниями—с другой.

С этой точки зрения все акты человека могут быть разделены на две основные группы: 1) *на акты, сопровождаемые сознанием*, 2) *на акты бессознательные*. К второй группе отойдут все те поступки и реакции, которые носят название рефлексов, инстинктов и вторично автоматических актов, или по терминологии других физиологов: рефлексов безусловных и условных [2]).

Под рефлексами в обычном смысле слова разумеются явления стереотипного, получаемого по наследству реагирования на внешний раздражитель (напр., чихание, отдергивание руки при уколе).

Под инстинктами разумеются также шаблонные, наследственные и бессознательные акты поведения, отличаемые рядом исследователей от рефлексов либо в силу большей их сложности, либо в силу того, что нервный механизм при их совершении иной, либо в силу того, что рефлексы суть реакции отправления органов, а инстинкты—реакции поведения всего организма. Другие исследователи принципиально не отличают их от рефлексов, называя те и другие безусловными рефлексами (напр., школа Павлова) [3]).

Под вторично автоматическими актами разумеются акты, бывшие некогда, при начале их возникновения, *сознательными*,

---

[1]) Подробно речь об этом пойдет в последующих отделах данной работы.

[2]) См. выше, стр. 64 и сл.

[3]) См. подробно о рефлексах и инстинктах: *В. Вагнер*: Биолог. основ. сравнит. психологии, т. II. 3 и сл стр. *Parmelee*. op. cit. гл. VIII, XI и др. *Морган:* Привычка и инстинкт. СПБ. 1899. 1 по 26 стр. Цитир. статьи и работы: *Павлова, Зеленого, Бехтерева, Болдуин:* Духовное развитие детск. индивидуума и челов. рода. т. I и т. II. passim.

но затем в силу многочисленного повторения сделавшиеся привычными, автоматическими, бессознательными [1]).

Таковы основные группы актов, не сопровождаемых сознанием или актов бессознательных.

Противоположностью им служат акты, сопровождаемые сознанием. Они не наследственны, не шаблонны, изменчивы и индивидуальны. Главную группу их составляют акты *целевые* или *целеполагательные*, имеющие так называемую целевую мотивацию.

Нет сомнения в том, что у человека даны акты обоих категорий.

Множество постоянно выполняемых нами актов совершаются бессознательно. При обжоге руки мы моментально отдергиваем руку, при неожиданном появлении автомобиля—отскакиваем, при приближении руки другого к глазу—жмурим глаза, „при падении на кровать машинально протягиваем руки“ [2]) и т. д.

Сплошь и рядом целый ряд сложных движений производится нами „машинально“, бессознательно; таковы акты письма для человека, привыкшего писать, акты разговора—самого подбора слов; некогда каждая буква требовала полного внимания при ее начертании; при обучении иностранному языку вначале каждое слово при разговоре требует сознания, мы с большим усилием их подбираем; после достаточного числа повторений и опытов рука „сама выводит буквы“, слова сами идут на язык. Таковы далее акты: управления велосипедом, (у опытного велосипедиста), передвигания ног при ходьбе, бессознательного надевания перчаток при выходе из дома [3]), бессознательнаго протягивания руки при встрече с знакомыми, бессознательного почесывания зудящего места, и т. д.

Короче, каждый из нас, в течение дня, совершает множество действий, не сопровождаемых сознанием, начиная от простых рефлексов (чихание, дыхание, мигание, кашель, рвота, издавание звуков и т. п.) и кончая сложным комлексом актов (напр., машинальное шествие по улицам, машинальное раздевание и одевание, машинальное управление лодкой, машинальный разговор с кем-либо, когда „мысли заняты другим предметом“ и т. д.).

---

[1]) См. о них: *Морган.* Привычка и инстинкт. Passim. *Вагнер:* Op. cit., т. II, гл. VI. Подробно с рефлексами, инстинктами и сознательными актами мы будем иметь дело в «Социальной механике».

[2]) *Дарвин.* О выражении ощущений у человека и животных. СПБ. 1899. 23.

[3]) *Дарвин:* Op. cit. 21—26.

На ряду с такими бессознательными актами каждый из нас совершает множество *действий, сопровождаемых сознанием,* и в частности действий *целевых.*

Таковы акты: *бесцельного,* но сопровождаемого сознанием бранного ответа на брань другого (ответная брань вызывается не мотивом „для того, чтобы", а мотивом „потому что"); бесцельного, но сознательного хлопания в ладоши после прекрасно спетой арии, сознательного осенения себя крестным знамением, или произнесения фраз, „нельзя делать того-то" или „следует делать то-то", часто не зная цели: почему нельзя и почему следует это делать. Такие акты сознательны, но бесцельны.

Что касается целевых актов—то их множество, начиная с простого акта целевого вдевывания нитки в иголку и кончая такой сложной цепью целевых поступков, как действия кого либо (рабочего, изобретателя, ученого и т. д.), временами в течение годов работающего над осуществлением той или иной цели (напр., над изобретением, созданием научного труда, окончанием университета, получением диплома и т. д.).

Как увидим, это подразделение актов имеет важное значение для понимания явлений взаимодействия. Люди обусловливают поведение и переживания других не только сознательными, но и бессознательными актами.

Резюме:

Поведение. Акты
- I. Бессознательные
  - рефлексы,
  - инстинкты
  - вторично-автомат. акты.
- II. Сознательные, в частности целевые.

Ограничимся этими подразделениями актов [1]).

---

[1]) Данное подразделение актов на бессознательные и сознательные частью сходно, частью отличается от классификации актов *Парето,* данной в его капитальном труде: Trattato di sociologia generale. 1916 г.

Его классификация для нас пригодится в «Соц. механике». Поэтому воспроизведем ее здесь и дадим необходимые пояснения.

Парето различает: 1) действия логические (azioni logiche) и 2) действия нелогические (azioni non logiche).

Под первыми он понимает «действия, которые логически соединяют акт с целью (которые имеют целевой характер) не только с точки зрения субъекта, выполняющего акт, но и с точки зрения тех, которые имеют познание более широкое, т. е. акты, где субъективная цель совпадает с объективным результатом акта».

§ 5. Проводники, как элемент явлений взаимодействия.

I. Понятие проводников взаимодействия и их роль.

Третьим основным элементом явлений взаимодействия, мы признали: *проводники раздражений, по которым взаимные акции и реакции взаимодействующих индивидов передаются друг другу, или выражаясь языком энергетики, по которым энергия, в частности, психическая энергия, передается от индивида к другому.*

Под вторыми, не-логическими действиями, он разумеет все остальные акты человека, не входящие в первую группу. Не логические акты делятся на различные виды.

Схема.

Роды и виды.	Имеет ли акт логическую цель?	
	Об'ективно	Суб'ективно.
1-ый класс. Действия логические.		
Об'ективная цель тождественна с целью суб'ективной	Да.	Да. (Напр. действия ученых).
2-ой класс. Действия нелогические.		
Об'ективная цель отличается от суб'ективной.		
1° род.	Нет.	Нет. (Акты вежливости, Приказ Ездры: не мочиться в устье реки, впадающей в море)
2° —	Нет.	Да. (Магические акты и акты религиозного обряда).
3° —	Да.	Нет. (Инстинкт действия животных и человека).
4° —	Да.	Да. (Акты частного предпринимателя в капитал. обществе, где его суб'ективные цели не совпадают с об'ективным результатом).

См. Pareto. Trattato. т. I. 65 и сл.

Легко видеть, что эта классификация, имея ряд плюсов, имеет и минусы. Во первых, говорить об объективной цели, по меньшей мере, неточно. Можно говорить об объективном результате акта и о несовпадении субъективной цели акта с его объективным результатом, но нельзя говорить об объективной цели. Такой нет, ибо никто эту цель не ставит. Поэтому под логическими актами следовало бы разуметь акты, где субъективная цель акта и его объективный эффект совпадают.

Так как, далее, нет акта, который не имел бы какого-либо объективного эффекта, то 1 род 2-го класса актов—не существует. Он ошибочно введен.

Эта проблема требует весьма тщательного и детального изучения. Она имеет, как я постараюсь показать, громадное значение для понимания явлений социальной жизни. Это тщательное изучение требуется еще и потому, что социологи почти совершенно не затрогивали этого вопроса.

Чтобы взаимодействие между индивидами было возможно, для этого требуется, помимо наличности индивидов и их способности реагировать на раздражения, наличность: 1) *особых аппаратов* у членов взаимодействия, позволяющих им *воспринимать* идущие от других раздражения, иначе *аппаратов-восприемников*; *2) способность или возможность индивидов посылать в той или иной форме раздражения или стимулы;* иначе—возможность быть источником раздражений и наличность *аппаратов-раздражителей*; *3)* наличность *аппаратов реакции,* позволяющих им „отвечать" на эти раздражения.

В предыдущем мы видели, что такие аппараты имеются у человека. Прекраснейшим *аппаратом-восприемником служит нервная система* человека, ее рецепторные, воспринимающие органы. Мы видели, что они идеально чувствительны ко всяким раздражениям и, кроме того, являются идеальными анализаторами, разлагающими комплексы раздражений на их элементы.

Мы видели также, что человек обладает и *аппаратами раздражителями.* Таким аппаратом является весь организм человека, представляющий своеобразный авто-мотор, и ряд его органов, позволяющих ему двигаться, совершать акты делания и не делания..

Тот же организм и его органы являются и *аппаратами реакции на раздражения.* Благодаря этим аппаратам человек обладает способностью совершать *акты, движения, поступки,* которые и служат конкретными орудиями раздражения и реакций.

В силу наличности центральной нервной системы, главную функцию которой справедливо видят в ее интегрирующей роли[1]),весь организм человека представляет координированный

Пример, указываемый Pareto (приказ Езиода), имеет цель(именно не мочиться в устье реки), хотя и не указывает мотивов этого акта. Поэтому он отходит ко 2^0 роду 2-го класса. Частью сюда же, частью в 3^0 и 4^0 роды войдут акты, совершаемые под давлением обычая, правил вежливости и т. д.

С этими поправками классификации Парето приемлема и в свое время как ее, так и выводы, делаемые из нее итальянским социологом, мы используем.

[1]) Согласно Sherrington'y существуют различные формы интегрирования животного организма. Таково, *механическое* соединение клеток тела в единую массу посредством мускулов, соединительной ткани и т. д. (Механическая интеграция). Такова далее интеграция, осуществляемая *химическими* агентами,

сложный механизм, обладающий прекрасными аппаратами—восприемниками, аппаратами—раздражителями и аппаратами реагирования [1]).

устанавливающими связь между различными частями организма (напр. циркуляция крови). Но самым важным интегрирующим агентом является нервная система, прямо обусловливающая поведение организма и связывающая его в единое целое. В своей интегрирующей роли нервная система «действует через живые ряды неподвижных клеток, вдоль которых она чрезвычайно быстро посылает волны физико-химических возмущений (disturbance) и они действуют, как определенные силы на те отдаленные органы о которые в конечном счете эти волны ударяются» (impinge). См. *Sherrington*: The Integrative Action of the Nervous System, New-York., 1906. 3—4.

[1]) *Jennings* прекрасно отметил зависимость богатства и разнообразия движений организма, его action system, от структуры организма. Эта последняя обусловливает число и формы действий, которые данный организм может выполнить, т. е. предопределяет его формы поведения. Так, action system парамеции чрезвычайно примитивна; вся она сводится к спиральным движениям, состоящим из трех элементов: движения вперед, поднятия вверх по продольной оси тела и наклонения вниз. При такой структуре естественно и action system примитивна, поэтому-чрезвычайно беден данный организм и аппаратами раздражения, восприятия и реакции.

См. *Jennings*: Behavior of the lower organisms. New-York. 1906. 107 и сл.

Исходя изъ этой мысли Parmelee правильно отмечает превосходство строения позвоночных и, въ частности, строения человека в этом отношении. «Структура, а тем самым и формы поведения —action system—позвоночных таковы, что делают возможными в чрезвычайной степени индивидуальные модификации поведения. Скелет или костная система, дающая устойчивость (rigidity) организму, у позвоночных находится внутри, а не снаружи, как у беспозвоночных; это дает большую свободу движений позвоночным, которые более легко могут сгибаться, перемещать себя и принимать более разнообразные положения, чем беспозвоночные. Далее, почти вся внешняя поверхность организма позвоночных покрыта чувствительной тканью (нервная система), которая позволяет им получать больше раздражений, чем беспозвоночным, покрытымъ снаружи твердой, нечувствительной материей. Позвоночные имеют структуру, характеризующуюся двусторонней симметрией. В подобном организме передние сегменты, которые обычно идут первыми, когда животное двигается, получают больше впечатлений, чем остальные сегменты. Голова и мозг их таким образом приобретают громадные размеры, которое характеризует позвоночных и дают им власть в управлении поведением». Прибавьте къ этому, сосредоточение моторных центров, управляющих движениями рук, ног, рефлексов, связанных с носом, губами, глоткой и т. д. в головном мозгу и само строение этих органов, позволяющих позвоночному, в особенности человеку, производить тончайшие и искуснейшие движении, напр., движения при письме. Если учесть все эти структурные условия и зависящие от них формы поведения, то станет вполне понятным указанное в тексте совершенство человеческого механизма и его органов. аппаратов восприятия, раздражения и реагирования. См. *Parmelee*: Op. cit. 126—128; 269—273.

См. о томъ же *П. Л. Лавров:* (А. Доленги): Важнейшие моменты в исторіи мысли (М. 1903), где этот крупнейший русский социолог внимательно и с редким проникновением оценил и определил все эти условия. Стр. 1—147. Тому же вопросу посвящен почти весь 1-ый том его: «Опыта истории мысли» (Загран. издание).

Однако, наличности этих аппаратов недостаточно, чтобы обеспечить взаимодействие между индивидами. Не говоря уже о психическом взаимодействии, (о которомъ речь пойдет ниже), чисто *физическое* взаимодействие людей имело бы весьма ограниченный, случайный и незначительный характер, если бы не было *проводников* взаимодействия. Без проводников оно возможно лишь тогда, когда организмы, в данном случае люди, *непосредственно соприкасаются друг с другом, когда они пространственно близки и смежны.* В этом случае оно возможно: человек может ударить другого и переменить таким образом его положение; ударом или иным прикосновением он может вызвать ряд реактивных движений со стороны другого человека. Если даже учесть наличность у человека так наз. distance-receptors, органов восприятия раздражений, идущих издали (органы зрения, слуха, обоняния),—то и при этом условии взаимодействие носило бы весьма ограниченный характер и исчерпывалось бы если не непосредственной, то весьма незначительной пространственной близостью. При этих условиях человек может быть раздражителем другого *лишь на том растоянии, на каком его видит этот другой, или на каком он слышит его голос.* И только... Конкретно это значило бы следующее: пространство в одну версту или немногим более было бы границей возможности взаимодействия; за пределами такого пространства люди не могли бы влиять другъ на друга, ибо прямое прикосновение было бы невозможно, глаз за пределами его не можетъ видеть другого индивида и разбирать его движений, слух лишен возможности схватывать голос сочеловека, разделенного таким расстоянием, обоняние на этом пространстве бессильно улавливать запахи, издаваемые последним. Короче, люди были бы совершенно разобщены друг с другом и не имели бы никакой возможности влиять один на другого.

Таким образом *без проводников самое незначительное пространство ставило бы непреодолимые препятствия для возможности взаимодействия.*

То же следует сказать и *о времени.* Без проводников абсолютно невозможнымъ было бы взаимодействие между двумя или большим числом лиц, не находящимися *в данный момент* в непосредственной пространственной близости. Чтобы они могли влиять друг на друга, они оба должны быть в данном месте, *в одно и то же время.* Если А пришел бы туда пять-десять минут спустя после ухода В, взаимодействие не могло бы иметь места. В там уже не было бы, а раз его нет и проводников нет, то eo ipso о взаимодействии речи

быть не может. Само собой разумеется в этом случае немыслимым и абсолютно невозможнымъ было бы взаимодействие между живыми и умершими, между прошлыми, настоящими и будущими поколениями..

После этих замечанний легко понять, каким мизерным, слабым, случайным, кратковременным и ничтожным было бы даже чисто физическое взаимодействие между людьми *при отсутствии проводников.*

О психическом взаимодействии при этом условии трудно даже мыслить. Трудно мыслить потому, что психические переживания без проводников вообще не могут передаваться. „Душа" человека есть замкнутая монада. Любая мысль, любое психическое переживание заключены в «душе» переживающего. В чистом своем виде они не могут ни выразиться во вне, ни объективироваться, ни передаться другому, ни восприниматься последнимъ.

Выше мы видели, что психику другого в чистом виде мы не можем ни воспринять, ни выявить, а воспринимаем уже нечто не психическое,—ее материализированные проявления, ее символы, внешние акты. Это значит, что без проводников психика абсолютно не передаваема. Даже прямые физические прикосновения, посредством которых другому „передают" те или иные психические переживания (напр., жесты ласки, движения угрозы, „приветливая улыбка", „поцелуй любви" и т. д.) даже они являются не прямой передачей психики, а передачей опосредствованной, передачей чрез проводники, каковыми в данном случае являются тела соприкасающихся людей и движения их органов. Здесь передача опосредствованна потому, что жесты поглаживания или движение мускулов лица, составляющее улыбку, или определенные внешние движения, называемые поцелуем, сами по себе, очевидно, не являются психическими переживаниями, а представляют чисто физические явления, воспринимаемые органами чувств [1]).

Каждое психическое переживание, прежде чем передаться другому, должно пройти через три стадии: а) *сначала дано психическое переживание в субъекте*; b) *затем оно „превра-*

[1]) Прекрасным подтверждением сказанного могут служить автобиографии глухо-слепо-немых, в частности, Е. Кей. Она получила возможность сколько нибудь сложного психического общения лишь после того, как найдены были пути и средства для единообразного истолкования внешних актов, ею получаемых от других, в частности от воспитательницы, и актов, от нее исходящих.

См., автобиографию Е. Кей и записки ее воспитательницы. См. статью *Рагозиной* о ней, в приложениях к «Ниве» за 1904 г.

щается“ в непсихическую форму, в то или иное внешнее явление, в раздражитель (мимика, движения, слова, жесты, знаки и т. д.) с) *этот раздражитель, действуя на другого субъекта, вызывает в нем ряд психических переживаний, т. е. приобретает снова психическую природу.* Без средняго члена психическое общение между A и B невозможно. Примеры: N. N. сейчас мыслит, что „S углов треугольника равна 2d“; пока он ничем „не выразил“ свою мысль,—мы не знаем, о чем он думает. N. N. говорит ряд звуков: „S углов треугольника равна 2d“. Мысль „превратилась“ в звук—в колебание воздушных волн, т. е. в чисто физическое явление. Мы воспринимаем этот ряд звуковых раздражителей—проводников—и они возбуждают в нашем сознании суждение о сумме углов треугольника. Мне сейчас грустно. Пока я молчу, пока у меня нет „грустного вида“, „печального взгляда“, вздохов и т. д., пока нет внешних проявлений грусти,—мое душевное состояние не известно никому. Чтобы другие могли его узнать, оно должно так или иначе выразиться во вне; должны быть проводники. Вне их оно не познаваемо другими и не передаваемо им [1]).

Вывод из всего сказанного тот, что *один индивид не может ни воспринимать прямо психику другого, ни познавать ее непосредственно, ни возбуждать в другом те или иные психические переживания без посредства тех или иных внешних, непсихических феноменов. „Общение душ“ всегда совершается чрез посредство непсихических агентов или проводников. Без последних психическое взаимодействие абсолютно немыслимо* [2]).

Итак *при отсутствии проводников* невозможным становится ни сколько нибудь длительное, интенсивное и значительное *физическое* взаимодействие, невозможным делается и *психическое* взаимодействие. Незначительное пространство и время кладут предел первому. „самозамкнутость души“ делает невозможным второе.

Между тем из фактов обыденной жизни мы знаем, что *люди взаимодействуют друг с другом и физически, и психически, несмотря на громадные расстояния, отделяющие их друг от друга и несмотря на громадное время, лежащее между ними.* Я взаимодействую с моим другом, живущим в Аме-

[1]) Выражения «передача» психических переживаний, конечно, образные выражения; точнее они означают: возбуждение в других субъектах путем внешних раздражителей тех или иных психических переживаний; в данном случае—познавательных переживаний, касающихся психики других людей.

[2]) См. подробнее об этом: *Сорокин*: Символы в обществ. жизни. Изд. Наука и Жизнь. 6—13 Преступление и кара. подвиг и награда. 25 — 40. См. выше, стр. 57 и сл.

рике. Сегодня я получил от него письмо; этот „раздражитель“ заставил меня выполнить ряд актов: написать ответ, сходить в магазин и купить для него нужную книгу, идти на почту. Письмо его, кроме того, меня „страшно обрадовало“. Короче, мой друг, живущий в Америке, определенным образом обусловил мои переживания и поступки. Такой факт, согласно определению, составляет явление взаимодействия.

Таких фактов, как известно, ежечасно совершается бесконечное множество. Ученые, журналисты, газетчики, промышленники, правители и т. д., сплошь и рядом разделенные громадным пространством, общаются и взаимодействуют друг с другом.

Из тех же фактов обыденной жизни известно, что *люди могут находиться в процессе взаимодействия, несмотря на время, лежащее между ними.* Вчера ко мне заходил дворник, и не застав меня дома, передал прислуге, чтобы я представил карточку об явке на учет. Сегодня мне пришлось почти целый день провести в хлопотах по этому делу. Это значит, дворник обусловил мое поведение и переживания, несмотря на то, что я его не видел и пришел к себе несколько часов спустя после его посещения.

Больше того, *может быть взаимодействие между живыми и мертвыми.* Спенсера и Маркса уже нет в живых. Между тем они продолжают влиять на множество людей нашего времени и влияние их едва ли скоро прекратится и в дальнейшем. Своими работами, дошедшими до нас в виде книг, они вызывают ряд переживаний и действий у многих лиц. Умерший г. Х. своим завещанием обусловливает ряд переживаний и действий у многих индивидов: наследников, душеприкасчиков, нотариусов, судей, членов университета, которому он завещал свою библиотеку, членов приюта, в пользу которого он сделал отказ, и т. д.

Из этих фактов ясно, что *фактически ни пространство, ни время не являются препятствием для взаимодействия людей.*

Сказанное вызывает вопрос: *как такие факты возможны? Благодаря каким условиям люди могут взаимодействовать и чрез пространство и чрез время?*

Ответ дан уже выше: *таким условием является наличность проводников взаимодействия, проводников, передающих членам системы взаимодействия их взаимные акции и реакции.*

Спрашивается, что следует разуметь под ними и каковы их основные виды?

Под проводниками взаимодействия я разумею все те средства, благодаря которым раздражение, исходящее от одних индивидов, передается и доходит до других.

Так, в указанных примерах, такими проводниками являются: письмо, т. е. клочек бумаги с определенными значками, написанными рукой моего друга; книга, фиксирующая мысли Спенсера и Маркса; завещание, написанное или продиктованное умершим; слова, т. е. комплекс звуков, переданные дворником прислуге, и, чрез ее посредство, опять таки звуковым способом дошедшие до меня.

Из сказанного легко понять, что в своем конкретном виде проводники чрезвычайно многочисленны и разнородны.

Прежде, чем классифицировать их, остановимся предварительно на одном, двух вопросах, связанных с функцией проводников.

Конкретно механизм взаимодействия рисуется таким образом.

1) Индивид(ы) совершают те или иные акты.

2) Эти акты вызывают те или иные изменения во внешнем мире: изменяют состояние материальных предметов (напр., оставляют следы на земле) или приводят в движение эти последние или различные виды энергии.

3) Материальные предметы и виды энергии, двигаясь или будучи передвинуты, входят в соприкосновение с организмом других людей. Тот же итог получается, когда другие люди сами подходят к неподвижным материальным предметам, измененным действиями (работой) первых индивидов. (напр., соприкосновение людей с неподвижным столбом с надписью: „Здесь езда воспрещена“, при приближении их самих к последнему; соприкосновение Робинзона с следами дикарей, оставленными на песке).

4) Соприкасаясь, эти проводники раздражают воспринимательные органы (рецепторы) других людей, воспринимаются ими, чрез проводниковые части нервной системы передаются в центр последней (здесь, при сознательных переживаниях разлагаются) и в итоге, благодаря эффекторам

5) вызывают различные реактивные акты.

Краткая схема всего процесса взаимодействия, следовательно, будет такой:

Индивид А. { Акт — раздражитель А; ⟶ проводник; ⟶ акт — восприятия и реакция В. } Индивид В.

В тех случаях, когда процесс взаимодействия двусторонний (не только А влияет на В, но и В влияет на А), та же схема примет такой вид:

Индивид А. | Акт — раздражитель А; ⟶ проводник; ⟶ акт — восприятия и реакция В. являющаяся для А | акт ⟵ проводник ⟵ актом — раздражителем, восприятия и реакция А. | Индивид В.

В том и другом случае промежуточным этапом процесса взаимодействия явится проводник, передающий раздражение, исходящее от индивида к другому. Это раздражение он передает благодаря тому, что входит в соприкосновение с аппаратами — восприемниками других людей. Это соприкосновение, в свою очередь, достигается либо тем, что а) *проводник, приведенный в движение актом-раздражителем, двигается сам* (напр., воздушные волны, приведенные в движение голосом А, двигаясь, ударяют в орган слуха В. камень, брошенный А, двигаясь, ударяет в В) либо тем, что b) *проводник передвигается другими* (напр., А передал письмо почтальону С, С передал его D, D передал Е и Е, наконец, передал письмо адресату В), с) либо, наконец, тем, что *другие люди, двигаясь сами, соприкасаются с неподвижным проводником*, видом материального предмета, на котором отразились акты и действия людей. (Напр., туристы и посетители музеев, двигаясь сами, входят в соприкосновение с неподвижными египетскими пирамидами, созданными трудом древних египтян, с рядом картин, неподвижно висящих в музее,— результатом работы—цепи действий—художников и т. п).

Из сказанного уясняется тот способ, каким проводники передают акты одних людей другим.

Второй вопрос, которого необходимо теперь же коснуться, это двойная роль проводников. Она находится в связи с тем, что взаимодействие людей носит не только физический, но и психический характер. Этот факт вызывает собою следующие двойные функции проводников: будучи по своей природе всегда физическими явлениями, в одних случаях они влияют, как чисто физические реагенты; действие их на людей ограничивается исключительно их физическими эффектами; никакого другого значения и смысла они не передают и не вызывают.

В других случаях их роль не ограничивается чисто физическим раздражением, вызываемым их физическими свойствами. Помимо физических эффектов в этих случаях

они вызывают еще ряд определенных психических переживаний. Их главный эффект в этом случае состоит не в физических воздействиях, оказываемых ими на людей, а в тех психических пертурбациях, которые они вызывают въ сознании последних. Говоря коротко, в одних случаях *проводники* являются чисто физическими раздражителями. В других— не только физическими, но и *психическими*. В первых случаях они проводники физического (бессознательного) общения людей; в других—проводники психических, (сознательных) переживаний. Конкретные примеры уяснят в чем здесь дело.

Легкий удар палкой или мечем способен вызвать раздражение и ту или иную реакцию, в силу своих чисто физических свойств: прикасаясь к телу А эти проводники (палка и меч) раздражают рецепторы, и вызывают тот или иной ответный акт. Взаимодействие в этом случае носит чисто физический характер. Проводники выступают в роли чисто физических раздражителей.

Этот же факт—движение удара при тех же проводниках (мече и палке)—может иметь совершенно иное значение. Из истории нам известно, что в средние века, при посвящении человека въ рыцари, его легонько ударяли мечем; в древней Индии, при посвящении раджи, жрецы ударяли его палкой. В этом случае жест удара и проводники выступают уже в другой роли: в *роли передатчиков психических переживаний*—идей, чувств, эмоций и волений; их физические эффекты в этих условиях отходят на второй план; на первом месте стоят передаваемые проводниками психические эффекты: удар мечем посвящаемого рыцаря символизировал собой возведение его в высокое звание рыцаря и признание за ним высоких качеств, связанных с этим званием; нечто подобное знаменовал собой и обычай удара раджи при его „восшествии на престол".

Второй пример. Лоскут красной материи, вывешенный кем либо на улице, способен сам по себе быть раздражителем: в нереволюционное время, в нереволюционной стране он способен сам по себе привлечь внимание проходящих людей, как явление необычное, остановить их, вызвать вопросы: что это значит? зачем вывешено? и т. д. В этом случае он действует как чисто физический раздражитель, подобно тому, как красный цвет раздражает быка при „бое быков"...

Иными словами, *индивид вывесивший его, может обусловить поведение других людей чисто физическими свойствами* данного проводника.

Тот же лоскут красной материи может, в качестве проводника, играть совершенно иную роль: быть проводником или символом революционных идей, мыслей, настроений и решений, эмблемой и сигналом восстания, символом разрушения данного строя, короче—символическим проводником определенных психических переживаний...

В этом случае, *индивид, выкинувший красный флаг, обусловливает и влияет на поведение других не столько физическими свойствами проводника, сколько тем символическим значением, который проводник должен передать, „сигнализировать" другим людям.*

Еще пример. Предположим, что двое русских солдат, военнопленных, бегут из Германии и останавливаются для передышки в лесу. Находясь там, они слышат голоса людей. (Это значит, что разговор других людей приводит в колебание воздушные волны, последние двигаются и ударяют в органы слуха и воспринимаются в виде звуков обоими беглецами). Раздражение, переданное звуковым проводником, само по себе, *как физический реагент*, способно повлиять на поведение солдат: возбудить тревогу, беспокойство, заставить их не двигаться и т. д. Но помимо этой чисто физической роли звук может повлиять на поведение их более решительно, если они *понимают немецкий язык*; в этом случае они могут понять: что и о чем говорят эти люди, издающие комплекс звуков; что знаменуют собой их слова. В этих условиях звук передает психические переживания, намерения, мысли и хотения говорящих; он выступает опять в роли символов или сигналов душевных переживаний. Он обусловливает поведение солдат не столько в качестве физического реагента, сколько в качестве символа психических переживаний; и нужно ли говорить, что в этой последней роли его влияние будет более решительным.

Приведенные примеры достаточно отчетливо уясняют двойную роль, играемую актами людей и проводниками: *в одних случаях они выступают в чисто физической роли*: влияние и обусловливание поведения людей в этих условиях покоится на чисто физических свойствах и физических эффектах, производимых проводниками; в других случаях те и другие выступают в роли передатчиков психических переживаний; здесь они служат символами или сигналами последних; их влияние на поведение людей в этом случае объясняется не столько их физическими свойствами, сколько тем психическим значением, которое они „символизируют", „сигнализируют", передают, „выражают".

Будем называть проводники первого рода простыми „*физическими проводниками*“; проводники второго ряда— „*проводниками — символами, проводниками — сигналами*“, выражающими то или иное *психическое состояние*.

В процессе человеческого взаимодействя большинство проводников являются проводниками-сигналами. В чисто физической роли они выступают гораздо реже.

В связи с проводниками-символами необходимо коснуться одного, дополнительного условия, требующегося для того, чтобы символическое взаимодействие между индивидами было возможно. Проводники физические раздражают индивидов своими прямыми физическими свойствами. Для восприятия их не требуется никакого толкования, никакой психической однообразности. Камень, брошенный А и ударяющий В, своим механическим действием (удар, больранение, пролом кости и т. д.) заставляет В так или иначе реагировать на раздражение. Прикосновение льдом само по себе, как физической раздражитель, действует на индивида и вызывает ту или иную реакцию.

Иначе обстоит дело с проводниками сигналами. *Для того, чтобы те или иные проводники могли функционировать, как проводники-сигналы,* помимо других условий: восприятия их рецепторами, наличности сознания у индивидов и т. п., — *необходимо еще одно дополнительное условие: наличность более или менее однообразного проявления (символизирования) одних и тех же переживаний взаимодействующими индивидами, что в свою очередь даст возможность правильного, однообразного толкования этих символических раздражений каждому из них.*

Если этого условия нет—то функционирование тех или иных проводников, в качестве проводников символических, становится почти невозможным.

Остановимся подробнее на сказанном.

Почему необходимо, чтобы взаимодействующие субъекты одинаковым образом выражали одни и те же психические переживания? — Потому что психика, прежде чем перейти к другому, как было показано выше, „овеществляется“, символизируется и только в виде внешнего раздражителя дана другим членам общения. Если же этот символ—раздражитель у одного означает одно переживание (напр. звуковой проводник-символ „тополь“ означает у одного вид дерева), а у другого звук „тополь“ означает уже не дерево, а напр., кошку (вид животного) и так же обстоит дело и с другими звуками— проводниками, то, очевидно, наши собеседники никогда не „поймут“ друг друга и взаимодействие между ними,

по крайней мере, путем речи,—не будет возможно. Простейшими примерами такой невозможности служат факты, когда два иностранца, напр., русский и англичанин, „разговаривают" между собой, не зная языка своего собеседника. Каждому известно, что из этого разговора ничего не получается: один говорит „про попадью, а другой про попа". Спрашивается, почему же они „не понимают„ друг друга?—Ответ ясен — потому что звуки-символы того и другого не тождественны. Оба собеседника могут быть знаменитыми учеными, могут иметь прекрасный слух, прекрасное зрение и т. д.—но тем не менее ни тот, ни другой не поймут друг друга. Если они кое-что и поймут, то скорее из движений, из мимики, из характера восклицаний, а не из слов. Стоит, однако, только допустить, что и другие проводники-символы неодинаково толкуются ими и мы принуждены будем думать, что психическое взаимодействие между нашими собеседниками будет невозможным. Прекрасный художественный образец такого непонимания, вызванного на почве неодинаковой мимической символизации в взаимодействующих субъектах, дан Гюго в его романе „Человек, который смеется".

Вероятно, всякий помнит знаменитую сцену из этого романа, в которой „вечно-смеющийся" человек сыплет громы и проклятия, преисполнен глубокого негодования—а остальные не только не думают, что он и в самом деле негодует, но напротив—думают, что он смеется и говорит все эти бичующие слова лишь „шутки ради". Недоразумение это, как известно, вызвано было исключительно тем, что у человека, во время его речи, было „смеющееся" лицо [1])...

То же самое может быть сказано и о любом виде проводников-символов. Если бы кто-нибудь „беззаботно смеялся" и „весело улыбался" тогда, когда ему тоскливо и грустно, плакал бы тогда, когда ему весело, плясал бы тогда, когда он в отчаянии, с сжатыми кулаками, с стиснутыми зубами бил бы кого-нибудь в знак того, что он его любит и ласкает— то, очевидно, его психика была бы для нас terra incognita и мы никогда не могли бы правильно понять его. Благодаря сказанному понятно, что „чужая душа-потемки" и что разгадать подлинные ея переживания не так легко, а внешние символы всегда можно толковать различно, что мы и видим напр., в судебных прениях сторон. Здесь сплошь и рядом защитник и обвинитель, исходя из одних и тех же символов, (поступков обвиняемого) рисуют совершенно противопо-

[1]) Вторым примером может служить сцена «Смейся паяц» из оперы «Паяцы»

ложные картины психических переживаний подсудимого. Прекрасный пример сказанному дают „Братья Карамазовы“ в той главе, где одни и те же поступки Мити Карамазова совершенно различно истолковываются прокурором и защитником.

После сказанного не трудно согласиться с тем, что если бы у индивидов, постоянно соприкасающихся друг с другом и обладающих даже высокой психической жизнью, формы ее символизации и объективации были совершенно различны, то правильного психического общения, надлежащего функционирования проводников - символов между ними быть de facto не могло бы. Каждый из них был бы для других каким-то живым непонятным существом, двигающимся, действующим, шумящим, но... и только... Таким образом— одним из необходимых условий для возможности функционирования проводников - сигналов является наличность одинакового проявления одинаковых психических переживаний различными людьми; где этой тождественности нет, хотя бы и была на лицо высокая психика и „воспринимающие аппараты“, невозможно и функционирование проводников-сигналов.

Теперь перейдем к классификации проводников взаимодействия.

II. Классификация проводников взаимодействия.

По физической природе проводников, с одной стороны, и по характеру рецептивных органов, воспринимающих их, с другой, обе категории проводников распадаются на:

1) проводники *звуковые*, представляющие колебания воздушных волн, воспринимаемые нашими органами *слуха*. Таковы: речь, восклицание, пение, музыка, шорох и другие комплексы звуков.

2) *Световые*, частным случаем которых являются проводники *цветные*, представляющие колебание эфирных волн, воспринимаемые нашими органами *зрения*. Таковы: железно-дорожные сигналы (цветные, светящиеся огни фонарей), трамвайные огни, буквы, надписи, рисунки, значки и т. п.

3) *Механические* проводники, своим прикосновением к нашему телу и к покрывающим его разветвлениям нервной системы передающие нам ряд раздражений, идущих от других людей. Важнейшим органом восприятия их являются органы осязания. Таковы: прикосновение палкой, удар, производимый брошенным камнем, поглаживание, щекотание, укол и т. д.

4) *Тепловые* проводники, представляющие колебание эфирных волн, и действующие на всю чувствительную поверхность тела. (Обжог, ошпаривание, прикосновение льдом, холодным предметом и т. д.).

5) Проводники *двигательные* по своей природе представляющие вид физической энергии, энергию работы, воспринимаемые частью всем организмом, а главным образом органами зрения (жесты, движения, мимика, передвижения авто-моторов и т. д).

6) Проводники *химические*, главными видами которых являются ряд химических реагентов, действующих на физиологическое состояние организма и на органы *вкуса* и *обоняния*. Таковы: вкусовые вещества, вещества душистые, лекарства, яды и т. п.

7) Проводники *электрические*.

8) Проводники *вещественно-предметные*, представляющие комплекс физико-химических свойств (материя, цвет, форма и т. д.), в своей совокупности составляющих тот или иной „предмет“ и воспринимаемые рядом органов чувств. Таковы, напр., кресты, гербы, знамена, одежда и т. д.

Легко видеть, что эта классификация проводников логически очень груба. Она исходит не изъ одного, а изъ многихъ классификационных критериев. Но я здесь не преследую цели логических упражнений по части создания формально безукоризненных классификаций. Моя цель иная—указать наиболее важные виды проводников взаимных акций и реакций людей, играющих значительную роль в процессе человеческого общения. Этой цели указанный перечень въ значительной степени удовлетворяет [1]).

Очертим теперь подробнее каждый из этих видов.

---

[1]) Из этого простого перечня уже видно, что чрезвычайно узко смотрят на явления общения людей те, кто единственным средством общения их считает язык.

Примером такой узкой и неверной теории может служить книга *Маевскою: La théorie de l'homme et de la civilisation.* Для него цивилизация или «réalité D» представляет совокупность индивидов, связанных между собою языком; путем его передаются восприятия, мысли, чувства и воления не только живущих поколений, но и исчезнувших; таким образом, говорит автор, создается между людьми психическое единство, отличающее человека от животных. «Язык образует сущность и материю цивилизации («réalité D»); la mort des langues est la mort des nations». См., *Majewski*: La theorie de l'homme. Paris. 1911 г. Passim.

Не трудно видеть, что автор дает узкую и въ этом смысле ошибочную теорию.. Во первыхъ, помимо языка или звукового проводника—процесс общения людей осуществляется рядом других средств,—проводников: световых, двигательных, механических, предметных и т. д.; во вторых, сводить всю цивилизацию к языку дело весьма трудное и неосуществимое: фабрики, ма-

А) *Звуковые проводники* являются одними из самых важных по своей роли в явлениях человеческого взаимодействия. Они выступают и как чисто физические проводники, и как проводники—сигналы. В качестве первых они фигурируют, как шумы, шорохи, звуки ударов, и т. д., поскольку последние не являются проводниками—символами. Так, когда мы неожиданно слышим шум или шорох. мы настороживаемся, прислушиваемся, короче,—совершаем те или иные акты—реакции. В качестве яркого примера раздражения и влияния звуковых проводников в их чисто физической роли приведу такой факт. Мари Жаель изучала энергетическое влияние звуков, независимо от их ассоциативной роли (т. е. символического значения). „Ш. Фере, субъектъ, музыкально-глухой, долженъ былъ поднимать среднимъ пальцемъ правой руки гирю в 3 кило, проделывая это определенное число раз подрядъ, до полнаго изнеможения. Подъ вліяніемъ опредѣленныхъ звуковыхъ возбужденій гиря казалась ему легкой, и онъ могъ поднимать ее большое число разъ подрядъ; подъ вліяніемъ квинты (la—mi) Фере могъ произвести (в 16 опытах) 850 поднятій; подъ вліяніемъ же уменьшенной квинты онъ не могъ произвести болѣе 50 поднятій. Разница на полтона превращаетъ сильнаго человѣка в слабого“ [1]). Здѣсь звукъ явился проводникомъ взаимодействія между Мари Жаель и г. Фере. Онъ действовалъ только как физическій реагентъ. Итогомъ его действія явились реакціи Фере в виде поднятія гири и различное число этихъ поднятій в зависимости отъ различныхъ звуковъ.

Как и большинство другихъ проводниковъ звуковые проводники нормально выступаютъ в качестве проводниковъ сигнальныхъ, выражающихъ и воспринимаемыхъ в качестве символовъ психическихъ переживаній. Главнѣйшими видами звуковыхъ проводниковъ-сигналовъ являются: речь, музыка и др. выразительные звуки.

Звуковые символическіе проводники в виде языка, речи, являются важнѣйшимъ и основнымъ способомъ передачи раздраженій и психическихъ переживаній отъ индивида к индивиду. Без нихъ психическое общеніе людей было бы чрезвычайно

шины, музеи, храмы, школы и другие предметы материальной культуры нельзя называть языком. Между тем, едва ли их можно выбросить из той сферы явлений, которая называется цивилизацией; в третьих, не исчерпываются явлениями языка и сами процессы общения или взаимодействия если социология хочет объяснить общественное поведение людей, то она должна учитывать все виды взаимных раздражителей, которыми люди обусловливают взаимное поведение и благодаря которым их группа образует коллективное единство. См. подробнее, об этом ниже, в главе, посвященной разбору других социологических теорий, и в гл. о социальн. группировке.

[1]) *G. Bohn*: La nouvelle Psychologie animale, Paris, 1911 г. 166—168.

затруднено. Они дают возможность передавать другим сложнейшие и тончайшие душевные движения. Общественная жизнь людей, взятая в целом, похожа на громадный и непрерывно циркулирующий поток слов и их сочетаний, идущих от человека к человеку, от одних к другим. Звуки—символы, в виде слов, непрерывно соединяют людей между собою, передают раздражения, вызывают эффекты.

Любая фраза, любое слово похоже на электрический ток возникающий между людьми, дающий им возможность влиять друг на друга и обусловливать взаимное поведение. Их эффекты бывают временами поразительны. „Слово может убить человека". Не даром в ряде религий, как напр., в браманизме, слово превратилось в магическую силу, управляющую миром и даже волей богов. Не даром и в евангелии апостолъ говорит: „В начале было слово и слово было к богу и бог был словом". Когд мы слышим ряд звуков-символов: „Мне грустно", „Я ненавижу Х—а", „Спенсер был великим мыслителем", „К оружию, пролетарий!", „Долой", „Да Здравствует", —„Вперед", „Пли" и т. д., мы тем самым воспринимаем ряд раздражений, доходящих до нас в виде звука, и передающих нам идеи, настроения и волення других лиц. Посредством звуковых проводников люди регулируют свое взаимное поведение. Когда мы хотим вызвать у других те или иные поступки, или удержать их от совершения каких либо актов—мы пользуемся почти всегда звуковыми символическими проводниками: „Сделай то-то", „Не смей дедать того то", „Ни с места!", „Руки вверх", „Пли". и т. д. - таковы наши обычные способы передачи волевых решений. Звуковыми же символическими проводниками чаще всего пользуемся мы для передачи наших настроений, чувств, и эмоций. Пример: „И скучно, и грустно, и некому руку подать". „Безумных лет угасшее веселье мне тяжело, как смутное похмелье". „Здравствуй племя, молодое, незнакомое". Эти слова—проводники известных настроений, передающие психику их говорящего и влияющие на психику людей, их воспринимающих.

Нечего и говорить, что слова же чаще всего употребляются и для передачи идей.

Любая встреча людей, всякий разговор между ними, любое собрание: научная лекция, политический митинг, парламентские, судебные и всякие иные заседания, религиозная проповедь, взаимодействие учителя с учениками, разговоры в семье, на рынке и т. д.—все это иллюстрации функционирования звуковых-проводников и их социальной роли.

Благодаря гибкости, легкости, передаваемости этих проводников—символов они стали наиважнейшим способом общения людей друг с другом. Их гибкость проявляется не только в том, что существует множество слов, т. е. комбинаций звуков, для передачи самых различных переживаний и явлений. Но эта гибкость выражается еще и в ряде сопутствующих явлений: Дарвин вполне правильно замечает, что голос действует, помимо содержания слова, еще своей силой, высотой и тембром [1]).

Таков первый и главный вид звуковых сигнальных проводников.

Вторым важным видом их является музыка, т. е. опять таки определенное сочетание звуков,—аккордов,—производимых одними людьми, „перелетающих" къ другим, и возбуждающих въ последних ряд переживаний и настроений. Когда кому либо грустно, он может передать свое настроение „песней без слов", может, напр., подойти к роялю и играть „Осеннюю песню" Чайковского или „Лунную сонату" Бетховена. Его акты состоят в определенных ударах по клавишам рояля, удары приводят в определенное колебание воздушные волны, последние ударяют в наши органы слуха, воспринимаются нами, и в итоге—передают нам или возбуждают в нас определенные комплексы душевных переживаний.

Таким образом, благодаря звуковым проводникам одни люди взаимодействуют с другими.

По своей природе звуковые, символические проводники в виде музыки больше приспособлены и пригодны для передачи чувств, эмоций и настроений, чем для передачи идей или волевых решений. Вот почему они чаще всего употребляются для эмоционально-чувственного общения, чем для общения волевого или идейнаго. Всякий концерт, всякий сеанс музыки с этой точки зрения представляет картину людей, объединяющихся в одно эмоциональное целое посредством музыкально-звуковых проводников. Эти проводники переносят или передают настроения от одной „души" к другой, связывают их взаимными нитями, и в итоге определенным образом дают возможность влиять и на психику, и на поведение присутствующих. Хороший пианист или музыкант в этом случае представляет собою магического монтера, который, сидя за роялем, мгновенно связывает себя звуковыми проводниками со всеми слушателями и, играя на кла-

[1]) См Дарвин: О выражении ощущений. 1899 г. 41—57.

вишах инструмента, по существу играет на человеческих душах: его душевные движения передаются движениями пальцев по клавишам, удары рождают звуковые волны, последние вызывают волны психических переживаний...

Одни из этих волн вызывают подавленное состояние, грусть, горе, отчаяние, (напр., похоронные марши), и соответственные движения, другие—радость, веселье, безоблачность, легкость и надлежащие внешние акты. Возбуждающее или угнетающее влияние музыки, говорит Ж. Бон, известно с давних пор. „Помимо похоронных маршей, которые сопровождаются подавленным состоянием, горестными переживаниями, и медленной походкой, имеется и музыка возбуждающая, заставляющая оживленно двигать ногами в танцах, которые иначе, как под музыку и представить себе нельзя“ [1]).

Таков второй вид звуковых проводников.

Помимо речи и музыки звуковые проводники функционируют в бесконечном множестве других форм. Удар пушки в Петрограде означает, что сейчас 12 часов, свисток паровоза сигнализирует, что он отправляется, гудок фабрики выражает начало или конец смены, рожек автомобиля или звонок трамвая „предупреждает“ об опасности, удары колокола „объявляют“ о начале обедни или утрени, звон тарелок свидетельствует о близком обеде, телефонный звонок дает нам знать, что кто-то хочет говорить с нами, дверной звонок сигнализирует, что кто-то идет и т. д. и т. д. [2]).

Таковы основные виды звуковых проводников, передающих раздражения одних другим, связывающих взаимодействующих людей в коллективное единство, являющихся непрерывно возникающими и вновь обрывающимися связями или „соединительными проводами“ системы взаимодействия...

В) Перейдем теперь к беглой характеристике *световых и цветных проводников*. Они, подобно звуковым, выступают в роли и чисто физических проводников, и в роли проводников-сигналов, передающих душевные движения. Свет, как чисто физическое явление, может быть раздражителем и может влиять на поведение. Индивид А, зажегший в темноте спичку, одним физическим действием света, может влиять на поведение другого: привлечь его внимание, дать ему воз-

---

[1]) *G. Bohn* Op. cit. 166—168.

[2]) Отсюда легко понять значение языка для объединения индивидов в одну группу. Люди, говорящие на одном языке, имеют в своем распоряжении прекрасный проводник, посредством которого они легко могут «соединяться», общаться и понимать друг друга. Люди разноязычные такого проводника не имеют; поэтому они лишены одной из наиболее важных социальных нитей, связывающих их в одно целое.

можность ориентироваться в окружающей обстановке, короче—определенным образом обусловить поведение. В этом примере свет является физическим проводником раздражения, исходящего от А и передаваемаго В. То же можно сказать и о цвете [1]).

Как выше было указано, цвет и свет функционируют в социальной жизни главным образом, как проводники-сигналы. В этой роли они, на ряду с звуковыми сигнальными проводниками, являются наиважнейшим и наичаще практикуемым способом передачи раздражений и психических переживаний от одних людей к другим... Наряду с звуками люди для своего общения чаще всего пользуются этими проводниками.

Первым и самым важным видом свето-цветовых проводников является письменность. Под ней в широком смысле слова следует понимать все значки, фигуры и буквы, начерчиваемые людьми в целях передачи другим тех или иных переживаний. Письменностью будет: и буквы, написанные черным по белому, и иероглифы, и клинообразные значки древних ассирийян, и символические, примитивные знаки первобытных людей, и условные знаки, в роде, △, □, употребляемые в геометрии, короче все то, что фиксируется человеком на тех или иных предметах (стена, бумага, свое тело и т. д.) с помощью свето-цветных знаков, в целях выражения различных душевных переживаний—идей, представлений, чувств, явлений и т. д. [2]).

В этом смысле письменностью будут: и татуировка своего тела, употребляемая „дикарями" для выражения того, что он принадлежит к такой-то группе, и знаки, делаемые, напр. Айно, на своих стрелах для того, чтобы дать знать другим, что животное, в котором найдена стрела с определенным

---

[1]) Надлежащий материал читатель может найти в книге *A. Girard*: Facteurs primaires de l'évolution. G. Loisel, гл. I. 1—27; въ работах по терапии; см. напр.; *Мезерницкий*· Физиотерапия. СПБ. 1916 г. статьи: Палладина Мезерницкого, Шенка, Бехтерева; в работах Леба о тропизмах и таксисах и т. д.

Подробное изучение социальной роли и соответствующих социальных эффектов звука, света, теплоты, электричества и др. космических факторов в данную часть работы не входит. Оно будет предметом «социальной механики». Здесь же автор касается их только, как проводников взаимодействия, представляющих составную часть последнего.

[2]) Письменность в нашем смысле сходна с понятием «Bildende Kunst», даваемым Verworn'ом. «Die» bildende Kunst «in engeren Sinne dagegen ist die Fahigkeit, Bewusstseinsvorgänge durch bleibende Mittel optisch wahrnehmbar zu machen. Die bildende Kunst umfasst daher die Zeichenkunst, die Malerei, und die Schreibkunst. Выпадают только пластика и барельефная орнаментика, относящиеся к предметным проводникам, но входящие в понятие «bild. Kunst» См. *Verworn*: Die Anfänge d. Kunst 1909. 4—5.

знаком, было ранено владельцем этой стрелы, а потому последний имеет право на часть добычи [1]), и примитивные рисунки, делаемые примитивными людьми на своем оружии [2]), и насечки, делаемые современными народами на пограничных деревьях или в лесу, и доска, с нарисованной на ней указующей рукой, и т. д. и т. д.

В культурном мире самым распространенным видом свето-цветных проводников являются книги, пергаменты и рукописи. Каждая книга представляет собою не что иное, как конденсированный комплекс свето-цветных проводников. Она проводит мысли и настроения их автора к читателю. Первый фиксировал их рядом движений в форме значков на бумаге. Эти значки, приходя в соприкосновение с читателем, передают ему переживания и мысли автора книги, и в итоге—в той или иной форме обусловливают переживания и поведение читателя. Всякая библиотека с этой точки зрения может рассматриваться, как огромнейшая, сложнейшая телефонная станция, в которой, посредством книг, ежедневно сотни людей „соединяются" с множеством авторов, живых и мертвых, и неслышно ведут между собою беседу.

Легко понять, поэтому, ту громадную роль, которую играют свето-цветные проводники в явлениях человеческого общения. Без преувеличения можно сказать, что человек, впервые напавший на мысль использовать их для общения с другими, был величайшим изобретателем и революционером. Само собой понятным становится и то громадное значение, которое сыграло открытие книгопечатания и всякий технический прогресс в этой области для судеб человеческой культуры.

„Чем выше поднимается человеческая культура, тем более зависимой становится она от результатов работы предыдущих поколений, тем сильнее нуждается она в средстве, которое сохраняло бы опыт предыдущих поколений и делало бы возможным его использование; таким средством является

---

[1]) См., напр , *Pilsudski:* Les signes de propiétë des Aino в Revue d'ethnografie et de sociologie, март—апрель, 1912 г. «Pendant les chasses où plusieurs personnes tiraient sur un ours, les signes sur les flèches pouvaient servir â découvrir qui avait tiré le premier, qui avait visé le plus juste et à qui, par conséquent, devait revenir les meilleures parties de la bête comme le coeur, la poitrine, le foie etc. Далее Пилсудский весьма рельефно показывает, что «знак собственника стрелы играет огромную роль и всегда принимается во внимание».

[2]) См. материал и знаки в книге *M. Verworn:* Die Anfange der Kunst, Iena, 1909. См. великолепные рисунки в кн. *Spencer and Gillen:* The northern tribes of central Australia. London. 1904,—*Обермайер*: Доисторический человек. Изд. Брокг.—Ефрона.

письменность (die Schrift), справедливо говорит Данцель. Ее применение покоится на способности человека употреблять вместо предметов их знаки. Уже в тоне и в жестах, в языке и в мимических движениях человек использовал применение символов. Но влияние их становится несравненно более значительным в письменности в силу того, что здесь и мышление прикрепляется к постоянно-пребывающим символам, освобождающим мысль от ее мгновенного чувственного бытия... Социальная роль письменности, как средства для сохранения духовного богатства (geistiger Inhalte), становится особенно важной в силу того, что она представляет прекрасный орган, который гарантирует продолжение общественной жизни, выходящей за пределы жизни индивидуальной. Она является посредником общения между пространственно разделенными, она является связью между давно исчезнувшими, современными и будущими поколениями. Чрезвычайно отчетливо эту функцию письменности характеризует T. Mauthner, говоря: „Представим себе на минуту, что во всех культурных странах вдруг все письменные знаки, их употребление и книги навсегда уничтожены, но устная речь осталась; это было бы похоже на сохранение одного зубчатого колеса в часовом механизме нашей культуры; гибель письменности в конце концов превратила бы нашу цивилизацию в руину, похожую на те искусственные часы на старых соборах, которых никто не может завести, ибо заводной ключ их потерян“ [1]).

Каждый значек, каждая буква, (напр. значек „*a*“ для звука „а“), как и их комплексы, соединяемые в слова (напр., „с о ц и о л о г и я“), и в целые фразы, являются таким образом видами свето-цветовых депеш или проводников, передающих раздражения от одних индивидов к другим.

Помимо письменности в узком смысле этот вид проводников функционирует в тысяче форм. Таковы значки, употребляемые в геометрии: △, □, ○ и т. д. Такова фигура круга ○, изображающая солнце. Кривая линия передает представления градиозности и гармоничности, ломаная — неуравновешенности, резкости, грубости и т. д. и т. д.

Вторым *основным видом свето-цветовых проводников взаимодействия является живопись*; она существует в виде картин и рисунков. Эти последние представляют не что иное, как виды свето-цветовых проводников. Возьмем для примера Левитановскую картину: „Над вечным покоем“. Ее автора уже нет в живых. Но благодаря этой картине, физически представляющей комплекс цветных пятен, расположенных

(1) См. J. *W. Danzel*: Die Anfänge der Schrift, Leipzig; 1—2, 1912.

в определенном порядке и имеющих определенную форму, автор продолжает взаимодействовать с нами, передавать и возбуждать в нас определенные переживания и акты. Картина соединяет нас с ним, как соединяет многих из нас друг с другом в общности настроений и переживаний. Она опять похожа на соединительную телефонную станцию, от которой идут свето-цветные проводники к человеческим „душам“. То же представляет собою и всякая картина, всякий рисунок, начиная от наивных маранний ребенка и первобытного человека и кончая гениальными творениями великих мастеров.

Свето-цветные проводники выступают в обыкновенной жизни и в тысяче других форм, в виде светящихся фонарей на мачтах пароходов, путем которых одни люди дают знать другим о том, что плывет пароход, в виде „световых эффектов“ в пьесе, предназначенной для вызова „светлого настроения“. Свет играет громадную символически-передаточную роль в религиозном культе (свечи, паникадила, благословение светящимися дикириями и трикириями, предшествование свечи выходу жрецов, священников и „религиозных реликвий“); и в повседневной жизни людей. На каждом шагу встречаемся мы с этими проводниками: начиная с открыток, носящих название „язык цветов“, употребляемых влюбленными „барышнями и молодыми людьми“ для объяснений („роза означает пылкую любовь“, „лилия — чистоту и невинность“ и т. д.) те же проводники выступают: в виде красных знамен, выражающих революционные идеи и стремления, в виде государственных флагов, в виде цветных огней трамвая и железнодорожной сигнализации, в виде определенных цветных галунов, указывающих соответственные ведомства, в виде чернил, красок и карандашей, которыми мы делаем знаки, в форме цветов различных тканей, обычно символизирующих то или иное переживание (напр., подвенечное платье полагается белое — знак чистоты невесты, одежда монаха черная — знак его отречения от мира) и т. д. и т. д.

Будет вполне правильным, если я скажу, что каждый человек, со времени своего появления, оказывается окруженным звуковыми и свето-цветными проводниками, непрерывно передающими ему тысячи волн, идущих от других людей, влияющих на него и вызывающих у него реакции.

С) Третьим *основным видом проводников являются проводники двигательные.* Они могут быть чисто физическими, своим физическим эффектом возбуждающими других людей,

и проводниками символическими, влияющими на людей тем, что выражают то или иное психическое переживание. Движения человека, воспринимаемые органами зрения, сами по себе достаточны, чтобы быть раздражителем других людей. Если же за этими движениями кроется то или иное значение, они становятся раздражителями весьма действенными. В нашей жизни мы постоянно пользуемся этими проводниками-раздражителями. Вместо слов: „убирайтесь вон!“ люди часто ограничиваются жестом, состоящим в поднятии руки с указательным пальцем, направленным на дверь; вместо „да“ мы часто ограничиваемся легким движением головы вперед, вместо „нет“ — покачиванием головы слева направо и обратно; свое бессилие мы выражаем пожиманием плечами, свою привязанность и любовь — объятиями и поцелуями, свой гнев — сжатием кулаков и жестами угрозы; довольство и радость выражаются движениями улыбки и прыганием, горе — соответственной позой и медленными движениями, приветствие — снятием шапки, словом — ряд сложных переживаний выражаются соответственными мимическими движениями.

Как эти, так и более сложные движения, являются символическими проводниками, нитями, связующими психику одних с психикой других. С физической стороны эта связь состоит в том, что определенные переживания сопровождаются или объективируются определенными выразительными актами; эти последние раздражают органы зрения и в итоге вызывают в сознании перципиента надлежащие душевные переживания и вместе с ними надлежащие эффекты в поведении. Весьма часто эти двигательные проводники сплетаются в целую систему и передают довольно сложные события и явления. Образцом их могут служить известные всем пантомимы, даваемые в цирках, пантомимы — обряды первобытных людей (напр. „медвежьи драмы“ остяков, изображение кенгуру австралийскими негритосами и т. п.). В наше время видом двигательных проводников могут служить кинематографические сеансы. Здесь на полотне двигательные проводники вместе с цветовыми передают нам ряд сложнейших событий: драм, комедий, трагедий и т. д. По своему существу картины, развертывающиеся на полотне, с их движущимися фигурами, жестикулирующими, убивающими, спасающими, целующими друг друга представляют довольно яркий пример двигательных проводников. Взрывы смеха, те или иные возгласы возмущения, которые нередко раздаются в зрительном зале, наконец, сам факт посещения

кинематографов публикой достаточно определенно говорят что цвето-двигательные проводники являются довольно пригодным средством для взаимных общений людей.

Дальнейшим ярким примером этих проводников может служить язык жестов, употребляемый детьми, глухонемыми и чрезвычайно развитый в примитивных обществах [1]). Здесь движения пальцев и лица служат главным средством взаимодействия [2]).

Хотя двигательные проводники, в силу ряда условий, не играют столь важную роль, как проводники звуковые и цвето-световые, однако и они достаточно распространены во всех сферах человеческой жизни. Ряд двигательных символических проводников, в виде обрядов, мы встречаем и в религиозной жизни [3]) и в правовой [4]), и в военной [5]), и в публичной, и в частной жизни. Все почти обряды, церемонии, публичные парады, смотры, двигающиеся процессии, демонстрации — политические, религиозные, военные, частные, свадебные, похоронные, карнавальные, святочные и т. д. — все они представляют в том или ином виде функционирование двигательных проводников.

К этому же типу должны быть отнесены и такие явления, как молчаливая игра детей в лошадки, в солдатики, и т. д.

После сказанного читатель сам подберет сколько угодно примеров двигательных проводников.

---

[1]) См. об этом *Levy-Bruhl*: Les fonctions mentales dans les societés inferieures. Paris. 1912, 175 и сл.

[2]) Употребление выразительных движений известно и в мире животных. См. *Дарвин*: О выражении ощущений. Гл. IV—V.

[3]) См. учебники богослужения и богословия, объясняющие смысл религиозных обрядов и культа.

[4]) См. *Chassan*: Essai sur la symbolique du droit. Paris. 1847. Passim и 54 — 56. 123 — 125 и др. Шассан удачно показывает переполненность права, в особенности древнего, самыми различными символами, т. е. проводниками правового общения. «Чтобы быть понятым и соблюдаемым грубым сознанием примитивных людей, право нуждалось в чувственных образах, в живых, двигательных представлениях, и в физических знаках, которые кидались бы в глаза и действовали на воображение. Эти реальные или фиктивные знаки получили имя символов». Стр. I. Об употреблении двигательных символов в праве см. также *Петражицкий*: Теория права, т. I, 54. — 57.

[5]) См. *Lieutenant Jaray*: Du formalisme au «Débrouillez-vous». Paris. 1910 г. изд. Chapelot. Здесь автор ярко характеризует символически-проводниковую роль таких обрядов, как: корректное ношение формы и охрана чести мундира, как le pas cadencé dans certaines circonstances, как salut au drapeau, prestation de serment des officiers, reconnaissance des grades devant le front de la troupe, remise des decorations nationales, revues et défilés и т. д.

D) Коснемся кратко проводников *механических*, *тепловых*, *химических* и *электрических*. Их социальная роль не столь важна, как предыдущих проводников. Это объясняется отчасти тем, что они чаще всего функционируют в роли чисто *физических*, *а не сигнальных проводников*. Передавая раздражение, исходящее от одних лиц другим, они влияют на поведение других не столько тем, что сигнализируют переживания других людей, сколько своим чисто физическим эффектом.

Примером *механических проводников* могут служить: явления удара камнем, брошенным одним индивидом в другого, удара пулей, выпущенной из ружья одного в другого, удара палкой, прикосновения колющим или иным предметом, щипки, явления хирургических операций [1]), рвание волос, нанесение ран, различные способы телесного повреждения и т. д.; наряду с этими однозными механическими проводниками сюда же отходят: ласковое поглаживание любимого человека, прикосновение к нему рукой или каким либо предметом и целый ряд посредственных и непосредственных механических раздражений одних людей другими, раздражений, передаваемых обычно посредством тех или иных материальных проводников. „Поцелуи, пожимание руки, и т. д. суть пережитки первобытных средств, путем которых индивиды познают друг друга (Гиддингс)“ [2]). Нормально, кроме таких механических проводников, как пули, снаряды, бомбы или таких проводников, как вода, наводняющая местность, благодаря разрушению плотины, механические проводники передают раздражения в сравнительно ограниченных пространственных пределах, т. е. индивид может механически раздражать другого на сравнительно небольшом пространстве. При более значительной пространственной раздельности обычно функционируют другие, более пригодные и действенные проводники.

E) Сказанное о механических проводниках применимо и к проводникам *тепловым*. И последние функционируют преимущественно, как проводники чисто физические. В роли проводников-сигналов они функционируют реже. Примерами тепловых проводников могут служить: явления поджога,

---

[1]) «Все болезни, которые излечиваются при применении механических приемов, называют хирургическими». См. H. *Tillmanns*: Руководство общей хирургии. M. 1910. Стр. 1.

[2]) «Начиная со второго месяца, говорит Болдуин, ребенок узнает в темноте прикосновение матери или кормилицы. Он различает способы держания его, качания, которые характеризуют различных лиц». *Baldwin*: Social- and ethical interpetations. 1897. 7.

когда индивид, чаще всего с злостными намерениями, поджигает дом, здание или лес и через посредство этой стихии обусловливает поведение других людей. И обусловливает, временами, весьма решительно: богатые становятся бедными, счастливые несчастными, здоровые больными, живые мертвыми. Дальнейшим примером их могут служить: явления центрального отопления; при такой системе отапливания квартир одни люди, если не прямо, то косвенно, могут весьма значительно влиять на поведение других (напр., хозяин дома или кочегар на жильцов дома); тепло и здесь служит проводником раздражений, идущих от одних к другим; теплота же может служить проводником влияния одних людей на других в таких явлениях, как движение паровозов и пароходов, где машинист и кочегар могут весьма определенно влиять на состояние и судьбы пассажиров. К этой же группе проводников относятся: обусловливание переживаний и поступков одних лиц другими посредством ошпаривания кипятком, или прикладывания льда (к больным), посредством поставления людей в среду с слишком холодной или жаркой температурой, и т. д.

Г) Следующим видом проводников взаимодействия являются *проводники химические*, опять таки обычно выступающие в роли чисто физических проводников, а не проводников—символов. Их роль в передаче раздражений, исходящих от одних и влияющих на других людей, покоится на их химических свойствах. Люди, желая определенным образом повлиять на поведение или состояние другого (напр., желая вылечить больного, сделать приятное другу или неприятное врагу и т. д.), обращаются к этим химическим реагентам и, утилизируя их в качестве посредников, тем самым влияют на других. След., эти химические реагенты, придя в соприкосновение с другими, проводят, передают им раздражения, идущие от первых. Так, доктор, прибегая к лекарству, влияет на поведение и состояние больного [1]), X, поднося коробку конфет У, влияет на переживания последнего, преступник, подсыпая яд в пищу своего врага, часто вызывает его смерть, повар, заменяя здоровые продукты вредными, обусловливает поведение и здоровье своих клиентов; купец, продавая прогнившие консервы, способствует эпиде-

[1]) «Действие лекарств, т. е. совокупность порождаемых ими в организме явлений, почти всегда коренится в *химическом* (воздействии данного вещества) на внутренний состав тканевых элементов... Вызываемые лекарствами физиологические явления—функция сил лекарства и сил животной клетки». См. *Д-р Б. Шапиро:* Фармакология. Харьков. 1912. 5, 9.

миям; негр, распространяя специфический запах, заставляет отстраняться от него слишком щепетильных людей; тот же эффект вызывает человек, от которого въ силу ли болезни или его социальной невоспитанности исходит дурной запах [1]) и т. п. Во всех этих случаях, как и в сотне других, ряд химических реагентов являются проводниками, передающими акции одних другим и вызывающими реакции последних...

G) В роли чисто физических же проводников обычно выступают и проводники *электрические*. Посредственно, как мы знаем, электричество играет колоссальную роль в процессе современного общения людей: оно двигает громадный механизм фабричных машин, передвигает поезда, трамваи, передает депеши и т. д. Короче, его роль в этом отношении огромна. Но как проводник, в более узком смысле слова, здесь употребляемом, оно находит ограниченное применение; примерами его могут служить явления электролечения, раздражения путем прикосновения тока, нагревания посредством электрических подушек и т. д....

H) Что касается, наконец, *предметных* проводников, то таковые выступают и в чисто физической, и в символической роли. Строго говоря большинство указанных выше проводников были предметными проводниками, ибо и световые, и звуковые, и химические проводники обычно даны в виде тех или иных предметов. Если они были выделены отдельно, то для того, чтобы подчеркнуть ту сторону предмета, которая служит передатчиком раздражения. Электрическая лампочка, помещенная на вершине мачты, является проводником в системе взаимодействия не потому, что она лампочка, а потому, что она светит.

В отличие от предыдущих проводников, *предметные проводники функционируют именно как предметы. В них важно не то или иное отдельное свойство* (свет, звук, теплота, форма и т. д.), *а совокупность всех свойств.*

---

[1]) «Я был сотни раз свидетелем, говорит Houzeau, как индейцы и негры Америки по запаху узнавали друг друга в темноте».

Houzeau. Etudes sur les facultès mentales des animaux. T. II. 1872. 91—92.

«И ощутил Исаак запах одежды Иакова (в которую оделся Исав) и благословил его», говорится в Библии. (Бытия, XXVII, 27).

«У жителей Филип. островов чувство обоняния развито в такой степени, что они могут только по запаху носов. платка узнать, кому он принадлежит. Ряд племен (Читтагонга и др.) вместо «поцелуй меня», говорят: «понюхай меня».

См. множество др. фактов у *Спенсера:* Основ. социологии. т. II. СПБ. 1898. 118—119.

Наибольшее значение они имеют в качестве проводников-сигналов. Примерами таких проводников могут служить: государственные гербы, скипетр, держава, зерцало; религиозные реликвии: крест, потир, сосуд, дарохранительница; военные реликвии: знамя, мундир, шпага; семейные реликвии: фамильное кольцо, фамильный сервиз, фамильные бриллианты; к этой же категории принадлежат музейно-исторические предметы: древняя утварь, одежда, кубки, украшения и т. д. Наконец, к *предметным же проводникам нужно отнести* и всю почти *„материальную культуру", все предметы, созданные или преобразованные деятельностью людей*: дома, храмы, дворцы, памятники, средства передвижения, предметы домашней обстановки и т. д.

Проводниковая роль их состоит в том, что одни люди, воздействуя на мир материальных предметов, оставляют на нем следы своей деятельности. Другие люди, входя в соприкосновение с этими предметами, воспринимают их в качестве раздражителей, и в итоге такого раздражения так или иначе реагируют на них. Следовательно, во всех подобных случаях предметные проводники являются настоящими посредниками между людьми: одним они дают возможность запечатлеть, закрепить результаты своей работы, своих актов; другим, для которых они являются раздражителями, воспринять эти результаты и реагировать на них. С этой точки зрения к предметным проводникам могут быть причислены и люди посредники, передающие раздражение одних людей другим. Отличие их от других предметов то, что они являются самодвижущимися предметами. Поэтому, их можно называть двигательно-предметными проводниками. Примером других предметных раздражителей может служить материальная обстановка города: дома, улицы, развалины, мостовые, церкви, музеи и т. д. Сколько людей, попадая с простора широких полей в каменные колодцы, ступая на землю города, скованную камнем и железом, из храбрых становились боязливыми, из сильных слабыми, терялись и внутренно съеживались. Как много существует людей, душа которых стонет под тяжестью этого железо-бетонного колосса, высоких небоскребов и кирпичных стен. Не мало людей, у которых материальный мир города вызывает проклятия и чувство гнева [1]), словом—способность города, как предмета, возбуждать раздражение в людях несомненна. Сказанное выше уясняет, почему город в этом случае может и должен считаться предметным раздражителем.

---

[1]) См. психологию таких людей в «Проклятии зверя». Л. Н. Андреева.

Когда мы входим под своды старой башни, или в старый храм, или видим развалины старого замка—они возбуждают в нас ряд переживаний: представления и настроения широким потоком наполняют нашу душу, вызывают образы старого, воскрешают лиц, когда то тут живших и действовавших, короче—определенно влияют на наши переживания и поступки. „Там, где люди молчат, говорят камни". Это влияние обусловливается тем, что они являются застывшими памятниками поведения, работы и жизни других людей. Это значит, что они играют роль проводников между нами и последними.

Наиболее типичным движимым предметным, проводником являются *деньги*. Эти предметы, в виде звонкой ли монеты или кредитных знаков, или чеков, непрерывно обращаются в мире людей, непрерывно функционируют в качестве предметных проводников. Индивид, пересылая другому деньги, воздействует на последняго весьма решительным образом. Они функционируют обычно в качестве проводника-символа, но в силу их „пустоты", в силу того, что они являются мерой всех вещей, они могут выражать собой самые разнородные вещи, могут побуждать к самым различным поступкам, оставаясь тождественными самим себе и не теряя своей проводниковой роли. Они передают и благодарность убийцы своему помощнику за содействие, и благодарность спасенного рисковавшему собой спасителю; они побуждают и на акты геройства, и на акты преступления; владеющий ими может использовать их как проводников лучших и высочайших переживаний и как проводников отвратительных и самых низких намерений.

Словом—деньги, в силу особой их природы, являются предметным проводником-бланкетным, годным для передачи весьма многочисленных психических переживаний [1]).

Еще рельефнее эта проводниковая роль предметов выступает в случае семейных, религиозных и государственных реликвий: семейная реликвия, напр., локон матери, это священный предмет; передавая его из поколения в поколение тем самым передают раздражитель, который будет говорить: и о славе семьи, и о ее чести, будет вызывать упреки в душе недостойного потомка, гордость в душе достойного; короче — этот локон является подлинным проводником, соединяющим прошлое с настоящим, настоящее с будущим. То же, mutatis mutandis, можно применить и

---

[1]) См. подробнее *Зиммель:* Filosophie des Geldes. Leipzig. 1900. Особенно т. I. Passim. См. также. *Рыкачев.* Власть денег.

ко всем остальным предметным проводникам. Собственник в древности, передавая другому кусок или горсть земли, передачей этого предмета знаменовал передачу права собственности. Кольца, которыми обмениваются жених и невеста, передают мысль, что они скрепляют себя на веки. Влюбленный, отсылая любимой букет цветов, передает посредством их свои переживания: любовь, обожание, преклонение и т. д. Командир полка, присылая опозорившему мундир полка офицеру револьвер, посредством его передает ему приказ застрелиться. Ключи от города, передаваемые победителю побежденными, знаменуют собой передачу города во власть первого. Знамя полка, захваченное неприятелем, символизирует гибель и конец соответственной воинской части.

„Домик Петра Великого" является предметным проводником, соединяющим многих посетителей с прошлым и друг с другом.

Кремль и Иван Великий играют роль проводников весьма многих и сложных переживаний, идей, чувств, эмоций, волений и т. д. То же можно сказать об „Иверской Богоматери", мощах святых, Василии Блаженном, памятниках и др. предметных проводниках.

Ограничиваюсь набросанными штрихами в характеристике основных форм проводников взаимодействия. Каждый из них редко выступает в чистом виде: так или иначе они смешиваются друг с другом; часто один и тот же проводник может быть рассматриваем с одной стороны, как звуковой, с другой — как предметный (напр., грамофон). Но это слияние для нас здесь не важно: важно было дать понятие о проводниках и их роли. А эта цель предыдущими строками, надеюсь, достигнута. Из этой характеристики следует, во-первых, что *проводники взаимодействия действительно составляют элемент системы взаимодействия*, во-вторых, *что они действительно существуют, как физические реальности*, в-третьих, *становится ясным тот механизм, посредством которого одни индивиды, разделенные от других пространством и временем, могут взаимодействовать друг с другом, т. е. быть функционально связанными в своих переживаниях и поступках*, наконец, *в-четвертых, сказанное раскрывает структуру системы взаимодействия, как коллективного единства, структуру не в переносном, символическом смысле, а в самом реальном значении этого слова*. Индивиды, их акты и проводники, как будет указано ниже, в своей совокупности образуют действительный механизм, имеющий весьма сложное строение.

III. Цепь проводников. Люди, как контактные звенья цепи проводников.

Для более детального понимания способов общения между индивидами необходимо дополнить сказанное о проводниках нижеследующими соображениями. В предыдущем я очертил лишь *простые проводники*. В своем анализе я исходил из молчаливой предпосылки, что один индивид передает другому раздражение посредством одного проводника — светового, звукового, механического, предметного и т. д.

Между тем вполне мыслимо — (в фактической действительности весьма часто так и бывает), что раздражение одного индивида передается другому не с помощью *одного* проводника, а посредством *комбинации их, посредством целой цепи проводников*. Первый случай можно сравнить с простым воротом или колесом, второй — с целой системой зубчатых колес, где движение или поворот одного колеса задевает и приводит в движение второе колесо, это — третье и т. д., пока движение не дойдет до конечного пункта и не выразится, напр., в передвижении часовой стрелки. Подобное весьма часто происходит и в явлениях взаимодействия людей. Раздражение, исходящее от одного индивида, сначала передает один проводник, в дальнейшем это раздражение переходит к другому проводнику, от этого к третьему и т. д., пока, наконец, не дойдет до человека-адресата. Простейший пример такой цепи проводников представляет следующий факт. X, разделенный большим пространством от Y, хочет сообщить последнему о смерти их друга. Пользуясь тем, что в место, где живет Y, отправляется M, он просит его, по прибытии в место жительства Y, передать ему эту весть. M прибывает туда и пишет письмо Y, в котором сообщает о смерти его друга. Письмо доходит до последнего и передает ему ту весть, которую хотел сообщить X. В этом примере мы имеем следующие стадии: 1-ая — раздражение или акты X передаются сначала *звуковым* проводником г-ну M, 2-ая: — M передвигается в качестве самодвижущегося „*предметного проводника*“ с одного места на другое; 3-я: фиксирование известия на письме означает замену предметного проводника *свето-цветовым*, который и передает в конце концов известие адресату Y.

Схема: Индивид X { 1) звуковой проводник —→ 2) предметный —→ 3) свето-цветовой —→ } Индивид Y.

Второй пример: А диктует телеграмму (звуковой проводник). Секретарь ее записывает (свето-цветовой) и уносит на почту (двигательно-предметный). Телеграфист ее телеграфирует (электро-двигательный). На станции получения телеграмма фиксируется в виде знаков на бумаге (свето-цветовой) и в итоге — в виде свето-цветового проводника доходит до адресата В.

Схема: А { 1) звуковой ⟶ 2) свето-цветовой ⟶ 3) двигательно-предметный ⟶ 4) электро-двигательный ⟶ 5) свето-цветовой⟶ } В.

Из этих примеров становится ясным, что разумеется под цепью проводников или их комбинацией. Из обыденного опыта каждый знает, что процесс взаимодействия весьма часто осуществляется именно с помощью такой цепи проводников. В этой цепи сплошь и рядом в качестве промежуточных звеньев ее выступают люди (секретарь, телеграфист, почтальон, г. М. и т. д.), которые, являясь сами проводниками, в то же время осуществляют *контакт* между двумя различными проводниками, (напр., посредником-проводником между звуковым и свето-цветовым проводником в предыдущем примере является секретарь, в первом примере — г. М.), которые без „контактной“ роли этих людей часто не в состоянии передать один другому раздражение, — не в состоянии соединиться друг с другом. (Напр., без секретаря звуковой проводник не мог бы трансформироваться в свето-цветовой, слова в значки, — в буквы телеграммы).

Благодаря этой контактной роли людей-проводников одни проводники могут соединиться или трансформироваться в другие. В итоге вся цепь их представляется в виде отдельных звеньев, где между двумя звеньями проводниками вкраплены в виде проводников и контакторов люди, роль которых в этом случае тождественна с ролью телефонистки, соединяющей двух абонентов, желающих переговорить друг с другом. Контактная роль людей проводников выступает особенно резко в явлениях взаимодействия между людьми, разделенными пространством и временем. Раздражение, передаваемое из Америки в Европу, часто должно пробежать длинную цепь проводников с целым рядом людей контакторов. Раздражение, идущее от давно умершего человека, напр., Дарвина, точно также доходит до нас посредством целой цепи проводников со множеством людей-контактных

звеньев этой цепи. В итоге сказанного понятным становится, как совершается взаимодействие между людьми и почему оно возможно в случаях пространственной и временной разделенности индивидов.

Г.г. органицисты искали в свое время соединительную ткань общества. Если бы был какой-нибудь прок от таких аналогий — такую ткань было бы нетрудно указать: она дана в виде совокупности проводников и совокупности проводниковых цепей, только что очерченных. Но во избежание недоразумений будем избегать таких, к тому же не очень удачных сравнений. Никакой соединительной ткани в явлениях взаимодействия нет. А есть в них вполне реальный элемент в виде проводников взаимодействия, очерченных выше. Они, если угодно, в этой системе играют роль и соединительной ткани, и нервной системы, но беда в том, что эта ткань и система составлены не из клеток, а из физико-химических явлений. (Кроме людей-проводников контакторов). Поэтому подобные аналогии теряют всякую почву [1]).

IV. Проводники взаимодействия и так называемая „Материальная культура".

Предыдущий анализ явлений взаимодействия дал такие результаты: во всяком явлении взаимодействия неизбежно даны три основных элемента: 1) индивиды, по меньшей мере, два, 2) их акты, как раздражители и как реакции на эти раздражения; 3) проводники, как средства передачи раздражений от одних индивидов к другим. Следовательно, те же элементы должны быть даны и во всяком социальном явлении.

---

[1]) Для целей социальной механики небесполезно будет заметить здесь, насколько процесс взаимодействия и его характер зависят от проводников и их цепи. Раздражение, идущее от индивида, как видим, весьма часто принуждено пробегать целый ряд проводниковых звеньев, с вкрапленными между ними людьми-контакторами. В этом пути оно стоит в полной зависимости от характера и свойств проводников. Последние «случайно», особенно при контактных звеньях, могут изменить природу и характер раздражения. То же изменение раздражения происходит и в силу полиморфизма индивидов: каждый человек воспринимает раздражение по своему и передает его по своему. В результате этого раздражение может дойти до адресата совсем не в том виде, в каком оно должно было бы дойти. Отсюда—явления «недоразумений» между людьми, подчас имеющие роковой характер для них. Отсюда—явление гетерогении целей, отмеченное Вундтом: отсюда «социология слухов»; и т. п. Это явление объясняет эволюцию и формацию догм, легенд, учений и т. д. сопровождаемых любопытной социальной рефракцией. Об опытах, поставленных автором в этой области, и подробности проблемы будут изложены в «соц. механике».

Приглядываясь к фактам сосуществования людей мы видим, что всюду эти элементы на лицо. При чем *то, что часто называют „материальной культурой“*, как следует из сказанного, *представляет ничто иное, как совокупность физических и символических проводников взаимодействия.*

Все то, что разумеется обычно под этим именем, сводится фактически к тому или иному виду очерченных проводников. Дома, музеи, храмы, здания университетов и школ, картины, книги, рукописи, утварь, железные дороги, телеграф, телефон, средства производства, орудия, оружие и сами действия людей и т. д. и т. д., короче все, к чему прикоснулась рука человека, все, на чем запечатлены результаты деятельности, труда, работы людей, все это служит и может служить проводниками взаимодействия, все это входит в одну из тех групп проводников, которые очерчены выше. *Проводники (соотв. материальные элементы) являются элементом взаимодействия (соц. явления), имманентно ему присущим, от него неотрываемым.* Вот почему взаимодействие людей неразрывно связано с этими материальными элементами; вот почему последние неизбежно участвуют в явлении взаимодействия и неизбежно возникают из него. В этом отношении действительно можно сравнить людей с полипами: как жизнь последних неизбежно влечет за собой выделение и образование коралловых рифов [1]), так и всякое взаимодействие людей включает в себя материальные элементы, в виде проводников, и неизбежно порождает в своем процессе возникновение все новых и новых слоев „материальной культуры“, новых и новых проводников. Слой за слоем, при продолжении взаимодействия, оседают они, накопляются и в итоге создали и создают вокруг взаимодействующих людей новую среду,—отличную от космической, среду социально-техническую, среду „материальной культуры“, как застывший результат взаимодействия человеческих полипов. Мы все живем в такой среде. Она окружает нас на каждом шагу. Каждую минуту она передает нам раздражения, исходившие от когда-то живших поколений, и весьма определенным образом обусловливает наши переживания и поступки.

[1]) В этом смысле правильно сравнение *Уорда*: «Der menschlichen Polyp ist bestandig dabei, ein Korallenriff zu bauen, auf dessen oberstere Flache die letzte Generation lebt und baut. Die Generationen leben und sterben, aber sie lassen das Resultat alles dessen, was sie wahrend ihrer Lebenszeit vollbracht haben, zuruck. Dieses Resultat ist ein dauernder Teil des grossen Meeresgrundes der menschlichen Errungenschaft. Mit der Zeit bilden diese aufeinander folgenden Schichten, eine auf die andere gebaut, den Grundfelsen der Zivilisation». *Ward.* Reine Soziologie. Innsbruck. 1907. 19—20.

Поскольку этот факт хочет подчеркнуть Дюркгейм, он прав, говоря: „общество (читай социальное явление. П. С.) состоит не только из индивидов; в него входят также и материальные элементы, играющие существенную роль в общественной жизни. Часто социальный факт материализируется до такой степени, что становится элементом внешнего мира. Например, определенный архитектурный тип (предметный проводник с нашей точки зрения. П. С.) будет явлением социальным, он частью воплощается в домах, в различных зданиях, которые раз уже они выстроены, становятся самостоятельными реальностями, не зависимыми от индивидов. То же самое относится к путям сообщения и транспорта, к инструментам и машинам, к письменности и т. д. Социальная жизнь, которая, таким образом, как бы кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорах, тем самым внедряет в мир окружающих нас вещей и начинает воздействовать на нас извне“ [1]).

Вот почему нельзя социальное явление—факты взаимодействия—мыслить состоящим только из индивидов, или из одной психики, или как исключительно материальные предметы. Взаимодействие без людей и их актов немыслимо; но оно невозможно и без проводников, т. е. материальных элементов. Все три указанные выше элемента: люди, их акты и проводники (материальные явления и предметы: свет, звук, электричество, теплота, химические реагенты, предметы)—все они являются необходимыми составными частями явлений взаимодействия. Отсюда же следует, что нельзя людей отделять от их актов, те и другие—от проводников, и ограничивать понятие ли общества, или социального явления или культуры, одним из этих элементов. Все они одинаково необходимы для явления взаимодействия и только в своей совокупности образуют его [2]).

---

[1]) *Дюркгейм.* Самоубийство. СПБ. 1912. 426.

Ту же мысль — о присутствии материальных элементов-проводников в социальных явлениях, и об имманентном возникновении их из процесса взаимодействия людей, подчеркивает и Зиммель. «Культура возникает—это решающий момент для ее понимания—при слиянии двух элементов, из которых ни один не имеет на нее больше права, чем другой: субъективной души и объективного продукта духа (более точно будет сказать: деятельности взаимодействующих людей и объективных продуктов — проводников, — участвующих в взаимодействии и имманентно возникающих из него. П. С.) объекты эти сами—дух (деятельность, психичеекая деятельность, в частности. П. С.) ставший в этических, интеллектуальных, социальных и эстетических, религиозных и технических формах предметом».

Зиммель. Понятие и трагедия культуры. Логос. 1911—12. 4—5. См. passim.

[2]) Отсюда следует, что нельзя вполне обособлять изучение «материальной культуры» (совокупности проводников) от деятельности людей, создав

Весьма важно усвоить себе эту неразрывность трех элементов взаимодействия. В ряде вопросов, в частности, в вопросе о реальности или номинальности общества, только при сознании необходимости всех этих элементов для бытия социального явления возможно правильное решение ряда проблем. Иначе—мы впадем в те же ошибки, в которые впадали весьма многие социологи.

Таковы в основных чертах понятие, строение и основные виды проводников, как элемента системы взаимодействия.

Резюмирую:

1) *Под проводниками взаимодействия разумеются все те средства, благодаря которым раздражение, исходящее от одних индивидов, передается и доходит до других.*

2) По *характеру эффектов, вызываемых проводниками с одной стороны, и по характеру передаваемых ими раздражений—с другой, они делятся на: 1) чисто физические проводники и 2) проводники-символы* или *проводники—сигналы.*

3) Для *функционирования проводников, в качестве сигнальных или символических передатчиков раздражения, необходимо дополнительное условие: однообразное выражение психических переживаний и однообразное толкование их взаимодействующими индивидами.*

4) По *своей физической природе и в зависимости от органов восприятия, на которые они действуют, можно различать проводники: звуковые, свето-цветовые, двигательно-мимические, механические, тепловые, химические, электрические и предметные.*

5) Если *раздражение от одного индивида к другому передается с помощью одного проводника—мы имеем простой проводник. Если с помощью многих—мы имеем цепь проводников.*

6) В *цепь проводчиков, в качестве звеньев-контакторов, часто входят люди. Иногда их контактная функция бывает необходима для того, чтобы раздражение могло передаться от одного звена проводниковой цепи другому.*

ших ее в процессе взаимодействия и могущих взаимодействовать только благодаря материальным проводникам; тем более нельзя делать то и другое предметом изучения особых наук, напр., первую предметом «истории культуры или цивилизации», а вторую предметом «исторической социологии», как предлагает, в частности, *В. О. Ключевский.* См. *Ключевский.* Курс русской истории. М. 1908. 4—6.

Такой разрыв неразрывных элементов одного явления делает невозможным правильное познание социального явления, как невозможно правильное познание любой машины, изолированной на ее части. Ни материальную культуру (проводники), ни деятельность людей при таком разрыве мы не можем правильно понять, изучить, а тем более изучить закономерности соц. явления.

7) *Проводники, составляя необходимый элемент явления взаимодействия и имманентно возникая в его процессе, образуют в своей совокупности то, что носит название материальной культуры.*

V. Взаимоотношение переживаний и проводников.

1. *Проблемы.*

Для правильного понимания ряда вопросов, с которыми придется иметь дело дальше, и для познания явлений общественной жизни, теперь же целесообразно хотя бы кратко остановиться на ряде проблем, связанных с проводниками.

Эти проблемы таковы: 1) *Какова та общая почва, которая делает проводники необходимым элементом явлений взаимодействия;* 2) *Как возникают проводники;* 3) *Почему для выражения того или иного психического переживания употребляется такой, а не иной символический проводник;* 4) *Могут ли проводники сами по себе обусловливать поведение и переживания людей и если да, то как и почему это возможно?*

2. *Причины появления проводников.*

Попытаемся кратко ответить на эти вопросы.

Что касается первого из них, то решение его дано было выше. Мы видели, что без проводников чисто физическое взаимодействие людей обречено было бы на ничтожные качественные и количественные размеры, психическое же общение их было бы абсолютно невозможным. Поскольку ряд условий поставил и ставит человека в необходимость жить в среде подобных ему существ (каковы эти условия, см. ниже, в гл.: „Как образуются коллективные единства“, подробно о причинах зарождения первичного общения людей будет говориться в соц. генетике,) постольку он должен был взаимодействовать с сочеловеками; а раз взаимодействие было неизбежностью (и не только физическое, но и психическое), то неизбежным было и появление проводников: без них, как я старался показать, никакое психическое и сколько-нибудь значительное физическое взаимодействие были и остаются невозможными.

В этом общая почва и причина появления проводников и, в частности, символических проводников.

3. *Как возникают проводники. Бессознательное и сознательное их возникновение.*

Перейдем теперь ко второму вопросу. Имеются ли какие либо различия в происхождении проводников.? Такие раз-

личия несомненны. По способу их возникновения все проводники взаимодействия можно разделить на две группы: 1) *на бессознательно установленные*, и 2) *появившиеся сознательно*. В первом случае разумеются те проводники, которые возникли бессознательно (инстинктивно, рефлекторно) и стали проводниками помимо воли и желания людей. Ко вторым те, которые созданы человеком сознательно, намеренно, целеполагательно. Возьмем для примера звуко-двигательные проводники. Если кто нибудь возьмет лягушку и положит ее, скажем, за рубашку молодой девушки, то такой „опыт“ вызовет с ее стороны вполне определенную реакцию: девушка будет кричать („ай“, „ах“, и другие „крики ужаса“), будет махать руками и делать ряд движений, выражающих тот же „ужас“. Мы имеем на лицо ряд двигательно-звуковых проводников, передающих нам душевное состояние девушки помимо ее воли и сознания. Ряд этих движений, криков и восклицаний „ужаса“ ею производится бессознательно, инстинктивно. Здесь она не выбирает звуки и движения. Они совершаются ею импульсивно, без всякого контроля сознания. Проводники (звуки и движения) здесь возникают спонтанно, рефлекторно.

Совершенно иной будет картина, если мы возьмем, напр., актера, стремящегося изобразить ужас. Его движения, мимика, слова, интонация, стремящиеся вызвать эффект ужаса, „заучены“, сознательно установлены, преднамеренно обдуманы. Очень часто они бывают плодом долгой и тщательно продуманной тренировки. В первом случае проводники возникли бессознательно, во втором—сознательно.

Возьмем второй пример, более крупный. Сравним, напр., возникновение таких „естественных языков, как русский, французский, английский, и возникновение такого „искусственного“ языка, как эсперанто. Первая группа языков (звуковых проводников), как доказывает языкознание, возникла самопроизвольно и бессознательно: нельзя здесь говорить о том или ином лице, как о творце языка; нельзя говорить и о том, что он возник путем намеренного, сознательно-целеполагательного творчества: никто заранее не выдумывал все слова, никто не изобретал нарочно грамматику языка; последний возникал медленно, из бессознательных восклицаний, междометий и криков, постепенно усложняясь и изменяясь в течение ряда веков. Почему, напр., мысль „солнце“ выражается в русском языке звуками: „с+о+л+н+ц+е“, в французском звуками: „le s+o+l+e+i+l“ и т. д. мы не знаем и не можем говорить, что кто то сознательно установил такую связь между пережи-

ванием представления: „солнце“ и соответственными звуками. Позже, конечно, язык обогатился рядом слов, выражений и терминов, установленных сознательно, путем усилий и целевых изобретений отдельных лиц [1]) (напр., специальная научная терминология). Но общий строй языка и огромное большинство его слов не представляют результата сознательно умышленного творчества.

Иное по своему происхождению представляет такой комплекс звуковых символических проводников, как „искусственный“ язык эсперанто. Творцами его являются отдельные лица. Слова, грамматика, строй эсперанто созданы умышленно, установлены сознательно, в целях изобретения наипростейшего, общечеловеческого звукового проводника.

Третий пример. Человек, идущий по песку, напр., преступник, очень часто вопреки своему желанию, оставляет отпечатки своих ног. Эти отпечатки являются комбинацией предметных и свето-цветных проводников, возникших вне, а часто и помимо его воли. Оставленные им следы могут дать другому человеку основание думать, что по песку проходил человек, (вспомним Робинзона, увидевшего на песке следы дикарей и по этим следам заключившего об их появлении на острове), агенту полиции они будут путеводной нитью для отыскания преступника и т. д. Рядом с таким случаем может быть и иной: человек для тех или иных целей может сознательно „запечатлеть“ свои следы на песке. В первом случае мы имеем бессознательно возникшие проводники (следы), способные передать другому ряд тех или иных действий, во втором—сознательно-возникшие, намеренно и обдуманно созданные человеком.

Из этих примеров ясным становится двоякое возникновение проводников и, в особенности, проводников символических.

При этом следует различать первоначальное возникновение проводников и дальнейшее применение их. Может

---

[1]) Хотя и здесь индивид. творчество слов далеко не всегда бывает сознательным. *Smith* говорит, что индивидуальное изобретение новых слов часто бывает «в разговоре, когда говорящий, вероятно, даже сам не сознает, что он создал новое слово; но воображение слушателя поражено и последний повторяет новое выражение до тех пор, пока оно не станет шаблонным; и если новое слово соответствует реальной нужде и дает имя безыменной идее или предмету—оно имеет шансы на жизнь. Таково чаще всего возникновение новых слов в арго и др. народных наречиях».

Smith: The English Language. London. Williams, and Norgate. 109—110.

быть так, что тот или иной проводник первоначально возник бессознательно, но в дальнейшем люди могут сознательно применять его для передачи переживаний. Напр., язык, как было указано выше, возник и сложился бессознательно. Но в последующем, его утилизация (напр. иностранцами) может быть вполне сознательная. Кто либо в порыве ярости может бессознательно схватить первый попавшийся под руку предмет, напр., камень, и запустить им в раздражающего его индивида. После, наученный опытом, он может прибегать к этому механическому проводнику раздражения уже сознательно, с определенной целью. Издавание стона при боли—проводник возникший бессознательно. На этой основе ряд лиц, желая симулировать боль, могут сознательно издавать стоны. Бессознательно возник и ряд мимических движений, напр., улыбка. В повседневной жизни мы часто встречаемся с фактами, где люди намеренно улыбаются, „строят обворожительные улыбки".

Может быть и обратно: проводники, созданные намеренно, в дальнейшем, могут утилизироваться людьми бессознательно. Актер или лектор могут сознательно создать ряд звуковых и мимически-двигательных проводников (слова, фразы, тон, манера держаться, характер жестов etc.) для наилучшей передачи своих мыслей и переживаний, для получения максимального эффекта. Если такие „заученные" шаблоны игры и чтения лекции будут часто повторяться, то в конце концов они станут бессознательно-привычными. И актер, и лектор будут пользоваться такими, когда-то созданными сознательно проводниками, механически, по привычке. Последние станут второй их натурой [1]). Целый ряд

[1]) Согласно Дарвину способы выражения ощущений (способы пользования проводниками) возникли также по одному из указанных способов. Выразительные движения, издавание звуков и т. д. по Дарвину возникли либо в силу его 3-го начала, либо целеполагательно. 3-е начало гласит так: «Известные движения, которые мы признаем за выражение известных душевных настроений, составляют непосредственный результат строения нашей нервной системы и с самого начала были всегда независимы от воли и в знач. степени независимы от привычки». Они являются прямым эффектом развиваемой в избытке нервной силы». Таково, напр., происхождение издавания звуков. При болевых, радостных, яростных возбуждениях нервной системы «возбужденные, т. е. непроизвольные и бесполезные сокращения мышц груди и глотки могли впервые повести к издаванию звуков». А потом уже, в силу привычки, «голос стал употребляться обыкновенно как только те же ощущения, или чувствования появлялись вновь, при совершенно различных условиях или в слабейшей степени».

Здесь мы имеем такую схему возникновения издавания звуков: 1) возбуждение нервн. системы и звуковой рефлекс; 2) повторение и привычка; 3) сознательная утилизация этого проводника. Другие выразительные дви-

жестов, выражающих те или иные переживания, сначала бывают преднамеренными актами: жесты молитвы (складывание рук и поднятие глаз кверху), жесты приветствия, (снимание шапки, пожимание руки, реверанс), хорошие манеры и т. д. Этим жестам обучают, для своего выполнения в первые разы они требуют внимания и сознания; позже, после ряда повторений, такие жесты (двигат.-мимич. проводники) становятся привычными и совершаются бессознательно, машинально [1]).

Сказанное уясняет, что по способу возникновения и физические и символические проводники делятся: 1) *на возникшие и возникающие сознательно*, 2) *на возникшие и возникающие бессознательно. Каждый из проводников, возникших одним из указанных способов, в дальнейшем может рядом ли применяться сознательно, другими бессознательно, в одних случаях человек будет пользоваться ими целеполагательно, в других помимо воли и даже вопреки ей.*

жения возникли иначе: «Ряд выразительных движений» совершался сначала произвольно, для определенной цели, чтобы избежать опасности, освободиться от чего либо неприятного или удовлетворить какому либо желанию» Потом уже, в силу привычки, они могли сделаться рефлекторными, бессознательными. Схема: 1) сознательное возникновение; 2) повторение; 3) бессознат. шаблон, рефлекс.

См. *Дарвин* О выражении ощущений у человека и животных. Спб. 1899, 32, 42, 176—8

Однако, Дарвин, как впрочем и сам он сознается (см. 149 стр.), здесь пользуется множеством терминов, совершенно неопределенных. Поэтому весьма трудно точно уяснить его взгляды и удалить ряд противоречий из его положений.

[1]) Теория о двояком—сознательном и бессознательном—возникновении символических проводников разделяется *Г. Спенсером*. «Обыкновенно предполагают, пишет этот великий мыслитель, что обряды (т. е. различные символ. проводники) устанавливаются сознательно, как символы почтения или уважения. Но мнение, будто первоб. люди обдуманно заключали обществ. договоры, имеет так же мало основания, как и то, будто первоб. человек обдуманно создавал и усвоивал символы». Далее Спенсер иллюстрирует свою мысль на примере возникновения языка и письменности. «Слова составлялись невзначай, случайно, либо путем звукоподражания, либо помощью звукового воспроизведения качеств предмета. Первобычный египтянин никогда не задумывался над отысканием знака (свето-цвет. проводника. П. С.) для изображения звука; его летописи возникли подобно тому, как возникают теперь летописи северо-амер. индейцев,—путем изображения в грубом виде тех событий, память о которых он желал сохранить». Потом уже отсюда возникла письменность. Заключение: «самопроизвольно выражающиеся эмоции порождают формальные обряды». Рядом с этим Спенсер не отрицает и случаи сознательного установления обрядов (ряда символ. проводников).

См. *Спенсер:* Основ. Социологии. Т. II. 117—118. См. всю блестящую главу об «Обрядовых учреждениях». Здесь дано множество фактического материала, подтверждающего выставленные положения.

Таково вкратце решение второго из поставленных вопросов.

4. *В силу каких условий определенные переживания выражаются определенными проводниками.*

Теперь спросим себя: *почему то или иное психическое переживание выражается посредством такого, а не иного символического проводника? Почему та или иная мысль передается таким, а не иным способом? Чем обусловливается связь между характером психических переживаний и характером символических проводников, объективирующих первые во вне или передающих эти переживания другим индивидам?*

Исчерпывающе ответить на эти вопросы едва ли мы можем. Относительно ряда символических проводников, возникших бессознательно, затеряны вехи, указывающие на их происхожденне. Но все же мы можем формулировать ряд общих положений, до известной степени объясняющих нам природу связи между определенными психическими переживаниями и внешними символами—проводниками, объективирующими эти переживания.

Три основных правила, частично относящиеся к этому вопросу, были даны Ч. Дарвином. Я не буду приводить их, в том или ином виде они войдут в формулируемые ниже принципы [1]).

В качестве общих принципов, объясняющих нам связь между определенными психическими переживаниями и символическими проводниками, объективирующими последние, можно указать *пять классов условий*, а именно: 1) *целевое, намеренное изобретение ряда символических проводников, диктуемое различными осознанными и обдуманными мотивами*; 2) *условия, вытекающие из анатомо-физиологической структуры человеческого организма, в частности, рефлекторные и инстинктивные акты и выразительные звуковые и двигательные проводники, вызываемые прямым действием возбужденной нервной системы*; 3) *условие сходства;* 4) *условие временной или пространственной смежности*; 5) *условия возникновения условного рефлекса, в частности—одновременность восприятия двух или большего числа раздражений.*

Большинство из этих условий могло бы быть сведено к последнему условию, которое, до известной степени, поглощает их, но в интересах ясности я кратко рассмотрю каждое из них отдельно.

---

[1]) См. *Дарвин:* О выражении ощущений. 14—41.

А) *Целевое изобретение символических проводников.* В ряде случаев, особенно в области науки, мы видим определенное. целевое творчество сигнальных проводников, диктуемое ясно осознанными, обдуманными соображениями. Так, в математике мы имеем ряд знаков и выражений, в роде знаков дифференциала или интеграла, треугольника, синуса, косинуса, тангенса, знаков минуса, плюса, равенства, неравенства и т. д.. Аналогичное видим и в других науках, напр. „явление М.“, „факт С“., специальные термины для выражения тех или иных понятий, напр. изобретение Контом слова: „социология“, Сент-Иллером: „Экология“, термин: „капитал“ в политической экономии, определенную, латинскую номенклатуру в систематике животных и растений и т. д. Здесь всюду новые, условные термины изобретаются нарочито, чтобы обозначить новое явление, отделить его от смешения с другими, и т. п.

Такие, умышленно создаваемые символические проводники имеются и в других областях человеческой деятельности. Здесь, в каждом данном случае объяснение характера проводников приходится искать в осознанных мотивах, диктующих выбор и изобретение таких, а не иных символов-проводников для сигнализирования тех или иных психических переживаний..

В) *Символические проводники, обусловливаемые анатомо-физиологической структурой организма, в частности, инстинктивные и рефлекторные акты.*

Выше я указал, что характер и богатство актов, в том числе и выразительных движений, зависит от Action—Systeme данного организма, который, в свою очередь, обусловлен характером анатомо-физиологического строения и свойств организма.

Ряд внешних актов, сигнализирующих те или иные импульсы, предопределен строением организма и наследственно-полученными вместе с последним рефлективно-инстинктивными актами.

Не будь у человека столь удачной и совершенной организации—многие из его актов не могли бы иметь места. Мы видели выше, что анатомо-физиологическое строение парамеции предопределяет бедность ее движений: вперед, вверх и вниз—вот и все комбинации действий, которые она в состоянии выполнять. Иное мы видим у человека. Одно обладание конечностями, не говоря уже о других свойствах организма, в частности обладание таким тонким орудием, как руки, дает потенциально человеку богатые возможности для

использования их в целях сигнализации своих переживаний. И действительно, не говоря уже о глухо-немых, у первобытных народов мы видим широкую утилизацию рук для языка „жестов". „В примитивных обществах, действительно, язык жестов. (le langage par gestes, sign-langnáge) является обычным языком„ говорит Леви-Брюль, резюмируя данные Рота, Спенсера и Гиллена, Gason'a, Hagen'a, Fischer'a, Dobrizhoffer'a и др. этнографов и этнологов [1]).

„Большинство низших обществ имеет два языка, язык слов (orale) и язык жестов". Чтобы понять психику (mentalité) первобытных людей, нужно расшифровать движения их рук,— движения, где язык и их мысли неотделимы друг от друга. Отсюдя смелое выражение, но выражение весьма знаменательное, о „ручных понятиях" („consepts manuels"). Прогресс цивилизации есть продукт взаимного влияния руки на интеллект и интеллекта на руку". Ручные жесты кладут ясный отпечаток на всю психику первоб. людей [2]).

Не будь соответственной анатомо-физиологической конструкции организма, не было бы рук, а при их отсутствии не могло бы быть и языка жестов. То же применимо и к речи. Не будь такого устройства гортани и соответствующих частей организма, которые дают человеку возможность издавать звуки и разнообразить до бесконечности их характер, не могли бы возникнуть и звуковые проводники. То же применимо и к другим проводникам.

Но анатомо-физиологическое строение организма обусловливает характер проводников, в особенности звуко-двигательных, и в более узком смысле. Как известно, пчелы, муравьи, шмели, ласточки, бобры и др. животные совершают ряд весьма сложных движений, в виде постройки сот, муравейника, гнезда, плотин и т. д. Временами эти акты виртуозно-тонки и сложны. Когда то думали, что такие акты совершаются ими сознательно. Теперь не думают так: современная био-психология выяснила, что все эти акты совершаются ими рефлекторно-инстинктивно, без всякого участия сознания или разума; они наследственно передаются вместе с организмом и представляют одно из свойств анатомо-физиологической структуры последнего [3]).

---

[1]) *Levy-Bruhl:* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris 1912. 175 и сл.

[2]) *Levy-Bruhl:* Op. cit. 149.

[3]) См. подробно у *Вагнера:* Биологич. осн. сравн. психологии. Т. I и II, а также Нов. идеи в биологии». Сб. № 6 «Био-психология.

Хотя у человека, с ростом умственных или разумных способностей, инстинкты постепенно разрушаются, однако, наличность наследственно-полученных рефлексов и инстинктов (напр., полового, голода, самозащиты)—несомненна. В силу этого ряд движений, в том числе и выразительных актов, частью прямо, частью косвенно предопределены наследственно полученными рефлексами и инстинктами.

Ряд мимически-двигательных проводников, сигнализирующих переживания отвращения, (жесты отталкивания и надлежащие выражения лица,) гнева, страдания и боли, ужаса, ярости, страха, удивления, любопытства, презрения и т. д. предопределены наследственно-полученными рефлексами и инстинктами [1]).

Это значит, что *ряд перечисленных переживаний сигнализируется такими, а не иными звуковыми и двигательно-мимическими проводниками* (напр. боль—стонами, криками, корчами и „страдательным выражением лица", страх—дрожью мускулов и побледнением, радость—смехом и улыбкой и т. д.) *в силу того, что такова наследственно полученная, обусловливаемая строением организма, связь между этими переживаниями и сопровождающими их „внешними выражениями". Будь строение и расположение, напр., мускулов лица, иное, будь анатомическое строение челов. организма и его физиологические процессы иными, иными были бы и эти выразительные жесты, движения и звуки.* Значит, во всех подобных случаях характер выразительных движений и актов обусловлен прямой биологической конструкцией организма.

Частным случаем этого общего условия является формулированный Дарвином и Г. Спенсером *„принцип прямого действия возбужденной нервной системы на тело, независимо от привычки"*. „Когда чувствующие центры сильно возбуждены, нервная сила развивается в избытке и передается в определенных направлениях, зависящих от взаимной связи нервных клеток, в отношении мышечной системы направление зависит от движений, которые обыкновенно выполнялись" ([2]).

---

[1]) См. подробное описание «внешних выражений» этих и ряда других переживаний и соответственные фотографии у *Дарвина:* О выражении ощущений у человека и животных». М. Изд. Лепковскаго. Приводимые им фотографии лиц, выражающих эти переживания, весьма эффектны и красноречивы. См. также *Бехтерев:* «Мимика и ее биологическое значение. Вестн. Знания. 1910 г. О роли рефлексов и инстинктов в этом отношении см. *Mc. Dougall:* Основн. пробл. соц. психологии. Гл. II—V., а также *Ellwood;* Role de l'instinct dans la vie sociale. Revue intern. de sociologie. 1914 г. 313—343.

([2]) *Дарвин:* О выражении ощущений. М. Изд. Лепковского. 38.

Примером такого прямого влияния нервной системы на тело и на „выразительные движения" может служить быстрое поседение человека при сильном нервном потрясении, сопровождаемом переживаниями страха или горя. Другим примером может быть дрожание мышц. при сильном возбуждении нервной системы, сопровождаемом переживаниями горя. страха, радости, озноба, лихорадки и т. д. [1]).

Дальнейшими примерами служат: корчи человека, стопы. крики и зубовный скрежет при сильной боли; обильное выделение пота в тех же случаях, краснение лица, расширение ноздрей и усиленное, судорожное дыхание при переживании ярости и т. д. [2]).

Здесь мы видим ряд внешних актов человека—(мимика, движения, звуки), передающих нам ряд психических переживаний.

Связь между последними и внешними актами-проводниками объясняется прямым влиянием возбужденной нервной системы на тело, влиянием, импульсивно, самопроизвольно вызывающим эти внешние выражения внутренних состояний... В данном случае функциональная связь между известными внутренними переживаниями и объектирующими их во вне „выразительными актами" (проводниками) покоится на прямом влиянии возбужденной нервной системы на тело, влиянии, обусловливаемом биологической организацией нервн. системы и тела. Иными словами, здесь связь покоится на чисто биологических свойствах человеческого организма.

Шекспир (цитируемый Дарвином) весьма тонко изобразил эту имманентную связь сильных переживаний при возбужденной нервной системе и сопровождающих первые внешних актов. Норфольк, в „Генрихе VIII" (акт III, сц. 2, говорит о кардинале:

„Волненьем каким-то странным мозг
Его объят. То он кусает губы,
То вздрогнет вдруг, то станет неподвижно,
И устремит глаза к земле; потом
Вдруг проведет по голове рукою,

---

[1]) Я здесь имею в виду только связь внешних символических актов с теми или иными психическими переживаниями. Сказанное поэтому не следует толковать в том смысле, что я контра теории Джемса-Ланге, эмоцию и психические переживания считаю за причину, а физиологические процессы—за следствие. Это совсем другой вопрос; его нам придется подробно рассмотреть в другом месте.

[2]) См. факты у *Дарвина*: Op. cit. 38 и след.

Начнет ходить поспешно, или вновь
Останется недвижен; после сильно
Бьет в грудь себя иль возведет глаза
На небеса. Да, странных положений
Не мало он при нас переменил".

Таков первый принцип связи ряда внешних символических актов и выражаемых ими переживаний [1]). Конечно, „любопытствующие" могут итти дальше и спрашивать: а почему возбужденная нервная система вызывает именно такие, а не иные выразительные движения? На это ответим: ignoramus. Для нас достаточно, что такая связь есть; за остальным „любопытствующих" отсылаем к метафизике.

Открытие этой связи между внешними выразительными актами и внутренними переживаниями, в свою очередь, породило и порождает сознательное использование этой связи для целевой установки символических проводников. Желая символизировать боль—актеры на сцене и актеры в жизни намеренно скрежещут зубами, намеренно стонут, кричат, корчатся. Желая выказать ужас—взъерошивают „волосы дыбом", вздрагивают, желая выказать страх—дрожат и т. д.

Короче, *естественная самопроизвольная связь сильных переживаний и сопутствующих им внешних актов служит основанием для искусственного, намеренного „символизирования" дей-*

---

[1]) *Г. Спенсер* в цитированной уже главе об-обрядовых учреждениях», дает множество доказательств непроизвольного возникновения многих обрядов под влиянием ряда сильных эмоций или возбужденнаго состояния нервной системы. Так, обычай обнюхивания, как выражение взаимного уважения, возник, по его мнению, из таких явлений, как инстинктивное обнюхивание овцой ягнят в поисках своего ягненка. *В* силу частого повторения он у ряда первоб. народов стал способом распознавания индивидов, далее—символическим жестом привязанности, в конце концов,—жестом приветствия и уважения.

Так же самопроизвольно зародились и жесты поцелуя и объятий. Их биологические корни даны в таких явлениях, как «поцелуи» голубей, лизание коровой теленка, лизание рук собакой, и т. д.

В итоге: «из поцелуя, как естественного знака привязанности, развивается и тот поцелуй, который, как способ выражения привязанности, доставляет удовольствие тому, кого целуют, и тем склоняет его в пользу целующего. Из этого, очевидно, возникают, как части церемониала, целование ног, рук, одежды». Так же самопроизвольно возник обряд объятий. В силу строения человека, при ряде возбуждений нервн. системы, сопровождаемых переживаниями любви и привязанности, непроизвольными являются движения объятия, напр., обнимание матерью своего ребенка. И чем сильнее чувство—тем обычно сильнее объятие. Отсюда возникли символич. двигательные проводники ряда переживаний: объятие, как выражение дружбы, любви, знак покорности и т. д.

См. *Спенсер:* Основ. Социологии. 118—120 и сл.

ствительно или мнимо переживаемых состояний путем тех же внешних актов.

С. Условие сходства. Следующим принципом, отвечающим на вопрос: почему те или иные переживания „выражаются" путем таких, а не иных символов-проводников, служит психологический *принцип ассоциации по сходству.* Сущность его состоит в том, что образ или представление какого либо предмета спонтанно вызывает представление, сходное с ним целиком или сходное частично.

Портрет человека вызывает представление о самом человеке; увидев индивида, похожего на Сократа, мы вспоминаем и о самом Сократе. Представление о спиральной линии вызывает представление о штопоре. Слово „коса", в смысле волос, благодаря звуковому сходству, вызывает представление „косы", как сельско-хозяйственного инструмента, и „косы", как части берега, вдающейся в реку.

Природа многих символических проводников, передающих определенные переживания—представления, чувства, воления, *обусловлена именно этим принципом-ассоциации по сходству: ряд предметов „передаются" символическими проводниками, сходными в том или ином отношении с этими предметами или их свойствами.*

Следующие примеры разъяснят, в чем здесь дело.

Мысль осел выражается египтянами словом: „ео". Разве это слово не подражание реву осла? Звуковой символический проводник „ео", сходный с ревом осла (ассоциация по сходству), сигнализирует мысль или представление об осле. Приведем ряд других примеров: кошка (по-китайски) „мау", соловей (по-персидски) „буль-буль", муха (по-австралийски) бумбероо", барабан (по-санскритски) „дунду", флейта (по-гречески) „улюле", колокольчик (по-якасаски) „ква-ля-кваляль" и т. д. [1]) Аналогичные факты можно наблюдать и среди детского мира. Дети весьма часто „называют" вещи, бессознательно следуя тому же принципу сходства. Петух „символизируется" ими звуками: „кукурекку", кошка —„мяу, мяу", колокол—звуками „бом-бом" и т. д.

У Кароадов Бразилии, как и у ряда др. первоб. народов „основное свойство предметов часто выражается звукоподражательными словами", говорит Powers. (См. материал у Леви-Брюля: Les fonctions mentales. 192).

Во всех этих примерах представления о ряде предметов выражены путем звуковых проводников, сходных с звуками, которые издают эти предметы.

[1]) Беру примеры из «Антропологии» *Тейлора.*

„Минорная музыка“ состоит из аккордов похожих на стоны, нытье, плачь, рыдание и т. д. „Мажорные“ аккорды похожи на звуки, издаваемые при веселых переживаниях. Нетрудно далее показать, что и художественные метафоры часто строятся на том же принципе сходства. „И чудится, будто весь он из стекла“. Вода блестит, „как полоса дамасской стали“. (Из „Днепра“ Гоголя). „Горькая судьбина“, „Ясное солнышко“ (обращение к человеку) „Золотой мой“ и т. д. Повсюду здесь играет роль принцип сходства.

Аналогичное можно наблюдать и в области свето-цветных проводников. Здесь ряд предметов изображается путем знаков, сходных в том или ином отношении с этими предметами. Так, солнце изображается знаком ○, треугольник—знаком △, квадрат—□; иероглифическая письменность особенно много дает таких знаков, сходных по форме с символизируемыми путем их предметами. Явления, связанные с кровью, (революция, палач и т. д.) сигнализируются красным цветом. На этом же принципе сходства покоится и ряд картин. Художник, желая передать те или иные переживания путем свето-цветных символ. проводников, не может игнорировать принцип сходства: образы, им рисуемые, должны быть сходными в том им ином отношении с тем, что он хочет сигнализировать. Иначе его картина останется непонятой.

Сама *письменность*, как свето-цветной проводник, зародилась собственно говоря из знаков, сходных с обозначаемыми ими предметами. Первобытная письменность—это ряд картин, изображающих то или иное животное, ту или иную сцену. Письменность возникла по типу летописей североамериканских индейцев,—„из изображений картин в грубом виде тех событий, память о которых они желают сохранить“, правильно говорит Спенсер; „по мере расширения процесса записывания событий, рисунки, сокращенные и обобщенные, все более и более утрачивали сходство с предметами и действиями, пока, наконец, под влиянием потребности выразить собственные имена, некоторые из этих последних стали изображать фонетически и создали т. о. знаки звуков.

В наше время мы достигли той ступени развития, когда, как доказывает это стенография, специальные знаки сознательно избираются, как символы специальных звуков“ [1]). Таким образом, сама письменность возникла на почве ассоциации сходства: первоначально письменные знаки были ри-

[1]) *Спенсер.* Осн. соц., т. II. 118. См. также: *Danzel*: Die Anfänge der Schrift. 1912 1—9.

сунками, сходными с изображаемыми ими предметами и событиями [1]).

То же можно сказать и о мимически-двигательных символах-проводниках. Ряд символических жестов, выражающих переживания, продиктованы тем же принципом сходства надлежащих переживаний и их внешней объективации. Отвращение к чему либо сигнализируется жестом отталкивания: руки с обращенными наружу ладонями протягиваются вперед, вся фигура человека изображает желание отстраниться от отвратительного объекта [2]). Противоположны жесты подзывания к себе кого-либо. Они состоят в движении руки к себе, с обращенными к себе ладонями рук. Поза и жесты как бы притягивают, подзывают, приближают к человеку нужное ему лицо или предмет.

Принцип сходства обнаруживается и в ряде других, более сложных символических жестов. Приведем ряд примеров. В деспотиях, как известно, простые смертные подходят к своим королям не просто, а часто ползут на животе, подражая движениям собаки. „В Тонга-Табу туземцы оказывают своему верховному вождю самое высокое уважение: они падают ниц перед ним и кладут его ногу на свои шеи“ [3]). Здесь рабская покорность выражается путем собачьих движений или путем ряда символических актов, прямо и непосредственно выражающих подчиненность: „вам незачем покорять меня—я уже покорен, всецело нахожусь в вашей власти и кладу ваши ноги на шею“. вот что говорят эти двигательно-мимические проводники. Та же рабская покорность „сигнализируется“ далее актами, прямо сходными с тем, что бывает при подлинном рабстве. В Библии читаем: „И опоясали слуги Венадада чресла свои и возложили веревки на головы свои и пришли к царю Израильскому“ [4]), так сигнализировалась покорность. „Перуанцы для выражения своего смирения связывали себе руки и обматывали

---

[1]) См. первоб. рисунки—они же и первичные письмен. знаки—у *Verworn'a*: Die Anfange der Kunst. 1909. «Письменность развилась из фигуральных знаков, из пиктографических изображений». Verworn: 5.

[2]) *Дарвин:* О выражении ощущений. Изд. Лепковского 19. «Я заметил, что люди, описывая ужасное зрелище, часто на мгновение зажмуриваются или трясут головою как бы для того, чтобы не видеть или отогнать прочь нечто неприятное». См. там же другие факты.

[3]) *Спенсер:* Осн. Соц. II. 144. «В Дагоме лица, приближающиеся к королю, либо ползут как змеи, либо тащутся на коленях». Там же. 176.

[4]) 3-я Кн. Царств, XX, 32. Клиффорд в «Генрихе VI» Шекспира говорит про сдавшуюся толпу мятежников. «Войска сдались с петлей на шее, ждут они смиренно от вас решенья жизни или смерти». Ч. II, д. IV, сц IX.

вокруг шеи веревку. Здесь добровольно налагались те узы, которые в древние времена носили пленные, приведенные с поля битвы“ [1]). Здесь принцип сходства ясен. Не менее ясен он и в ряде религиозных и простых пантомим. „Медвежьи драмы“, разыгрываемые, напр. остяками, или „мистерии“ в честь кенгуры или другого тотемического животного, разыгрываемые австралийскими негритосами, представляют ряд подражаний движениям медведя и кенгуру, изображаемых людьми [2]). Смирение выражается поклоном, падением ниц [3]), покорность—коленопреклонением или падением ниц, ограждение себя силою креста—крестным знамением, фиксирующим крест на теле человека и т. д. Переживание, что человек вбирает в себя свойства и качества другого человека „сигнализируется“ рядом дикарей обрядом буквального пожирания такого человека [4]); мысль, что данный человек победил врага, сигнализируется показыванием его скальпа; власть, желая сигнализировать смертную казнь над кем-либо, которого фактически нельзя повесить или сжечь, часто вешает и сжигает вместо человека его образ или изображение [5]). Можно указать и более сложные „обряды“, основанные на том же принципе сходства сигнализирующих жестов с теми событиями, которые сигнализируются. Так, у ряда первобытных народов, напр. у ведда Цейлона, у меланезийцев и др., право пользования определенной территорией передается другому путем буквальной передачи первым второму какого-либо материального предмета: камня, горсти земли, зуба и т. д. [6]).

„Старинная церемония ввода во владение леном производилась в Шотландии следующим образом: поверенный сюзерена наклонялся и, взявши в руку камень и пригоршню земли, вручал их поверенному нового вассала, передавая этим лен в его действительное, полное и вещественное вла-

---

[1]) *Спенсер:* Op. cit. 174. Те же двигательные символы покорности постоянно упоминаются Цезарем: sub jugum missum.

[2]) См. факты у *Levy-Bruhl:* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris. 1912. 262 и сл.

[3]) «И поклонился Иаков до земли семь раз, подходя к брату своему». Бытия. XXXIII, 3.

[4]) См. факты у *Спенсера*: Op. cit. 135.

[5]) То же мы наблюдали и теперь. Во время годовщины революции на площади сжигались изображения буржуазии, попов, царей и т. д. Как видим, в сигнализации переживаний мы ушли очень недалеко от средневековых инквизиторов, за неимением еретика, сжигавших его изображение.

[6]) См. *N. Ivanitzki:* Sur un mode primitif d'attestation de la personnalité collective в Archives Sociologiques (Ваксвейлера). Bulletin № 22; 348.

дение". Афиняне символизировали подчинение персам посылкою в Персию воды и земли. Желая сигнализировать полную отдачу себя в распоряжение другого человека, люди отдают вместо целого часть тела, напр., локон волос. Так поступают данники по отношению к владыке на ост. Фиджи. Так же поступают и люди любящие друг друга [1]).

Нетрудно показать роль принципа сходства и в области *предметных символических проводников.* Возьмем для примера скипетр и державу, как предметные символы, изображающие власть императора. Мысль о том, что царь держит в своих руках все царство и землю, здесь сигнализируется шаром, сходным с землей. Обратите далее внимание, хотя бы на кокарды и значки ведомств и учебных заведений. Кокарда инженера и технолога изображает молот и топор, психоневролога—чашу с змеями мудрости; в кокарде моряка присутствует якорь, сельско-хозяйственника — серп и коса, артиллериста—пушки, лесника—ветки деревьев, в советской кокарде России фигурируют серп и молот и т. д. Без комментариев роль принципа сходства здесь ясна. Пойдем дальше и возьмем уже не кокарды, а другие ведомственные предметные символы, хотя бы одежду. Неизбежным аттрибутом военной формы является оружие (шашка, шпага, револьвер, раньше—латы, шлем, кольчуги, палаш etc), одежды духовного лица христианской религии—крест, дворянина (служилое военное сословие)—шпага, каторжника—„бубновый туз" и т. д. В тысяче других форм—то же можно наблюдать всюду. „Убивший медведя (у шошонов) получает звание воина и только тот, кто совершит этот акт, имеет право носить высшие знаки отличия, ноги и когти своей жертвы". Сходны с этими аттрибутами и другие аттибуты: скальпы, зубы, голова, челюсти и др. части тела убитых врагов, носимые рядом диких народов [2]).

Не буду приводить других примеров. Сказанное показывает, что связь между рядом двигательно-мимических символов и передаваемыми ими событиями покоится на принципе сходства [3]).

---

[1]) *Спенсер:* Op. cit. 138—139 и сл.

[2]) См. *Спенсер:* Op. cit. 130—132 и др.

[3]) См. множество фактов символических обрядов в области права, покоющихся на том же принципе сходства у *Chassan:* Essai sur la symbolique du droit. 1847. Passim.

Петражицкий: Теория права. Т. I. 54—57. В области военных обрядов у *Jaray:* Du formalisme au «Débroullez-vous». Paris. 1910. В области религиозных и др. явлений у *Schlesinger'a:* Geschichte des Symbols. Berlin. 1912. Passim и особенно III-я часть.

*

Тот же принцип сходства играет роль и в более крупных предметных символах. Возьмем для примера здание храма. Загляните в учебники богослужения и там вы найдете полное разъяснение вопросов, почему архитектура храма такова, а не иная. Крестообразное очертание фундамента храма означает крест, обращение алтаря на восток—символ того, что с „востока нам свет возпя", купол храма—означает небесный купол, звезды на нем—небесные звезды, одна глава церкви, символизирует Христа, пять глав—Христа и 4-х евангелистов и т. д.

Всюду здесь мы видим связь по сходству между символом проводником и „сигнализируемыми" им событиями или переживаниями.

То же, хотя и не в столь резкой форме, можно подметить и в других зданиях, как предметных проводниках [1]).

Не останавливаясь подробнее на дальнейшем подтверждении означенной роли принципа сходства, сказанного достаточно, чтобы признать, что *связь между определенными проводниками-символами и сигнализируемыми ими событиями, предметами и переживаниями в ряде случаев действительно вызвана и обусловлена фактом сходства тех и других.*

D) Условие временной и пространственной смежности.

Дальнейшим принципом, объясняющим, почему ряд переживаний—представлений предметов, событий, тех или иных чувств, волений и т. д.—сигнализируется теми, а не иными символическими проводниками, служит принцип пространственной смежности. Для изображения многих событий, предметов и явлений, переживаемых человеком, утилизируются часто такие слова, жесты, предметы и др. проводники, которые по времени или пространству смежны с изображаемыми ими явлениями. Иными словами, именно пространственная или временная смежность символа-проводника с изображаемым им явлением служит обстоятельством, обусловливающим его применение для выражения соответственных переживаний.

Примеры разъяснят изложенное положение. Знак креста или крест в христианской религии является проводником, „сигнализирующим" и сущность христианства, и принадлежность к этому вероисповеданию, и страдание.

---

[1]) См. материал у *Schlesinger'a:* Geschichte des Symbols. 1912. Ч. III, гл. Symbolik in der Baukunst.

Если спросить себя: почему крест (в виде ли знака или предмета или крестного знамения или слова „к+р+е+с+т“) сделался в христианстве символом таких явлений, то ответ будет гласить так: крест пространственно был смежен с телом распятого Христа. Образ последнего механически вызывает представление креста; святость первого в силу пространственного соприкосновения представляется сообщившейся второму.

Крест непроизвольно ассоциируется с Христом, непроизвольно „замещает“ христианство, непроизвольно (в силу той же простр. близости) становится „сигналом“, конкретным знаком страдания Христа, а позже и страдания вообще. Отсюда—появление креста, как символа всех этих явлений. „Он несет свой крест с терпением“, „на его долю выпал тяжелый крест“, часто слышим мы в жизни. (Звуковой проводник). Крест в виде знака христианской религии фигурирует в книгах, на иконах, на одежде. Крест в виде предмета (деревянный, золотой, железный) выступает и на крышах церквей, и на могилах, и на домах, и на теле человека (шейные кресты) и т. д.

Этот пример показывает, как обстоятельство *пространственной смежности* может обусловить появление того или иного символического проводника для сигнализирования или выражения тех или иных переживаний.

Это значение пространственной смежности особенно резко выступает в мире первобытных людей. Согласимся-ли мы с Леви-Брюлем в том, что мышление первобытного человека не похоже на наше и управляется законом „соучастия“ (loi de participation), или не согласимся, но наблюдения над первобытными народами показывают, что пространственная или временная смежность играет большую роль среди них в этом отношении. Так, ряд наблюдателей рассказывают нам, как в Новой Гвинее портрет королевы Виктории, занесенный туда Эдельфельтом в момент, когда там разразилась эпидемия плеврита, стал для туземцев одновременно и причиной и символом плеврита. Этим объясняется, почему они потребовали уничтожения этого портрета [1]).

Близкий к этому факт рассказывает и Pechuel-Loesche [2]).

Аналогичное мы наблюдаем и в наши дни. В силу смежности двух предметов мы часто замещаем название одного

---

[1]) См. *Levy-Bruhl:* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris 1912. 71—72.

[2]) *Levy—Bruhl:* Ibid. 70—71. Там же, см. др. факты.

другим: название содержимого—именем или признаком содержащего или обратно; вместо „коньяк“ часто говорят „три звездочки“, „Ласточка“, вместо „шампанского“—„редерер“, вместо „сочинений „Спенсера“ говорят просто „Спенсер“, вместо „шоколад“—„Гала-Петер“, вместо „я еду в театр“—„я еду в оперу“, вместо „Совет Депутатов“—„Смольный“, вместо „Украина—Скоропадия“, вместо „Россия—Совдения“; такие словесные замещения предметов их частью (всегда смежной с ними) или одного предмета другим, временно или пространственно смежными с первым—постоянны в нашей речи и объясняются именно этой смежностью.

Не буду останавливаться подробнее на дальнейшей иллюстрации положения смежности. Приведенные примеры достаточно точно разъясняют выставленное положение, а затем, как сейчас мы увидим, *принцип смежности, как в значительной мере и другие три начала, поглощаются более общим законом—законом образования условных рефлексов* Поэтому нет необходимости подробнее трактовать о роли смежности в интересующей нас сейчас проблеме: связи между определенными переживаниями и определенными символическими проводниками, объективирующими эти переживания. Все, что будет сказано о законе образования условных рефлексов, все это будет применимо и к принципу смежности.

Е. Условия возникновения условного рефлекса, в частности, одновременность восприятия двух или большего числа раздражений.

Под *условным рефлексом* разумеется не наследственная, а приобретенная при известных условиях реакция организма на определенный раздражитель. Он отличается от *безусловного рефлекса;* под последним разумеют наследственно установленные, постоянные реакции организма на то или иное раздражение среды.

Так, при раздражении пищей полости рта собаки секреторные органы последней всегда реагируют на это раздражение определенно, в форме отделения слюны Такая реакция собаки на действие пищевого раздражителя врожденна, безусловна, она наступает всегда, как только дан этот пищевой раздражитель. Связь между раздражителем в виде пищи и рефлексом слюноотделения безусловна. Поэтому и рефлекс школой Павлова назван безусловным. Иное представляет, напр., раздражение звуком или светом. Эти раздражители не вызывают слюноотделения. Следовательно, связь между

ними и рефлексом слюноотделения не врожденна, не наследственна. Нормально такие раздражители являются для реакции слюноотделения раздражителями индиферентными, не вызывающими, в отличие от пищевого раздражителя, выделения слюны. Однако, при известных условиях и эти индиферентные раздражители могут вызывать реакцию слюноотделения, иными словами, может установиться условная, временная связь между данными раздражителями и организмом, который на действие первых будет реагировать условным рефлексом слюноотделения [1]).

Спрашивается, при каких же условиях организм собаки начинает реагировать слюноотделением на такие, напр., индиферентные раздражители, как звук или свет? Иначе, как устанавливается условный рефлекс? Опыты Павлова, Бехтерева, их учеников, как и ряда американских био-психологов, выяснили этот вопрос весьма точно.

„*Всякий раз, как какой-нибудь индиферентный раздражитель* (в данном случае звук или свет П. С.). *совпадает во времени с действием раздражителя* (в данном примере пищевого, П. С.), *вызывающего определенный*, (безусловный) *рефлекс* (в данном случае реакцию слюноотделения: П. С.), *то после одного или нескольких таких совпадений, он сам—этот индиферетный раздражитель, — вызывает тот же рефлекторный эффект*“ [2]).

Таков закон образования условных рефлексов. Так, если *одновременно* с кормлением собаки мы будем зажигать электрическую лампочку, след., одновременно будут действовать пищевой—(безусловный) и световой (индиферентный) раздражители, то после нескольких повторений достаточно будет зажигать одну электрическую лампочку, чтобы вызвать у собаки рефлекс слюноотделения. В силу одновременного действия индиферентного с неиндиферентным раздражите-

---

[1]) См. обусловных и безусловных рефлексах (терминология школы Павлова). *Павлов:* Настоящая физиология головного мозга. *Зеленый:* Психические реакции животных, как объект естествознания. Природа. 1913. Октябрь. *Его же.* Современная биология и психология. Нов. идеи в философии. Сб. № 9. *Бехтерев.* Общ. осн. рефлексологии.

[2]) *Павлов* Ibid. «Природа»: 1917. Январь 31. *Бехтерев* и его школа условные рефлексы называют сочетательными. «Сущность образования сочетательных рефлексов заключается в том, что, если с основным раздражением вызывающим обыкновенный (т. е. безусловный по терминологии Павлова П. С.) рефлекс, совпадает или ему несколько предшествует другое раздражение, неспособное вызывать рефлекса, то после нескольких повторений вышеуказанный рефлекс вызывается не только обычным для него раздражителем, но и сочетаемым с ним первоначально индиферентным для него внешним раздражением». *Бехтерев:* Общ. осн. рефлексологии. 86.

лем, первый становится „условным“ раздражителем и начинает вызывать тот же рефлекс, что и безусловный раздражитель. Свет связывается с последним и теряет свой характер индиферентности. Вместо света можно таким раздражителем сделать и звук. Если одновременно с поступлением пищи в рот производить последний (напр. звонить в колокольчик), то после ряда повторений один звук будет вызывать у собаки ту же реакцию слюноотделения. Вместо света и звука можно брать и любой индиферентный раздражитель. Итог получится тот же самый. Далее, можно комбинировать сами эти условные раздражители. Когда, напр. „воспитан“ условный рефлекс слюноотделения на свет, то звоня в колокольчик одновременно со светом, можно образовать новый условный рефлекс на почве старого условного же рефлекса. „Одновременное действие на животное двух раздражителей ведет к одновременному возбуждению нервов—зрительного (при зажигании лампочки) и слюноотделительного, что в свою очередь ведет к образованию между ними связи. Связь эта такого рода, что в дальнейшем возбуждение (опред. характера) одного только зрительного нерва ведет так же к возбуждению слюнного центра, а это последнее, передаваясь в слюнную железу, вызывает слюноотделение“ [1]). Таков механизм условных (ассоциативных) рефлексов. Множество опытов было произведено рядом исследователей и над другими животными и всюду этот механизм образования условных рефлексов находил подтверждение.

Отметим далее факт „угасания“ условного рефлекса, отличающий его от безусловного. „*Главное свойство условного рефлекса — способность исчезать в том случае, если мы будем повторно его вызывать, не сопровождая тем безусловным рефлексом, на почве которого он возник.* Предположим, напр, что мы сделали определенный звук возбудителем слюнного условного рефлекса, раздражая им собаку одновременно с вливанием ей в полость рта соляной кислоты (Безусловный раздражитель). Будем теперь многократно повторять этот звук, но при этом не вливать кислоту. При первом испытании звук вызовет сравнительно значительное слюноотделение, при втором — меньшее, при третьем — еще меньшее и т. д. до полного исчезновения рефлекса. Употребляя принятый в лаборатории Павлова термин, условный рефлекс „угасает“ [2]).

---

[1]) *Зеленый.* Психич. реакции животных. Природа. 1913. Октябрь.
[2]) *Зеленый:* Соврем. биология и психология. Нов. пд. в фил. Сб. № 9. 61—62.

То же самое применимо и к человеку. Зеленый отчасти прав, говоря: „Не есть ли вся жизнь человека появление и угасание ряда рефлексов, вызываемых множеством космических, биологических и социальных раздражителей. Педагоги, обучая детей, с физиологической точки зрения, занимаются ничем иным, как образованием у них ассоциативных реакций“ [1]).

„Как известно, дитя успокаивается, как только губы его коснутся груди матери и оно начинаеть сосать (безусловный рефлекс); впоследствии же его успокаивает уж одно приближение к нему матери“ [2]). Таков простой пример образования условного (сочетательного по терминологии Бехтерева) рефлекса в мире людей: одновременное действие раздражителя в виде груди матери, прикасающейся к губам ребенка, и образа матери—сочетаются и в итоге одного появления и приближения матери достаточно для успокоения ребенка.

Примеров таких условных рефлексов в поведении человека можно привести сколько угодно. „Допустим, что человек однажды был испуган накинувшейся на него собакой. Он испытал при этом эмоциональную реакцию, сопровождающуюся сильным сердцебиением, и этого достаточно, чтобы вслед затем один лай собаки (т. е. раздражение, одновременно действовавшее с нападением и видом собаки. П. С.), вызывал у него приступы сердцебиения. В другом случае человек испытал тошноту, взяв в рот испорченное мясо, издававшее зловонный запах. (Здесь дано одновременное действие безусловного раздражителя в виде испорченного зловонного мяса, вызывающего рефлекс тошноты, с раздражителем условным, в виде зрительного восприятия мяса, П. С.). Потом уже одного вида мяса достаточно, чтобы вызвать явления тошноты“ [3]).

После сказанного легко понять, что наше поведение „полно“ условными рефлексами. Обильное выделение слюны и сосание под ложечкой при звуке тарелок в столовой, бег детей в класс при звуке звонка, открывание двери или подход к телефонному аппарату при том же звуковом раздражителе, совершение крестного знамени верующими при ударе церковного колокола, вытягивание солдата во фронт при встрече с генералом, отдание военными чести при встрече друг с другом, пожимание руки при встрече с знакомыми,

---

[1]) *Зеленый.* Психич. реакции животных.
[2]) *Бехтерев:* Op. cit. 86.
[3]) *Бехтерев:* Op. cit. 87.

коленопреклонение публики в церкви при выходе даров, вставание публики в суде при словах суд. пристава: „Суд идет", и т. д., короче множество наших актов представляет не что иное, как ряд условных рефлексов, образовавшихся тем же путем, как и описанные выше условные рефлексы.

Таково их понятие и механизм образования.

Я позволил себе сравнительно подробно остановиться на них потому, что в интересующей нас сейчас проблеме закон их образования имеет громадное значение. К нему, до известной степени, сводятся все три формулированные выше положения.

Этим я хочу сказать, что *связь между рядом переживаний и объективирующих их во вне символических проводников во множестве случаев объясняется теми же обстоятельствами, которые обусловливают собой возникновение условных рефлексов.*

Как видно из предыдущего при образовании условных рефлексов имеет значение следующее обстоятельство: *одновременное действие двух или большего числа раздражителей*, из которых *один* должен быть *безусловным раздражителем*, т. е. должен вызывать определенный рефлекс (напр. пищевой раздражитель и рефлекс слюноотделения), обусловливаемый всем анатомо-физиологическим строением организма. Но его место может заступить и готовый уже условный рефлекс, ибо новый условный рефлекс может быть воспитан на старом условном рефлексе, (напр. звуковой на световом, то же условном). Вот это-то условие и объясняет нам, почему во множестве случаев ряд переживаний сигнализируется такими, а не иными проводниками (словами, жестами, рисунками и т. д.) Это условие является общим случаем, частичными видами которого являются и условие сходства, и условие смежности, рассмотренные выше.

Мы видели, напр., что ряд названий осла, флейты, соловья и т. д., представляет подражание тем звукам, которые данными предметами издаются. После сказанного будет понятно, почему такие звукоподражательные названия появились: зрительный образ осла, соловья и др. предметов воспринимался *одновременно* со слуховым раздражением, исходящим от данных предметов. Эти звуки сочетались с надлежащим зрительным образом. Каждый раз, когда нужно было обозначить эти предметы, звуковые сигналы, похожие на звуки, издаваемые этими предметами, и служили простейшим средством для этого.

Не требует больших комментариев и подведение связи по смежности под закон образования условных рефлексов.

То, что смежно, обычно воспринимается одновременно (крест и распятый Христос). При таком одновременном восприятии смежных предметов в ряде случаев символ одного предмета может служить заместителем другого.

Приведем несколько фактов, указывающих на роль, которую играют условия образования временных рефлексов в возникновении символических проводников, передающих психические переживания тех или иных событий, процессов, предметов etc.

Ряд звуковых символов-проводников возник именно так, как возникают условные рефлексы. „Никто не сомневается, что речь возникает из примитивных звуков, называемых междометиями, как: „ох, ах, ух, ой, ай, гм, ннy, увы“ и проч., говорит Бехтерев, но эти звуки первично представляют собою обыкновенные звуковые рефлексы, происходящие при определенных нормальных и болезненных состояниях и состояниях большой усталости. Воспроизведение этих-то рефлексов при известных условиях и образует примитивную символическую речь, состоящую из сочетательных звуковых рефлексов, в виде междометий, из которых затем развивается членораздельная человеческая речь“ [1]).

Возьмем в качестве других примеров такие слова, как „жук, жужжать, камыш, шелест, гром, звон, аукать“, и т. д. Все эти символические звуковые проводники опять таки выражают такие явления, составной частью которых служат звуки, воспринимавшиеся *одновременно* с этими явлениями, звуки, воспроизводимые этими словами.

Обратимся к мимическим проводникам. И здесь для объективирования ряда переживаний служат такие мимические движения, которые воспроизводят движения, переживавшиеся и воспринимавшиеся при известных душевных состояниях.

Когда нам весело, мы смеемся и улыбаемся, когда печальны—плачем (слезы): эта одновременность известных переживаний и их внешних проявлений в итоге обусловила выражение радости„ беззаботным смехом“, горя—„слезами“ и т. д.

Чтобы не уйти далеко в сторону я ограничусь более подробным рассмотрением образования слов (звуковых символов) и жестов там, где условия наиболее ясны и просты, а именно среди примитивных народов. Все сказанное об этих символ. проводниках с соответственными изменениями будет применимо и к другим проводникам.

---

[1]) *Бехтерев:* Ibid. 86—87.

Все исследователи языка первобытных народов в один голос утверждают: 1) что „языки низших обществ всегда выражают их идеи объектов и действий так, как эти предметы и события воспринимаются глазами и органами слуха“; 2) что в силу этого здесь нет слов и жестов для выражения идей и переживаний абстрактных, а есть слова и жесты только для передачи абсолютно-конкретных, единичных вещей и событий; отсюда—богатство первобытного языка существительными, предлогами и глаголами; 3) что здесь весь язык представляет картинное воспроизведение, как бы рисунок, предмета или события. Поэтому в большом употреблении и хорошо развит язык жестов [1]).

Эти положения для нас важны. Они, как сейчас увидим, служат доказательством того, что двигательные знаки и слова возникли именно согласно закону образования условных рефлексов.

Начнем анализ с такого факта. Parkinson сообщает, что у туземцев архипелага Бисмарка нет слов для родовых явлений; напр., нет слов для выражения того или иного цвета—черного, белого и т. д. „Цвет всегда указывается следующим образом: сравнивают предмет с другим, цвет которого вообще принимается за тип. Говорят, напр., это вида или цвета ворона. Одного термина для обозначения черного цвета вообще нет. А есть ряд терминов для обозначения этого цвета. „Так слово kotkot (вóрон) служит для обозначения „черный“. Все то, что черно, в частности блестяще черно, называется этим словом kotkot (вóрон); в других случаях употребляется для обозначения „черный“ термин toworo, обозначающий обугленные орехи алеритов; далее термин luluba, что значит черная грязь в болотах, dep—обозначающий черную обгорелую смолу дерева канари (l'arbre canari). Все эти слова служат для обозначения черного цвета: так же обстоит дело и для всех других цветов: белого, зеленого, красного, голубого и т. д.“ [2]).

Вдумаемся немного в этот факт. Что значит, что „черное“ выражается словом „вóрон“, или словом „обугленный орех“. Почему именно эти, а не иные слова употребляются для выражения понятия „черноты“? Это значит, что признак черноты воспринимался одновременно с восприятием „ворона“ или „черного обугленного ореха“. Иными словами „ворон“ и „чернота“ воспринимались одновременно. Отсюда

---

[1]) См. *Levy-Bruhl.* Les fonctions mentales. 175 и сл. Здесь недурно обоснованы эти положения и приведено много фактического, хорошо проанализированного материала.

[2]) *Parkinson:* Dreissig Jahre in der Südsee, p. 143—145. Цитирую по указ. книге Леви-Брюля. 191 стр.

вывод: для обозначения черноты стал употребляться термин „ворон", или термин „черная грязь болот" именно потому, что чернота воспринималась вместе с вороном и черной грязью. Как видим, данный факт прямо подтверждает роль и значение одновременного действия раздражителей, на почве которого возникают условные рефлексы. Он говорит о том, что мало развитая психика *имеет склонность выражать переживания того или иного явления, свойства или предмета посредством терминов, которые обозначают предмет, явление или свойство, воспринимавшееся одновременно с данным свойством или явлением.* Черное воспринималось вместе с вороном, болотной грязью; отсюда термины „ворон", „болотная грязь" для обозначения черноты.

Из этого примера видна вся важность этого условия— *одновременности* восприятия нескольких явлений, предметов или свойств.

Весь язык первобытных людей, еще не способных абстрагировать, переполнен такими фактами. Они говорят нам, как и почему в ряде случаев определенные переживания (представления предметов, явлений, действий и т. д.) символизируются такими, а не иными словами. В языках примитивных людей еще ясно сохранилась роль, которую играет одновременное восприятие двух или большого числа раздражений в деле сигнализирования душевных переживаний.

Возьмем другой пример. Как я уже сказал, у примитивных групп, на ряду с речью, весьма сильно развит и постоянно практикуется „язык знаков", язык двигательно-мимических проводников, подобный языку глухонемых. „Если речь их описывает и рисует в самых мельчайших деталях положения, движения, расстояния, формы и контуры, то язык жестов целиком состоит из таких средств выражения", говорит Леви-Брюль [1]).

„Этот язык жестов, описывает Рот, представляет реальное и живое единство; не отдельный изолированный жест, а сложный более или менее длинный комплекс жестов, нераздельно взятых, выражает полный смысл двигательной фразы. Вне этого комплекса отдельный жест непонятен. Так, жест „бумеранг" может выражать не только идею самого предмета, но в то же время, смотря по „контексту", идею убить кого-либо им или его сделать, или его украсть и т.д." [2]).

„С другой стороны, „идеограммы", служащие для обозначения существ, объектов, актов, представляют почти всегда

[1]) *Levy-Bruhl:* Op. cit. 180.
[2]) Roth: Ethnological Studies; цитирую по Леви-Брюлю. 180.

исключительно моторно-двигательные описания (descriptions motrices). Они воспроизводят или положения, или знакомые движения существ (четвероногих, птиц, рыб etc.), или движения, употребляемые для того, чтобы овладеть ими, использовать предмет, сфабриковать его... Напр., для обозначения *дикобраза* жесты руки описывают с точностью его любопытную манеру раскапывать землю и отбрасывать ее в сторону, его иглы, его манеру выпрямлять и подымать свои уши. Чтобы обозначить *воду*, „идеограмма" жестов показывает, как ее пьют туземцы, как они зачерпывают ее в руку. Для выражения „*ошейник*" обе руки охватывают шею, подобно ошейнику; этот жест сопровождается жестом завязывания ошейника сзади и т. д." [1]).

Из этих фактов видно, как вначале символизировались те или иные переживания. Они ясно говорят, что *представления ряда предметов* (дикобраза, воды, ошейника) *сигнализируются жестами, подражающими тем движениям и свойствам этих предметов, которые были восприняты одновременно восприятием этих предметов.* Образ дикобраза был воспринят одновременно с его ощетиниванием или раскапыванием последним земли, восприятие воды сопровождалось одновременно с ее зачерпыванием рукой и т. д., поэтому понятие дикобраза сигнализируется жестами, изображающими ощетинивание, вода сигнализируется жестом ее зачерпывания и питья, ошейник—жестом сжимания руками шеи и т. д.

Этим же принципом объясняется и та черта первобытных языков, что здесь есть термины только для конкретных, единичных предметов или действий и нет терминов общих. Дикарь не говорит „черное", не говорит „сосна—вообще" или „походка—вообще", а черное он изображает терминами „ворон", „грязь"; место „сосны—вообще" занимают термины: „та сосна", „такая-то сосна"; вместо „походки—вообще" он говорит: „походка маленького человека, члены которого двигаются быстро во время ходьбы", „походка с шатанием и колебанием, как у слабого человека", „походка человека с длинными ногами, который забрасывает их вперед" и т. д. до тридцати трех и больше наречий для „изображения" одного термина „походки" [2]).

Chamberlain приводит итоги прямого наблюденія у народа kitonaga, живущего в Британской Колумбии, итоги чрезвычайно показательные в этом отношении. *Вишня прерий* называется у них agketlmak. Тем же именем они окрестили

[1]) *Levy-Brühl:* Op. cit. 180—181.
[2]) См. *Westermann:* Grammatik der Ewesprache, цит. Леви-Брюлем. 184—185.

ряд плодов, введенных европейцами, напр., сливу, персики и др., в силу того, что все они характеризуются наличностью косточек внутри фрукта, (par rapport au noyau, qui caractérise tous ces fruits). Плоды розового куста прерий (Rosa pisocarpa) у них называется goltwa. „То же имя они дали яблоку, персику, сливе, груше, томату в силу красноватой округлости (rotondité rougeâtre) всех этих фруктов. Апельсин они назвали gowitlka goltwa, т. е. большой „плод розового дерева". Муку они назвали kammugtlu amak, т. е. „белый ил" („белая земля"), ассоциировав субстанцию муки с белым илом берегов, озер и рек. Точно также термином „солнца" они назвали „часы" (сходство часового лица с обычным изображением солнца, тот и другой измерители времени). Именем колыбели (berceau) они назвали и clôture, (ограда, забор) и entrave (путы, повязки, пеленки) [1]).

Эти факты не требуют комментариев: настолько ясна здесь роль исследуемого нами условия.

Во всех этих примерах, взятых из языка звуков и жестов первобытных людей, как и в сотне других тождественных фактов [2]), чрезвычайно ясно выступает исследуемая нами роль одновременности восприятия двух раздражений в определении характера сигналов, для сигнализации тех или иных переживаний.

В языке более развитых народов роль этого условия не так заметна. Здесь уже появились абстракции, наслоения и т. д. Однако и здесь в метафорах и поэтических образах влияние условия одновременности двух или бо́льшего числа раздражений на характер сигнальных проводников ясна. Возьмите для примера такие выражения, как „полынь" для обозначения горя, „туча черная"—для обозначения тоски, „зорюшка ясная" для сигнализации ясного, светлого настроения, „безоблачно и светло было на душе", „то-то режет мне слух", „от того-то коробит меня" и т. д. В происхождении всех этих примеров, как и в сотне других, не трудно констатировать влияние очерчиваемого условия одновременности восприятия нескольких раздражений. В силу того, что горечь воспринималась одновременно с полынью, полынь стала сигнальным проводником горечи, а потом и горя и т. д.

Аналогичные факты мы наблюдаем на наших глазах. Так, значения существ, объектов, актов, представляют почти всегда

---

[1]) См. *Chamberain:* L'association des idées chez un peuple primitife. Bull. et Mem. de la Société d'Antrop. de Paris. 1909. № 2. 132—134.

[2]) См. факты у Леви Брюля. Гл. IV. 151—203.

с изображаемыми им героями „дна“, последних стали называть „героями Горького“; в силу того, что последние ездят больше на товаро-пассажирских поездах, эти поезда получили прозвище „Максим Горький“. Так как многие из новоиспеченных комиссаров пьянствовали (одновременное восприятие пьяного человека и комиссара), то появился термин „накомиссариться“, т. е. быть пьяным. В силу тех же условий возник термин „викжелять“ и т. д.

Все сказанное о звуковых и двигательно-мимических проводниках применимо и к другим видам проводников. Ограничиваюсь приведенными фактами. Они достаточно чотко поясняют и подкрепляют выставленные положения. Кто хочет бо́льшего материала, тот, учитывая сказанное, найдет его в изобилии в цитированных работах.

Резюмирую. Мы поставили вопрос: *почему, в силу каких условий такие-то переживания сигнализируются посредством таких, а не иных проводников и ответили на этот вопрос так: 1) ряд связей между многими переживаниями и символическими проводниками пока нам не известен, не расшифрован. 2) ряд символов-проводников созданы целеполагательно, с определенными нарочитыми целями, 3) ряд переживаний выражается путем тех, а не иных проводников в силу того, что такая сигнализация наследственна, рефлекторна, инстинктивна; 4) частным случаем этого факта является условие прямого влияния нервной системы на „выразительные движения“. 5) Дальнейшими важными условиями в этом отношении являются: а) условие сходства переживаемого явления или предмета и сигнализирующего его символ. проводника; б) условие пространственной или временной смежности, с) обстоятельства образования условных рефлексов, в частности, одновременное восприятие двух или большего числа раздражений,—условия, до известной степени абсорбирующие и условие сходства, и условие смежности.* Таков краткий ответ на поставленный вопрос.

5. Рикошетное влияние проводников на поведение и психические переживания.

Теперь спросим себя: влияют ли проводники сами по себе на поведение человека? Раз появившись, оказывают ли они, так сказать, в силу собственных свойств, то или иное влияние на поведение и, особенно, на психические переживания людей?

Этот вопрос приходится ставить и решать потому, что, как увидим сейчас, не коснувшись его, мы рискуем многое

не понять ни в поведении людей, ни в явлениях взаимодействия, ни в т. н. социальных фактах и процессах.

Ответ на этот вопрос будет положительный. Он гласит: *проводники, в особенности символические проводники, не только сами зависят от поведения и психических переживаний людей, но, раз возникнув, оказывают громадное рикошетное влияние и на психику индивидов, участвующих во взаимодействии.*

Постараюсь кратко доказать и разъяснить этот тезис, при чем более подробно остановлюсь на рикошетном влиянии проводников на психические переживания людей.

А) *Общее рикошетное влияние.*

Прежде всего проводники обусловливают поведение и психику людей, так сказать, *механически*. Это в особенности имеет значение в применении к *предметным* проводникам. Мы видели выше, как в процессе взаимодействия ряд переживаний человека и его акты (работа, действие, труд) частью механически, частью сознательно приводят к возникновению множества предметных проводников. Эти предметные проводники, накопляясь из года в год, из поколения в поколение, образуют собою то, что называется „материальной культурой" (См. выше). Вот *эта-то материальная культура, представляющая совокупность проводников, механически, просто в силу своего существования, обусловливает собой поведение и переживания людей.* Факты.

„Социальная жизнь, (читай: явления взаимодействия. П. С.), которая таким образом как бы кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорах (читай—в проводниках), тем самым внедряет нас в мир окружающих нас вещей и *начинает воздействовать на нас извне*, говорит Дюркгейм. Пути сообщения, которые построены были раньше нас, придают ходу наших дел определенное направление, позволяя нам сообщаться с той или иной страной. Вкус ребенка формируется, приходя в соприкосновение с памятниками национального вкуса, заветами предыдущих поколений. Иногда даже мы видим, что такие памятники (проводники. П. С.) в течение долгих веков предаются забвению. Затем в то время, когда воздвигшие их нации уже давно погасли, они снова показываются на свет божий и снова начинают свое существование в среде нового общества. Это и является характерной чертой того очень редкого явления, которое носит название Возрождения. Возрождение означает, что социальная жизнь после того, как она долгое время была как бы упакована и пребывала в скрытом состоянии, вдруг пробуждается, меняет интеллектуальные и моральные точки зрения наро-

дов, которые сами не содействовали ее выработке. *Сознания этих народов чувствовали бы и думали совсем иначе, если бы это воздействие не совершилось.* То же самое может быть применено и к тем определенным формулам, в которых заключаются догматы веры, или положения права, *когда они фиксируются во вне, в какой нибудь священной форме* (в форме к.-н. проводников. П. С.).

Юридические отношения совсем не одинаковы в тех случаях, когда имеется *писанное право*, и в тех случаях, когда его нет. Там, где существует выработанный кодекс, юриспруденция более урегулирована, но менее гибка, законодательство более стройно, но и более неподвижно. Материальные формы, в которые оно облекается, нельзя, поэтому, считать чисто словесными сочетаниями не имеющими никакого значения, это — действующие реальности, что доказывается теми результатами, которые бы отсутствовали, если бы этих реальностей (проводников П. С.). не существовало“ [1]).

В этой цитате из Дюркгейма в общих чертах достаточно рельефно выделено рикошетное влияние проводников на поведение и психические переживания людей. Проводники, созданные в процессе взаимодействия, раз возникнув, начинают жить самостоятельной жизнью, приобретают свой темп и ритм жизни, и оказывают на нас свое влияние. Выражаясь туманным языком Зиммеля можно сказать: „вещи (созданные человеком) не абсолютно покорны нашим целям. Каждый объективный дух (читай — проводник) обладает своей логикой. С той минуты, как исключительно силой нашей внутренней самочинности, уже созданы первые начала права, искусства и нравов, мы уже выпускаем из рук всю дальнейшую нить их развития в отдельные объективные образования. Так, техника, послушная своей логике, развивает утонченность за утонченностью. Вся чрезмерность специализации, столь тягостная теперь во всех отраслях труда и все растущая под демоническим гнетом собственной закономерности труда, представляет собой опять таки частный случай всеобщего рока элементов культуры: объекты (проводники) имеют свою логику развития, уклоняющую их от совпадения с личным развитием человеческой души“ [2]).

---

[1]) *Дюркгейм*: Самоубийство. Изд. Карбасникова. 1912. 426—427.

[2]) *Зиммель*: Понятие и трагедия культуры. Логос. 1911—12. 15—21. Этот факт констатирован и субъективным опытом великих людей. „Когда из общего правильного принципа выводишь следствия, писал *Гельмгольц*, то постоянно наталкиваешься на поразительные результаты, которых ты не предполагая. И. т. к. следствия развиваются не по произволу автора, а по своему

Совокупность проводников, в силу их существования, механически обусловливают наше поведение и переживания: мы вынуждены двигаться по тем путям сообщения, которые создались без нас, жить среди зданий города или деревни, выделенных в виде коралловых рифов предыдущими поколениями человеческих полипов, воспринимать те знаки, картины, звуки и т. д., в которых застыли переживания других людей, молиться в зданиях, созданных до нас и без нас и т. д. Окруженные со всех сторон бесконечным множеством проводников мы, подобно губке, вбираем, впитываем в себя, часто помимо нашей воли и вопреки ей, те раздражения, которые испускают из себя эти застывшие проводники Временами, как в путях сообщения, они диктуют нам линию нашей дороги, иногда, как в жилищах, они предопределяют характер того ящика, в котором нам суждено жить, чисто, сами по себе, одним своим видом (напр., старая башня, Миланский Собор, Исакий и т. д.), они уже действуют на нас, вызывают одни переживания, гасят другие и т. д.

Подойдем к этому вопросу ближе.

Возьмем для начала анализа мимически-двигательные проводники, в виде жестов. Если в ряде случаев психические переживания привели к созданию тех или иных жестов, сигнализирующих их во вне, то спрашивается: *как влияет хотя бы механическое совершение этих жестов на психику человека и влияет ли оно вообще?*

В настоящее время не может быть двух ответов на этот вопрос. Если теория Джемса-Ланге относительно взаимоотношения эмоций и физиологических процессов в ряде пунктов ошибочна, то в одном отношении она несомненна; а именно, в *признании влияния физиологических процессов на душевные переживания.* Ланге прав говоря, что психический „страх“ не объясняет, отчего люди бледнеют, дрожат и т. д. Между тем, „уничтожьте у испуганного человека все физические симптомы страха, заставьте его пульс биться покойно, верните ему твердый взгляд, здоровый цвет лица, и т. д.; что тогда останется от страха“. То же применимо и к другим эмоциям [1]). Чисто физические причины могут вызвать,

собственному закону, то часто я находился под таким впечатлением, как будто переписываю не свою, а чужую работу“. „После подобные замечания о собственой жизни математ. формул сделал великий Г. Герц“.
В. Оствальд: Великие люди. СПБ. 1910. 271.

[1]) См. *Ланге:* Душевные движения. 1896. Изд. Павленкова. 57 и сл. Своим предшественником Джемс - Ланге имели *Де-Ламетри,* чрезвычайно резко подчеркнувшего зависимость душевных явлений от физиологич. процессов. См. его «Человек—Машина». СПБ. 1911. 62 и сл.

*

изменить и угасить эмоции: вино вызывает веселье, гашиш—необузданность, мухоморы—ярость, рвотный камень—угнетение, те же эффекты могут иметь болезни вазо-моторной системы и т. д. Отсюда определение эмоций: как более или менее неясного сознания (спутника) о вазо-моторных явлениях, происходящих в организме; и определение Джемса, гласящее: „телесные изменения непосредственно следуют за восприятием возбуждающего факта и наше чувствование тех же самых изменений в то время, как они происходят, есть эмоция“ [1]). Отсюда их выводы: человек смеется не потому, что ему весело, а потому ему весело, что он смеется; человек плачет не потому, что ему грустно, а ему грустно потому, что он плачет и т. д.

Если не всегда [2]), то в ряде случаев такие, казалось бы, парадоксальные положения правильны. В применении к нашему вопросу они гласят: *механическое воспроизведение двигательно мимических (жестов) и звуковых проводников (звуков), сигнализирующих определенные переживания, часто имеет рикошетное влияние на психику, вызывая, укрепляя и угашая соответственные переживания.* Часто достаточно рассмеяться, чтобы вызвать „веселое“ настроение; достаточно принять грустную позу, чтобы создать „грустное“ настроение; достаточно воспроизвести акты и мимику гнева, чтобы придти в ярость. В ряде случаев теория Джемса—Ланге действительно правильна. Как говорит Fastrez: „положение, слова, акты имеют не прямое, но реальное и глубокое влияние на нашу манеру мыслить, чувствовать, хотеть“ [3]). Это положение признано множеством авторов: „Акты, которыми объективируются известные чувства (sentimenti), укрепляют их и могут

---

[1]) *Ланге:* Op cit. 20 и сл. *Джемс;* статья в Minde, за 1884 г.

[2]) *Морган,* конечно, прав, указывая на то, что в такой абсолютной форме эта теория неприемлема. Ряд животных при чувствовании одной и той же эмоции, напр., страха, проделывают самые разнообразные движения. бежат, летят, притворяются мертвыми и т. д., что не могло бы быть, если бы эмоции были только отраженной тенью телесных процессов. И обратно, одно и то же «выражение» эмоции (один и тот же акт). может соединяться с различными эмоциональными состояниями». Олень опускает рога и в состоянии полового возбуждения, и в «отчаянии», при преследовании собак и т. д.

Морган: Привычка и инстинкт. 187—193 и сл. Но отсюда не следует, что данные положения теории Джемса-Ланге совершенно ошибочны или сколько-нибудь похожи на те пародии, которые создали критики этой теории, пародии, в роде: мы не потому покупаем зонтик, что боимся промокнуть, а мы боимся промокнуть потому, что покупаем зонтик!! Для таких пародий теория не дает ни малейших оснований.

[3]) См. *Fastrez:* Les rites militaires в Bulletin mensuel Ваксвейлера. № 11, 1911 г. 167.

вызвать последние, когда они отсутствуют, говорит Парето. Общеизвестен психологический факт, что если определенная эмоция обнаруживается путем определенного физического состояния, то может случиться, что лицо, ставящее себя с эти физическия условия, тем самым вызовет в себе соответственные эмоции“ [1]).

Payot в своей книге: „Education de la volonté“ пишет: „Наиболее глубокие психологи-практики, занимавшиеся воспитанием чувств, как Игнатий Лойола и Паскаль, рекомендуют внешние акты веры, как лучшие средства для поставления души в соответственное религиозно—аффективное состояние. Известно, что в состоянии гипнотического сна, принятие пациентом соответственной позы является всемогущим средством для вызова в нем соответственной эмоции. Какова бы ни была эмоция (passion), которую хотят внушить пациенту, когда мускулы необходимые для этой эмоции приведены в действие (sont mis en jeu), эмоция сама собой появляется. Dugald Steward рассказывает, как Burke уверял, что часто гнев зажигался в нем по мере того, как он воспроизводил внешние знаки этого аффекта. Разве собаки, не только молодые, но и старые, играя борющиеся друг с другом, не начинают в конце концов сердиться не на шутку? Разве смех и слезы не заразительны? Китайский церемониал, предназначенный для того, чтобы укрепить идею авторитета, разве не был сознательно изобретен Конфуцием, который, как и Лойола, был убежден, что жесты укрепляют и усиливают соответственные чувства? Разве католическая торжественность, с ее церемониалом, основанным на глубоком знании психологии, не пригодна для того, чтобы производить сильнейшее впечатление на души, даже мало верующие?“ [2]).

Точно также *Waynbaum* доказывает, что механический акт смеха увеличивает нашу субъективную веселость. „Если думают о чем либо веселом и если не хотят дать свободу веселому настроению, то обычно воздерживаются от смеха, чтобы не усилить свое веселое настроение. Можно иметь идею радости, не желая ее развивать или выражать. В таких случаях, чтобы ее атрофировать, делают отчаянные усилия, чтобы не рассмеяться. Это отлично доказывает, что механический или физический акт смеха, когда радостная эмоция уже существует, увеличивает и питает радость“ [3]).

---

[1]) *Pareto:* Trattato di sociologia generale. T. I. 556. 1916 г.
[2]) См. *Payot:* Education de la volonté. 61—62 и всю III гл. Paris. 1907.
[3]) *Waynbaum:* La Phisionomie humaine, 62.

То же говорит и *Paul Levy* в своей книге: L'education de la volonté, (стр. 95—96).

„Мы печальны? Песенка, которую мы сначала будем напевать против сердца, незаметным образом возбудит в нас переживание радости. Очень часто наиболее действенное, что мы можем сделать, чтобы трансформировать себя, это поставить себя в условия, которые нас принуждали бы приобрести известные привычки. Важно только начать, остальное само приложится. Неважно, любим ли мы то, что делаем. Важно делать, а кончим мы тем, что полюбим дело". „Между идеей и ее физическим выражением существует постоянная и столь интимная связь, что нельзя влиять на одного из них, не влияя на другого. Выполняемый акт рикошетом укрепляет произведшую его идею. Пусть симулируют внешний перевод идеи и идея, как бы слаба она ни была до того момента, проснется, укрепится и примет определенные очертания" [1]).

Таких фактов можно привести множество. В частности многие из актеров, механически повторяя символические жесты героев (напр., короля Лира), кончают тем, что и в самом деле начинают испытывать соответственные переживания [2]).

Из этих фактов следует, что *двигательно-мимические проводники (жесты) оказывают в ряде случаев сильнейшее рикошетное влияние на психику: повторяя механически эти жесты или принимая механически соответственную позу, мы можем вызвать и укрепить соответствующие им переживания. Принимая противоположную позу или выполняя противоположные определенным переживаниям жесты, мы можем атрофировать, „загасить", „подавить" эти последние.*

---

[1]) *P. Levy:* L'education de la volonté, 95—96. 87.

[2]) К тому же разряду фактов принадлежит психическая деформация, связанная с выполнением определенной профессии (т. е. с совершением определенных актов). «Продолжительное выполнение известной профессии, говорит Langerock, создает в индивиде деформацию его психики, в частности, деформацию в здоровой оценке значения его деятельности в социальном труде группы, к которой он принадлежит» Она создает вид профессиональной идиосинкразии, появляющейся помимо сознания. В итоге ее создаются профессиональные психологические типы солдата, матроса, монаха, преступника, судьи и вырабатывается l'esprit de corps.

См. *Langerock:* Professionalism: a study in professional deformation. Amer. journ. of Sociology. T. XXI. 30—44

У *Д. Лондона* есть характерный рассказ на эту тему. Молодой буржуазный социолог систематически перевоплощается в зависимости от того, когда и где он находится. Когда он живет в «обществе», он мыслит буржуазно, отрицает социализм и защищает интересы капитала. Когда делается рабочим, в целях лучшего изучения вопросов труда, он помимо своей воли становится социалистом и защитником интересов труда. Рассказ был напечатан в «Летописи», если не ошибаюсь, за 1916 г.

Таков вывод в применении к двигательно-мимическим проводникам. То же применимо и к другим проводникам—звуковым, предметным и т. д. Человек, выступающий в определенной общественной роли, напр. в роли жреца, вождя, судьи, облачаясь в свою символическую одежду, надевая на себя соответственные аттрибуты (напр., судейскую цепь, священное облачение, парадный мундир и т. д.), окруженный предметными проводниками (обстановка храма, судебного зала, парламента и т. д.), часто совершенно трансформируется и перестает походить на самого себя, каким он бывает в частной жизни, вне этих аттрибутов.

Губернатор, король, жрец, комиссар имеют одно „я“ в частной жизни и трансформируются в совершенно нового человека—и по манерам, и жестам, и голосу, и переживаниям, отличного от первого „я“,—когда они находятся „при исполнении своих служебных обязанностей“. В первом случае они бывают просты, вежливы, искренни, сердечны, во втором—появляется важное лицо, властные движения, чопорность, напыщенность; сентиментализм и мягкость заменяются формализмом, сухостью и порой бессердечной жестокостью. В летописи судов известны случаи, где человек, бесжалостно выносящий самые суровые приговоры, беспощадно обрекавший свои жертвы на смерть, на пытки, придя домой, избавившись от влияния символических проводников, снявши знаки судейского достоинства, часто плакал горячими слезами над бессердечностью судей; рвал на себе волосы и кончал с собой [1]). Как простой смертный он был милосерд, но как только надевал свои „символы“—он, помимо своей воли, в силу магического влияния символ. проводников, изменялся. „Fiat justitia et pereat mundus“—такой становилась его психология в последнем случае.

Из истории мы знаем ряд подобных фактов. Робеспьер, как известно, был главным вдохновителем террора. При исполнени своих оффициальных обязанностей он был беспощаден. В частной жизни он был сентиментальнейшим и чувствительнейшим человеком, плакавшим над романами Бернардэна Сен-Пьера.

С этой точки зрения не случайным является факт установления культа, обрядов, слов, форм одежды и т. д., фигу-

---

[1]) См. психологию таких судей в «Пятой язве» *Ремизова*. «Судья перестает быть человеком, пока он сидит на судейском стуле». «Он—не погрешающий орган законодательства, он — язык, но не он разум, не он воля разум—закон». *Герцен*:

рирующих во всех сферах общественвой жизни—в области религии, права, военной, педагогической, политической, и т. д.

Возьмем для примера предметный символ—проводник, в виде мундира. Гюйо прав, говоря: „не только профессия, но и сам мундир имеет важное гипнотическое могущество и не без основания законодатели всегда придавали громадное значение мундиру и форменной одежде. Не простое ребячество побудило их установить форму. Одежда, правда, не делает монаха, но уважение к монашеской одежде много значит в поведении монаха“ [1]).

„Лицо, одетое в форму, замечается; оно принимает, так сказать, манеры, соотвтствующие его форме“, справедливо говорит Fastrez, „Идея уважения, говорит он же, которое в военной сфере должно оказываться по адресу высшего начальника, породила акты уважения: приветствие, отдание чести. В силу обратного действия, акты уважения укрепляют идею уважения. Мы все знаем, что если лицо высшего ранга требует, чтобы мы держались на почтительном расстоянии, и если мы приближаемся к нему с соблюдением определенного церемониала, то мы бессознательно начинаем уважать его. Обратный эффект вызывает акт, выполняемый небрежно. Отдание чести, совершаемое небрежно, почет, оказываемый без усердия, ослабляет и саму идею почета и уважения. Как говорит П. Симон: Внешние знаки уважения и почета являются несомненно могущественными средствами внушения, которые запечатлевают уважение в организме. Начальники всех степеней не имеют лучшего средства укрепить свой авторитет, как требовать, чтобы им оказывали все знаки почета, присвоенные им по закону. Отказываясь от них они рискуют породить фамильярность и мало по малу подорвать уважение, почет и подчинение со стороны подчиненных“ [2]),

После сказанного не будет парадоксом положение: переменитe у ряда индивидов форму, лишите их внешних символических знаков—погон, мундира, шпаги, креста, медалей и т. д.—и вы переменитe их психику. Сколько лиц—политических заключенных—чувствовали эту перемену переживаний, когда на них надевали арестантский бушлат. Сколько военных генералов, офицеров „мгновенно перерождались“, когда с них срывали погоны и одевали их в штатскую одежду. Оголите деспота—и вы сделаете его жалким и простым смертным. Окружите, оденьте простого смертного пышными зна-

---

[1]) *Гюйо*: Education et hérédité. 28.
[2]) Fastrez: Op cit. 167-11-12.

ками достоинства—и перед вами родится властный, самоуверенный, гордый самодур или властелин.

То же применимо и к звуковым символам. Возьмите для примера титулы: „Ваше сиятельство", „Ваше превосходительство" и т. д. [1]).

Сколько людей „перерождалось духовно", получив титул „Его превосходительства", „графа" или „князя". Как много простых смертных начинали себя чувствовать иначе, после того, как они становились „гофмейстерами" или „губернаторами". Как приятно ласкал слух многих чиновников титул: „Ваше Превосходительство", почтительно произносимый швейцаром—психологом.

Не буду приводить других фактов.

На основании сказанного мы можем спокойно ответить на поставленный вопрос: „*да, символические проводники оказывают рикошетное влияние на психические переживания.*

Но сказанным это влияние не исчерпывается. Оно более значительно, чем кажется с первого взгляда. Постараюсь кратко показать, в чем здесь дело

В) Фетишизация проводников и рикошетное влияние проводников-фетишей.

Говоря это, я разумею явления *фетишизации символических проводников.* Возьмем для примера стяг полка или красный флаг. Это, по своей природе, простой предметно-цветовой проводник: кусок материи, прикрепленный к палке. Но, фигурия долго в качестве эмблемы полка, его чести и достоинства, или в качестве эмблемы революции,—ее ценности, святости и т. д.—он непроизвольно начинает казаться чем то самоценным, святым и самодовлеющим. Вначале флаг сам по себе бесценен. Но, часто выступая в роли символа, он как бы „впитывает", „вбирает в себя", ценность тех переживаний, символическим проводником коих он является; он становится самоценностью, самодостаточным фетишем. В нем перестают видеть просто тряпку, а начинают приписывать ему, как таковому, особую ценность. Это подтверждается тем, что люди умирают за флаг—на поле сражения, на баррикаде, умирают, чтобы не отдать его врагу [2]). В психике людей исчезает мысль, что флаг сам по себе — ничто, что его ценность—производная ценность. Эта мысль невольно замещается другой, состоящей в приписывании флагу само-

---

[1]) См. материал у *Спенсера*: Осн. соц. т. II гл. VIII: Титулы.

[2]) «На вопрос «Что такое знамя?» французский солдат отвечает: «Знамя это то, за что разбивают головы».
Fastrez: Les rites militairs. 167—3.

ценности. Короче говоря, *флаг, как и всякий символический проводник, при частом фигурировании в роли эмблемы, становится самодостаточным и самодовольным фетишем.* В такой роли он гипнотизирует людей, решительным образом деформирует их психику. Люди готовы и умирать, и убивать за флаг [1]). И это наблюдается не только среди диких народов, но и среди современных. Пойдите для опыта в заседание Петроградского Совета Депутатов и попробуйте, ничего не говоря, сорвать флаг и начать его разрывать, и вы убедитесь в правильности сказанного: если вас самих не разорвут, то можно ручаться, что вы попадете в руки «чрезвычайки» и не скоро из этих рук выйдете, (а может быть и совсем не выйдете). *Этот процесс фетишизации символических проводников наблюдается во всех сферах общественной жизни и на всех ея ступенях, меняются только объекты — фетиши.* Один фетишизирует портрет царя, другой — портрет Ленина, австралиец—кусок дерева, социал-демократ—портрет Маркса; верующий—имя святого, революционер—имя „интернационала". Suum quique.

Фетишизировались и фетишизируются и предметные, и двигательно—мимические, и звуковые, и свето—цветные и другие символические проводники.

Примером фетишизации *«предметных проводников»* могут служить: обоготворение в религии кусков дерева (австралийские чуринги), камней, скал, растений, животных (тотемические животные, почитание быков, крокодилов, ибисов в Египте и т. д), предметов, в роде флага, знамени, гербов, «судебных зерцал», орденов, амулетов, мундиров («честь мундира»), икон, крестов, статуи Мадонны, папской туфли, мощей и бесчисленного множества всяких «реликвий» во всех областях жизни.

Фетишизм товара и денег, указанный Марксом, есть только частный случай общего закона фетишизации всех проводников [2]).

Примером фетишизированных *мимически-двигательных* проводников могут служить жесты и акты: крестного знамения,

---

[1]) Вспомним проблему офицерских погон нашего времени. Фетишизация погон заставляла одних убивать, других—умирать за погоны.

[2]) *Зиммель.* Понятие и трагедия культуры. 20. «Фетишизм товара, которым Маркс характеризует хозяйственные объекты в эпоху товарного производства, есть лишь частный мофидицированный случай общей судьбы нашей культуры».

коленопреклонения, отдания чести, салютования знамени [1]), парадов, принятия позы „во фронт“, присяги, клятвы, обряды посвящения (в рыцари, в духовный сан и т. д.) „таинства“ брака (венчания), миропомазания, причащения и т. д.

Если бы эти и сотни подобных двигательно-мимических обрядов не фетишизировались, им не приписывалась бы магическая сила (напр., жесту крестного знамени, присяге и т. д). за неисполнение их не карали бы, не посылали бы на смерть или в тюрьму, не приписывали бы определенным обрядам способность передавать особую благодать или вызывать гром, дождь, засухи и т. д. (обряды посвящения, существующие во всех группах, начиная с первобытных и кончая современными) и т. д. На каждом шагу и теперь мы можем наблюдать, как верующий, осеняя себя крестным знамением, искренно убежден, что этим актом он ограждает себя от всех нечистых сил. В катехизисе читаем, что обрядами посвящения посвящаемому в священники передается власть и право „вязать и отпускать грехи“. История уголовного права полна примерами, где лиц, нарушивших присягу, отправляли на тот свет и т. д.

Еще резче и яснее выступает это фетишизирование жестов и актов обряда в глубокой древности. Здесь „церемониал“ гораздо более развит и более формален. В средние века „на отказ исполнить требуемые обрядности смотрели, как на мятеж. О таитянах мы читаем, что почти каждый шаг их в жизни связан с обрядами... До какой степени в уме жителей Сандвичевых островов идеи о проступке ассоциируются

---

[1]) *Fas rez:* Op. cit. *167.* Salut au drapeau a la plus grande puissance de suggestion. Le drapeau, qu'une compagnie d'escorte, avec la musique, est allée prendre chez le chef de corps, est présenté au régiment rassemblé. Les clairons sonnent: Au drapeau La musique joue l'air national... C'est. un rite expressif, qui fait vibrer le sentiment patriotique, et exalte l'esprit de corps... Puis, quand la sonnerie vibrante retentira, chacun, frémissant d'emotion. cherchera la vision de soie glorieuse et le Drapeau, symbole désormais compris de tous, accomplira ce prodige que lui seul est capable de réaliser: deux mille hommes, au même instant, ayant la même pensée, et ce même serment montant de tous les coeurs sur toutes les lévres· Nous jurons de ne jamais t'abandonner, de te suivre partout, et de donner, s'il le faut, notre vie pour toi.

Не менее верно Fastrez описывает фетишистическую психологию других военных, двигательно-мимических проводников или обрядов, напр., «вставание во фронт». «Это обряд повиновения, уважения. Унтер-офицер это чувствует: недовольный позой подчиненного и с целью аргументирования, он в конце концов напоминает свой авторитет словами: «Во фронт, солдат»! Такая сцена обычна. Вставание «во фронт», («смирно») становится символом, материальным выражением дисциплины».

Ibid. 167

с понятием о нарушении правил церемониала, доказывается следующим постановлением: „кто произведет шум в день табу, тот да будет предан смерти... Правила св. Колумбана гласили: „Кто не произнесет amen или benedicite, кто станет разговаривать во время еды, кто забудет перекрестить ложку или фонарь, когда его зажигает младший брат, тот да будет подвергнут шести или двенадцати ударам плети“ [1]). А вот еще более красноречивые факты В Уганда сановник, не отдавший поклона или „выставивший на один дюйм свою голую ногу в то время, когда должно сидеть скорчившись или завязавший свое твиди противно правилам, наказуется смертной казнью“. У китайцев, сиамцев, японцев и множества других народов мы встречаем ту же фетишизацию обрядов [2]).

То же явление фетишизации на каждом шагу можно встретить и в применении *к звуковым проводникам*—словам и их комплексу. Определенные слова, фигурируя часто в роли символического проводника, неразрывно связываются с сигнализируемыми ими переживаниями, как бы впитывают в себя свойства последних, и в итоге становятся всемогущими и самоценными фетишами. Им начинают приписывать магическую силу, временами столь значительную, что в ряде религий, напр., в веддийской (брахман), в Авесте и почти во всех исторических религиях, слову (брахман) приписывают силу, управляющую не только явлениями природы, но и волею богов.

Чем иным, как не фетишизированными звуками являются: магические *формулы заклинания*, *заговоры и молитвы*.

Им приписывается самодостаточная магическая сила. Верили и верят, что достаточно произнести определенные слова, чтобы вызвать желаемый эффект. Слово, как слово, начинает почитаться и уважаться.

Это явление общее в первобытных группах. Здесь *„всякому словесному выражению приписывается мистическая сила“*.

---

[1]) *Спенсер·* Осн. соц., т. II. 113—115.

[2]) См. *Спенсер:* Op cit. 229. У него же множество аналогичн. фактов. 111—234... Много материала дает также Pareto. Имеется, говорит он склонность у человека, «в силу которой определенные предметы и акты облекаются таинственным могуществом, часто неопределенным и плохо представляемым. Проявлением его служат: магические операции, вера в амулеты, клятва, ордалии» и т. д. Амулеты употребляются: и для вызова страсти, и для лечения болезней, и для охранения себя от опасности. Платку, одежде или мощам святого приписывается чудодейственная сила. См. у него же др. факты.

Pareto: Trattato di Sociologia generale. т. I. 487 и сл.

„Отсюда следует, что факт произнесения слова не может быть явлением безразличным: одного факта произнесения слова достаточно, чтобы вызвать или уничтожить грандиозные и важные явления“[1]). Отсюда—запрет произносить опред. слова женщинам и детям; отсюда существование „секретного языка“ в первобытных группах, открываемого лишь посвященным, и множество других правил, касающихся употребления слов.

„На охоте нужно остерегаться произносить имя животных; на рыбной ловле—имя рыб“... „У жителей Малайских островов большое количество слов подлежат запрету в применении к королю: нельзя о нем говорить, что он ест, спит, сидит, существует... Когда король умер—нельзя произносить его имени“, и т. д.

„То, что доказывает ценность и мистическое могущество слов, как слов, это чрезвычайно распространенный обычай употребления при религиозных и магических церемониях песен и формул, смысл которых потерян и непонятен, как слушателям, так и тем, кто их произносит“[2]). Такие магические формулы обычны среди первобытных групп.

Отсюда станет понятным, почему произнесение слова или имени начинает казаться тождественным с вызовом того явления или существа, имя которого произносится, почему, напр., определенным числам приписывается ряд свойств (счастливые и несчастливые дни)[3]), почему из-за имени могут быть споры, выростающие в большие общественные события. Вспомним хотя бы историю возникновения раскола и роль, которую сыграло здесь имя Христа („Іисус“ и „Исус“), вспомним совсем недавний спор на Афоне, перешедший в войну „монахов“ „имяславцев“ с монахами, „христославцами“.

Разве возможны были бы акты добровольной готовности умереть за имя „Исус“—с одной стороны, и отправить других людей на костер за то же имя—с другой (сожжение и самосожжение раскольников), если бы имя не превращалось в фетиш? Разве возможно было бы появление и существование „заклинаний“, „заговоров“, „молитв“, если бы не

---

[1]) *Levy-Bruhl:* Op. cit. 199 и сл.

[2]) *Levy-Bruhl·* Ibid. 202—204. B. *Spenser and Gillen:* The northern tribe of central Australia. London. 1904. 286, 462, 460, 606. и др.

[3]) См. множество любопытных фактов относительно магического влияния чисел у *Pareto:* Op. cit. 504 и сл. Il nome puo essere vincolato alle cosi senza motivo sperimentale, misteriosamente». Примером его могут служить мистическое соединение определенных явлений с определенными числами. Такими фактами служат мистическая теория чисел пифагорейцев, роль числа 3 в религиозных догматах (триединство бога и т. д.) См. также: *Levy-Bruhl:* Op. cit. 235—257. Puissance mistique des nombres.

было того же фетишизирования звуков? Разве и теперь, на каждом шагу, мы не наблюдаем ту же фетишизацию слов, в разной степени? Издевательство над чьим-нибудь именем воспринимается нами, как издевательство над самим предметом, обозначаемым им. Произнесение ряда звуков, называемых „неприличными“ (напр., матерщина, „непристойные песни“ и т. д.), карается уголовным законом и вызывает общественную реакцию... Произнесение звуков: „долой царя“!—в прошлом, а теперь „долой советскую власть“! навлекало и навлекает весьма тяжкие кары, вплоть до расстрела [1]).

Больше того: фетишизация слова сказывается и в том, что часто бывает достаточно разным явлениям дать одно имя, чтобы эти явления стали рассматриваться, как что-то единое. Достаточно какой-либо абстракции дать имя, чтобы она стала объективной реальностью для многих. Парето прав, говоря: „Высшая степень персонификации существует там, где дается имя абстракции, однообразию, чувству и таким образом последние трансформируются в объективных индивидов. Затем персонификация прогрессирует, превращается в антропоморфизм. Присоединяя к таким персонификациям признаки пола—ее делают еще более конкретной. Такие персонификации рождаются в сознании сами собой, помимо участия сознания“. „Язык есть лучшее средство для подобных персонификаций и часто достаточно дать имя аггрегату абстракций, чтобы трансформировать его в объективную реальность“ [2]). На этой почве возник антропоморфизм. Фетишизированием же слов объясняется появление и существование таких божеств, напр. в Риме, как боги и богини Fortuna, Victoria, Aequitas, Bonus Eventus, Concordia, Copia, Disciplina, Fama, Felicitas, Fides publica, Gloria, Honos, Juventus, Libertas, Mens, Pax, Pietas, Prosperitas, Providentia, Salus Generis Humani, Sanctitas, Virtus“ [3]). Парето прав, когда говорит, что подобная фетишизация персонифицированных словом абстракций продолжается и поныне. Как римляне персонифицировали путем имени ряд абстракций, так же персонифицируются теперь новые божества: Progresso, Democrazia, Pacifismo,

---

[1]) См. ряд процессов, оканчивавшихся смертной казнью за произнесение аналогичных фраз во время франц. революции 1789 г.
«Революц. трибунал.» Изд. Былое. 122 и сл.

[2]) *Pareto*· Op. cit. т. I. 545—46.

[3]) См. *Toutain:* Les cultes païens dans l'emp. rom., т. I, 415—416. «Если мы исключим двух богинь—Fortuna и Victoria,—остальные абстрактные божества, имена которых мы открыли в документах эпиграфических суть следующие», и далее Toutain перечисляет приведенные в тексте имена.

Patriotismo, Socialismo, Интернационал и т. п. [1]) множество других „сущностей".

Не буду приводить других примеров фетишизации звуковых проводников.

Все сказанное о предыдущих проводниках применимо и ко всем остальным (свето-цветным и т. д.) символическим проводникам, вплоть до фетишизации людей. Надругательство над изображением святого верующим воспринимается, как кощунство; оно вело и ведет, как известно, к актам геройства, самопожертвования, вплоть до готовности умереть за это изображение.

Свето-цветной проводник стал фетишем. Такое же фетишизирование свето-цветн. проводников можно встретить и среди атеистов-социалистов. Разорвать портрет Маркса перед глазами социал-демократа, портрет Ленина—в собрании коммунистов, значит совершить кощунство с их точки зрения. Факт фетишизации проводников однороден в том и другом случае; различны только формы [2]).

Все сказанное применимо и *к людям*-символическим проводникам. Фетишизация их—факт общеизвестный, существующий с первых времен жизни человечества до наших дней. Выступая часто в роли символа-проводника определенных переживаний, человек становится фетишем, живым божеством, всемогущим властелином. В нем как бы теряется все обычно человеческое; в глазах людей он становится богом.

Такое фетишизирование людей обычно в древних обществах: Вот его образчик. Зулусы обращаются к королю с гимном: „O Pedsuln! царь царей, царь небес. Что сильные земли в присутствии нашего великого царя! Что становится с си-

---

[1]) См. *Pareto:* Op. cit. 546 и сл. См. у него же другие тождеств. факты. Passim. т. I.

[2]) В этом отношении прав *Парето* говоря, что сущность явления, как в этих, так и в других подобных случаях тождественна. «Культ христианской религии теперь пал, но зато возрос культ святых социалистов, святых гуманитаристов, и особенно культ бога—Государства и бога—Народа. Нет разницы по существу между праздником в честь католического святого и праздником в честь Руссо, устроенным французами, на который Франция ассигновала 30,000 лир. Конечно, для гуманитариста католический святой—мошенник (birba), а Руссо—исключительный человек; для католика же наоборот. Но эта-то противоположность оценок и доказывает тождество психологии и чувств обоих. Церковные процессии пали, но зато возросли кортежи, манифестации, демонстрации. Энтузиазм христианской религии заменился энтузиазмом «социализма», «гуманитаризма», «патриотизма», «национализма», религией Dio-Popolo, и т. д.

Pare'o: Trattato di sociologia generale. T. II. 247.

лой лесов перед великим Слоном! Своим хоботом он отсекает ветви деревьев. Его дыхание на лице врагов, как огонь, падающий на высохшую землю. Враги пожираются огнем пред лицом царя царей. Будучи сам отцом огня он поднимается в небесную лазурь; он посылает свои молнии в облака и принуждает дождь спуститься с них. Горы, леса и вы, зеленеющие поля! Услышьте голос сына Маггобана, царя неба!“ [1]) Ново-Зеландские туземцы обращаются к своему вождю со словами: „приди к нам, бог“!

Такие явления в древности обычны. Они не исчезли и позже; изменились только формы. Культ римских императоров, культ „непогрешимого папы“ (даже такого, как Борджиа), культ королей, „не могущих желать вреда народу“, культ императоров „благочестивейших, самодержавнейших, великих, христианских, христолюбивейших“ и т. д.—все это явления однородные—явления фетишизации людей. Существуют они под иной формой и в наше время и не только среди реакционеров, но и среди революционеров и социалистов“ [2]).

Все вышесказанное делает несомненным факт фетишизации символических проводников.

---

[1]) *M. Ковалевский:* Социология, т. II. 194—195. См. там же другие аналог. факты.

[2]) Беру в качестве примера передовую статью «Красной газеты» 1919 г. № 57. Вот что мы там читаем по поводу приезда Ленина в Петроград. «Вождь вождей, духовный отец и действенный основатель Третьего Интернационала—среди нас... Товарищ Ленин! Кто может спокойно произнести это имя? Одни дрожат в бессильной злобе и ненависти. Другие в безграничной любви и преданности» и т. д.

Стоит прочесть множество *коммунистических приветствий вождям,—Ленину, Троцкому, Зиновьеву,—чтобы воочию видеть, как совершается* на наших глазах фетишизация людей самыми крайними социалистами.

Наши коммунисты в этом отношении не представляют исключения. Вот что пишет *R. Michels*, в своей известной работе о политических партиях: «В 1864 г. жители рейнской области встречали Лассаля, как бога. Когда Fasci, эти первые организации сельских рабочих, образовались в Италии, мужчины и женщины имели почти сверхестественную веру в вождей движения. Смешивая по своей наивности социальный вопрос с религиозными обрядами, они в их манифестациях часто несли крест рядом с красным знаменем и с флагами, на которых были написаны изречения Маркса. В Голландии уважаемый Domela Nieuwenhuis, выйдя из тюрьмы, получил почести, которых никогда не удостоивался суверен. Предметом идололатрии служил на совере Франции марксистский пророк Жюль Гэд. То же наблюдается и в Англии. Обожание вождей сохраняется и после их смерти. Наиболее великие из них канонизируются (sanctifiés). Даже К Маркс не избег этой участи социалистического канонизирования и фанатическое рвение, с которым некоторые марксисты защищают его в наше время, чрезвычайно близко к идолопоклонству.

R. Michels. Les partis politiques, Paris. 43—46.

Теперь *легко понять огромное, рикошетное влияние их на психику и поведение человека.* Одного факта фетишизации их достаточно было бы для утвердительного ответа на поставленный нами вопрос. Мудрено ли поэтому, что символ. проводники могут праведника сделать злодеем, верующего—неверующим, „Иван Ивановича, который и мухи не обидит“,—беспощадным инквизитором, сентиментального Робеспьера—безудержным террористом, слабого и ничтожного человечка—властным, неограниченным деспотом, слабого—сильным, кроткого—необузданным и т. д. и т. д.

Таков вкратце ответ на поставленный выше вопрос.

Явление взаимодействия состоит из трех элементов: *индивидов, их актов*, и *проводников.*

Из всего сказанного о последних вытекает их важность, их значение и их роль в явлениях взаимодействия. Тезис, утверждавший важность проводников, выставленный в начале их анализа, едва ли может подлежать сомнению.

На этом мы и закончим сравнительно беглый анализ элементов взаимодействия.

Из всего сказанного следует: *Раз явление взаимодействия состоит из этих трех элементов, то всякое общественное явление, представляющее комплекс явлений взаимодействия, тем самым должно содержать все указанные элементы.*

ГЛАВА V.

Классификация форм взаимодействия.

В предыдущем мы в основных чертах охарактеризовали основные элементы системы взаимодействия: 1) индивидов, 2) их акты, 3) проводников взаимодействия. Теперь мы можем перейти к изучению основных видов и форм последнего.

Подобно тому, как анатом или гистолог, давши анатомию клетки, переходит к описанию видов и форм клеток, так и мы теперь можем спросить себя: каковы основные виды взаимодействия?

Конкретных форм взаимодействия весьма много: взаимодействие взрослого и ребенка, жертвы и преступника, начальника и подчиненного, мужа и жены, предпринимателя, и рабочего, и т. д.—все это различные виды взаимодействия. В социальной действительности таких различных форм—бесчисленное множество. Описывать их всех—нет никакой возможности. Отсюда естественным является вопрос: нельзя ли это конкретное безграничное многообразие подвести под ряд немногочисленных, доступных обозрению категорий? Нельзя ли выделить если не все, то хотя бы основные виды взаимодействия?

Желание это законно. Больше того: оно в той или иной степени должно быть удовлетворено.

Как и всякое явление—факты взаимодействия можно классифицировать разно, в зависимости от критерия классификации. В нижеследующем, в целях разностороннего освещения явления, я попытаюсь дать различные классификации взаимодействия.

Согласно с элементами взаимодействия можно классифицировать виды взаимодействия в зависимости: *1) от количества и качества взаимодействующих индивидов*; *2) в зависимости от характера актов и 3) в зависимости от характера проводников.*

§ 1. Виды взаимодействия в зависимости от индивидов.

I. В зависимости от количества индивидов.

В зависимости от *количества* индивидов можно различать случаи взаимодействия: *1) между двумя индивидами, 2) одним и многими* (лектор и аудитория, актер и зрители, вождь и солдаты etc.), *3) между многими индивидами с той и другой стороны или между двумя группами индивидов* (схватка полка с полком, взаимодействие профессиональных групп, государств, наций и т. д.).

С количественной стороны все процессы взаимодействия входят в одну из этих групп.

Легко видеть, что типы взаимодействия второй и третий могут быть разложены на ряд взаимодействий первого типа, т. е. на множество взаимодействий одного с одним. Комбинируя и слагая каждую пару таких взаимодействий. со всеми их свойствами, мы можем получить любую форму взаимодействия второго и третьего типа.

Это деление имеет не только формальное значение. Количество взаимодействующих индивидов, независимо от их качества, само является весьма важным условием, придающим ряд свойств процессу взаимодействия и играющим, как увидим в свое время [1]), колоссальную роль в явлениях общественной жизни и поведения людей [2]). Взаимодействие двух резко отличается от взаимодействия трех, от общения одного и многих и одной группы с другой группой. Каждый из этих процессов, даже при предпосылке качественной однородности индивидов, будет иметь свои специфические черты, не имеющиеся в других процессах взаимодействия.

II. В зависимости от качества индивидов.

В зависимости от качества индивидов процессы взаимодействия распадаются на самые различные виды.

Качество их имеет громадное значение для характера и свойств взаимодействия. Ross правильно отмечает тот

[1]) Влияние количества индивидов, в связи с плотностью и густотой населения на социальную жизнь и поведение людей, будет трактоваться в «соц. механике».

[2]) См. для примера далеко не исчерпывающие суть дела работы: *Simmel*: Soziologie. 47—133, *Coste*: Les principes d'une sociologie objective и *Его же*: L'expérience des peuples и др.

факт, что новейшая социология, в отличие от старой, начинает „объяснять определенные социальные группировки, оппозиции и социальные взаимоотношения прирожденными различиями индивидов". „Первые социологи, говорит он, совершенно игнорировали качественные различия народонаселения. Конт не учитывал их совершенно. Теперь социолог, пытающийся объяснить социальные явления, поражается разнообразием реакций, несходных ответов на сходные стимулы, данные в группе. Здесь существуют контрасты набожного с ненабожным, смотрящего назад (традиционалиста) с смотрящим вперед, любителя риска с человеком, боящимся риска и т. д. Народонаселение может казаться серым лишь издали; вблизи же оно оказывается многоцветным; группируя сходных со сходными мы получаем самые различные виды контрастов и эффектов" [1]).

В настоящее время мы имеем ряд теорий, учитывающих качественное различие индивидов и пытающихся тем или иным различием их объяснить ряд социальных явлений. Так, проф. Thomas различием *пола* объясняет многие свойства мужчин и женщин, а соответственно,—и многие социальные явления. Аммон, Лапуж, Closson и Ripley ряд свойств взаимодействия и социальных процессов выводят из различия *рас*. Brooks Adams, Patten, Giddings, Ratzenhofer и др. дают нам теории *психологических типов*, историю социальной борьбы последних и общественные явления, обусловленные преобладанием того или иного типа в истории Англии, Америки и др. стран [2]).

Не входя по существу в рассмотрение этих теорий (они составят предмет „Соц Механики") отметим только, что важнейшее значение имеют здесь формы взаимодействия между лицами, принадлежащими,

к: a) одной семье,
b) одному государству
c) одной расе
d) » языковой группе
e) одному полу
f) » возрасту
m) сходным по профессии, степени богатства, религии, объему прав и обязанностей, по политической партии, по научным, художественным, литературным вкусам и т. д.

к: a′) разным семьям
b′) » государствам
c′) » расам
d′) » языковым группам
e′) » полам
f′) » возрастам
m′) различных по профессии, по имущественному положению, религии, объему прав, по партии и т. д.

---

[1]) *Ross:* Foundations of sociology. 293.
[2]) См. изложение вопроса у *Ross'a*· Op. cit. 290 и сл.

Сходство или различие взаимодействующих индивидов в одном из этих отношений имеет громадное значение для характера взаимодействия [1]).

Взаимодействие между однородными единицами и по своим свойствам, и по результатам будет носить совершенно иной характер, чем между единицами разнородными [2]).

Степень однородности и разнородности, конечно, вещь относительная. Она может быть большей и меньшей. Она может быть обусловлена физическими и биологическими условиями (рост, цвет кожи, пол, возраст, степень здоровья, и т. д.), может состоять и в психо-социальных различиях (культурный и первобытно-неразвитой человек, люди высшей и низшей касты, сословия и класса, люди, говорящие на одном языке и на разных, люди одной и различных социальных групп, люди одних убеждений: религиозных, политических, научных, правовых, эстетических и т. п. и различных убеждений, словом—люди социально-сходные в большей или меньшей степени и социально несходные.

Все эти сходства и различия чрезвычайно сильно влияют на взаимоотношения индивидов, на процесс взаимодействия и на характер групп, образуемых индивидами.

Степень различия иногда, казалось бы, самая незначительная, является непреодолимым препятствием для установления социально солидарного единства. Так, напр., различие по кровному происхождению, языку и религии, как мы знаем, часто в истории, особенно на ее первичных ступенях, было одной из важных причин, вызывавших смертельную борьбу между различными индивидами.

Ряд различий часто ведет к тому, что несходных индивидов люди перестают считать подобными себе существами, поэтому и поведение их по адресу таких „чужаков“ принимает совершенно иной характер, чем по адресу „своих“, признаваемых подобными себе. Этот факт послужил поводом к тому, что ряд социологов стали считать социальным явлением только взаимоотношения сходных между собой индивидов: единиц, обладающих „сознанием рода“ (Гиддингс), людей, эктивирующих друг с другом (Болдуин, Зво-

---

[1]) См. об этом т. II данной «Системы социологии».

[2]) *Giddings* правильно говорит: «Индивиды радуются своему сходству. Белый радуется белым, и часто испытывает неприятные чувства к черным, с которыми приходится ему вступать в контакт. Сходство в верованиях и убеждениях вызывает симпатию, несогласие и несходство—ссору» и т. д.

См. *Giddings*·Elements of Sociology. 1912. 4.

ницкая) [1]) и т. п. Ниже я покажу, что в таком понимании социального явления кроется узость, что Гиддингс переоценивает роль сходства (like—mindedness), что оно не может быть принято, но вместе с тем роль сходства и несходства индивидов такие теории подчеркивают достаточно ясно [2]).

Далее степень сходства и различия дает себя знать и в вопросах социальной солидарности, и социальной дифференциации, и в формах властвования и эксплоатации одними других, и в множестве других социальных явлений. Сложный социальный аггрегат, составленный, напр., из лиц разных рас, при прочих равных условиях, будет резко отличаться от аггрегата, составленного из индивидов одной расы. Социальная группа, состоящая из лиц одного пола (мужские и женские монастыри, Запорожская сечь и т. д.) при прочих равных условиях даст ряд явлений, которых не имеет группа, состоящая из представителей разных полов, и обратно—лишена будет ряда свойств, имеющихся у второй.

Исследование любой социальной группы требует прежде всего познания количества и качеств индивидов, ее составляющих. Вне этого—нельзя понять ни истории, ни судеб данной группы. Нельзя понять потому, что *характер и свойства взаимодействия функционально связаны с характером и свойствами взаимодействующих центров.*

Это положение близко к аксиоме: оно представляет почти очевидную истину. В самом деле, свойства и характер взаимодействия между камнями будут совершенно отличны от свойств и характера взаимодействия между организмами, напр., между двумя птицами или двумя позвоночными. Если

---

[1]) См. *Giddings:* Основы социологии и Elements of sociology. 1912, гл. 1. *Болдуин:* Духовное развитие и Interpretation, *Звоницкая:* Социальная связь. Опыт теоретической социологии. Киев, 1914.

[2]) Возьмем для примера такое различие, как цвет кожи. Известно, что в Америке он является причиной «проклятого» расового вопроса. Несмотря на все теории гуманизма, равенства и т. д., между белыми и черными в Америке и Африке, в силу различия цвета кожи, продолжает царить полная отчужденность и скрытый антагонизм. Согласно с Cromer'ом и другими исследователями этого вопроса Callaway пишет: «Белые христиане категорически отказываются общаться и дружить с черными христианами. Чем это объяснить? Чем вызвано такое различие? Это не отчужденность чистого и грязного человека, культурного и варвара; нет, основанием такого явления служит инстинктивный цветной предрассудок: (an instinctive colour prejudice). Это та инстинктивная антипатия, которая объясняет, почему простой англичанин не сядет за один стол с чистым и прекрасно одетым черным человеком» (негром).

См. *Callaway:* Colour antipathies, в The East and the West. 1910, № 1. Эта цитата отлично уясняет, какое громадное значение для социальных явлений имеют сходства и различия взаимодействующих индивидов.

в первом случае почти все взаимодействие ограничивается отношениями тяготения, то во втором—на лицо: ряд движений, совершающихся не в силу только принципов инерции и тяготения, но в силу целого ряда других условий; явления взаимных акций и реакций, в виде, напр., борьбы, или полового спаривания, или кормления детеныша и т. д. и т. д.. Истинность этой теоремы сохраняет свое значение и в более частных случаях: взаимодействие двух мужчин неизбежно будет носить во многих отношениях иной характер, чем взаимодействие мужчины и женщины, общество детей (как система взаимодействия) будет резко отличаться от общества взрослых, взаимодействие „барчука" и оборвыша даст иную картину, чем взаимоотношения двух „барчуков", отношения двух европейцев будут иными, чем отношения европейца и готтентота и т. д. *Эту теорему ты находим у Спенсера в виде положения: „характер агрегата зависит от характера единиц, его составляющих"* [1]).

Из этой общей теоремы, в качестве частного случая, вытекает положение: *Характер и свойства взаимодействия людей друг с другом функционально связаны с характером и свойствами взаимодействующих людей.*

§ 2. Виды взаимодействия в зависимости от характера актов.

В зависимости от характера актов, которыми взаимодействующие индивиды раздражают друг друга и реагируют на эти раздражения, процессы взаимодействия могут быть группируемы на сотни и тысячи способов. В нижеследующем я бегло остановлюсь лишь на нескольких подразделениях, диктуемых задачами дальнейшего анализа.

---

[1]) См. *Спенсер* Введение в изучение социологии. гл. III. Критика, которой подвергают это положение Сигеле, Де Грееф, Тард, Гумплович и Росс, не затрагивает его существа, а касается лишь неправильных выводов из него, гласящих: 1) что *свойства* общества представляют простую *сумму* свойств составляющих его индивидов; 2) что общество поэтому может быть рассматриваемо, как увеличенная *копия* индивида.

Для всякого вдумчивого читателя совершенно ясно, что эти положения совершенно отличны от нашей теоремы и из нее не вытекают. Если уровень ртутного столбика в термометре мы назовем функцией давления атмосферы, то из этого вовсе не следует, что ртутный столбик есть копия давления атмосферы, или представляет *сумму* свойств последней. К сожалению Г. Спенсер сам отчасти виновен в том, что дает основание для такого истолкования указанной в тексте его теоремы. См. *Сигеле*: Преступная толпа. Спб. 1896 г. 1—17. Ross Foundations of sociology. 1905. 116—148.

I. Типы взаимодействий в зависимости от актов делания и неделания.

При анализе актов было указано их разделение на акты *делания и неделания* (воздержания и терпения).

С этой точки зрения взаимодействие между двумя сторонами может дать такие формы:

1) А может что либо делать. В может отвечать на это также актами делания. А ударяет В. В отвечает ударом, бранью, бегством и др. актами делания на действия А. *Взаимодействие принимает форму обмена актами делания с той и другой стороны.* Акт-раздражитель и акт-реакция— представляют акты делания.

2) А может что либо делать. В может реагировать на это активным терпением и перенесением действий А или воздержанием от отпора актам последнего. А бьет В, В терпеливо переносит удары А. (Напр., рабовладелец и раб). *Взаимодействие принимает характер обмена актами делания, с одной стороны, и актами терпения или воздержания с другой.* „Акт-раздражитель“ — делание, „акт-реакция“ — неделание.

3) А может воздерживаться от чего либо, напр., от посягательств на жизнь В, или от доставления последнему определенной вещи (денег и др. предметов). В на это реагирует актами делания. (Напр., благодарит А за то, что он пощадил его жизнь или принуждает А отдать ему деньги). *Взаимодействие принимает характер обмена актами неделания (воздержания, терпения), с первой стороны, и актами делания, с другой.* „Акт-раздражитель“ — неделание, „акт-реакция — делание.

4) А может воздерживаться от делания чего-либо. В может реагировать на это актами воздержания или терпения с своей стороны. Так, А может молчать. На его молчание В реагирует также молчанием. А воздерживается от битья В. В воздерживается от битья А.

Взаимодействие принимает характер обмена актами неделания с обоих сторон. „Акт-раздражения“ и „акт-реакции“ представляют акты неделания. Таковы основные типы взаимодействия в зависимости от характера актов делания и неделания, которыми обмениваются взаимодействующие индивиды. Под эти случаи можно подвести все формы взаимо-

действия людей, рассматриваемые с точки зрения актов делания и неделания [1]).

II. Взаимодействие одностороннее и двустороннее.

Односторонним я называю такое взаимодействие, где переживания и поведение одной стороны зависят и обусловливаются другой стороной, но переживания и поведение последней не зависят от первой.

Схема одностороннего взаимодействия: „*A является раздражителем для B; B не является им для A*“.

Иллюстрация. X влюблен в г-жу У, не ведающую об существовании X-а. X узнает, что У сегодня едет в театр. Желая видеть ее—X едет туда же. Акт г-жи У—отправление в театр—совершается независимо от влияния и поведения X-а, акты же последнего обусловлены поведением У: она едет и X едет; если бы она не поехала—и X не поехал бы.

Второй пример. Взаимоотношения арестованного „контрреволюционера“ и членов всевластной чрезвычайной комиссии. В этих взаимоотношениях, как показывают недавние факты, судьба первого всецело зависела от последних; они могли его освободить, держать в тюрьме и расстрелять; судьба же самих членов комиссии в ряде случаев совершенно не зависела от поведения и желаний их жертвы. Третий: взаимодействие X-а, копирующего, подражающего манерам У-а при отсутствии обратного влияния X-а на У-а. В общественных взаимоотношениях людей дано не мало таких форм одностороннего взаимодействия. Если не в абсолютном, то в относительном смысле они весьма часто выступают в явлениях подражания и властвования; в отношениях: господина к рабу, власть имеющего к подчиненному, сильного к слабому, победителя к побежденному, человека, от которого зависит удовлетворение просьбы, к просителю, деспота к подчиненным, высшей касты к низшей, часто в отношениях учителя к ученику, воспитателя к воспитаннику покровителя к клиенту, сеньора—к вассалу, короче *всюду, где есть состояние односторонней зависимости, где дано нера-*

[1]) Легко видеть, что данное деление представляет измененное деление актов и взаимоотношений, данное Л. Петражицким (facere—accipere, nonfacere—non pati, facere—pati). Изменения вызваны тем, что здесь акты рассматриваются не с правовой точки зрения и задания иные, чем те, которые имелись у Л. И. Петражицкого. См. *Петражицкий.* Теория права. Т I. 71 и сл., т. II, § 32.

венство сил или прав, где судьба и жизнь одних поставлена в одностороннюю зависимость от воли или каприза других [1]).

Внешними признаками таких односторонних процессов взаимодействия служит часто тот признак, что одна сторона „просит", „умоляет", „смиренно бьет челом", „позволяет себе всенижайше и почтительнейше ходатайствовать" и т. п., а другая „сонзволяет" „делает милость", „приказывает", „повелевает", „решает", „постановляет" и т. п. Такие явления мы встречаем в т. н. властных отношениях. „Власть есть возможность не только самому действовать, но и определять чужие действия, определять чужое поведение" [2]). Это определение власти вполне совпадало бы с понятием одностороннего взаимодействия, если бы к нему было добавлено указание на независимость поведения властвующей стороны от подвластной. Мы могли бы, поэтому, пользоваться термином „властных отношений", но так как термин власти избит и понимается в разных смыслах, и так как им обычно обнимается не весь класс соответственных явлений, то предпочтительнее этим термином не пользоваться.

Рядом с односторонним взаимодействием дано взаимодействие *двустороннее*, где переживания и поступки индивидов взаимно обусловлены. Их схема такова: „А раздражитель для В; В раздражитель для А".

Примеры: X соглашается доставить У-ку пуд муки, если У доставит X-у 10 фунтов сахару. Продавец отпускает товар, покупатель платит деньги. Здесь совершение или несовершение акта одной стороной обусловлено действиями другой стороны и обратно. Явления свободного договора, купли-продажи, акты, изучаемые обязательственным правом, явления товарищества, взаимопомощи, словом все взаимоотношения людей, где они выступают свободными и равноправными субъектами, дают множество взаимоотношений, принадлежащих к категории двусторонних взаимодействий. Между этими типами распределяются все виды взаимодействия.

III. Взаимодействие длительное и временное.

Далее можно различать взаимодействие временное, которое возникает и быстро исчезает, и взаимодействие длительное, где индивид, в течение продолжительного времени, обу-

---

[1]) К этому типу взаимодействия относятся те формы общения, которые *Зиммель* называет отношениями Uber-und Unterordnung. См. Soziologie: Гл. 3.

[2]) *Магазинер*· Лекции по государств. праву. 1919. 18.

словливает переживания и поведение другой стороны или они обусловливают себя взаимно.

Это длительное взаимодействие временами тянется в продолжении всей жизни взаимодействующих индивидов. Примером первого типа может служить взаимодействие между покупателем и продавцом. Совершив акты купли-продажи тот и другой перестают взаимодействовать. Связь на несколько минут вспыхнула и угасла. К этому же типу взаимодействий относятся множество обыденных взаимоотношений: кратковременная встреча незнакомых лиц в дороге, в трамвае, в театре и т. д., встреча, не оставляющая никаких следов, где, разойдясь, забывают о новых знакомцах.

Ко второму типу относятся: взаимоотношения супругов, отношение раба и господина, взаимоотношения родителей и детей, короче — все взаимные акции и реакции двух или большего числа индивидов, где одна или обе стороны в течение продолжительного времени *непрерывно* обусловливаются в своих переживаниях и поведении другой стороной.

В тех случаях, где индивиды живут вместе, такое длительное взаимодействие понятно. Таков, напр, случай, когда два индивида живут совместно, бок о бок, и находятся в процессе постоянного обмена своими акциями и реакциями. Понятно оно даже и тогда, когда два индивида живут, хотя в раздельности, но, благодаря проводникам, продолжают обмениваться акциями и реакциями (письма, телеграммы, посылки, и т. д.).

Теперь спрашивается: возможно ли такое длительное взаимодействие в том случае, когда, напр., один индивид живет в Австралии, а другой в Европе, и когда между ними нет никаких внешних признаков взаимодействия: ни прямо, ни путем проводников они не передают раздражений друг другу?

Как бы с первого взгляда не казалось странным, однако, на этот вопрос следует ответить положительно. Муж годы может жить в Австралии, а жена—в Европе, целые годы они могут не давать друг другу никаких вестей, и, однако, могут взаимодействовать друг с другом, т.-е. обусловливать взаимное поведение: напр., удерживать от актов нарушения супружеской верности, от флирта, от женитьбы или выхода замуж, короче—от целого комплекса поступков, которые в противном случае были бы совершены. Такие случаи поэтически изображены Кольриджем, в его „Кристабель".

„Друг с другом розно, а тоскою
Сердечны язвы все хранят:
Так два расторгнутых грозою
Утеса мрачные стоят.—
Их бездна с ревом разлучает
И гром разит и потрясает—
Но в них ни гром, ни вихрь, ни град,
Ни летний зной, ни зимний хлад
Следов того не истребили,
Чем некогда другу другу были[4].

Эмигрант может быть на целые годы заброшен в чужую страну и оторван от своей родины, от партии, от близких друзей и знакомых. И, однако, сознание своей принадлежности к определенной партии, к определенной группе, может тем или иным образом влиять на его поведение: вызывать одни поступки, удерживать от других, обусловливать ряд переживаний и т. д.

Спрашивается: как и чем объяснить такие факты? Как возможно такое взаимодействие, где нет, казалось бы, никаких проводников взаимных акций и реакций?

Не являются ли они каким-то странным и непонятным исключением? Вопрос этот имеет тем большее значение, что он применим не только к явлениям сейчас указанным, но и ко *всякому длительному взаимодействию*, даже к такому, где взаимодействующие индивиды живут бок-о-бок: ведь и последние, живя вместе, не непрерывно соприкасаются друг с другом; каждый день, в известные часы, они расходятся, обмен актами на эти часы прекращается, ни прямо, ни чрез проводники они в эти часы не действуют друг на друга. Между тем, раз мы говорим о длительном взаимодействии, то разумеем, что оно *непрерывно* в продолжении своего существования, что оно если не кинетически, то потенциально существует каждую минуту и влияет при надлежащих случаях на поведение сторон или стороны. Если бы оно было прерывным, мы не имели бы длительного взаимодействия: оно распадалось бы на множество кратковременных процессов последнего; таким образом, само различение кратковременного и длительного взаимодействия теряло бы всякую почву.

Под длительным взаимодействием разумеется взаимодействие непрерывное, где одна или обе стороны в течение продолжительного времени или пожизненно влияют друг на друга. Стало быть вышепоставленный вопрос: как возможно длительное взаимодействие при раздельности и изолирован-

ности индивидов—имеет значение и для всех длительных процессов взаимодействия.

Ответ на эти вопросы дан выше. Супруги, из которых один живет в Австралии, а другой в Европе, в течение ряда лет не обменявшиеся никакими вестями, могут тем не менее быть в состоянии длительного взаимодействия, т. е. в течение ряда лет обусловливать взаимное поведение, в силу того, что, как показано было выше, среди актов поведения людей *есть акты, способные влиять длительное время после их совершения.*

Всякое длительное взаимодействие обычно и состоит из одного или ряда таких актов, имеющих продолжительный эффект. Сам акт, породивший это длительное влияние, давно уже исчез, он мог быть минутным, но его результаты могут быть длительными и пожизненными. Акты заключения брака нормально принадлежат к числу таких поступков [1]).

Раз совершенные они продолжают жить и влиять на поведение человека, как влияет раз полученная чахотка, как влияют наследственно-полученные склонности, как влияют на женщину акты совокупления. Подобно тому, как удар ножом может оставить пожизненные следы, в виде, напр., лишения зрения или повреждения мыслительных способностей, которые могут обусловливать собой поведение индивида в течение его жизни, так же и ряд раздражений может оставить физио-психические следы (в виде переживаний: долга, обязанности, права, правомочия и т. д.), которые изгладить бессильны „и гром, и вихрь, и град, и летний зной, и зимний хлад". Они определенным образом будут влиять долгие годы или всю жизнь: напр., удерживать от нарушений супружеской верности, вызывать переживания любви к возлюбленной, любви к своим товарищам по партии, чувство горечи при унижении родины и т. д.

Следовательно, ответ на вопрос: как возможно длительное взаимодействие, когда между взаимодействующими индивидами долгое время нет обмена акциями и реакциями — гласит: оно возможно в силу того, что некогда одна или обе стороны совершили ряд актов, которые принадлежат к числу раздражителей, обладающих способностью влиять на поведение другого долгое время после совершения самих актов и вызванных ими реакций. Сказанное дает ответ и на второй вопрос: длительное непрерывное взаимодействие между двумя индивидами, живущими совместно, но не непрерывно обменивающимися взаимными акциями и реакциями,

---

[1]) См. выше о делении актов, стр. 105 и сл.

(отъезд одного на несколько дней, разлучение их по тем или иным поводам, вообще все те промежутки времени, когда по разным причинам они оказываются изолированными), возможно в силу того, что акты раздражители не теряют своего влияния мгновенно, а продолжают действовать длительно и после своего окончания; продолжение влияния таких актов заполняет промежутки времени от одного акта-раздражителя до другого и делают таким образом возможной непрерывность взаимодействия.

Вот почему поведение раба обусловлено поведением господина и тогда, когда раб не видит и не воспринимает непосредственно и чрез проводников актов раздражителей, исходящих от первого. Вот почему поведение и переживания детей или супругов обусловливаются родителями или супругом и тогда, когда их нет налицо, когда они в отлучке, в отъезде и т. д. Ряд „следов", оставленных их действиями в „душе" или в нервной системе первых, продолжает влиять на поведение и переживания детей и супругов: удерживать от одних поступков, побуждать к другим, давать импульсы к третьим и т. д.

Если бы этих „следов" или последствий акта раздражителя не было, не могло бы быть длительного взаимодействия, особенно при продолжительной пространственной разделенности взаимодействующих лиц. Раз их поведение не обусловливается другой стороной, то нет и взаимодействия. Раз супруг, живущий годы вдали от супруга, нарушает супружескую верность, нисколько не считается в своем поведении с волей другого, и при том изолирован и не сносится с последним, то в таких случаях нет взаимодействия: супруги друг для друга как бы не существуют или существуют так же, как существуют сотни Иванов и Петров, которые нас не знают, которых мы не знаем и с которыми у нас нет связи.

Таково основное условие, делающее возможным непрерывное длительное взаимодействие.

Эта длительность и непрерывность поддерживается рядом других условий, но об них речь пойдет ниже [1]).

---

[1]) Dupréel выдвигает иную теорию для объяснения длительных взаимодействий. Он объясняет их тем, что длительные взаимодействия сохраняются и существуют в силу того, что они влекут взаимозависимости не только между взаимодействующими, но и между ними и другими лицами. Tels rapports sociaux en entrainent d'autres, entre ceux qu'ils unissent et les autres membres de la Société où ils vivent. Напр. брак вызывает социальные отношения не только между брачущимися, но и между другими лицами—их современниками. Такие отношения, говорит он, можно назвать дополнительными (complémentaires) *Dupréel*: Le rapport social. 33.

IV. Взаимодействие антагонистическое и солидаристическое.

По направлению и взаимоотношению актов взаимодействующих лиц можно различать взаимодействие 1) антагонистическое и 2) солидаристическое.

Но что нужно понимать под каждым из них? Эти термины весьма часто употребляются, но редко в них отдают отчет. Частое употребление превратило их в неопределенные кляксы, понимаемые в самом различном смысле [1]).

Условие, указываемое Дюпреелем, является важным благоприятствующим длительности взаимодействия условием, но оно не в состоянии объяснить его Мы можем представить обоих супругов живущими в обществе людей, которым не известны их Status familiae, и однако взаимодействующими. И обратно: если бы не было актов с длительными последствиями, никакие комплементарные отношения не в состоянии были бы сделать длительное взаимодействие непрерывным.

[1]) Вполне основательны замечания *Парето* по этому поводу. «Термины, говорит он, благодаря способу их употребления, теряют в конце концов всякое значение. Таков, напр., модный в настоящее время термин «солидарность». Этим термином так злоупотребляют, что его начинают применять ко всему. Протекционисты, напр., взывают к солидарности. Они утверждают,что протекционные права создают солидарность между хозяином и рабочим. Бедные невинные души! лишь любовь к солидарности заставляет их требовать, чтобы их сограждане платили им дань! Мне пришлось слышать, как очень образованный человек утверждал в публичной речи, что «наука не заслуживает своего имени, если она не развивает чувств солидарности». В таком случае геометрия не наука, ибо трудно приписать ей хотя бы малейшее влияние на «солидарность». В какой публичной речи, начиная с тоста и кончая речью министра, не встретится слово «солидарность». Люди, которые его употребляют, повидимому потеряли всякое чувство смешного. Надо переделать Тартюфа. Будьте уверены, что в наше время Тартюф стремился бы соблазнить Эльмиру и ограбить простака Оргона во имя солидарности».

Pareto Le peril socialiste. 1900. 26. См. его же: Trattato di sociologia generale: 1916. т. I. 197 — 330 и passim, где автор безпощадно критикует и осмеивает ряд модных понятий, в роде «солидарности» «господжи природы», «прогресса» «демократии» и т. д., показывая неточность, разнородность и бессодержательность подобных терминов, потерявших всякое точное значение от их постоянного употребления. Не менее правильны замечания *Giard'a* по поводу противоположного термина: антагонизма и «борьбы за существование». «В настоящее время, говорит он, приписывают словам жизненной конкуренции, естественного отбора и т. п. какую-то магическую добродетель. Светские люди, в особенности литераторы, которые, за редкими исключениями, говорят обо всем этом без предварительного изучения и не понимая истинного смысла явлений, философы и метафизики и даже ученые считают объясненным явление, раз указано на атавизм или борьбу за существование, в особенности, когда указано по-английски, Struggle for life. Struggle for life! Ничто не сопротивляется этому «Сезам! Откройся!» который должен открыть нам все тайны биологии и социологии».

A Giard Facteurs primaires de l'evolution (Libiairie Croville-Morant). XII.

Условимся поэтому, в каком смысле будут употребляться эти термины здесь.

А) *Под антагонистическим взаимодействием* я разумею такое взаимодействие, где один или оба индивида стремятся произвести действие в некотором отношении противоположное тому, которое стремится произвести другая сторона [1]). Говоря иначе, антагонизм взаимодействия дан тогда, когда одна сторона стремится побудить другую сторону на такие акты, которые другая сторона совершить не хочет или совершению которых она противится.

Примеры: А хочет съесть хлеб; В противится этому и препятствует А выполнить свое желание.

А двигается в одном направлении; В двигается в противоположном. Сталкиваясь они препятствуют двигаться друг другу.

Общая схема: А, стремясь совершить акт X, находит препятствие со стороны В, стремящегося совершить акт non—X.

В обыденных сношениях людей дано множество антагонистических взаимодействий. Конкретные формы их бесчисленны. Начиная от смертельной схватки двух лиц, борьбы не на жизнь, а на смерть целых групп, проходя чрез явления конкуренции, гнета, порабощения, эксплуатации и кончая такими явлениями, как спор (религиозный, политический судебный, научный и т. д.) антагонистические взаимодействия принимают самые разнообразные виды.

В социологической литературе мы имеем ряд попыток дать классификацию антагонизмов или конфликтов. Так, Тард делит все конфликты на: конфликты *ряда* (напр., эволюция и контр-эволюция), конфликты *степени* (увеличения и уменьшения роста, повышение и понижение какого либо явления, напр., преступности, браков, рождений и т. д.), конфликты *смысла* (конфликт стремлений двух сил, борющихся за власть, жизнь и влияние). Конкретными формами конфликтов смысла являются: борьба, конкуренция и спор [2]). Для наших целей эта классификация мало пригодна. Конфликты ряда и степени, собственно говоря, трудно отнести к явлениям антагонистического взаимодействия людей. Они имеют в виду скорее противоположение мировых явлений вообще, а не человеческих акций и реакций.

Более пригодна и отвечает сути дела классификация Ю. Делевского. Он различает антагонизмы: 1) *односторонние*

---

[1]) Сравни *Делевский*. Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. Спб. 1910. 1.

[2]) *Тард*: Социальные Законы. Спб. 1906. 45—83.

и двусторонние. Односторонними являются те, где только одна сторона грозит интересам другой стороны, (напр., волки интересам овец); двусторонними те, где обе стороны грозят интересам друг друга (напр., антагонизм двух хищников) 2) *безусловные и условные.* Первые даны там, где одна сторона стремится физически уничтожить другую, вторые там, где интерес одной стороны не требует уничтожения другой. Таковы явления: гнета, порабощения, эксплуатации или судебной тяжбы. Если обе стороны требуют уничтожения другой, такой антагонизм будет *абсолютным.* 3) *По характеру антагонизирующих групп* можно различать антагонизмы: племенные, национальные, расовые, государственные, династические, классовые, сословные. религиозные и т. д. 4) *По интересам* антагонизмы распадаются на экономические. политические, идеологические и т. д. [1]).

Рядом с этими формами антагонизма важно выделить ряд других форм, исходящих из других принципов классификации.

Прежде всего можно различать антагонизмы: *сознательные и бессознательные.* Первые даны тогда, когда сами взаимодействующие индивиды сознают, что их стремления противоположны. Примерами этого типа могут служить: взаимодействие преступника, желающего убежать, и надзирателя, стремящегося недопустить бегства; взаимодействие насильника и жертвы, когда стремления того и другого осознаны; взаимодействие двух врагов, борющихся за жизнь, двух соперников, осознавших противоположность своих целей, желаний, стремлений и интересов.

Под бессознательными антагонизмами следует разуметь те конфликты стремлений, которые объективно даны, но субъективно антагонистами не осознаны. К этому именно типу принадлежат большинство антагонистических взаимоотношений животного мира. Там осознания интересов, целей, стремлений нет. Однако, антагонизмы поведений и актов (рефлективных и инстинктивных) даны. Таковы взаимоотношения: кошки и мыши, волка и овец, двух хищников, борющихся из-за добычи, короче—множество явлений, объединяемых термином борьбы за существование (борьба двух организмов за питание, за воздух, поедание друг друга, паразитизм и т. д.).

---

[1]) См. *Делевский*: Соц. антагонизмы. 14—16; 53—54. См. также перечень антагонизмов, даваемый *Savornan*: Les antagonismes sociaux. Scienzia. 1914 г. I—VII. 138—146.

Такие бессознательные антагонизмы имеются и в взаимоотношениях людей. Не каждый антагонизм осознан последними. Часто интересы и стремления людей объективно противоположны, но эта противоположность не сознается. Таковы, напр., интересы предпринимателя и рабочего, брамина и судры, раба и господина, двух конкурентов и т. д. Каждый из них весьма часто стремится к таким результатам, достижению которых препятствует другой или осуществление коих другой аннулирует своими действиями. Мешает и аннулирует при отсутствии сознания о противоположности стремлений.

Далее, можно и должно различать антагонизм: 1) вытекающий из *сходства индивидов* в том или ином отношении (напр., конкуренция двух лиц одной профессии, претендующих занять одно и то же вакантное место; конкурренция двух мужчин из-за одной женщины) [1]); 2) антагонизм, вытекающий *из различия взаимодействующих индивидов* в том или ином отношении (напр., расовые антагонизмы, антагонизм двух политических противников—реакционера и революционера, антагонизм пролетария и капиталиста и т. д.).

По количеству взаимодействующих лиц может быть антагонистическое взаимодействие: а) *между двумя лицами* (судебный поединок, смертельная схватка, спор, конкуренция двух лиц), в) *между одним и многими* (деспот и подчиненные, стремящиеся свергнуть его, политический оратор и собрание, враждебно настроенное к нему, предприниматель, стремящийся понизить плату и рабочие, стремящиеся повысить ее и т. д.), с) *между группами взаимодействующих индивидов*, (антагонизмы двух племен, родов, государств, классов, церквей, литературных, художественных групп, акционерных компаний и т. д.).

Конкретными формами (диагностическими симптомами) антагонистического взаимодействия являются факты: *смертельной схватки* (*войны*), *борьбы*, *противоположности* движений, *конкуренции*, *спора* (судебного, религиозного, политического, научного и т. д.), *вражды*, *насилия*, *принуждения* и т. д. Всюду, где даны подобные явления между взаимодействующими индивидами, тем самым дано антагонистическое взаимодействие [2]).

---

[1]) Отсюда ясна ошибка Гиддингса, считающего, что сходство индивидов всегда влечет их солидарность, а несходство—их антагонизм. См. *Giddings:* The elements of soc. 1912. 53 и сл.

[2]) О соц.-роли антагонизмов и борьбы см. Annales de l'Institut intern. de Sociologie, т. XI, посвященный этой проблеме.

По потребностям, вызывающим антагонистическое взаимодействие (двух, одного и многих, многих с многими), можно различать антагонистическое взаимодействие, возникшее на почве удовлетворения потребности голода, размножения, самозащиты, общения, идейных запросов, чувственных переживаний, волевых потребностей.

B) Противоположностью антагонистическому взаимодействию является взаимодействие солидаристическое. Под ним разумеется такое взаимодействие, где одна сторона стремится побудить другую на такие акты, которые стремится совершить и другая сторона.

Пример: А хочет есть; Б предлагает ему свой хлеб. А хочет двигаться по направлению *mn;* Б предлагает подвести А.

Общая схема: А, стремясь совершить акт X, находит поддержку, содействие со стороны В.

Как и в случае антагонистического взаимодействия здесь можно различать солидаристическое взаимодействие: *одностороннее, и двустороннее, бесусловное*, когда все стремления А и В совпадают, и *условное*, когда совпадение стремлений частично; по характеру солидаризирующих групп можно различать: солидарность семейную, племенную, сословную, классовую, государственную и т. д. Далее, как и в антагонизмах, можно различать солидарность: *сознательную и бессознательную* [1]), *солидарность двух, одного и многих, многих и многих.*

Рядом с этими формами солидарности следует отметить 1) *Солидарность, вытекающую из сходства взаимодействующих индивидов.* („Механическая солидарность", по терминологии Дюркгейма), 2) *Солидарность, вытекающую из различия индивидов*, в частности из *несходства их общественно-технических функций* (Солидарность „органическая" по Дюркгейму, основанная на разделении общественного труда) [2]).

Обе формы были отмечены еще Аристотелем. „Дружба, говорит он, дает место многим рассуждениям. Согласно мнению одних, она состоит в некотором сходстве: те, кто сходны, любят друг друга; отсюда пословица: подобный сходится с подобным и ворона ищет ворону. По мнению других, наоборот, все те, которые похожи меж собой, не любят друг друга. Есть другие объяснения, которые ищут выше и берут из рассмотрения природы. Так, Эврипид

[1]) О последней см. *Кропоткин*: Взаимная помощь, как фактор эволюции М. 1918.

[2]) Вопреки Giddings'y такая имеется.

говорит, что высохшая земля влюблена в дождь и что мрачное, отягощенное дождем небо с любовным бешенством кидается на землю. Гераклит утверждает, что соглашают только противоположное, что гармония родится из различий, что разногласие—закон всякого становления" [1]).

Развивая эти положения Дюркгейм показал, что есть два вида солидарности: одна, основанная на сходстве индивидов („мы любим того, кто похож на нас, кто мыслит и чувствует как мы"). Другая, основанная на различии индивидов, вытекающем из разделения труда: различие и несамодостаточность индивидов влекут за собой потребность в других, взаимозависимость от них. Эта взаимозависимость связывает индивидов друг с другом и в итоге—вызывает уважение к непохожим на нас индивидам. Первая солидарность по Дюркгейму была развита в первобытных обществах, вторая — в современных, основанных на разделении общественного труда. Это значит, что с ходом истории „механическая" солидарность постепенно замещается органической. Так ли обстоит дело—не будем решать здесь. Не будем решать здесь и того, какое из сходств—сходство ли по биологической конституции, или по крови, или по мировоззрению и взглядам имеет наибольшее значение, или значение каждого из этих сходств различно в различные эпохи. Все это сложные вопросы, которые будут решаться в следующих частях социологии. Здесь, в пределах аналитики, достаточно констатировать эти формы [2]).

По потребностям, вызывающим солидаристическое взаимодействие, можно различать солидарные взаимоотношения, возникшие на почве удовлетворения голода, половой потребности, потребности самозащиты, движения, отдыха, общения, идейных запросов, чувственно-эмоциональных переживаний и волевой деятельности.

Внешними проявлениями солидарных взаимодействий служат: факты взаимопомощи, кооперации, подражания, общества и индивиды преследующие одну цель, согласно желающие, согласно-мыслящие и согласно действующие, отсутствие насилия, принуждения и карательных мер в взаимоотношениях людей друг к другу.

---

[1]) Этика Никомаха, VIII, 1. 1155a. 32. Цитирую, за неимением под руками Аристотеля, по Дюркгейму. Раздел. общ. труда. 42.

[2]) См. подробно о них у *Дюркгейма*: Разделение обществ. труда. Passim. *Bouglé*· Revue général des theorie récéntes sur la division du travail. L'annee sociol, T. 6. 73—122.

Спрашивается: не нужно ли, рядом с антагонистическим и солидаристическим взаимодействием, выделить само собой напрашивающееся взаимодействие нейтральное? Можно было бы его определить, как взаимодействие, где одна сторона и не содействует, и не препятствует актам и стремлениям другой стороны. Однако, достаточно небольшого размышления, чтобы придти к выводу, что такого нейтрального взаимодействия нет. Возьмем пример, согласный с этим определением нейтрального взаимодействия. А хочет есть; В не препятствует и не содействует стремлению А, Он предоставляет совершение акта силам и усмотрению А.

Что значит этот факт? Он означает не нейтральное взаимодействие, *а отсутствие взаимодействия*. Ни поведение А, ни поведение В в данном случае не обусловлены существованием и поведением другой стороны; они не оказывают друг на друга никакого влияния. Если же оказывают, если, напр., А умоляет В помочь ему, а В остается нейтральным, то в конечном счете взаимодействие становится либо антагонистическим (напр., А негодует на В за его „бесчувственность", В негодует на А за его „назойливые приставания"), либо солидаристическим. (Напр., А благодарит В за его невмешательство, В признателен А за то, что тот обошелся без его помощи, оставил его в покое и т. д.).

Тот же вывод мы получим и во всех подобных случаях.

Из сказанного легко понять, что в группах взаимодействующих индивидов всегда существовали и существуют взаимодействия того и другого типа. Неправы те, кто в явлениях человеческой истории видят только борьбу и антагонизмы, кто основным фактором эволюции считали и считают борьбу за существование. Но не правы и те, кто держался и держится противоположной точки зрения. Антагонизм и солидарность—явления кореллятивные и относительные. Одни и те же индивиды в одном отношении могут быть антагонистами (напр., по религиозным убеждениям), в другом — солидаристами (напр. в деле преследования общего врага, добывания хлеба и т. д.). В борьбе одной группы с другой—индивиды различных групп находятся в антагонистическом взаимодействии друг с другом, но в силу этого взаимоотношения индивидов в пределах каждой группы дают взаимодействие солидарное: борьба нескольких лиц против общего врага есть взаимная помощь этих лиц друг другу [1]).

[1]) См. об этом *Лавров:* Гос. элемент в будущем обществе. 17 и сл Лондон. 1876.

И в прошлом, и теперь не было и нет ни одной социальной группы (семьи, рода, племени, государства, класса и т. д.) где не было бы тех и других взаимодействий. Есть группы, где преобладают антагонизмы, есть группы, где преобладают солидарные отношения, но рядом с ними всегда существовали и существуют в первом случае солидарные отношения, во втором—антагонистические.

Существует ли историческая тенденция роста одного и падения другого?

На этот счет, как известно, в социологии существует два течения. Одни, напр., Тард и Спенсер, думают, что человеческий мир стремится к равновесию, к постепенному установлению царства солидарности. Другие, напр., Ratzenhofer и Гумплович, считают явления антагонизма неизбывными для человечества. Не будем здесь разбирать, которое из этих течений правильно. (Это составит тему „Генетической социологии"). Заметим только, что ответ, данный на эти вопросы Россом, представляется мне правильным. Он гласит: „люди не перестанут бороться до тех пор, пока они будут считать себя более близкими или имеющими большее единство интересов с *некоторыми* из их сограждан, чем со всеми остальными" [1]).

V. Взаимодействие шаблонное и нешаблонное.

Присматриваясь к взаимоотношениям людей мы видим, что в одних случаях эти взаимоотношения носят шаблонный характер, в других — это свойство отсутствует. В первых случаях обмен акциями и реакциями носит однообразную, стереотипную форму. Так, стереотипны и шаблонны в нормальных условиях акты, регулируемые правом. Формулы и нормы права указывают этот шаблон поведения в тех или иных случаях; таковы, напр., взаимные акции и реакции индивидов, составляющие обряд заключения брака, совершения купчей крепости, приобретения права собственности; шаблонны взаимоотношения начальника и подчиненного, лица, нанятого в услужение, и того, кто его нанял; шаблонно взаимодействие сторон на суде и сторон с органами суда. Шаблонны отношения в области savoir-vivre, профессиональной практики и т. д. Короче, множество взаимоотношений индивидов совершается более или менее шаблонно, однообразно, согласно определенным нормам, обычно указывае-

[1]) *Ross:* Foundations. 290.

мым оффициально — правовыми кодексами, обычаем, религиозными заповедями, конвенционально-житейскими правилами и т. д. Другие взаимоотношения такого шаблона не дают. Они изменчивы и неустойчивы. Сегодня они совершаются так, завтра иначе. Таковы чаще всего те взаимоотношения, которые еще не вылились в определенную правовую норму или обычай, которые не успели еще застыть и кристаллизоваться в определенные формы.

Такими нешаблонными отношениями обычно служат отношения новые, возникающие в новых условиях и в силу этого отношения не повторявшиеся, не ставшие привычными.

Шаблонные же формы взаимодействия почти всегда представляют взаимоотношения повторявшиеся часто.

Их путь возникновения обычно таков. Там, где взаимодействие и сосуществование индивидов не слишком кратковременно, а длительно или постоянно, там взаимоотношения их мало по малу кристаллизируются и шаблонизируются [1]). Иными словами они организуются. Оседая в определенной форме эти взаимоотношения повторяются, повторение актов делает их привычными, привычка становится обычаем—неосознанным шаблоном, обычай с осознанием его превращается в юридическое правило — в осознанный шаблон. Совокупность таких осознанных шаблонов поведения в определенной сфере (напр., в области семейных отношений, в области приобретения, владения, пользования и распоряжения вещами, в области управления и т. д.), можно назвать *институтом* (семейным, собственности, управления и т. д.). Система институтов поведения образует то, что носит название *организации* „общества“. Таким образом схема образования шаблонных взаимодействий и организации „общества“ такова: *1) акт, 2) его повторение (привычка), 3) обычай, 4) юрид. правило, 5) институт, 6) организация* [2]).

Не шаблонные отношения — это отношения новые, не успевшие еще пройти эти стадии.

---

[1]) Почему это происходит — другой вопрос, который мы здесь не будем затрагивать. Скажем только, что этот процесс шаблонизирования—процесс весьма сложный, факторы шаблонизации многочисленны. Здесь играют роль импульсы симпатии, стадности, самозащиты, внушения, верования, обычаев, религии и т. д.

См. об этом Ross: Social Control. 1904. New-York. Passim

[2]) См. подробнее об этом у *Waxweilera*: Avant-propos в Bullet. mensuel Социол. института Сольвея,1910 г.№ 1. Схема: acte,— habitude,—usage,—régle,—institution, указывает этапы возникновения «социальной организации».

См. также *Сорокин*, Преступление и кара, гл. VII. Как возникает и изменяется организация группы.

Конечно, это деление относительно. Но оно дает себя знать во многих явлениях, в частности, в свойствах взаимодействующих групп и в характере переживаний индивидов, сопровождающих подобные взаимоотношения.

Так, сообразно степени шаблонности взаимодействия можно различать различные виды человеческих групп. Отсутствием шаблонности взаимодействия характеризуется *толпа и публика*, как формы человеческих групп. *Толпа*—это случайное сборище индивидов, сборище — аморфное, не имеющее никакой организации, никакого „костяка" в взаимных отношениях. Она бесформенна, беспорядочна, подвержена случайным импульсам. В таком собрании нет ни председателя, ни порядка заседания, ни правил, регулирующих выступления и речи членов толпы. Все кричат, шумят, „галдят". Словом—она представляет подобие бесскелетной протоплазмы, лишенной шаблона взаимоотношений. *Публика*—та же толпа, но не собранная в одном месте, а толпа распыленная, состоящая из гетерогенных лиц, разделенных друг от друга, однако, соприкасающихся (напр., чрез газету) друг с другом и влияющих один на другого.

Следующей ступенью, с зачатками шаблонности взаимоотношений, является такая группа, как *массовый митинг*. Последний представляет собрание гетерогенных лиц, но собрание не вполне бесформенное. Здесь обычно имеется председатель, есть известный порядок в выступлениях ораторов, соблюдаются некоторые правила взаимоотношений. В толпе царят одни эмоции, холодного разума почти нет. В собраниях, подобных массовому митингу, есть уже зачаток организации и разума.

Иную картину дают группы и собрания *„организованные"*, состоящие из членов, созванных для спокойного и делового обсуждения того или иного вопроса, об'единенных общностью цели или интереса. Таковы, с одной стороны, заседания парламентов, ряда представительных собраний, членов того или иного общества (научного, промышленного, литературного, городской думы и т. д.). Здесь царит шаблон. На лицо председатель и президиум, порядок заседания предусмотрен „наказом" или уставом; каждое выступление, характер речи, порядок спора, баллотировки и т. д.—все предусмотрено и совершается согласно строгому, определенному регламенту. В подобных группах, а равно и во всех *постоянных организованных ассоциациях* (семья, коллегии, гильдии, братства, секты, партии, трэд-юнионы, церкви, академии, научные общества, государственные группы и т. д.) царит

шаблон в взаимных отношениях, существует порядок, дисциплина и т. д. Они подобны высоко-развитому организму, обладающему твердым костяком, устойчивой и упругой формой. Здесь чувства—эмоции играют второстепенную роль. Доминирует „холодный разум“ [1]).

Коснемся кратко вопроса о взаимоотношении антагонистического и солидаристического взаимодействия—с одной стороны, с другой — шаблонно-организованного и нешаблонно-дезорганизованного: *не всякое шаблонное взаимодействие будет солидаристическим.* Не всякое „организованное“ взаимодействие будет солидарным. Взаимодействие должника и кредитора, палача и жертвы, преступника и надзирателей может быть шаблонным, организованным, т. е. может совершаться по определенной, установившейся форме; но было бы ошибкой, если бы мы считали такое шаблонное взаимодействие солидаристическим

Эти примеры показывают, что *может быть дана группа шаблонно-взаимодействующих индивидов*, напр., (организованный коллектив государства), *но в то же время группа антагонистическая.* Другие формы шаблонного взаимодействия бывают солидарными. Совокупность таких лиц составит *организованно-солидаристическую группу.*

Точно также и неорганизованное взаимодействие может быть и солидаристическим, и антагонистическим. Сообразно с этим и группы нешаблонно взаимодействующих лиц могут дать неорганизованные коллективы и солидаристические (напр., неорганизованная толпа одинаково настроенных лиц), и антагонистические (напр., неорганизованная толпа, составленная из враждебных друг другу лиц).

Этот факт необходимо было подчеркнуть по двум мотивам: 1) в виду частого отождествления организованной группы с солидаристической, неорганизованной — с антагонистической, 2) в виду того, что в социальной жизни, как увидим ниже, особенно важную роль играют группы организованные и в то же время солидарные.

Шаблоны поведения дают себя знать и в иной форме. Они обычно представляются в виде императивов, повелительно требующих подчинения.

Уклонение от следования им весьма часто переживается как нарушение этих императивов, как нечто „недозволенное“, „преступное“, „недопустимое“, „оскорбительное“ и т. д.

---

[1]) См. подробнее об этом у *Ross*'a: Foundations. 116 — 148. *Gardner*: Assemblies. Amer. journ. of sociology, т. XIX. 530—555.

Напротив, следование шаблонам взаимодействия воспринимается как „должное“, „дозволенное“, как нечто „нормальное“, иными словами, как „исполнение долга“ или „использование своего права“ [1]).

Таково чаще всего (но не всегда) взаимоотношение шаблонных форм взаимодействия и форм „правового поведения“, с одной стороны, неисполнение шаблонов и „недозволенного“, „преступного“ поведения—с другой...

VI. Взаимодействие сознательное и бессознательное.

В зависимости от деления актов на сознательные и бессознательные, взаимодействие двух или большего числа лиц может принимать различные формы. *1) Оно может быть сознательным с той и с другой стороны. 2) Оно может быть бессознательным с обоих сторон. 3) Оно может быть сознательным раздражением с одной стороны, и бессознательной реакцией—с другой. 4) Оно может быть бессознательным раздражением—с одной стороны, и сознательной реакцией—с другой.*

Таковы основные типы взаимодействий с этой точки зрения. Дадим краткие пояснения.

Люди, входящие в систему взаимодействия, раздражают (обусловливают) переживания и поведение других членов этой системы не только своими сознательными актами, но и актами бессознательными. А, не заметивший кланяющегося ему В и не ответивший на его привет, часто у В может вызвать переживания и поступки, выражаемые словами: „пшь, загордился, не хочет и кланяться“. Человек, по рассеянности толкнувший другого и не извинившийся, нередко вызывает со стороны последнего словесную реакцию брани, а временами—и более ощутительные формы ответа (контр-толчек, удар и т. д.). Ребенок, бессознательно рвущий попавшую ему в руки книгу, часто вызывает у родителей и старших ряд реакций, в виде отнятия этой книги у ребенка, в виде брани, в виде ударов, постигающих невинного виновника.

На ряду с этими случаями обусловливания поведения одних людей другими, случаями, где *одна сторона действует сознательно, а другая бессознательно, даны явления взаимодействия, где обе стороны действуют бессознательно и, тем не менее, обусловливают поведение другого.* Простейшие примеры такого рода дают дети. Плач одного ребенка часто вызывает плач другого. Мать во сне может нечаянно удушить (благо-

[1]) См. подробнее *Сорокин.* Op. cit Passim.

даря стечению обстоятельств) спящего с ней рядом ребенка. Зевок г. А совершенно бессознательно вызывает зевание сидящих с ним людей. (Сюда же относятся все факты бессознательного взаимного подражания). А и В при встрече нередко пожимают друг другу руки бессознательно: один машинально, по привычке, протягивает руку, другой также машинально пожимает. „Рассеянный“ г. А надевает калоши Б, В машинально надевает калоши А. Пьяный доктор вместо одного лекарства может дать другое больному, лежащему без сознания, и т. о. отправить его на тот свет или значительно ухудшить положение и поведение пациента. Истерические крики припадочного при известных случаях—в толпе, в театре, в собрании,—могут, в силу бессознательного подражания, вызвать истерику у ряда других лиц.

Наконец, *явления сознательного взаимодействия со стороны всех взаимодействующих индивидов известны каждому.* А и В, заключающие договор, согласно которому А должен вырыть канаву, а В уплатить 100 руб. денег, совершенно сознательно предопределяют поведение друг друга. Х, вступающий в брак с г. У., этим решением предопределяют взаимно свои переживания и характер поведения на большой промежуток времени. Лица, сознательно вступающие в партию, этим самым обязуются подчиняться директивам ея центра, т. е. реагировать на ряд явлений так, как прикажет центральный комитет партии.

Оппоненты при политических и научных спорах взаимно обусловливают ряд действий и переживаний друг у друга. Эти и подобные факты известны каждому из личного опыта и наблюдения.

К числу тех же случаев, где раздражителями другого или других людей являются сознательные акты взаимодействующего индивида, должны мы отнести и тот разряд фактов, *где обоими сторонами действия совершаются сознательно, но цели каждого индивида различны.* Пример: Г-жа А. едет на концерт, желая послушать знаменитого пианиста. Г. В., влюбленный в А, едет на концерт, желая там встретиться с А. И тот, и другой индивид предпринимают ряд действий сознательно, но цели этих действий совершенно различны. Однако, факт взаимодействия налицо: сознательные действия А явились „раздражителем“ для В и побудили его предпринять ряд актов, которые без этого раздражителя не были бы выполнены.

А вскакивает в трамвай, сознательно расчитывая приехать на нем поскорее домой. Вагоновожатый, подчиняясь приказу,

пускает трамвай чрезвычайно медленно. Действия того и другого сознательны, но цели их различны. Несмотря на это, сознательные действия вагоновожатого определенным образом влияют на поведение и переживания А...

Из этих примеров, число которых можно увеличить по желанию, видно, что к сознательным актам взаимодействия относятся и те случаи, где цели индивидов совершенно различны. В своем месте мы увидим, что подобные явления служат одним из условий так называемой гетерогении целей.

Соответственно с сказанным взаимодействие индивидов дает такие типичные случаи:

1) Индивид А сознательно совершает акт-раздражитель. В сознательно реагирует на него. Начальник командует: „пли", солдаты стреляют.

2) А бессознательно совершает акт. В сознательно реагирует на раздражение. Ребенок плачет. Мать подходит и дает ему грудь.

3) А сознательно совершает акт. В бессознательно реагирует. А замахивается, желая ударить В. В бессознательно поднимает руку для защиты.

4) А бессознательно совершает акт. В бессознательно реагирует. А зевает, в силу подражения зевает и В.

В этой схеме первый тип подразделяется на подвиды:

I a) А и В сознательно обусловливают поведение друг друга, зная о взаимных целях и преследуя общую цель: А, В, С, Д, стремящиеся перенести бревно. Все организованные общества, состоящие из членов, преследующих общую цель (научные общества, партийные комитеты, акционерные компании, кооперативные объединения, секты и т. д.).

I b) А и В знают о взаимных целях, но цели эти разные: преступник убегает от преследующего его сыщика, сыщик — гонится за ним.

Акты того и другого сознательны. Взаимные цели известны. Но цели противоположны.

Таковы же собрания из лиц противоположных партий, антагонистических научных, религиозных, классовых и т. д. течений. Борьба двух лиц, двух групп, схватка двух полков, сознательно стремящихся уничтожить друг друга и т. п.

I c) А и В не знают целей друг друга, но цели эти объективно тождественны. А, желая помочь С, приносит ему деньги. В, желая помочь С, но не зная, что А уже „выручил" С, приносит ему деньги. С отказывается от денег В. Здесь А и В совершают свои действия сознательно. Цели их объективно однородны. Субъективно они не известны

взаимно. А, однако, своим актом определенно вызвал ряд актов со стороны В. (В получает обратно деньги и покупает себе книги, чего он не сделал бы сейчас, если бы деньги остались у С). Таков же ряд действий различных партий, рабочих групп, научных и религиозных течений, преследующих однородные цели, но не осведомленных друг о друге.

I d) А и В не знают о взаимных целях и цели эти разные.

Г-жа X является на концерт, желая встретить С. В, влюбленный в X, едет на концерт, желая встретить X. Г-жа X — не знакома с В. В не знает цели А.

Оба предпринимают свои поступки сознательно. Оба преследуют разные цели. Взаимодействие дано: акты г-жи X явились раздражителем для г. В и вызвали со стороны В ряд поступков, которых иначе он не совершил бы. Таковы все антагонистические процессы, борьба враждующих партий, религий, профессий, научных течений и т. д., где борющиеся группы не осведомлены друг о друге и не знают, что они борются за противоположные или разные цели.

Таковы основные случаи комбинаций актов-раздражителей и актов-реакций с точки зрения их сознательности и бессознательности. Общественные процессы в конечном счете представляет ничто иное, как комбинации этих типов.

VII. Взаимодействие интеллектуальное, чувственно-эмоциональное и волевое.

Рассмотрим более подробно формы психического общения. Психология учит, что всякое психическое переживание представляет единый процесс, где имеются и познавательные, и чувственные, и волевые элементы. Однако, это обстоятельство не мешает психологии в целях анализа разлагать психическое переживание на эти элементы и указывать, какой из них в том или ином отношении является преобладающим.

Так же может поступать и социолог. Несомненно, все виды психического взаимодействия представляют собой одновременно обмен и познавательными переживаниями (ощущения, представления, понятия, образы, идеи), и чувственно-эмоциональными (боль, наслаждение, эмоции: любви, страха, гнева etc), и волевыми (решимость сделать то-то, не сделать то-то [1]). Возьмем простой пример: научную лекцию.

---

[1]) Это тройное деление элементов психических переживаний не имеет для нас принципиального значения. Оно может быть заменено и четверным делением, предлагаемым Л. И. Петражицким, с специальным выделением эмоций, как пассивно-активных переживаний в особый класс.

Здесь лектор является центром, от которого посредством звуковых проводников (слов) идут волны идей, в виде развиваемых им теорий. Аудитория их воспринимает. Но только ли идеи она получает и только ли идеи идут от лектора? В большинстве случаев нет: лектор не только излагает и доказывает теорию, но весьма часто рядом с этим он негодует и осмеивает противников, восхищается таким-то ученым, временами опытный лектор „освежает" внимание аудитории смешным замечанием и анекдотом, порой он „увлекается", доходит до „экстаза", время от времени он ударяет по кафедре и т. д. Слушатели таким образом воспринимают не только идеи и образы, но и эмоции. В свою очередь и от них к лектору идут ряд эмоций, чувств, настроений, обнаруживаемых то смехом, которым аудитория реагирует на отдельные „смешные" места лекции, то аплодисментами, то шиканьем, то тем или иным восклицанием, и т. д. В ряде собраний, особенно политических (митинги, политич. лекции, заседания парламентов, советов, и т. д.), это эмоциональное взаимодействие выступает настолько резко, что доводит до побоищ и кулачных потасовок [1]).

Рядом с познавательными и чувственно-эмоциональными элементами здесь обычно бывают и волевые. Ученый, а тем более политический оратор или парламентский деятель, излагая ту или иную проблему, сплошь и рядом выводит из нея практически волевые нормы, призывая к одному, запрещая другое, порицая третье в выражениях: „должен", „не должен", „хорошо", „плохо", „постараемся сделать то-то", „будем приветствовать то-то", „долой!", да здравствует" и т. д. Как в данном примере, так и в большинстве других взаимодействий, индивиды обмениваются и идейными, и волевыми, и чувственно-эмоциональными переживаниями. Процессы взаимодействия, где взаимодействующие обменивались бы только идеями, или только чувствами, или только волениями — чрезвычайна редки, если они вообще существуют [2]).

---

[1]) Весьма хорошим материалом для этой цели могут служить недавние заседания, в роде демократического совещания, предпарламента, заседания Советов, как до октябрьского, так и после октябрьского переворота. Крики: «долой!», «вон!», «мерзавцы» «сволочь», «селедочники», «предатели» и т. п. проявления эмоций были обычными в этих заседаниях. См. соответственные газетные отчеты.

[2]) Отсюда следует, что неправы те, кто подобно *Baldwin*'у «материей» социального процесса считают только идеи (thoughts). The matter of social organization consists of thoughts; by which is meant all sorts of intellectual states, such as imaginations, knowledges, and informations. См. *Baldwin*. Social and ethical interpretations. New—York. 1897. 487.

Однако, это не мешает все же различать ряд типичных форм взаимодействия с преобладанием того или иного из этих элементов. Иными словами, можно найти процессы взаимодействия, где „материей“ обмена служат преимущественно познавательные элементы психических переживаний: представления и идеи. Будем называть их интеллектуальным *взаимодействием*. Таковы: заседания научных обществ, научные лекции, чтение научных книг, научные кинематографические сеансы, общение учителя и учеников; к разряду их же должны мы отнести и большинство сложных комплексов взаимодействия, которые происходят в стенах учебных заведений: университетов, политехникумов, специальных технических школ; кружки самообразования, репетиторство, и вообще все те общения, которые возникли и служат в целях углубления или популяризации науки и просвещения, или в целях спокойного обсуждения того или иного вопроса.

Рядом с такими интеллектуальными процессами взаимодействия существуют и другие, где главной „материей“ обмена служат чувства-эмоции, или чувственно-эмоциональные переживания. Будем называть их *чувственно-эмоциональными процессами взаимодействия*. Примерами их являются: публика, присутствующая на концерте, взаимодействие публики циркокой, созерцающей борьбу или опасные трюки, публика кулачных боев, публика боя быков и боя древних гладиаторов.

Сюда же относятся процессы общения между людьми, собравшимися на бал, танцевальный вечер, на игрища; дальнейшими видами чувственно-эмоционального взаимодействия являются: похоронные и свадебные процессии, панихиды и поминки по умершим, скачки, игры, футбольные состязания, военные парады, пляски, поэзовечера, религиозные радения хлыстов, ряд религиозных обрядов. Чувственно-эмоциональное взаимодействие царит и в таких случайных сборищах,

---

Как видно из приведенного факта и как показывает ежедневное наблюдение, «материей» соц. организации являются и идеи, и чувства, и воления. Неприемлем и второй тезис Болдуина, гласящий, что идеи имеют наибольшее значение из всех остальных элементов психики. См. ibid. 490. В данном случае едва ли не более прав Парето, выступающий с обратным тезисом; согласно Парето идеи — это только род феерического покрывала чувств, (Sentimenti), они—как покрывала воздушны, легки и колеблются от малейшего движения чувств. Собственная роль первых незначительна, если не ничтожна. См. *Pareto*: Trattato di sociologia generale, т. I и II. Имеется известная доля истины и в утверждении Н. И. Кареева, что «сами мнения или идеи получают значение социальных факторов лишь тогда, когда утрачивают свой созерцательный характер, т. е. входят в сферу волевых процессов». См. Н. Кареев: О значении психологии для общ. наук. Оттиск из «Вест. Психологии». 4. Подробнее ниже.

как толпа, как пьяная компания собутыльников, как группа лиц—участников половой оргии и т. д

Во всех перечисленных явлениях люди обмениваются не столько идеями или волениями, сколько чувствами и эмоциями. Симфония или танцы идей не передают и не возбуждают; они ничему не научат в смысле знаний; если они и вызывают кой-какие представления и мысли, то самые смутные, не связанные друг с другом и мало определенные. Иначе обстоит дело с чувствами-эмоциями. В таких процессах взаимодействия индивиды возбуждают в других именно симфонию чувств и эмоций, начиная с простых, грубых и примитивных и кончая тончайшими переживаниями под влиянием звуков и аккордов музыки [1]).

Наконец, можно привести не мало типичных соединений людей, где главным предметом взаимного обмена или „материей" взаимодействия служат *волевые решения*, передаваемые от одних к другим. Такие процессы взаимодействия можно назвать волевыми. Сюда относится большинство соединений, где одна или обе стороны декретируют поведение другой стороны. Взаимодействие отца и ребенка, воспитателя и воспитанника, где один из них говорит другому: „Не смей", „не тронь", „не плачь", „сделай то-то", "не делай того то", взаимодействие командира полка и солдат, где командир командует: „пли", „равняйся", „поворот направо", взаимо-

[1]) Вопреки *Болдуину* (см. пред. примечание) *Тард* вполне правильно указывает, что «материей» социальн. процессов являются не только идеи, но и намерения, верования, желания, чувства и эмоции. Но он впадает в противоположную крайность, склоняясь к мысли, что передаваться от индивида к индивиду всего легче могут чувства и эмоции, ощущения же и образы не могут передаваться или передаются с трудом... «Заразительностью, говорит он, обладают вовсе не ощущения, как таковые, и не образы, возникающие из этих ощущений... Легко передаются от человека к человеку не ощущения, а эмоции, потому что в состав большей части эмоций или чувств входит, как нечто подразумевающееся, значительное число суждений и намерений, представлений и целей... Поэтому *чувства* играют в интерпсихологии такую же роль, как ощущения в психологии отдельной личности» и т. д.

Тард: Теория псих. воздействий: Русск. высш. школа 1905 г. 16—17 и сл.

Только что сделанный перечень форм интеллектуального взаимодействия показывает, что Тард ошибается, поскольку он склонен недооценивать или отрицать данность интеллектуального общения и взаимодействия. Приходится писать «поскольку он склонен», потому что терминология Тарда самая сбивчивая, неточная и дает возможность понимать его так и иначе.

Вообще следует признать, что всякая попытка считать «материей» общения лишь один из элементов психической жизни, ошибочна. Такая узость объясняется, повидимому, тем, что такие социологи не хотят видеть всех типичных форм общения, а видят, подобно Болдуину и Тарду, лишь общения какого-либо одного типа.

действие начальника, приказывающего подчиненному сделать то-то; взаимодействие толпы и вожака, где вожак предлагает что-либо выполнить, напр., поджечь дом, убить того-то; взаимодействие банды преступников, совокупно совершающих преступления (явления соучастия), взаимодействие группы лиц, переносящих тяжесть, взаимодействие комиссара, принуждающего крестьян платить подати или выдать хлеб, короче, тысячи случаев совместного достижения целей, явлений регулировки воли и поведения других, актов принуждения или побуждения сделать что-либо или воздержаться от чего-либо, — все они представляют процессы взаимодействия преимущественно волевые.

Как выше было указано, такое деление типов взаимодействия не имеет абсолютного значения, но относительное значение оно сохраняет. Доминирующее значение того или иного элемента в процессе взаимодействия проявляется частично и в той внешней обстановке, в которой эти взаимодействия происходят. Внешние условия, напр., чувственно-эмоционального взаимодействия довольно резко отличаются от обстановки интеллектуального общения. Обстановка бального зала, похоронной процессии, цирковой арены и т. д. направлена на взаимное возбуждение эмоциональной стороны. Гром музыки, конфетти, серпантин, бальные платья, декольте, или траурные ленты, заунывные аккорды похоронного марша, и т. п., все это направлено на разжигание эмоций и чувств, на то, чтобы эмоциональное состояние людей обострить, усилить в той или иной мере. Иное наблюдается в процессах интеллектуального общения. Здесь почти всегда музыка отсутствует. Сознательно или бессознательно здесь все направлено к тому, чтобы сделать „ровными“ эмоциональные переживания, чтобы удалить все, что рассеивает внимание и мешает спокойному и правильному восприятию идей.

Волевые взаимодействия внешне представляют комбинацию условий и обстановки первых двух. Временами, когда воля уже решила, что делать, для укрепления решимости привлекаются и музыка и другие „возбуждающие“ средства (напитки пред боем, пред совершением преступления, дробь барабана и т. д.). Иногда же волевые взаимодействия протекают в обстановке близкой к условиям взаимодействия интеллектуального. Это тогда, когда сознательную волю другого (а не бессознательный импульс) надо направить, когда надо помочь ей сделать выбор и вынести решение. Хотя и в таких случаях есть ряд отличий: место сердечных

излияний и выражений чувства, (в стихах, в прозе, в любовных письмах, в сердечных объяснениях и т. д.) как это в той или иной форме происходит при обмене эмоциями, место длинной цепи идей и суждений, стремящихся доказать что-либо и апеллирующих только к истине, в волевых общениях занимают одни императивы, одни приказы, большею частью краткие, ясные, точные, требующие не признания истинности или ложности, не излияния чувств и эмоций, а повиновения и исполнения: „пли“, „не смей“, „прочь“, „не убий“, „не укради“, „сделай то-то“, „не делай того-то“, вот обычный лексикон волевых взаимодействий. Временами и его не бывает: место слов в этих случаях просто занимают волевые действия. Рядом с этим здесь наблюдаются и другие черты. Группа эмоционально взаимодействующих лиц обычно безформенна, подвержена панике, ея поведение капризно, в ней легко разражаются „скандалы“, психическая атмосфера накалена, каждую минуту здесь могут произойти эксцессы.

Иное представляет группа интеллектуальная. Она тверда и шаблонна. Скандалы и эксцессы здесь редкость, игры страстей нет. Поведение ея не случайно; оно спокойно и планомерно. Царит холодный разум, который часто совершенно депрессируется в эмоциональных собраниях.

Волевые собрания занимают среднее положение. Когда решение воли готово—собрание спокойно единообразно вотирует или осуществляет волевое задание. Когда решения еще нет—место действий занимают прения, иногда спокойные, иногда—при противоположности волений—накаляющие чувства и превращающие собрание в тип эмоционально-чувственного общения.

Это самые общие различия. Они тоже относительны. Но относительность их не обозначает их ничтожности.

§ 3. Виды взаимодействия в зависимости от проводников.

I. Формы взаимодействия в зависимости от природы проводников.

В зависимости от характера проводников можно различать взаимодействие *звуковое*, прежде всего *словесное*. Выше было указано на то, что такое взаимодействие составляет самый распространенный вид взаимодействия, которым люди пользуются на каждом шагу. Группа лиц, говорящих на одном языке, этим проводником связывается в одно коллек-

тивное целое. Знание языка дает им возможность, подобно радио-телеграфным аппаратам, схватывать волны раздражений, идущих друг от друга, и давать ответные звуковые радио-телеграммы. Лица, не знающие этого языка, похожи на аппараты, лишенные восприемных механизмов; они не в состоянии улавливать символически-словесные волны раздражений. Они тупы и нечувствительны к последним и не могут посылать правильные ответные „телефоно-граммы". В силу этого они могут быть в гуще звуковых раздражений и, тем не менее, последние могут проходить „мимо их ушей" или раздражать их только в качестве физических проводников.

Отсюда легко понять громадное значение языка в деле создания коллективных единств, укрепления и поддержания социальных связей. Звуковой проводник является связью в самом буквальном значении слова. Лица, говорящие одним языком, абоненты одной — самой удобной, самой дешевой и самой распространенной в мире телефонной сети. В каждую минуту, без всяких усилий и без помощи телефонной барышни, они могут „соединяться" друг с другом. Лица, не знающие языка, в эту сеть не входят: для соединения с другими, говорящими на иных языках, им пути заказаны. Примерами групп, об'единенных связью языка, служат все огромные соединения лиц, говорящих на одном языке („все говорящие на русском языке, все говорящие на английском, все говорящие на французском и т. д.). Эта соединительная роль языка подмечена была давно. Не даром же многие выдвигали и выдвигают язык, как конститутивный признак национальности, недаром она служила и служит основанием социальной группировки лиц в разные единства и ассоциации. Не будем пока говорить о национальности [1]). Ограничимся констатированием звуковой формы взаимодействия и громадной соединительно-связующей роли звуковых проводников. Она, действительно, может служить основанием социальной группировки. Все сказанное об языке, с соответственными изменениями, применимо и к другим звуковым проводникам и звуковым формам общения (музыка, пение и т. д.).

---

[1]) Национальность, как увидим, в аналитике сложных социальных агрегатов, представляет mixtum compositum, состоящий из ряда лиц, объединенных многими и разными в различных случаях связями.

См. *Сорокин:* Проблема соц. равенства. II. 1917, ст. Национальность, национ. вопрос и соц. равенство.

B) Второй формой взаимодействия в зависимости от проводников является *свето-цветовое взаимодействие* (взаимодействие путем книг, газет, писем, телеграмм, рисунков, картин и т. д.). Все сказанное о звуковом взаимодействии применимо и к данному проводнику. Люди, знающие и понимающие свето-цветные проводники (умеющие читать и писать), об'единены друг с другом этими проводниками, имеют в своем распоряжении прекрасный „соединительный аппарат" и потому составляют коллективное единство, в которое не входят и не могут войти люди, не понимающие этих цветных знаков. Для них последние—„книга за семью печатями". Они не связаны ими, не восприимчивы к раздражениям, идущим из книги, и не реагируют на них. „Они имеют глаза и не видят", как люди, не понимающие языка, „имеют уши и не слышат". Для них — они непонятный и неизвестный шифр. Пользование различными видами шифра может служит дальнейшим примером свето-цветового взаимодействия

На том же основании, на каком звуковое символическое взаимодействие может служить основанием для группировки индивидов в ряд коллективных соединений („русско-говорящие народы", „английско-говорящие народы" и т. д.), на том же основании и свето-цветовое взаимодействие дает почву и принцип для объединения лиц, участвующих в таком взаимодействии, в особые коллективные единства. („Грамотные" и „безграмотные", „группы пишущие и читающие по-русски", „по-немецки" „по-французски" „по-английски". Подписчики „Нового Времени", „Речи", „Правды", „Дня", „Воли Народа" и т. д.; лица, пользующиеся таким то шифром; художники — „символисты", „реалисты", "футуристы", „кубисты" и т. д.).

C) Лица и группы, пользующиеся „языком жестов", языком движений и мимики, могут служить типом *двигательно-мимического взаимодействия* (первобытные люди, глухонемые, члены тайной организации, употребляющие для взаимного распознавания особые жесты, знакомые, снимающие при встрече шапки, военные, отдающие честь друг другу и т. д.). Все сказанное о предыдущих типах взаимодействия с соответственными изменениями применимо и к данному виду общения.

D) Индивиды, применяющие для передачи своих переживаний предметно-символические проводники, дают тип *предметно символического общения*. Таково общение командира, награждающего орденом подчиненного или вручающего знамя

полку, с последними; побежденных, вручающих ключи города или подносящих „хлеб-соль“ победителю, с этим последним; священника, дающего св. дары причащающемуся; генерала, срывающего погоны или ломающего шпагу разжалованного офицера; общение всех людей, передающих друг другу деньги, чеки, монеты, кредитки и т. д., и, наконец, общение посредством предметов материальной культуры вообще.

E) Общение, производимое путем обнюхивания друг друга (практикуемое первобытными людьми), путем тех или иных химических реагентов, может служить примером „химического взаимодействия людей“, или лучше—*взаимодействия посредством химических реагентов.*

Таковы: общение врача, дающего лекарство пациенту, с этим последним; матери, дающей молоко грудному ребенку, с ребенком; отравителя, дающего яд, с своей жертвой, прислуги ресторана, приносящей съестное блюдо, с клиентом и т. д.

F) Примерами *механического взаимодействия* служат факты: драки, физические схватки, войны, обмен физическими (а не символическими) актами: поцелуя, ударов, поглаживания, щекотания, вырывания волос, нанесения ран и т. д. Сюда же могут быть отнесены и акты „полового общения“, „общения“ посредством пуль, камней, стрел и т. д. Короче— все те явления взаимодействия, где люди раздражают друг друга путем „механических проводников“.

G) Примерами *теплового взаимодействия* служат: взаимодействие машиниста или кочегара, регулирующего температуру вагонов или комнат с центральным отоплением, и пассажиров вагона или жителей дома, взаимодействие человека, разводящего костер для согревания путников, палача, сожигающего или обжигающего жертву, с последней и т. д.

H) Примерами *электрического взаимодействия* служат все явления общения, где один раздражает другого путем электричества (лечение электричеством, электрический массаж и т. д.). Более важна роль сложного электро-звукового или электро-цветового взаимодействия (общение путем телефона, телеграфа и т. д.).

Таковы основные виды взаимодействия людей в зависимости от природы проводников взаимодействия. Чаще всего, конечно, практикуется общение путем сложного сочетания различных проводников.

Пользование ими, как видим, создает ряд настоящих связей между людьми, объединяет их в одно коллективное целое и служит основанием для группировки их в различные коллективные единства.

II. Взаимодействие посредственное и непосредственное.

Под непосредственным общением я разумею все те случаи взаимодействия, где взаимодействующие люди обходятся без посредников-людей, где обмен раздражениями не требует других индивидов для передачи раздражений и реакций.

Под *посредственным взаимодействием*, наоборот, понимается такое, где акт-раздражитель (и реакция) достигает адресата лишь при помощи других людей, функционирующих в роли проводников—контакторов.

Оно может быть таким, где взаимодействующие индивиды знают о существовании друг друга, и таким, где этого знания нет.

Примерами первого служат: личное объяснение X-а и У-ка, непосредственный разговор между ними, передача с рук на руки письма, предмета и т. д. Примерами второго— все виды взаимодействия, не обходящиеся без людей-посредников. Таковы: передача письма чрез почтальона или посыльного, передача слов, вещей, предметов чрез третьих лиц и т. д. Сюда же относятся и те случаи общения, где взаимодействующие индивиды, пользуясь посредничеством людей-контакторов, могут обусловливать поведение друг друга, *не ведая о взаимном существовании*. Таково, напр., в современном хозяйстве взаимодействие потребителя с производителем, совершающееся обычно чрез ряд посредников— торговцев. Тот и другой могут не знать друг друга, хотя и обусловливают взаимные переживания и поступки; таково взаимодействие членов правительства могущественного государства и подданных другого слабого государства, судьба которых часто решается первыми (напр., судьба подданных России и главарей парижского конгресса сейчас) помимо их ведома, знания и т. д.

Посредственное взаимодействие обычно дано при взаимодействии лиц, разделенных пространством или временем. При таких именно условиях чаще всего функционируют люди в качестве проводников-контакторов, передающих раздражения одних другим.

Очерченными видами взаимодействия ограничимся в характеристике главных форм взаимодействия, выделенных в зависимости от: 1) количества и качества индивидов, 2) характера их актов и 3) природы проводников общения [1]).

---

[1]) Ряд социологов дают иную, более сложную классификацию форм деятельности людей и форм взаимодействия. Так, *Waxweiler* различает такие формы соц. деятельности (activités sociales): activites: 1) conjonctives, 2) protectrices ou nocives, 3) competitrices, 4) divulgatrices, 5) grégaires, 6) répétitrices, 7) iniciatrices, 8) acquisitives, 9) sélectives. *Waxweiler*· Esquisse. гл. VII. *Ross*, в качестве «социальных отношений», выделяет такие типы, как· Fellowship, Reciprocity, Suretyship, Discipleship, Agency, Patronage, Clientage, Pupilage, Vassalage, Slavery. *Ross*: Foundations. 98 *Giddings* различает нижеследующие основные формы «практической деятельности socius'a: 1) Appreciation, 2) Utilization, 3) Caracterization, 4) Socialization, плюс—сложные формы: 1) Экономическая, 2) правовая, 3) культурная. По методам деятельности первые четыре формы распадаются на ряд видов, каковы: реагирование на стимул, подражание, изобретение, нападение, приспособление, ассимиляция и т. д. См. *Giddings*· The elements 35—52.

В своей «Индуктивной социологии» Гиддингс различает 1) культурную мысль (Cultural thought) и культурную деятельность, 2) экономическую мысль и экономическую деятельность, 3) морально-правовую мысль и морально-правовую деятельность, 4) политическую мысль и политическую деятельность *Giddings*: Inductive Sociology. 164. *Де-Роберти* различает: 1) научную мысль и деятельность, 2) философско-синтетическую, 3) символически-эстетическую и практическую, распадающуюся на эконом., политич., и юридическую. *Де-Роберти*: Новая постановка основн. вопр. социологии. Passim. Sociologie de l'action. 1908 г. 163—304. *Де-Греефъ* различает семь основных видов деятельности. См выше. Чрезвычайно дробный перечень дает *Hayes*. См. Hayes. Op. cit. 394—396.

Не указывая других примеров, из сказанного видно, что в этом вопросе мнения социологов чрезвычайно разнородны. Такое разнообразие объясняется различием заданий, преследуемых каждым социологом.

Легко видеть, что каждая из этих классификаций не полна и в известной мере «случайна».

Не трудно видеть и то, что большинство указанных в этих перечнях форм входит в те или иные из указанных мной рубрик Так, напр, деятельность вредящая или соперничающая представит одну из форм антагонистич. взаимодействия, товарищество, взаимность и т. п. войдут в формы солидарного взаимодействия. Стадность, подражание и т. д. будут видами бессознательного общения. Изобретательная, инициативная, «избиратательная» деятельность будут видами сознательного общения.

Если автор в очерченном перечне не дал более подробной классификации, то потому, что здесь она излишня и только загромождала бы изложение. Более подробная классификация форм деятельности индивида будет дана в свое время в «Соц. механике».

ГЛАВА VI.

Явление взаимодействия, как коллективное единство.

§ 1. Явление взаимодействия, как коллективное единство или реальная совокупность.

Явление взаимодействия людей дано тогда, когда психическое состояние, или внешнее поведение, либо, наконец, то и другое одного или одних из них могут быть рассматриваемы, как функция существования и состояния другого или других индивидов, таково данное выше определение явлений взаимодействия.

Из этого определения следует, что один или одни индивиды могут влиять на поведение и состояние психики другого или других, могут вызывать — намеренно или ненамеренно — изменения в области психических переживаний и в области внешних движений других индивидов. Взятое в целом, явление взаимодействия представляет таким образом определенную систему, где в течение процесса взаимодействия существует тесная функциональная связь между центрами взаимодействия: поведение или состояние одного из них тотчас же отражается на поведении и состоянии другого, изменения одного (обусловливающего) индивида влекут за собой те или иные изменения в поведении и состоянии его контр-агента. Такая зависимость может быть и взаимной... Образно говоря, взаимодействующие индивиды представляются как бы связанными друг с другом веревкой. Движения одного, в силу этой связи, „дергают" другого и обратно.

Такая тесная функциональная или причинная взаимозависимость между центрами взаимодействия дает основание для того, чтобы рассматривать явление взаимодействия в качестве особого *коллективного единства или коллективной индивидуальности.*

Основанием для этого, как только что было сказано, являются *причинные или функциональные отношения*, данные между взаимодействующими индивидами, выделяющие их из множества других индивидов в особое явление, отграниченное от всех остальных... Спрашивается, достаточно ли такой основы для того, чтобы образовать из ряда взаимодействующих индивидов коллективное единство?

Ответ может быть только положительный. Для объективного исследователя такое основание является достаточным и необходимым основанием. Больше того, оно *единственное основание для образования всякого реального коллективного единства*. Там, где нет этой тесной функциональной или причинной связи, там нет и коллективного единства, а есть простая пространственная близость и сосуществование ряда отдельных единиц или единство не реальное, а мнимое. Так, не являются коллективным единством: куча песку, штабель дров, груда кирпичей или ряд холмов. Не составляют коллективного единства и ряд индивидов, не оказывающих друг на друга никакого влияния [1]).

Правильно говорит по этому поводу *Зигварт*, рассматривающий эти последние явления, в качестве „*внешнего и случайного единства*". „Когда мы говорим о куче песку, о куче дров, о группе деревьев, о ряде холмов и т. п., то пространственное сосуществование отдельных штук или индивидуумов в этом числе и группировке не определено никакою, в них самих лежащей, необходимостью и между ними существует лишь такое отношение, какое могло бы быть также *между какими угодно другими вещами*" [2]).

Иначе совсем обстоит дело в том случае, когда в основе коллективного единства лежит принцип причинного или функционального отношения. Здесь единство *не внешнее*, а

---

[1]) Не составляют реального коллективного единства и «единства формальные» или «телеологические». Общность цели ряда лиц, не взаимодействующих друг с другом, ничуть не превращает их в коллективное целое: каждый из них остается изолированным от других, а совокупность их представляет единство фиктивное, мнимое, годобное, напр., фиктивной группе «прямоносых» или «детей в возрасте 1-го года» в данном населении. Только тогда, когда появляются причинные отношения между ними, только тогда телеологическое единство становится единством реальным. Но для бытия последнего телеологизм не необходим и недостаточен. Вот почему полюбленное немцами выделение телеологических и формальных единств представляет бесплодную операцию, ничего не дающую для познания явлений.

См. напр., *Еллинек:* Право совр гос-ва. СПБ. 1903 110—112

См. ниже §. О соц реализме и номинализме, и во II т. § «О мнимых и реальных коллект. единствах».

[2]) *Зигварт:* Логика. СПБ. 1908, т. II, вып. I. 226.

внутреннее, связь *не случайная*, а *функциональная* (причинная). Пространственная близость является основой единства внешнего и случайного: достаточно песчинки или поленья оторвать друг от друга, напр., раскидать по земле, т. е. пространственно отделить их, и от коллективного единства не останется ничего. Иначе обстоит дело в явлениях взаимодействия. В предыдущем мы видели, что здесь пространственная близость не является условием единства: взаимодействующие индивиды могут взаимодействовать и при пространственной *раздельности*. Пространственная раздельность в единствах, основанных на причинных отношениях, не препятствует их бытию. Совершенно правильно говорит *Зигварт* и по этому поводу. „Другие коллективные понятия имеют основой своего единства *причинное отношение* (безразлично, будет-ли это зависимость от одной причины, или взаимодействие), которое связывает отдельные раздельные единства, безразлично, полагается ли при этом вместе с тем пространственная отграниченность целого или нет. Так, коллективное понятие солнечной системы постепенно прогрессировало от простого единства суммы к причинному единству. Так, простое генеалогическое понятие семьи покоится лишь на причинном отношении единого происхождения от общего родоначальника. Так, в коллективном понятии леса может быть включен причинный элемент зависимости произрастания его составных частей друг от друга“ [1]).

Правда, тот же *Зигварт* далее указывает возможность *телеологического* единства. Но из его же анализа следует, что это не необходимое и не достаточное условие для образования коллективного единства. „Телеологическое рассмотрение общества и государства, говорит он, *не исключает каузального рассмотрения, а напротив, требует его*“ [2]).

---

[1]) *Зигварт:* Ibid. 226.

[2]) *Зигварт:* Ibid. 227.

Как видно из указанного в этом пункте я схожусь с *Б. А. Кистяковским*, совершенно верно видящим в явлении взаимодействия достаточные и необходимые условия для образования kollektivwesen. «Поленицу дров, пирамиду из шаров или кучу песка нельзя рассматривать, как коллективное существо, хотя они и обладают в пространстве реальным единством и наши пространственные восприятия позволяют нам представлять их, как единые вещи. Между составными их частями нет реальных взаимоотношений, они об'единяются простым сложением и, в силу этого, мы вынуждены видеть здесь только суммы». Совершенно иначе обстоит дело с лесом или солнечной системой: здесь дано взаимодействие между членами; поэтому они являются подлинными коллективными существами. *Kistiakowski:* Gesellschaft und Einzelwesen. 1899. 131 — 133. Аналогично смотрит на дело *Зиммель*. «Для меня несомненно, что существует только одно основание, которое придает соеди-

Итак, наличность тесной функциональной связи между взаимодействующими индивидами является вполне достаточным основанием для рассмотрения явлений взаимодействия, как *коллективного единства, как особой „реальной совокупности“*.

Раз совокупность взаимодействующих индивидов составляет коллективное единство, то, сообразно выделенным формам взаимодействия, можно различать следующие виды коллективных единств.

I. В зависимости *от количества индивидов*: 1) коллективное единство двух, 2) коллективное единство многих с определенным одним центром, связывающим всех взаимодействующих индивидов, 3) коллективное единство сложное, составленное из взаимодействия двух групп, из которых каждая является коллективным единством 1-й степени. В зависимости от *качества индивидов* могуть быть коллективные единства самые разнородные: в частности, составленные из сходных (односемейных, одногосударственных, однорасовых, однополых, одновозрастных и т д.) и несходных индивидов (разносемейных, разногосударственных, разнорасовых и т. д.).

нению (отдельных единиц), по крайней мере, относительную объективность это—взаимодействие частей».

Зиммель: Социальная дифференциация. М. 1909. 18.

А. А. Чупров, соглашаясь с тем, что причинные взаимоотношения должны лежать в основе коллективных единств или «реальных совокупностей», считает, однако, этот признак не вполне достаточным для образования последних мало простого взаимодействия, говорит он, нужно еще, чтобы это взаимодействие было длительным и прочным. Именно эта длительность и прочность отношений взаимодействия между членами солнечной системы заставляет не считать членом этой системы находящуюся в ея пределах комету, хотя в это время «между нею и остальными членами системы устанавливается такое же взаимодействие, как между землей, юпитером, солнцем» и т. п.

Поэтому «я в основу понятия реальной совокупности принимаю наличность между отдельными единицами, в нее входящими, такого рода взаимодействия, которое способно обеспечить длительное существование вещи».

А. А. Чупров. Очерки по теории статистики. 1909. 77—80.

С Чупровым нельзя вполне согласиться: во-первых, само понятие длительности относительно и поэтому мало пригодно служить отличительным признаком реальной совокупности; во-вторых, оно скорее пригодно для выделения видов реальных совокупностей, (реальные совокупности временные и постоянные), а не для конституирования их рода; в третьих, не является убедительным указание на комету и солнечную систему. в тот момент, когда комета находится в пределах этой системы и взаимодействует с ея членами, она несомненно составляет члена этой совокупности и продолжает быть членом ея все время, пока она взаимодействует с солнцем и планетами солнечного мира. Когда она уйдет из этого мира и перестанет взаимодействовать—она перестает быть и членом последнего. Это возражение подтверждает, а не отрицает правильность защищаемой здесь точки зрения.

II. *В зависимости от характера актов* коллективные единства: 1) активные, активно-пассивные, пассивно-активные и пассивные; 2) односторонние и двусторонние, 3) длительные и временные, 4) антагонистические и солидаристические, 5) шаблонные (организованные) и нешаблонные (неорганизованные), 6) сознательные (в частности, целевые) и бессознательные, 7) интеллектуальные, эмоциональные и волевые.

III. *В зависимости от проводников коллективные единства*: 1) связанные звуковыми проводниками, 2) свето-цветовыми, 3) двигательно-мимическими, 4) химическими, 5) механическими, 6) тепловыми, 7) предметными, 8) электрическими, 9) коллективные единства: посредственные и непосредственные.

Отсюда следует определенный методологический вывод: Он гласит: *Первым шагом к анализу строения всякого народонаселения* (*любой страны, любой эпохи*) *является анализ его с точки зрения количества и качества составляющих его индивидов, характера их взаимоотношений и проводниковых связей.* Не отдав себе отчета в этих вопросах невозможно понять ни истории, ни судеб данного населения [1]).

Такой анализ—не все. Он лишь первый шаг. Но без такого шага обойтись нельзя.

Ограничимся полученным результатом. Он подытоживает наш анализ. Взяв явление взаимодействия, мы разложили его на части, рассмотрели эти части и теперь снова замкнули разорванный круг, придя к выводу, что эти части составляют особое целое — коллективное единство

Полученный результат дает возможность перейти „на второй этаж“ анализа социальной структуры. Начав с индивида и его взаимоотношений мы пришли к понятию коллективного единства. Теперь мы могли бы оставить в стороне взаимоотношения *индивидов* и перейти к изучению взаимоотношений *коллективных единств*; их градации, их скрещивания, их кумуляции, их расслоения. Мы могли бы приступить к исследованию взаимодействия *не лиц, а групп или реальных совокупностей*. Эти последние, в свою очередь, мы могли бы разделить на ряд категорий по степени сложности, начиная от коллективных единств простых и кончая сложными социальными телами, составленными из ряда простых групп. Таким путем мы последовательно перешли бы от аналитики простых социальных структур к аналитике слож-

[1]) Вполне правильно поступает Giddings, уделяя большое внимание анализу народонаселения с точек зрения весьма близких к указанным. См. *Giddings.* Основ. социологии, The Element of soc. и Inductive sociology.

ных социальных образований. Из сказанного становится ясной та логическая последовательность, которая лежит в основе нашей работы; рассеивается возможное недоумение многих, которым, быть может, показалось странным, почему мы свою социологию начали с анализа столь „не социальных" (с шаблонно-диллетантской точки зрения) явлений, как индивиды, их акты и проводники. Теперь, вероятно, каждый поймет, что без анализа и изучения „первого этажа" нельзя приступать к анализу „второго".

Но прежде, чем перейти к решению указанных вопросов, мы должны рассмотреть еще несколько проблем, связанных с бытием простых социальных явлений, проблем необходимых для того, чтобы расчистить путь для анализа сложных социальных структур.

§ 2. Социологический реализм и номинализм.

Раз мы пришли к выводу, что явление взаимодействия представляет коллективное единство, то встает вопрос о реальности этого коллективного единства. Этот вопрос гласит: *суть-ли коллективное единство или общество* [1]) *реально существующее явление или же они реально не существуют, а реально даны только индивиды, их составляющие?*

Как известно, этот вопрос встал давно и вызвал большие споры. Эти споры не заглохли и в наше время

Основные ответы на этот вопрос вылились в два течения. Первое из них можно охарактеризовать, как течение социологического реализма, второе — как течение социологического номинализма.

Сущность ответа первого течения состоит в утверждении, что *общество есть реальность sui generis, отличная и даже независимая от реальности составляющих его индивидов;* общество имеет свое существование, свои функции, свои органы, короче—оно живет, как всякое подлинно существующее явление, говорят нам „реалисты".

Такова суммарная характеристика социологического реализма.

При более детальном рассмотрении его мы видим в нем определенные оттенки и градации.

Крайнюю позицию в социологическом реализме занимали органицисты, т. е. сторонники органической школы в социологии.

---

[1]) Пока я употребляю термин общество в смысле всякой группы взаимодействующих индивидов.

Они утверждали, что общество не только есть реально существующее явление, но что реальность его такова же, как и реальность всякого организма, ибо общество само представляет организм. Как всякий организм, общество имеет свое физическое тело, свою энергию и свое коллективное сознание. Как всякий организм оно рождается, растет, существует и умирает. Как всякий организм оно имеет свои органы и клетки. Такими клетками являются индивиды. Как в организме каждый орган выполняет свои функции, так и в обществе надлежащие органы выполняют свои. Словом— общество есть подлинно реальное существо, независимое от составляющих его индивидов, имеющее и физическое и психическое бытие [1]).

В менее отчетливой и резкой форме тезисы социологического реализма поддерживаются и рядом других социологов. Таковы, напр., Гумплович, Дюркгейм, Позада, Де-Роберти, Изуле, Эспинас, Фуллье, Гирке и др. Приведем несколько примеров. „В человеке мыслит совсем не он, но его социальная группа, пишет Гумплович. Разве мыслит, чувствует, имеет вкус индивид? Нет! не индивид, а социальная группа“ [2]). „Мы считаем отдельными реальными элементами в социаль-

---

[1]) Ограничиваюсь этой суммарной характеристикой органической школы. Более подробное изложение ее истории — весьма древней — ея тезисов и параллелей завело бы нас в сторону. «Что такое общество»—вот вопрос, который должен быть поставлен и разрешен с самого же начала, пишет *Спенсер*. Пока мы не решили—смотреть ли на общество как на некоторое особое бытие (entity) или нет?» Указав далее на спор реализма и номинализма Спенсер отвечает. «Мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие (entity)... Но решившись смотреть на общество, как на особенный индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь— что же это за предмет». Название следующего параграфа дает ответ на этот вопрос. Он гласит: «общество есть организм». *Спенсер*. Основания Социологии. т I., 277—278. Спб. 1898. *Лилиенфельд* настаивает прямо на «l'identité absolue» общества и организма. Согласно ему общество—конкретный организм. 1-й том его Pensées sur la Science Sociale de l'Avenir прямо озаглавлен: «Общество, как реальный организм (Митава. 1873) См. резюме его взглядов в статье *Lilienfelda* в Annales de l'Institut intern. de Sociologie. т. IV 196—236. Здесь, однако, Лилиенфельд вводит уже ряд оговорок в признание тождества организма и общества (См 227 стр.), тем не менее, основное положение об обществе-организме остается незатронутым. (См. 212 стр.). См. Ст. *Новикова* в тех же Annales. т. IV. 169—196. Les Sociétés sont des êtres vivants», резюмирует он свои взгляды. Стр. 196.

Краткую историю органич. школы см. у *Ferrière*. L'organisme social. Revue intern de sociol. 1915. №№ 5 и 6. Более краткие характеристики ее читатель найдет у *Кареева:* Введение в изучение социологии. 1907 г. гл. IV, у *Барта*. Философия истории, как социология. Спб 1902. гл. IV, у *Хвостова*: Социология. гл. I.

[2]) *Гумплович*: Основы социологии. СПБ. 1899. 264—66.

ном процессе не отдельных лиц, а социальные группы“ [1]). Общество или разряд социальных фактов „составляют образы мыслей, действий и чувствований, находящихся *вне* индивида и одаренных принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним“, пишет Дюркгейм. Социальным является „всякий образ действий... имеющий *свое собственное* существование, независимое от его индивидуальных проявлений“ [2]). „Над индивидом есть общество. Оно не есть воображаемое и номинальное существо, а система действительных сил“. „En résumé, la société n'est nullement l'être illogique ou alogique, incohérent et fantasque qu'on se plaît trop souvent à voir en elle. Tout au contraire, la conscience collective est la forme la plus haute de la vie psychique, puisque c'est une conscience de consciences“ [3]). Отсюда, постоянное употребление Дюркгеймом и его школой терминов, в роде: „коллективное сознание“, „коллективные представления“ и т. д.

„Достойным нашего времени, действительно обоснованным нашим миросозерцанием, действительно прогрессивным является только воззрение, которое выработал германский дух в многовековой борьбе, читаем мы у Гирке; над человеческими индивидами продолжают существовать человеческие союзы разного порядка и ранга — реальные существа исторической действительности, социальные организмы с головой и прочими органами, из коих каждый на своем месте участвует в общей жизни целого“ [4]).

„Общества человеческие нам представляются, как нечто целое, имеющее собственные цели, как сущности, как живые существа“, пишет Posada [5]).

„Без всякого сомнения общества суть живые существа. Общество есть живое сознание или организм идей“, говорит Эспинас [6]).

В таком же стиле характеризируют надиндивидуальную реальность общества Драгическо, Де-Греф, Изуле, Фулье, и др. социологи. Едва ли не самой последовательной попыткой систематического построения общества, как подлинной психической реальности, является попытка Boodin'a, недавно сделанная им на страницах „Американского журнала социо-

---

[1]) *Gumplowicz:* Der Rassenkampf. 1883. 39—40.

[2]) *Дюркгейм:* Метод социологии. Изд. Иогансена. 10—19.

[3]) *Дюркгейм:* Les formes élément. de la vie religieuse. 1912. 633—635. Еще резче этот взгляд им подчеркивается в «Самоубийстве» См. 1—8 и passim. СПБ. 1912 г.

[4]) *Gierke:* Deutsche Privatrecht. т. I, 1895 г. 468.

[5]) *Posada:* Les sociétés animales. Annales. т. III. 271.

[6]) *Espinas:* Sociétés animales. 2 ed. 527—530.

логии". В своей статье Boodin последовательно доказывает существование подлинной социальной души (social mind). Его основной тезис гласит: „What I wish to show is that there is a genuine social unity, distinct from what we call the unity of individual experience, and if not more real, at least more self-sufficient that this. „Вместо того, чтобы отправляться от постулата изолированного духа, как делала психология в прошлом, стараясь затем объяснить возможность познания одной души другою путем аналогии, мы должны отправляться от постулата междусубъективной духовной непрерывности (the postulate of intersubjective continuity), как элементарного факта". Далее Boodin конструирует эту междусубъективную психическую реальность, как вид энергии, подобный электричеству, указывает, как она диффундирует от индивида к индивиду, словом — дает реставрацию гегелевского всемирного Духа, приспособленную к современному состоянию знания [1]).

В смягченном виде реставрацию органической теории и ее учения о реальности общества дает в своем недавнем труде *Феррьер*, утверждающий, что зерно органической теории было здоровым зерном. Очистив его от шелухи мы найдем, утверждает он, что общество действительно представляет реальность sui generis, сходную во многих отношениях с организмом.

1) Живой организм стремится сохраниться и увеличить свою мощь, ибо жизнь — сила, которая, по Бергсону, „toujours cherche à se dépasser elle même". Таково же и общество. 2) Организм в лице „я" стремится вечно прогрессировать. К тому же стремится и общество. 3) Прогресс организма состоит в одновременной дифференциации и интеграции. В этом же состоит и прогресс общества [2]).

Таковы вкратце различные оттенки социологического реализма.

Социологический номинализм, в противоположность социологическому реализму, утверждает: 1) что единственно реальны индивиды, составляющие общество, 2) что вне индивидов, как реальности, нет никакой другой реальности; с удалением индивидов от общества не остается ничего, *3) что нет общества, как реальности, ни в смысле физического тела, ни в смысле*

---

[1]) *Boodin:* The existence of social minds. Amer. journ, of sociology, т. XIX, № 1, 9, 15 и сл.

[2]) См. *Fermère:* La Loi du Progrès en biologie et en sociologie. 1915. III-я часть. Passim.

особого от сознания индивидов надиндивидуального сознания или коллективной души.

Таковы основные тезисы социологического номинализма.

Наиболее ярким представителем его в последнее время был Г. Тард. Он отрицает прежде всего реальность общества, как организма, или как реальность физического тела. „В итоге, говорит он, понятие социального организма принесло пользу только натуралистам, которым оно внушило клеточную теорию, физическое разделение труда и другие ясные и проникновенные мысли. Но поскольку полезно социологизировать биологию, постольку бесполезно и вредно биологизировать социологию". „Органицизм не только неверен, говорит он далее, но он опасен. Если я не вижу его услуг, то я отлично вижу заблуждения, которые он усилил. Прежде всего к ним относится тенденция создания социологической антологии, конструирования сущностей в качестве вещей, постоянного употребления слов, в роде „социальный принцип", „душа толпы" или других смутных понятий в роде „социальной среды" в смысле биологической метафизики, быть может наихудшей из всех метафизик" [1]).

Из этого отрывка уже ясна позиция Тарда. Еще более рельефно она выясняется из следующей цитаты, направленной против Дюркгейма. Является заблуждением утверждение, говорит он, „что социальный факт, поскольку он социальный, существует *вне всех своих индивидуальных проявлений*. Но, к несчастью... Дюркгейм возвращает нас в самую глубину схоластики. Социология не то же самое, что антология. Признаюсь, мне очень трудно понять, как может случиться, что „отбросив индивидумов, получим в остатке общество". Если отбросить профессоров, не представляю себе ясно, что останется от университета, кроме одного названия, которое не выражает ничего, если оно никому неизвестно со всей совокупностью традиций, с ним связанных. Уже не возвращаемся ли мы к реализму средних веков" [2]).

„Чем может быть общество, если мы отвлечемся от составляющих его индивидов?", спрашивает Тард и отвечает:— ничем. В основе Дюркгеймовской точки зрения он видит предрассудок, состоящий в том, что комбинация элементов может быть отлична от суммы последних. Эта точка зрения, приложимая в химии и биологии, по Тарду неприложима

---

[1]) *Tard*: La théorie oiganique des sociétés. Annales. т. IV. 238—239.
[2]) *Tard*: Социальная логика. СПБ. 1901. 2.

к социологии: в последней при удалении индивидуального исчезает и социальное. В обществе нет ничего, что в частичном виде не существовало бы в индивидах, в качестве достояния живущих и умерших поколений [1]).

Из других лиц, близких к позиции номинализма, отметим *Duprat*. В своей работе: Science Sociale et démocratie он отказывается признать самостоятельную реальность общества в смысле физического тела — организма — и в смысле психического единства — „социального сознания или коллективной души“,—отличной от сознания индивидов. На 46 стр. этой работы он едко высмеивает органическую школу, как представительницу социологического реализма, приписывающую обществу физическую реальность организма. „Mentalisez“ d'abord un organisme; remplacez la cellule purement biologique, qui n' est qu'une abstraction, par une synthèse d'atomes psychiques ou de monades; superposez à la vie la conscience, ici tout à fait obscure et là plus claire; puis „socialisez“ ce que vous venez de „mentaliser“ ainsi; donnez à chaque élément psycho-physiologique une tendance à la vie en commun, à l'association, donnez à l'agrégat un gouvernement, une sorte de monarque avec l'âme, dont la sensibilité, l'intelligence, la volonté seront les ministres... и т. д. Qu y'aura donc gagné la science? Ne resultera-t-il pas une plus grande obscurité encore de ces analogies parfois forcées“. 46—47.

Равным образом Duprat отказывается признать и „социальное сознание“ общества, отличное и независимое от сознаний индивидуальных. „La conscience sociale n'a jamais pu vivre que dans des consciences individuelles“. Если он и соглашается употреблять этот термин, то только постольку, поскольку он обозначает “синтезы социальных понятий, распространенных среди всех социальных существ, в которых он и получает субъективное бытие в одних более ясное, в других более смутное“. Ни о каком социальном сознании, помимо индивидуального сознания, не может быть и речи [2]).

Весьма близкой к социологическому номинализму, но в значительной мере свободной от его недостатков, является „русская суб'ективная школа“, в лице *П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского и Н. И. Кареева.*

Их отрицательное отношение к социологическому реализму выразилось в резкой и по существу правильной критике органической школы; во-вторых,—в страстной защите

---

[1]) *Тард:* Les deux éléments de la sociologie. В Etudes de psychologie sociale. 69—75. Paris. 1898.

[2]) *Duprat:* Science Sociale et Démocratie. 1900. 59. 68—69.

личности, как верховной этической ценности (в суб'ективной школе); в третьих,—в тщательном анализе понятия индивидуальности (особенно Н. К. Михайловским) и в доказательстве, что из всех возможных индивидуальностей (от атома до вселенной) человеку надлежит остановиться на личности, как подлинной социальной индивидуальности: только она—подлинная реальность, действующая, мыслящая, страдающая и наслаждающаяся; только она — не абстракция; только она и ея судьбы—могут быть правильным критерием прогресса и т. д.

По времени, по блеску и глубине аргументации русская суб'ективная школа должна быть поставлена во главе критиков социального реализма. Если я типичным выразителем социального номинализма ставлю Тарда, а не эту школу, то потому, что социологи этой школы не были последовательными номиналистами и свободны, как увидим сейчас, от ошибок последнего [1]).

Спрашивается, которое из этих двух направлений мы должны признать истинным? Прав ли социологический реализм или социологический номинализм?

Для того, чтобы и постановка вопроса и ответ на него были вполне ясны, необходимо удалить из проблемы многозначные и неопределенные термины или условиться об их смысле. Таким термином служит термин: „реальность". Человеку, немного знакомому с философией и гносеологией, известна многообразность содержания, вкладываемого в это слово различными философами и теоретиками познания. Не условившись относительно его значения, мы неизбежно впадем в двусмысленности и неясности. Весь спор социологического реализма и номинализма в значительной степени основан именно на двусмысленности и неоднаковом пониманий термина „реализм" и его производных.

Поэтому поставим вопрос о природе реальности коллективных единств или обществ несколько иначе.

Спросим себя, правы ли реалисты, утверждая, что общество, как реальность sui generis, существует *независимо* и *вне* составляющих его индивидов?

---

[1]) См. *Лавров:* «Исторические письма», «Задачи понимания истории», «Важнейшие моменты в истории мысли» и «Собрание сочинений» вып. VIII; *Михайловский:* «Что такое прогресс», «Борьба за индивидуальность», «Патологическая магия», «Дарвинизм и обществ. наука», «Статья о Дюркгейме и др. *Кареев:* «Теория личности Лаврова». «Введение в изуч. социологии», Экономический матер. и закономерность соц. явлений: 112, и «Общие основы социологии». 1919.

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательный: никакая конкретная вещь не может существовать *вне и независимо от ея элементов:* отнимите от воды ея элементы — кислород и водород—и воды не будет; отнимите от организма его клетки — и организма не будет; отнимите от солнечной системы ея членов—и солнечная система исчезнет. Отнимите от общества его элементы—индивидов—и общество исчезнет. Без индивидов — общества людей не создашь, как без элементов любой вещи нельзя создать эту вещь.

Это так ясно и очевидно, что настаивать на этом трюизме нет надобности. Вот почему реалисты, утверждающие, подобно Дюркгейму и другим, что общественный факт может иметь свое собственное существование, независимо от индивидов и вне их находящееся, если буквально понимать их выражения, проповедуют чистый абсурд. Они похожи на людей, которые „из-за леса не видят деревьев" и кроме того утверждают, что лес может существовать и без деревьев. Вот почему в этом пункте Тард вполне прав, когда говорит: „признаюсь, мне очень трудно понять, как может случиться, что „отбросив индивидуумов получим в остатке общество".

Спросим себя далее, правы ли реалисты, утверждая, что есть „коллективная душа" или „коллективное сознание", имеющее свое собственное бытие, независимое от сознания и души составляющих общество индивидов?

Если буквально понять такие утверждения (а реалисты дают достаточно поводов для такого буквального понимания), то ответ опять таки может быть только отрицательным. Правда, выражения: „душа общества", „душа народа", „народный дух" и т. д. фигурируют постоянно. Но значит ли это, что есть какое-то „сознание общества", или „душа общества", *независимые* от сознания составляющих общество индивидов или имеющие свое собственное существование, вне существования индивидуальных душ?

Ответ дает „метод вычитания". Отнимите от этой „коллективной души общества" „души" *всех* составляющих его индивидов, вычтите из „социального сознания" сознание *всех* его членов, бывших и сущих, и вы получите пустое место. „Социальное сознание" исчезнет; оно исчезнет как психическое переживание, как суб'ективный факт, ибо некому будет переживать его; оно исчезнет как об'ективный вид энергии, ибо вне индивидов психическая энергия проявляться не может; оно исчезнет как физиологический процесс, ибо не будет никакой нервной системы; оно не будет и не

может существовать как физическое явление или как физический предмет. Неизвестно, где и как оно будет локализовано; короче, в этих условиях оно теряет все эмпирические свойства бытия. Этого достаточно, чтобы признать его несуществующим. Те, кто с этим выводом не согласились бы, должны показать, как и в какой форме могло бы существовать это „сознание общества" вне и независимо от сознания всех составляющих общество индивидов. Думаю, что никакого modus vivendi его они в этих условиях не докажут.

Все сказанное относится и к нео-гегелевской концепции Boodin'a с его постулатом междусубъектной духовной непрерывности и к концепциям, подобным теории Фулье [1]). Слова можно выдумывать разные. Но нужно, чтобы эти слова что-нибудь значили. Перефразируя Дюпра можно так охарактеризовать приемы Фулье, Boodin'a и др.: „Одухотворите или припишите сначала сознание всему междупланетному пространству; замените простой атом духовной и сознательной монадой; заместите сознанием все элементы неорганического мира; затем „социализируйте" их по рецепту „психизирования"; придайте каждому „напсихизированному" элементу мира тенденцию к коллективной жизни, к ассоциации, присоедините к этому высшие управляющие центры сознания, подобные монарху и т. д... и в таком случае вы получите просто и без всякого труда не только междусубъектную душу и коллективное сознание, но все, что угодно: бога, чорта, всемирный дух, логос, „сознание вообще", „мировой разум", „всемирное сознание", „атомную душу" и множество других „безличных личностей", „деревянных железъ", „черных белизн" и прочие логически-нелепые, эмпирически-абсурдные понятия. Ценность их будет такова-же, как ценность „деревянного железа". Место таким приемам в сфере телепатии, теософии и мистицизма, а не в системе науки.

„Нет никакого основания предполагать, что общество представляет великое существо, которое обладает самосознанием в форме некоторого мистического процесса мышления, отличного и независимого от мышления, совершающе-

---

[1]) «Мир можно определить как организм, который стремится выработать в себе сознание и волю, как республику, которая стремится реализовать себя путем собственной идеи».

Фулье: La science sociale contemporaine. Paris. 1880 413.

С таким же правом можно было бы мир назвать монархией, приписать ему стремление к хорошим нарядам, отождествить мир с кошкой, собакой и с чем угодно.

гося в мозгу составляющих его индивидов", правильно говорит Гиддингс [1]).

Но если основные тезисы социологического реализма, понятые в их буквальном смысле, не могут быть приняты, то спрашивается: приемлемы ли тезисы социологического номинализма, взятые опять таки в их буквальном смысле? Можем ли мы поддерживать положение, что *общество или коллективное единство, как совокупность взаимодействующих индивидов, равно простой сумме индивидов? Можем ли мы, далее, согласиться с Тардом, что в обществе нет ничего, что не существовало бы в индивидах?*

Достаточно небольшого размышления, чтобы сказать: non possumus.

Равно ли общество, как совокупность взаимодействующих индивидов, простой сумме последних, это зависит от смысла, придаваемого „сумме индивидов" если под суммой индивидов разумеются индивиды *взаимодействующие*, тогда сумма их равна обществу или коллективному единству, ибо сумма *взаимодействующих* индивидов сама составляет „общество". Если же под суммой индивидов разумеются индивиды *не взаимодействующие*, изолированные, отделенные друг от друга, как Лейбницевские монады или две сардины, закупоренные в двух разных коробках, тогда сумма индивидов не равна обществу. Не равна по очень простой причине: по той, что в первом случае изолированые индивиды *не взаимодействуют*, во втором взаимодействуют. В последнем случае присоединяется *новое условие*, — взаимодействие, — которого нет в первом. В силу этого добавочного условия создается ряд явлений, которого нет и быть не может при его отсутствии. Его наличность превращает простую сумму индивидов в общество, в коллективное единство. Пример из химии рельефнее выразит суть дела. Равна ли сумма кислорода и водорода воде? Если они не взаимодействуют, то, очевидно, не равна: простая сумма изолированных кислорода и водорода не составит воду. Если же они взаимодействуют (при надлежащих условиях), то эта взаимодействующая сумма „индивидов", называемых кислородом и водородом, составит воду, т. е. явление весьма существенно отличающееся от простой суммы кислорода и водорода, отдельно взятых.

Сказанное дает ответ и на второй поставленный вопрос. Как вода — результат взаимодействующих кислорода и водо-

---

[1]) *Giddings: The elements.* 119.

рода — резко отлична от каждого из элементов, порознь взятых или их простой суммы, так и коллективное единство, как совокупность взаимодействующих индивидов, обладаеть рядом свойств, процессов и явлений, которых нет и быть не может в простой сумме изолированных индивидов. Тот, кто, подобно Тарду, утверждает обратное, похож на человека „из-за деревьев не видящего леса, леса, как общества взаимодействующих деревьев, отличного от простой суммы не взаимодействующих древесных еденицъ [1]).

Общий вывод из всего сказанного о социологическом реализме и номинализме таков: *ни то, ни другое из этих двух течений не приемлемы.* Каждое из них, в пылу спора, выставляет такие положения, которые либо логически абсурдны, либо эмпирически неверны. *Общество или коллективное единство, как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы не взаимодействующих индивидов, существует. В качестве такой реальности* sui generis *оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но, вопреки реализму, общество существует не „вне“ и „независимо“ от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов.* Термины, подобные „социальному сознанию“ „душе

---

[1]) «Массовый элемент для понятия леса — необходимый, но недостаточный элемент, справедливо говорит Морозов. Лес не есть простая совокупность древесных растений, а есть ассоциация, сообщество древесных пород, т. е. такое множество, в котором растения проявляют не только индивидуальную жизнь, но общественную, обнаруживая друг на друга разнообразные влияния и порождая новые социальные явления, *которые изолированно растущим деревьям не знакомы и не свойственны.* Лес есть только такое множество древесных пород, в котором обнаруживается взаимное влияние деревьев друг на друга».

Морозов: Лес как растительное сообщество. СПБ. 1913. 1, 17, 22—23. Здесь же весьма отчетливо показаны те явления, которые (борьба за существование, дифференциация, господство и угнетение и т. д.) свойственны лесу и не свойственны изолированным деревьям. См. также: *Сукачев*: Введение в изучение растит. сообществ. Passim. *Варминг*: Ойкологич. география растений. М. 1901 г. Введение и главы о лесе. Поэтому глубоко ошибочными приходится признать следующие слова *Н. И. Кареева*: «Лес деревьев не составляет общества и нахождение дерева среди других деревьев ничего не прибавляет к его природе; оно остается тем же в лесу, чем было бы одинокостоящим далеко от других деревьев». *Кареев*: Общие основы социологии. II. 1919. 13. Дело обстоит как раз наоборот.

Прибавьте к этому неизбежные результаты взаимодействия людей: наличность проводников, их постепенную консолидацию и наслоение, в итоге образующих целый материально-существующий мир, материальную культуру, и ошибочность номинализма станет очевидной.

народа", „национальному духу" и т. д. могут фигурировать только в качестве поэтических образов; взятые же в своем буквальном смысле они не соответствуют действительности [1]).

Научно-допустимыми они являются лишь тогда, когда хотят выразить своеобразность психической жизни взаимодействующих индивидов, отличную от психических переживаний суммы изолированных людей. С таким содержанием они приемлемы. Но во избежание недоразумений предпочтительнее не употреблять их.

Таков наш ответ на поставленный в начале параграфа вопрос. Следует ли его квалифицировать как социологический реализм или же он представляет форму номинализма — предоставляем решать любителям: важна не номенклатура, а содержание ответа [2]).

---

[1]) Правильно говорит *П. Л. Лавров:* «процесс сознания всегда индивидуален и иным быть не может». Опыт истории мысли. Женева. 1894. 1425.

[2]) Довольно близки (но не вполне) к этим положениям взгляды *Вахсвейлера* по этому вопросу, резюмируемые им в положении: L'espece est; l'organisation sociale est. . mais... on ne peut les observer que dans les individus. См. у него же критику персонифицирования абстракций; в роде: «социальной группы», «общества» и т. д. 260—270.

Близки к ним и взгляды *Е. В. Де-Роберти*, в отличие от школы Дюркгейма, не субстанционализировавшего явления общественности. «Сущность абстрактного социального явления или общественности, говорит он, мы видим в особом процессе взаимодействия, зарождающемся и развивающемся между нервномозговыми энергиями»!

Де-Роберти: Нов. постановка основн. вопр. социологии. 267.

Выше я указал, что в данном пункте изложенные положения сходны в значительной степени с соответственными положениями русской субъективной школы.

ГЛАВА VII.

Условия (факторы) возникновения, сохранения и исчезновения простых коллективных единств.

§ 1. Условия (факторы) возникновения коллективных единств.

В предыдущем мы видели, что группа взаимодействующих индивидов образует коллективное единство или реальную совокупность.

Естественно встает вопрос: что же, какие условия заставляют индивидов взаимодействовать? Почему они притягиваются друг к другу, а не отталкиваются? Что связывает их взаимно, прикрепляет друг к другу и заставляет взаимодействовать, т. е. образовывать коллективные единства?

Иными словами из сказаннаго естественно вытекают вопросы: *1) как образуются коллективные единства, 2) как они сохраняются, 3) как и когда они уничтожаются, перестают существовать.*

Вопрос о том, *как образуются коллективные единства* означает: *в силу каких условий возникает взаимодействие между двумя или большим числом индивидов.* Решение последней проблемы означает и решение первой.

Дедуктивно можно предвидеть, что таких искомых условий будет множество. Для того, чтобы возникло взаимодействие между индивидами, нужно только, чтобы они могли оказывать одностороннее или двухстороннее влияние друг на друга. Такое влияние возникает прежде всего при *пространственной* близости индивидов друг к другу. Следовательно, *все факторы или условия, вызывающие это пространственное соседство, eo ipso могут быть факторами возникновения коллективного единства.*

Во вторых, мы видели, что взаимодействие может происходить и при пространственной раздельности индивидов. Необходимо лишь, чтобы между ними были проводники, которые передавали бы раздражения, исходящие от одних

индивидов другим. Отсюда следует, что *все условия, вызывающие или благоприятствующие установлению проводников взаимодействия, могут быть факторами возникновения коллективного единства.*

В третьих. При прочих равных условиях чем чаще индивиды будут встречаться друг с другом, тем вероятнее, что они будут вступать во взаимодействие· оказывать один на другого влияние и вызывать ответные реакции. Отсюда следует, *что все факторы, благоприятствующие этой частоте встреч и соприкосновений человеческих единиц, будут или могут быть и факторами, вызывающими процессы взаимодействия между ними, т. е. образование коллективных единств.*

Эти положения дают нам руководящие указания для разрешения поставленной проблемы. И пространственная близость индивидов, и установление проводников взаимодействия между ними, и частота встреч людей друг с другом могут вызываться условиями: *1) космическими (физико-химическими), 2) биологическими и 3) социально-психическими.* Остановимся на каждой из этих групп [1]).

I. *Космические факторы образования коллективных единств.*

Взаимодействие людей может быть вызвано чисто космическими условиями, определяющими скопление людей в одном месте; таковы, температура, свет, звук и ряд других космических процессов. Так, понижение *температуры* в одном месте может заставить людей стремиться к такому пункту, где эта температура была бы более благоприятной для человеческого организма [2]). В зимние морозы на улицах города мы видим, как люди, лишенные почему либо возможности пользования теплым кровом, сбираются около уличных костров; огонь „тянет“, „притягивает“ людей к себе. Около таких костров завязываются разговоры между незна-

---

[1]) Как видно из постановки вопросов, в данной главе я не решаю проблему первичного происхождения и развития «общественности» вообще, а занимаюсь кратким анализом вопроса: в силу каких вообще условий люди вступают в взаимодействие? Какие условия благоприятствуют возникновению последних? Вопрос же о первичном происхождении и развитии «общественности» будет трактоваться в «Генет. социологии», хотя нижеследующие положения применимы и к этому вопросу.

[2]) Сходное явление видим в мире животных, напр, тараканов. Теплая температура кухни заставляет их скопляться в кухне, около плиты, печки и т. п. Падение температуры заставляет их разбегаться и менять холодное место на теплое.

комыми людьми, происходят знакомства, начинается обмен взаимными акциями и реакциями и т. д., т. е. возникает ряд процессов взаимодействия или коллективных единств. В летние жары мы видим обратное. Здесь жар гонит людей в места теневые, прохладные, к берегам моря, реки, озера, где можно выкупаться. Купальные места, пляжи и т. п., в этих случаях становятся общепритягательными пунктами. Благодаря жаре, люди собираются в одном месте, входят в пространственную близость и дают в результате процессы взаимодействия. То же наблюдаем тогда, когда люди, спасаясь от дождя, собираются под одной крышей или деревом... В этих условиях возникшие процессы общения бывают кратковременными: они возникают и быстро исчезают. Но сейчас нас интересует не длительность их, а способ их возникновения.

Достаточно однако представить данную космическую причину постоянной, чтобы взаимодействие стало длительным. Жители ночлежек, признанные туда космическими условиями,—жаром, холодом, дождем, часто пользуясь ими, входят в более тесное общение друг с другом и нередко образуют длительное взаимодействие [1]). Лесные люди, проводящие зиму в лесу (изготовление леса, охота и т. д.), при отсутствии многих избушек, принужденные собираться на ночь в одной баньке, знакомятся друг с другом и взаимодействуют в течение длительного времени — всего зимнего периода... Частые встречи людей в местах купанья нередко ведут к взаимным знакомствам, к дружбе, к взаимодействию, временами продолжающемуся всю жизнь [2]). Такую же „притягательную“ силу может иметь и *свет*. Многие из людей не выносят темноты. Последняя „гонит“ их туда, где светло. Будет ли таким светом единственная свеча вагонного коридора, сбирающая вокруг себя пассажиров, или свет костра, к которому на подобие бабочек притягиваются люди, или „маячащий огонек“ домика, неожиданно показавшегося заблудившемуся в темноте путнику, или свет уличного фонаря, около которого часто сбираются и группируются люди—все равно; здесь свет, как космическое условие, „притягивает“ к себе людей, сплошь и рядом совершенно чуждых, и заставляет

[1]) См. пьесу «На дне» М. Горького, рисующую ряд взаимодействий, возникающих между обитателями таких жилищ, поставленными волею судьбы в пространственную близость друг к другу.

[2]) Подтверждением этому служат обычаи флирта, любовных историй, браков и т. д., часто берущих свое начало в «случайных встречах» на пляже, под кровом, защищающим от дождя, в постоялом дворе, куда зашли «согреться», «обсушиться», «отдохнуть» и т. д.

их вступать в взаимодействие друг с другом, часто минутное, временами длительное, ведущее к дружбе, к ненависти и т. д. Влияние света проявляется также и в том, что днем, с наступлением света, поток взаимодействия бьет бесконечно интенсивнее, чем ночью. Наступление последней, т. е. угасание естественного света кладет конец и множеству процессов взаимодействия. С рассветом последние вновь оживают.

Возьмите далее такое космическое условие, как *вода*. В местах, не богатых источниками *воды* (оазисы в пустыне, деревни и города, с малым количеством колодцев или удобных мест на реке, где можно было бы захватить воду, стирать белье и т. д.), последние служат притягательным пунктом, собирающим около себя людей, заставляющим их встречаться друг с другом, входить в общение, короче—образовывать то мгновенные, то длительные коллективные единства.

Если же взять сложные космические условия, то роль их в деле возникновения коллективных единств станет очевидной. Из истории нам известно, что первые поселения людей, как и современные скопления их, тянутся вдоль берегов рек, озер или морей. Не только в прошлом, но и теперь еще, взглянув на карту населенности различных территорий земли, мы видим, что наиболее населенными являются полосы земли, тянущиеся вдоль источников воды (реки, озера, ручьи, моря и т. д.) [1]).

Та же карта убедит нас в том, что области с слишком низкой или высокой температурой (полюсы, пустыни и т. д.), наиболее слабо населены [2]). Возьмите далее такие космические условия, как рельеф (гористость, долинность и т. д.) земной поверхности. Опять таки и здесь места „удобные" для жизни—защищенные от ветров, от сирокко, не трудные для подъема, богатые запасами пищи, питья, и т. д.—были и остаются пунктами, притягивавшими к себе людей, ставив-

---

[1]) *Ключевский:* Курс рус. истории. М. 1908. 67.

«По большим рекам, как главным торговым путям, сгущалось население; по ним возникали торговые средоточия, древнейшие русские города. Речными бассейнами направлялось географическое размещение населения» и т. д.

Обермайер: Доисторич. человек. Изд. Брок-Ефрон. 126.

«Наши отдаленнейшие предки жили в непосредственной близости рек, доставлявших им в изобилии рыбу».

«В Европе плотно населенными являются плодородные долины: По—в Италии, Рейна—в Германии, Сены—во Франции, Темзы—в Англии. В Азии миллионы людей Индии и Китая сконцентрированы в долинах Ганга, Инда и Желтой реки».

Giddings: The elements. 19.

[2]) См. статист. таблицу у *Майра:* Статистика и обществоведение. т. II. 71. 1901.

шими их пространственную близость друг к другу, заставлявшими их чаще встречаться, словом, содействовавшими возникновению коллективных единств.

Без всякого умысла, без всякой цели, космические условия „механически“ сталкивают людей друг с другом и вызывают у них взаимные акции и реакции, т. е. взаимодействие.

Не учитывая этих космических условий мы не в состоянии понять степень населенности различных областей земли ни в прошлом, ни теперь. Гиддингс прав, говоря: „общества мы находим лишь там, где физические условия страны и климата благоприятны группированию живых существ в обширные аггрегации... Больше, чем половина земли, неблагоприятна скоплению населения. Горы, пустыни, тропические джунгли, холодные области полярных зон представляют области, малодоступные для сосредоточения населения“. Далее Гиддингс дает обзор населенности различных областей Америки, Азии и Африки, вполне подтверждающий это положение [1]).

И температурные условия, и свет, и распределение воды и суши, и рельеф земной поверхности, и климат, и плодородие почвы, и ея минералогическое и геологическое строение и т. д.—все это ряд условий, заставляющих людей концентрриоваться в определенных местах и тем самым вызывающих процессы взаимодействия, т. е. образование коллективных единств.

Возьмем для примера такой фактор, как богатство почвы золотом или др. ценными продуктами. „Тысячи людей, до сих пор не знакомых друг с другом, не имевших никаких сношений, были внезапно брошены в одно место“, говорит Borthwick об внезапном скоплении людей в Калифорнии, вызванном открытием богатых золотых розсыпей [2]). „В 1860 г. наблюдалось массовое стечение семейств в области месторождения масла (into the oil fields) в Пенсильвании. В 1877 г. в Колорадо возник город (Leadville) с невероятной быстротой. В 1889 г., 50 000 „boomers“ нахлынули в один день в Oklahoma; в 1893 г. та же сцена повторилась с 90 000 подобных искателей счастья. Космополитический город Иоганесбург, с 50.000 жителей, вырос в 7-мь лет в безлюдной степи Трансвааля, в центре золотых месторождений Африки“ [3]). Подобное происходило и в прошлом.

[1]) *Giddings:* Op. cit. 18 и сл. Хорошей иллюстрацией сказанного служат географич. карты населенности земного шара.

[2]) *Borthwick:* Three Years in Kaliforma. 1857. 382. См. рассказы *Дж. Лондона*, рисующие ряд взаимодействий—трагических и идиллических—между слетевшимися на золото человеческими светляками.

[3]) *Giddings: The elements.* 25—26.

„Еще одна причина заставляла людей шелльской эпохи селиться на плоских, усеянных камнями берегах рек, читаем мы у Обермайера; там они находили во множестве необходимый для них кремень, из которого они выбивали топоры и др. каменные орудия“ [1]). „Многие города во все периоды истории возникали поблизости к горным или иным земельным богатствам“ [2]).

То же применимо и к ряду других космических условий. Они „механически“ притягивают людей в определенные места, сталкивают их друг с другом, заставляют их, помимо воли и целей последних, взаимодействовать и образовывать то временные, то длительные коллективные единства.

И чем ниже мы будем спускаться по лестнице культуры, тем „социализирующая“ роль космических условий будет значительнее; первобытные люди находились и находятся от них в гораздо большей зависимости, чем мы. Они не располагали и не располагают, как культурные люди, возможностью создавать вокруг себя искусственную среду, делающую их в значительной степени независимыми от космических условий и процессов. Отсутствие одежды и теплых жилищ, ряда технических средств для соответственного изменения рельефов поверхности, для регулирования течения источников и рек, для создания света в темноте, и т. д.— все это делало их „рабами“ космических условий. Холод неизбежно гнал их в те места, где была естественная теплота, жажда—к источникам воды, темнота—к источникам света, необходимость передвижения—к естественным водным путям сообщения [3]), бесплодность территории—в места плодородные, жара—в места прохладные и т. д. и т. д.

В пункты, благоприятные для жизни, в силу указанных условий, механически стягивались индивиды, входили в пространственную близость и в виде ли борьбы или мирного сожительства между ними возникали явления взаимодействия.

„Условия, благоприятствовавшие охоте и рыболовству, приводили банды незнакомых и чуждых друг другу дикарей в соприкосновение и вызывали хроническую вражду. Ужасные битвы между Алгонкинами и Ирокезцами до заселения

---

[1]) *Обермайер:* Ibid. 126.

[2]) *А. Вебер:* Рост городов в 19 столетии. СПБ. 1903. 166.

[3]) «Замечаем, что появление значительн. торгового города среди племени зависело от географич. положения последнего: такие города возникали среди населения, жившего по главным торговым линиям Днепра, Волхова и Зап. Двины» (Киев, Новгород и др.).

Ключевский: Op. cit. 161—162.

Северной Америки европейцами были следствием их тяготения к долине Могавка. Долины Delaware, Огио, Миссисипи, Колумбии и Колорадо были постоянно центрами подобных процессов стечения и ареной истребительных войн“ [1]) „Вдоль рек постройка плотин была первым поводом для принудительной кооперации. В Египте и Китае—древних монархиях—забота о воде и ея регулировке имела громадное значение для формирования государства“ [2]).

Этот факт отмечен и статистиками. „Влияние естественного фактора большого плодородия почвы вообще обнаруживается в более сильной степени плотного населения и наоборот. Такая пропорциональность между густотой населения и качеством почвы в бассейнах отдельных рек выступает с тем большей ясностью, чем менее сильны влияния промышленного развития, нарушающие эту закономерность“, читаем мы у Майра. При чем само влияние экономического развития в „значительной мере обусловливается естественными факторами — наличностью водяной силы, запасов камен. угля и минералов, а также благоприятным положением естественных путей сообщения“ [3]). „Население естественно стремится в долины, т. к. они отличаются плодородием, защищены от крайностей температуры и являются центрами торговли. говорит Майо-Смит. Реки—естественные дороги, поэтому население прежде всего водворяется вдоль рек и города возникают по их берегам.

Берега океана и изрезанная береговая линия с хорошими гаванями привлекают в виду своих коммерческих преиму ществ. Горы безплодны, холодны и недоступны. Поэтому они становятся убежищем побежденных народов и естественной крепостью независимых племен, но не могут прокормить многочисленное население. В истории мы находим множество примеров этих общих влияний. Долины Нила, Евфрата, Тигра были очагами древних цивилизаций. Большинство цветущих городов Греции находилось на морском берегу. Средневековые итальянские и германские торговые города находились большей частью на судоходных реках или у моря. История Соединенных Штатов представляет яркий пример влияния рек и долин на рост (правильнее: на концентрацию и расселение. П. С.) населения. Когда в 1790 г. состоялась первая перепись, 95% населения жили на атлан-

[1]) *Giddings*: Op. cit. 26--27.
[2]) *Ross:* Social Control. 50.
[3]) *Майр:* Статистика и обществоведение, т. II. СПБ. 1901. 71.

тическом побережье, средняя ширина населенной прибрежной области была 255 миль. С того момента она стала распространяться по долине Могавка, к Огайо и по большой Аппалачской долине. Главный поток населения стремился вниз по р. Огайо, а затем вверх по Миссури, Арканзасу и Красной реке" [1]).

Таких подтверждений можно привести сотни и тысячи.

Вот почему как относительно глубокого прошлого так и настоящего времени с полным правом можно говорить о „социализирующем" влиянии космических условий, рассматривать их, как факторы образования человеческих соединений и ассоциаций [2]).

Говоря так, я, разумеется, в понятие коллективного единства не ввожу никакого нормативного момента. Оно

---

[1]) *Р. Майо-Смит* Статистика и социология. М. 1900. 366—367.

[2]) Здесь то же самое можно сказать о человеке, что *Пармели* говорит о факторах животных ассоциаций. «Определенные внешние силы собирают животных в одно место... Напр, животные, обитающие в воде, тянутся к той ее сфере, где температура воды наиболее благоприятна для жизненных процессов. Если эта сфера мала, большое количество животных окажется в тесной близости один к другому. Давление воды может сыграть такую же роль. Таким же образом влияет и локализация пищи. Если пища определенного вида животных распределена на небольшом пространстве, члены вида будут принуждены встречаться и жить вместе с силу потребности в пище». Вот почему он правильно выделяет Environmental forces, как the factors of social evolution.

См. *Parmelee*: Op. cit. 330, 391—395.

Такими же «механически-социализирующими» космическими условиями служат в ряде случаев: свет, притягивающий животных, в роде бабочек и т. д., к центру света (явления полож. светового тропизма), цвет и т. д. См. о тропизмах работы Леба опыты Hessa и американских исследователей животного поведения. См. *Hess*: Ueber Lichtsinn und Farbensinn in der Tierreiche. Die Umschau, XIV. 1910. 934—947, 976—979. *Садовникова*: Новейшие исследования американцев по зоопсихологии. Природа. 1916. № 11. *Вагнер:* Биопсихология. Т. I. 187—222 *Леб.* Значение тропизмов для психологии. Нов. идеи в филос. Сб. № 8.

Более ярко «социализирующая» роль косм. условий в животном мире выступает в таких явлениях, как источники воды, притягивающие животных к себе для утоления жажды; территории, обильные пищей, собирающие в пространственной близости животных и вызывающие среди них взаимные акции и реакции борьбы, хищничества, взаимопомощи и т. д. (пример: свалочные места, привлекающие множество воронов), берега, удобные для постройки гнезд (напр, стрижиных гнезд), и т. д. Все эти, как и ряд других условий, заставляют животных входить в соприкосновение друг с другом и в той или иной форме взаимодействовать.

Влияние тепла на концентрацию животных в одном месте легко может быть констатировано на тараканах. «Общества» тараканов локализованы обычно в теплых местах: около печек, духовок, в кухне и т. п. Прекращение топки плиты и падение кухонной температуры в течение весны и лета в 1919 г., повело за собой (по наблюдениям автора) эмиграцию тараканов из кухни и равномерное рассеяние их по другим комнатам.

означает простой факт взаимодействия в вышеопределенном значении термина. Если взаимодействие это конкретно выразится в борьбе совокупно собравшихся индивидов, перед нами, согласно определению, будет коллективное единство, антагонистическая ассоциация борющихся индивидов [1]).

Сказанное показывает, что *космические условия вызывают скопление индивидов в пространственной близости друг к другу, заставляют их сталкиваться и соприкасаться друг с другом, т. е. вызывают процессы взаимодействия между ними, превращающие взаимодействующих индивидов в коллективные единства Вот почему можно говорить о „социализирующей" роли космической среды. Отсюда же следует, что процессы взаимодействия между людьми возникали и возникают чисто механически, без всякого „договора", целевых соображений, умышленного стремления к объединению, без всяких сознательных намерений, взаимных симпатий или стадных инстинктов, короче без всего того, о чем наслужжали нам уши многие государствоведы и социологи, как об необходимых, якобы, условиях образования общества. И в мире людей, и в мире животных общение, понимаемое в смысле взаимодействия, может быть вызвано и создано механически, действием одних сил космической среды.* Эллвуд прав, отмечая эту роль космических условий, на ряду с биологическими, в процессе образования соц. групп. „Когда живые существа приводятся в тесную пространственную близость и остаются в такой близости, говорит американский социолог, они входят в взаимодействие на почве питательного и воспроизводительного процесса. Условия пищи т. о. доставляют физический базис для взаимоотношений между организмами, которые потом превращаются в взаимодействие психическое" [2]).

Процесс образования коллективных единств, как видим, не требует всего того, что считалось необходимым многими.

---

[1]) Эта роль космических условий косвенно отмечена *П. Л. Лавровым.* «Человек нашел в земной коре слои соли для питания, слои глины для посуды. Для битв между людьми нашлись твердые камни и металлы. Был готов материал для храмов будущим богам, для дворцов будущим владыкам... В глубоких рудниках и в громадных массах красивых камней существовали уже места, где поколения рабов должны были тратить свой труд... В редких россыпях алмазов и золота прятались уже самые энергичные орудия борьбы за обогащение» и т. д. Все эти места сосредоточия: соли, глины, твердых камней, золота, алмазов, были притягивающими центрами, собиравшими около себя человеческих особей и прямо или косвенно вызывавшими процессы взаимодействия.

А. Доленга: Важн. моменты в истории мысли. 17—18

[2]) *Ellwood:* The origin of Society. Amer. journ. of Sociologie. T. XV, 394—404.

В ряде случаев „общество“ может быть создано одними физико-химическими условиями. Они играли роль в происхождении первичных „обществ“ и продолжают играть эту роль и теперь. Такова первая категория факторов образования коллективных единств [1]).

II. Биологические факторы образования коллективных единств.

Следующим разрядом условий, вызывающих возникновение процессов взаимодействия, служит ряд биологических условий. В общем и целом эти условия сводятся к фактам *нуждаемости одного организма в другом в силу различных обстоятельств*. Эта нуждаемость заставляет организмы приходить друг с другом в соприкосновение, в пространственное соседство, встречаться и входить в общение. Такое соприкосновение диктуется организмам необходимостью сохранения последних, сохранения вида и удовлетворения тех биологических потребностей, без удовлетворения которых организм не может жить, как не может существовать и весь вид животных.

Потребность питания. Чтобы организм мог существовать — он должен удовлетворять *потребность питания*. На почве удовлетворения этой потребности организмы принуждены соприкасаться друг с другом и образовывать ряд разнородных и сложных процессов взаимодействия — то коротких, то длительных. Многие животные питаются животными же организмами... Отсюда вытекает необходимость для первых входить в соприкосновение со вторыми хотя бы для того, чтобы пожрать их. На этой почве устанавливается ряд про-

---

[1]) Сделанная суммарная характеристика имеет своей задачей только указать на роль космических факторов в деле возникновения коллект. единств. Но она не преследует нисколько задачи изучения того влияния, которые космические факторы оказывают на человеческое поведение и обществ жизнь... Эти вопросы будут подробно изучаться в «Социальной механике».

Указанная социализирующая роль космич. факторов находит подтверждение и в работах, посвященных изучению роли географических условий в жизни людей.

Много материала в этом отношении читатель найдет в работах *Ратцеля*: Антропогеография Его же: Le sol, la société et l'état. (L'année sociol. T. III. 1—14). *Hayes*: Effects of geogr. conditions upon soc. realities (Amer journ. of. soc., т. XIX. 813—824), *Brunhes*: La géografie humaine, Paris, 1912, *Vallaux*: Géografie sociale, 1911, *Demolins*: Comment la route crée le type social, т. I и II (Librairie de Paris), *Semple*: Influences of Geographic Environment. New-York. 1911. *Л. Мечников*: Цивилизация и великие истории. реки Франц. изд. Paris. 1889 г. и др.

цессов взаимодействия между теми и другими, называемых некоторыми исследователями словом „предатизм“ [1]). Такие явления мы наблюдаем и в мире растений, и в мире животных, и в мире человека. Волки и другие хищные звери (львы, тигры и т. д.) принуждены „рыскать“ и искать себе добычу в виде других животных; след, в той или иной форме взаимодействовать с ними. На почве той же потребности питания вырастают такие „коллективные единства“, как напр, взаимодействие между муравьями и травяными вшами, которые воспитываются первыми для того, чтобы быть сожранными. Формой предатизма в мире людей служат взаимоотношения человека и домашних животных (свиней, овец, кур, кроликов и т. д.). На почве того же питания далее вырастают такие животные „ассоциации“, как явления *комменсализма*, (напр. взаимоотношения организма и внутренних червей, обитающих в нем и абсорбирующих пищу, перевариваемую первым), явления *паразитизма* (взаимодействие организма и паразитов, живущих за счет первого), явления *мутуализма* (взаимодействие насекомых, питающихся паразитами других организмов), явления *симбиоза* — взаимодействие двух или большего числа организмов, образующих подобие единого организма, напр, водоросли и грибы, образующие лишайники [2]).

Кроме того, потребность питания заставляет организмы встречаться друг с другом в поисках пищи, и, таким образом, вступать в ряд процессов взаимодействия, особенно в областях, богатых пищей и добычей.

Тоже самое наблюдается и в человеческом мире. И здесь потребность питания была могучим „социализирующим“ фактором. В поисках пищи люди стекались в места богатые питательными продуктами, входили в соприкосновение друг с другом и образовывали в итоге ряд коллективных единств. Берега морей, рек, озер, богатых рыбой, были притягательными центрами, куда влеклись индивиды, и вступали друг с другом или в солидарное, или в антагонистическое взаимодействие. Леса и территории, изобиловавшие животными, потребляемыми в пищу, играли и играют ту же роль.

Это явление продолжает наблюдаться и теперь. Сколько мгновенных и длительных взаимодействий происходит и сейчас в местах, пригодных для охоты, рыбной ловли, бога-

---

[1]) См. напр. Waxweiler. Esquisse. 44.

[2]) См. об явлениях «слагаемости жизни» (симбиоза) *Арнольдовский*: Индивидуальность и сотрудничество» (Природа. 1916. № 7—8) *Эспинас*: Животные общества. *Perrier*: Les colonies animales et la formation des organismes. 1898.

тых естественными произведениями земли: фруктами, грибами, ягодами, и другими питательными растениями. Биологический фактор голода сталкивал людей друг с другом, заставлял их входить в общение,—убивать друг друга из-за пищи, соединяться в кооперацию для более успешной охоты или ловли и т. д.

Тот же фактор в древности, во времена людоедства, заставлял людей искать себе подобных, хотя бы для того, чтобы полакомиться человеческим мясом, или отнять у других пищевые запасы, которыми они обладали.

Эта „социализирующая“ роль инстинкта питания проявляется и в наше время. По прежнему *центры, где можно удовлетворить голод и жажду,— рестораны, столовые, кафе, трактиры, чайные, продовольственные лавки, рынки и т. д.— служат местами, куда каждый день стекаются человеческие единицы, входят друг с другом в общение, знакомятся, встречаются и часто образуют длительные союзы дружбы, товарищества, любви и т. п.* Сколько „коллективных единств“ зародилось на почве случайной встречи за завтраком или обедом! Как много людей, входящих в ресторан незнакомыми, выходило оттуда друзьями, товарищами, супругами, любовниками или обратно—смертельными врагами... Сколько общественных дел зародилось на почве случайного общения за столиком кафе или ресторана. Сколько знакомств возникло и возникает ежедневно на рынке, в столовой, в продовольственном хвосте и т. п. Сколько коопераций самых разнообразных зарождается в целях удовлетворения голода путем совместных усилий, начиная с бунта голодных, разбивающих лавки, и кончая „закупочными отрядами“ и продовольственно-реквизиционными отрядами нашего времени.

Биологический фактор голода „механически“, без всякой цели и намерения, сталкивает людей друг с другом, заставляет их входить во взаимодействие и образовывать коллективные единства самого различного вида.

Потребность половая. Вторым „социализирующим“ биологическим фактором является *потребность половая.* Удовлетворение ее диктуется той же биологической необходимостью: интересами самого организма и всего рода или вида животных. Необходимость удовлетворения этой потребности заставляет организмы искать другие организмы, входить с ними в соприкосновение и образовывать временно или на долгое время „реальные совокупности“. Иными словами, половая потребность (и в мире животных, и в мире людей) пространственно сближает организмы, влечет их друг к другу и дает в итоге ряд „ассоциаций“...

Биологи, в роде Гертвига, окрестили даже особым именем „полового сродства“, подобного химическому сродству, эту притягательную силу полового инстинкта. „Под именем полового сродства, говорит он, я разумею взаимные влияния, производимые сродными в половом отношении клетками таким образом, что помещенные на определенном расстоянии друг от друга, клетки притягиваются, соединяются, смешиваются подобно двум химически сродным веществам“ [1]).

Это „половое сродство“ имеет одинаковое значение и для многоклеточных организмов. Благодаря ему и на почве его организмы притягиваются друг к другу на всех ступенях органической лестницы, начиная с конъюгации простейших, идя чрез явления общения животных в периоды спаривания и течки и кончая длительными супружескими союзами ряда высших организмов, союзами часто продолжающимися в течение всей жизни.

Нужно ли говорить, что ту же „социализирующую“ роль играет половой инстинкт и в человеческом мире [2]) Если бы люди были самыми антисоциальными существами, то и тогда этот инстинкт заставлял бы их встречаться друг с другом и вступать во взаимодействие. Сколько временных и длительных союзов возникало и возникает между людьми на этой почве, начиная с „свободных“ союзов ночного гуляки и проститутки и кончая супружескими пожизненными союзами. Сколько самых различных процессов взаимодействия вызвано им к жизни: явления умыкания и похищения женщин, явления их купли, поступления мужа в род невесты для ея выкупа путем работы (Іаков, отрабатывающий Лию и Рахиль у Лавана [3]), явления половых оргий, религиозный гетеризм, многоженство, многомужество, изнасилования женщин или мужчин, любовные связи и влюбленность, драки и соперничество из-за обладания женщиной или мужчиной, (вспомним миф о Трое и Троянской войне, вызванной борьбой из за Елены, похищение сабинянок и т. п.). супружеские союзы, явления проституции, множество переживаний, связанных с этим инстинктом, и т. д, и т. д. Иными словами, этот инстинкт в тысяче форм заставляет людей вступать

---

[1]) *Гертвиг:* La cellule et les tissus, 282. Цитирую по *Waxweiler*'y, Esquisse: 47.

[2]) Много материала дает в этом отношении *Дарвин;* См. его «Происх. человека и половой отбор». Passim. Гл. VIII и сл.

[3]) *Mazzarella* в своей ст «О юридич положении старшего брата матери в материнских обществах» приводит 130 народностей, у которых существует такой обычай.

в общение с индивидами другого пола; эти связи, как зубчатые колеса, влекут солидарные или антагонистические взаимодействия с другими лицами, на его почве ежедневно возникает множество длительных и мгновенных соединений, союзов, ассоциаций, короче — ряд коллективных единств. Всюду половой фактор играет роль условия, сталкивающего людей друг с другом. Сколько трагедий, комедий, драм и идиллий рождается ежечасно на его почве.

В громадной роли его в деле образования коллективных единств—едва-ли можно усумниться.

В связи с ним и на его почве возникли добавочные биологические условия, являющиеся в свою очередь факторами образования процессов взаимодействия. Я разумею —*явления размножения, супружеские отношения и отношения родительские.*

Размножение организмов — результат полового общения — является „социализирующим" биологическим фактором в силу того, что оно означает увеличение числа организмов. Увеличение последних в пределах той же территории, равносильно пространственному сближению организмов, с одной стороны, с другой — увеличивает частоту встреч и соприкосновений организмов друг с другом. А все это вызывает ряд взаимодействий, (коллективных единств), которые при отсутствии этого фактора не могли бы иметь место [1]). Таким образом размножение—чисто биологический фактор—является условием, благоприятствующим и создающим процессы общения организмов. Результаты его влияния чрезвычайно многочисленны и важны: обострение борьбы между организмами, кооперация их деятельности, эмиграция и иммиграция и целый ряд других общественных явлений вызваны им к жизни.

Сказанное о мире животных применимо и к человеку. И здесь размножение — фактор, создающий коллективные единства. В областях с более плотным населением, напр.,

---

[1]) *Дарвин:* Произх. человека и половой отбор. Изд. Лепковского. 31. «Известно, что у цивилизованных народов, при благоприятных условиях, как, напр., в Соединенных Штатах, население удвоивается в течение 25 лет; а по вычислению Эйлера оно может удвоится даже в течение 12 лет с небольшим. Таким образом, оказывается, что при первом масштабе размножения настоящее население Соединенных Штатов, в 30,000,000 душ, могло бы покрыть в 657 лет всю сушу земного шара так густо, что приходилось бы по 4 человека на каждый квадратный ярд поверхности». «По вычислениям Герм. Импер. Статист. бюро количество населения в современных террит. границах Империи с 1816 г. по 1895 г возросло с 24,833,000 до 152,247,000 т. е. со 100 до 210». «Население Европы в течение 87 л. 19-го столетия почти удвоилось».

Майр. Статистика и обществоведение, т. II 59, 61. СПБ. 1901.

в городах, по сравнению с селами, число процессов взаимодействия, благодаря плотной населенности, безконечно больше, чем в деревнях.

Территория города, так сказать, насыщена человеческими индивидами. При всем желании избежать близкого соприкосновения с ними здесь нельзя этого достигнуть: куда ни повернись — везде найдешь людей. В силу этого, процессы взаимодействия здесь возникают ежеминутно. Коллективные единства рождаются „пачками". Общение людей принимает характер ключом бьющего потока... Всевозможных единений—обществ, союзов, ассоциаций—здесь безконечно больше, чем в деревнях или в областях с редким населением... Социальные эффекты этой плотной населенности, сводящейся в конечном счете к размножению (ибо без него не могло бы быть и „тяги к городам", т. к. некому было бы тянуться), грандиозны и разнородны [1]). Тысячи и десятки тысяч самых разнообразных общественных явлений вызваны им к жизни. Иными словами, размножение механически порождает „общества" и ассоциации. Его „социализирующая" роль несомненна.

Супружеские отношения. Они представляют явление, возникшее на почве и в связи с удовлетворением половой потребности. И в мире животных, и в мире человека половое общение ведет довольно часто к созданию длительного взаимодействия между представителями различных полов.

Это означает, что половая потребность вызывает к жизни ряд коллективных единств, существующих продолжительное время.

Родительский инстинкт. Он стоит также в связи с половым инстинктом. Вместе с супружескими отношениями он является биологическим фактором создания ассоциаций. При чем его „социализирующая роль" состоит уже не только в том, что он, как и половой инстинкт, сталкивает механически индивидов и заставляет их взаимодействовать. Но подобно фактору половому, супружескому и фактору раз-

---

[1]) Снова оговариваюсь, что здесь я очерчиваю лишь роль размножения в деле возникновения коллективн. единств, а не изучаю его различные социальные эффекты. Это составит предмет изучения «Социальной механики».

Материал читатель найдет: у *Коста:* в «Princ. d'une soc. objective и Expérience des peuples», *Ковалевского:* Экономический рост Европы; *Дюркгейм:* Разделение общ. труда; *Simmel:* Soziologie, 47 — 133, *Доленги:* Важнейшие моменты в истории мысли. 22—43, *Бупле:* Эгалитаризм. СПБ. 1904. *Нитти:* Народонаселение и общ. строй. 1898 г. *Н. Кондратьев:* Фактор размножения в социологии М. М. Ковалевского. Сборн. памяти М. М. Ковалевского, в курсах по демографической статистике и т. д.

множения он определенным образом воздействует и на переживания организмов: на почве этих условий возникают первые начатки того, что зовется обычно симпатией, солидарностью, „сознанием рода“ и стадным инстинктом... Длительная связь между продолжительно взаимодействующими на биологической почве организмами порождает связь не только механическую, но и более живую: организмы начинают притягиваться друг к другу, переживать нечто подобное удовольствию от общения, нуждаться один в другом, короче—между ними возникает и внутренняя связь, у людей—связь психическая. Если не вполне, то частично прав Сутерланд, выводящий „социальность“ из родительского инстинкта“ [1]).

Совокупному действию полового, супружеского и родительского факторов обязаны своим бытием ассоциации, образуемые супругами, с одной стороны, родителями и детьми—с другой и—в человеческом мире—соединения родственников,—с третьей [2]).

---

[1]) См. *Сутерланд*: Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПБ, 1900.

Ошибка *Сутерланда*, как в свое время мы увидим, заключается в том, что он считал родительский инстинкт и семью источниками всех более широких общественных ассоциаций. К тому же мнению, повидимому, склонялся и *Дарвин*. «Что касается побуждения, заставляющего некоторых животных соединяться обществами, пишет Дарвин, и помогать друг другу, то в большинстве случаев его можно объяснить чувством удовольствия или наслаждения, которое они испытывают при удовлетворении своих инстинктов, или же чувством неудовольствия, которое остается обыкновенно после неудовлетворения их»... Это наслаждение от общения Дарвин в дальнейшем сводит, как и Сутерланд, к родительскому инстинкту. «Наслаждение, доставляемое обществом, проистекает, вероятно, от расширения родительской или детской любви, так как общественное чувство, повидимому, развивается у молодых животных, остающихся долгое время при своих родителях»...

Дарвин: Происхождение человека. 81.

[2]) В настоящее время, вопреки Сутерланду и Дарвину, следует думать, что более широкие ассоциации животных и человека не имеют своим источником семью, как продукт факторов полового, родительского и супружеского. Семья, *являясь* социализирующим фактором, с одной стороны, с другой—заключает в себе ряд условий, препятствующих расширению ассоциации. Таковыми служат. явления борьбы из-за самок, ревность, семейный эгоизм и т. п. Они антагонистичны с интересами более широкой ассоциации. «Семейный эгоизм, говорит Эспинас, тем более повелителен, что он имеет в качестве центра более обширное «я». Коллективное сознание племени не могло при своем возникновении иметь более опасного врага, чем коллективное сознание семьи... Единственный переход от семьи к племени заключается не в отношениях отца с матерью и родителей с детьми, а во взаимоотношениях детей друг к другу. Даже при возникновении семья и племя антагонистичны; они развиваются в противоположном направлении. Подлинный элемент племени — индивид и любовь существа к себе подобным, как к таковым, или симпатия—вот источник коллективного сознания».

Эспинас: Des sociétés animales. 1878. 469—470.

Таким образом, эти чисто биологические условия—опять таки без всякого целеполагания и воли—создавали и создают целый ряд процессов взаимодействия, то сравнительно непродолжительных, то весьма длительных [1]). Влиянию их человечество обязано безконечно численными союзами, коллективными единствами или процессами взаимодействия, которые носят название семьи, союза супругов, родителей и детей, союза родственников; им же оно обязано множеством взаимоотношений, непрерывно порождаемых семейно-супружеско-родственными отношениями. Помимо того, как

Этот же антагонизм семьи и более обширной ассоциации был ярко и выпукло очерчен *Н. К. Михайловским* в его «Борьбе за индивидуальность» и «Патологической магии».

Тот же факт подчеркивается *Petrucci*. «Семья не играла важной роли в образовании обществ Клан мог иногда образоваться путем расширения семьи, но в ряде животных видов, как и у человека, не всегда прямая линия родства была основой группы. Временами группа могла образоваться только путем исчезновения семьи. Существует антагонизм между этими двумя элементами. Имеются многочисленные факты из жизни млекопитающих, где самки, после оплодотворения, собираются в одну группу, а самцы образуют самостоятельную ассоциацию. Ассоциация существует, семья же не существует. Семья поэтому не может рассматриваться, как социальное единство. Не группа семейств создала Общество».

Petrucci: Les origines naturelles de la propiété. Bruxels, 1905. 225—226.

То же говорят и *Кропоткин*, и *Ллойд Морган*, и *Parmelee*. См. *Кропоткин:* Взаимная помощь, как фактор эволюции; М. 1918. 66—67. *Morgan:* Animal Behaviour London. 1908. 231.

Parmelee: The science of human behavior. 401—406.

Подробно этот вопрос будет трактоваться в Генетич. социологии.

[1]) Длительность родительских забот об потомстве и их интенсивность, как известно, регулированы естественным подбором. Как прекрасно показал это Сутерланд, они стоят в обратной пропорциональности с количеством потомства. Чем последнее многочисленнее, тем больше шансов, что и при малом уходе некоторые экземпляры из него выживут. Вот почему, поднимаясь по органической лестнице, мы видим одновременно и уменьшение числа потомства и увеличение качества и продолжительности родительского ухода за потомством. Так «средняя ежегодная цифра яиц семидесяти пяти видов рыб равняется 646.000, у амфибий эта средняя у двадцати видов уже не более 441 яиц, класс рептилий в лице 39 видов дает только 17, птицы в среднем дают до 5 яиц в год на каждую самку, млекопитающие —в среднем 3,2 детенышей ежегодно на самку; для высших видов животных эта цифра в среднем равняется 1,3 ежегодно, тогда как для обезьян и людей она не превосходит единицы на каждые два года». Параллельно с этим падением цифры потомства растут и родительские заботы.

См. *Сутерланд*: The origin and Growth of the Moral Instinct. London. 1898. T. I. 41.

См. внимательный анализ «кривой материнского чувства» у В. Вагнера: Био-психология. Т. I. 374—435.

Основное положение Вагнера таково: «Совокупность инстинктов, составляющих «материнство», представляет собою равнодействующую двух сил, двух борющихся индивидуальностей (интересов самки и интересов потомства), под контролем естественного отбора». 382 стр.

было подчеркнуто, эти факторы были „социализирующими“ факторами и в смысле приучения животных к общественному бытию, внедрения в них навыков и привычек „общественных животных“, и зарождения „социальных чувств и переживаний“.

Инстинкты индивидуального и группового самосохранения. Из дальнейших биологических факторов, способствующих возникновению ряда процессов взаимодействия или коллективных единств, упомянем инстинкты индивидуального и группового самосохранения. Эти потребности, данные вместе с организмом, обусловливают дальнейшую нуждаемость одного организма в другом или в других.

Именно на почве этих инстинктов, создавшихся под влиянием естественного отбора, возникли, повидимому, сообщества, более широкие, чем семья, данные в ряде животных видов (птицы, обезьяны и т. д.).

Соединение ряда особей в более или менее постоянное коллективное единство, как показали исследования Дарвина, Кропоткина, Л. Моргана и др., было выгодным условием самосохранения—и индивидуального и группового—в борьбе за существование.

„Многие виды животных общественны, говорит Дарвин. Известны случаи, что разнородные виды держатся вместе, как, напр, некоторые американские обезьяны или соединенные стаи галок, ворон и сквордов. Самая обыкновенная услуга, оказываемая друг другу высшими животными,—это предупреждение о грозящей опасности, которая выслеживается соединенными силами всех... Каждому охотнику известно, как трудно приблизиться к животным в стаде или кучке. Кролики громко стучат о землю задними ногами для предупреждения товарищей: то же делают овцы и серны. Многие птицы и млекопитающие ставят часовых... Общественные животные оказывают друг другу много мелких услуг... Лошади чешут, а коровы лижут друг у друга зудящие места... Животные оказывают друг другу и более важные услуги; так, волки и некоторые хищные животные охотятся сообща и помогают один другому при нападениях на добычу... Общественные животные взаимно защищают друг друга... Известно, что общественные животные чувствуют взаимную привязанность, которая неизвестна взрослым необщественным животным“... [1]) В этом отрывке из Дарвина рельефно указаны плюсы, даваемые „общественностью“ в борьбе за

[1]) *Дарвин:* Происхождение человека. 77—78.

существование... Эти положения легли в основу известной работы П. А. Кропоткина: „Взаимопомощь как фактор эволюции“, где, помимо всего прочего, чрезвычайно рельефно выделены те преимущества, которые дает соединение особей для выживания и особи, и вида [1]). Вообще, как правильно отмечают Л. Морган и Пармели, ассоциации или общественные соединения образовались там и у тех животных, которым стадная жизнь в общем была „выгодна“, т. е. помогала выживать в борьбе за существование, и обратно, они не развились у тех животных, которым „общественность“ не давала преимуществ в борьбе за жизнь [2]).

Это дает ответ на вопрос: почему развилась „общественность“ у человека? „Человек весьма социален потому, что он слаб в сравнении с многими видами, угрожающими ему; потому, что его детеныш (young) родится вполне беспо-

---

[1]) Есть русский перевод. Изд. Знания и издание «Научно-анарх.-библиотеки». 1918. 15 и сл.

[2]) Отсюда следует, что нельзя полагать, будто бы постоянная совместная жизнь—«общественность»—всегда выгодна для всех животных видов, как отчасти полагает *П. Кропоткин*. См. «Взаимная помощь». 1918 15 и сл. 210. Равным образом, нельзя думать, как утверждает *Е. В Де-Роберти*, что интеллектуальная эволюция совпадает и параллельна с «общественно-стадной» эволюцией, что чем выше на органической лестнице животное, тем оно «общественнее», что степень психического развития животного пропорциональна степени его «социабельности». *Пармели* резонно утверждает, что «социальная эволюция не вполне коррелятивна с органической и интеллектуальной эволюцией», что «филогения животных обществ и филогения органических видов не вполне гомологичны и не вполне параллельны, хотя некоторое совпадение и есть».. Отсюда его теорема: the controlling factor in determining whether association is to exist and the extent to which it is to exist is its utility for survival. Видам, которым общественность была полезна,—у тех она развилась; видам, которым она была вредна, напр., хищникам, изолированно способным получить больше пищи и т. д.,—у тех она не развилась.

Parmelee: Op. cit. 391—392.

То же весьма рельефно подчеркивает и *Л. Морган*. «Утверждение, что наиболее приспособленные животные суть и наиболее социальные, что социабельность главный фактор эволюции, что несоциальные животные вымирают —не может быть принято без оговорок зоологом. Какие основания имеем мы утверждать, что уединенные осы менее приспособлены, чем социальные осы? Можно ли думать, что несоциальный тигр менее приспособлен, чем социальный шакал? И можно ли думать, что тигры вырождаются? Вырождаются ли хищные птицы? Ответ во всяком случае тот, что социальные и несоциальные животные одинаково приспособлены к их особенным условиям жизни».

Morgan: Animal Behaviour, 1908 229. Тот же факт правильно отмечает и *Аммон*. См. *Ammon:* Les Bases naturelles de l'Ordre Social. Paris 1900. 40. Отсюда, конечно, не следует, что «общественность» всегда полезна даже и для тех животных, у которых она развилась. Формулированная общая теорема, как указал Дарвин, «не мешает думать, что иногда социальный инстинкт гипертрофируется и становится вредным».

мощным и остается таким долгое время; потому, что он обладает высоко развитой нервной системой, которая служит основой высокого умственного развития, делая таким образом возможным интенсивное психическое общение; из последнего, в свою очередь, следует значительное наслаждение, соединение усилий и взаимопомощь в форме социального разделения труда, облегчающего удовлетворение голода и других необходимых потребностей жизни" [1]). Если бы этих выгод ассоциации не было—не развилась бы и „социальность" человека. Инстинкты индивидуального и группового самосохранения обязаны своим происхождением действию естественного отбора, являлись и являются факторами, не только механически сближающими индивидов друг с другом, но и создающими из них коллективное единство, связанное внутренними связями, взаимным тяготением подобного к подобному.

Эти „социабельные" связи, выражающиеся в стремлении быть вместе и тянуться друг к другу, вступать один с другим в взаимодействие, некоторыми исследователями, в частности, Ваксвейлером, окрещены были именем *„социального сродства"* (l'affinité sociale). Под последним, в отличие от финалистических концепций, он понимает „состояние физической чувствительности организма, делающего его способным реагировать на раздражения других индивидов того же вида, без разделения пола" [2]). Иными словами, „социальное сродство" представляет совокупность реакций организма, вызываемых другим организмом в силу сходства их организации или строения. *Из этого сходства вытекает взаимное тяготение человека к человеку, потребность получать раздражения от „подобных себе" и отвечать на них.* Ваксвейлер называет эту потребность в других абсолютной необходимостью для человека. Несомненно, в этом есть преувеличение; едва-ли также большой научный выигрыш представляет и вся конструкция „социального сродства", но одно несомненно: в деле развития человеческой „социабельности" колоссальную роль сыграли инстинкты индивидуального и группового самосохранения, в свою очередь, созданные под влиянием естественного отбора.

Эти же биологические факторы в различных формах вызывают и теперь образование коллективных единств. Группа путешественников, подвергшаяся нападению, сбли-

---

[1]) *Parmelee:* Op. cit. 393.
[2]) *Waxweiler:* Esquisse. 55.

жается, соединяется и совокупными силами отбивается от нападающих; в случае той или иной опасности многие, чуждые друг другу люди соединяются в одно целое и образуют единую группу; объединение людей в постоянные и длительные—оборонительные и наступательные союзы,—начиная с соглашения двух-трех лиц, решающихся совместно нападать или защищаться и кончая соглашениями городов [1]), областей, государств — все эти процессы взаимодействия представляют явления, возникшие на почве этих биологических условий. Они не только сталкивали людей друг с другом, но и вызывали определенный порядок и организацию в их взаимоотношениях. „Ведение войны, правильно говорит Ross, вызывало первую кооперацию и было матерью дисциплины. Древние германцы жили в абсолютной личной независимости. Тем не менее, когда они вступали на путь войны, они выбирали вождя и давали ему право жизни и смерти“ [2]).

Из других биологических условий, способствующих возникновению процессов взаимодействия, следует указать *на ряд условий, связанных с анатомо-физиологическими свойствами организма.* Я разумею здесь ряд условий, благоприятствующих установлению проводников взаимодействия между организмами. Эти проводники, как показано было выше, в свою очередь дают возможность взаимодействовать организмам при некоторой пространственной раздельности. В числе этих биологических условий заслуживают упоминания: a) способность и потребность организмов двигаться и благодаря движению приходить в соприкосновение с другими организмами, b) способность их издавать звуки, запахи и органами зрения воспринимать движения других организмов. Издавание звуков и восприятие их другими дает возможность общения на расстоянии. Это явление наблюдается в ряде животных видов помимо человека. У человека, как известно, оно вылилось в такие психо-социальные явления, как речь, музыка и ряд других звуковых символических проводников. У животных общение путем звуков также имеет место [3]). Это значит, что анатомо-физиологические

---

[1]) Одной из основных причин возникновения городов, как известно, была потребность безопасности. Город был прежде всего укрепленным местом, городищем. Он «служит сельским жителям убежищем в случае нападения врага Временные переселения сельских жителей в городище превращались в постоянное жительство в нем,—их привлекала сюда безопасность». *И. Кулишер*: Лекции по ист. эконом. быта. II. 1918. 109—110.

[2]) *Ross*: Soc. control. 50. New-York. 1904.

[3]) См. *Дарвин*: О выражении ощущений у человека и животных. Спб. 1899. 41—57.

свойства организма дают возможность устанавливать коллективное единство, которое без них установиться не могло бы.

c) Такую же роль играет издавание запаха. Известно, что многие животные узнают друг друга по запаху. Выше цитировалось, что то же явление наблюдается у людей.

d) Наблюдается в животном мире и пользование мимически-двигательными проводниками. (Приподымание кожных покровов; напр. волос, раздувание тела, закладывание ушей назад и т. д. [1]).

Эти биологические свойства организма в человеческом мире послужили основой для целого ряда социально-психических условий взаимодействия, давших человеку возможность бесконечно увеличить и углубить общение с себе подобными путем пользования проводниками взаимодействия. Все сказанное выше о роли и формах последних следует учесть здесь. Огромное значение проводников в деле расширения и углубления взаимодействий в конечном счете покоится на анатомо-физиологических свойствах организма. Не будь этих свойств—невозможным было бы и пользование проводниками; следовательно, взаимодействие носило бы гораздо более ничтожный характер, а это означало бы, что и коллективные единства возникали бы реже; при некоторой же пространственной и временной раздельности организмов, возникновение их было бы вообще невозможным.

Не останавливаясь на других биологических факторах, вызывающих или способствующих появлению процессов взаимодействия, т. е. образованию коллективных единств, из сказанного мы видим, что биологические факторы нельзя игнорировать в этом отношении. *Они играют и продолжают играть „социализирующую" роль либо тем, что механически сближают организмы животных и людей, заставляют их стекаться в одном месте, искать друг друга для удовлетворения потребностей и входить в общение, либо тем, что, механически связывая индивидов на почве чисто биологических потребностей, они в то же время способствовали появлению и росту „социабельности" в смысле взаимного тяготения индивидов друг к другу, в смысле потребности в себе подобном, в смысле „социального сродства".*

Все сказанное означает, что ряд *процессов взаимодействия — коллективных единств—возникали и возникают без всякой предумышленной цели, без всякого сознательного и целеполагательного стремления к другим, без всяких соображений о пользе,*

[1]) См. *Дарвин:* Op. cit. 47—71.

моральности или выгодности объединения. Коллективные единства, вызываемые к жизни космическими и биологическими условиями, — т. е. условиями бессознательными — служат доказательством ошибочности тех теоретиков „происхождения общества", которые полагают, что „общество всегда возникает целеполагательно, что оно всегда требует надлежащей воли людей, что для возникновения его необходимо сознание, целевое объединение усилий и т. д.

Мы видели, что „общества" могут возникать и без этих условий...

III. Социально-психические факторы возникновения коллективных единств.

В предыдущем мы видели, как ряд различных космических и биологических условий может вызвать процессы взаимодействия между людьми. Само собой разумеется, что эти условия далеко не исчерпывают собой поводов, заставляющих людей входить в общение друг с другом и образовывать временные или длительные, солидаристические или антагонистические, коллективные единства. В человеческом мире большинство их действует посредственно, преломившись и видоизменившись чрез социально-психическую среду индивидов. Главными же условиями, вызывающими процессы общения людей друг с другом, являются условия, вытекающие из самого сосуществования людей друг с другом, иными словами, условия, где причины возникновения взаимодействия исходят прямо и непосредственно от людей, как существ, одаренных психикой, сознанием и т. д. Такие условия, имеющие обычно психическую природу, я называю социально-психическими факторами возникновения взаимодействия...

В основе их лежат потребности: общения с себе подобными, потребности психического обмена идеями, чувствами, волениями людей друг с другом, потребности столь же реальные, как и потребности биологические [1]).

Пусть каждый мысленно проанализирует ряд процессов общения, в которые он вступал в течение дня. Проанализировав их, он увидит, что большинство процессов взаимодействия, в которых он принимал участие, вызваны были условиями социально-психического характера. Нуждаемость одного человека в других, заставляющая его вступать

[1]) См. выше, стр. 91 и сл.

во взаимоотношения с ними, здесь диктуется уже иными потребностями, чем потребности чисто биологические.

Каждый из нас в течение каждого дня встречается частью по своему желанию, частью помимо желания, нередко — вопреки желанию с множеством лиц и групп. С утра мы идем на службу и встречаемся там с товарищами по работе .. Характер службы, а следовательно и встреч, предопределен здесь не космическими и биологическими условиями непосредственно, а условиями сосуществования людей. Когда нам нужны знания — мы идем в школу или на лекцию или в библиотеку и вступаем там в общение с другими людьми. Когда мы хотим удовлетворить религиозную потребность— мы идем в церковь, в среду одинаково-верующих. Когда нарушено наше правовое сознание — мы идем в суд или обращаемся к людям, могущим защитить наши права. Когда мы хотим т. н. эстетических переживаний, мы идем в театр, в кино, на концерт. Нужда в „приличной“ одежде заставляет нас обращаться к портному. Потребность в ряде вещей — гонит нас в магазины. Потребность повеселиться гонит одних в пригон, других к „теплой компании“ собутыльников и сокартежников, третьих—на жур-фиксы и вечера, четвертых— в интимный кружок друзей... Влюбленность заставляет влюбленного искать встречи с тем, кто является адресатом нежных чувств, ненависть — помнить и искать врага. Политические взгляды обусловливают влечение индивида к своей группе и посещение митингов, партийных собраний и т. д. Профессия накладывает свой штамп на наши интересы, а эти последние определяют с кем мы будем встречаться и с кем нет... Когда нам нужна газета, мы вступаем в общение с газетчиком, нужно нам переехать - мы обращаемся к извозчику, нужно перенести наши вещи—мы вступаем во взаимодействие с носильщиком; для отправки писем идем на почту и т. д. Из подобных встреч и общений mutatis mutandis состоит наш день. Перечисленные поводы большинства общений и коллективных единств, возникающих ежедневно, являются поводами не космического и биологического, а социально-психического порядка, вызванными к жизни сосуществованием людей и имеющими характер социально-психический.

Именно они являются причинами, вызывающими большинство общений и процессов взаимодействия между людьми, ими главным образом предопределяется возникновение коллективных единств различного порядка.

Как я уже сказал, *ряд взаимодействий каждого из нас зависит от нашей воли*: мы сознательно предвидим, стремимся

и реализуем их. Таковы все взаимодействия („общества", „ассоциации" „союзы" и т. д.) преднамеренно и целеполагательно организуемые индивидами. Таковы условленные встречи, свидания и общения. Другие *процессы взаимодействия завязываются помимо нашей воли, непреднамеренно, нецелеполагательно.* Выйдя на улицу, я совсем не имел в виду встретить г. X. Столкнувшись с ним в трамвае, мы разговорились и условились встречаться там-то и тогда-то. Вот обыденный пример непреднамеренного возникновения „общества". Скандал на улице собирает вокруг себя толпу проходящих. Смотря по важности события эта толпа может рассеяться быстро, но может превратиться и в весьма сплоченное единство, действующее однообразно, вызывающее ряд крупных эффектов (напр. сопровождение виновников к органам власти, прямое линчевание или избиение тех или иных лиц, разгром лавок и магазинов, демонстрация с выражением тех или иных требований и т. д.). Вот второй пример „стихийного" образования „реальной совокупности". Легко видеть, что такое „самопроизвольное" зарождение коллективных единств происходит на каждом шагу.

Наконец, *ряд процессов взаимодействия и коллективных единств сплошь и рядом образуется вопреки воле и желанию взаимодействующих единиц.*

Преступник совсем не хочет взаимодействовать с представителями правосудия. И, однако, такие нежелательные „общества", состоящие из представителей власти — судей — и преступников, обычное явление. Два лица совсем не желают встречаться друг с другом и, однако, такие встречи происходят. Такие нежелательные взаимодействия могут быть не только временными, но и длительными. „Постылые" друг другу жених и невеста, объединяемые в супружеский союз волею родителей, могут служить примером нежелательного, длительного „общества". Соединение в одной камере члена союза русского народа и социалиста, считаемого „контрреволюционером", соединение в наше время весьма частое, может служить вторым примером такого „общества" [1]).

---

[1]) Из этих примеров, число которых можно увеличить ad libitum, и которые каждый может наблюдать ежедневно, следует наивность и ошибочность «мудрых» теорий многих юристов, в роде Иеринга, утверждающих, что всякое общество возникает целеполагательно, преднамеренно и сознательно. Мы видим, что эти «мудрые» теории совершенно неверны. Не говоря уже о соединениях, образуемых космическими и биологическими условиями, где по сути дела не может быть речи о целеполагательности, даже не все «ассоциации», вызываемые к жизни социально-психическими условиями, возникают сознательно, преднамеренно и целеполагательно. Поэтому грубой

И не следует думать, что такие взаимодействия и коллективные единства, возникающие вопреки воле части ли или всех индивидов, составляющих последние, представляют редкое явление. Напротив, они весьма часты. Все коллективы, возникающие *принудительно, в силу насилия в той или иной форме*, являются коллективными единствами, возникающими по такому типу. Принудительный набор ряда лиц в армию, набор, имеющий своим результатом возникновение взаимодействия между солдатами одного полка, роты и батальона; насильственное завоевание и подчинение одной страны или народа другим, имеющее своими следствием возникновение взаимодействия между победителями и побежденными, принудительное объединение ряда разнородных лиц в одну социальную группу (напр., объединение „буржуев" в рабочие роты), и т. п. - все это формы возникновения взаимодействия помимо и вопреки желанию части или всех взаимодействующих единиц. Отряд солдат, вопреки их воле, насильственно посылаемый для усмирения или водворения порядка в определенную область и принужденный, таким образом, вступать в крательное взаимодействие с жителями данной области; девушка, вопреки ее воли принуждаемая кем-либо удовлетворять похоть третьего лица и вступать с ним во взаимодействие; мальчик, вопреки его воле, отдаваемый в услужение третьему лицу и вступающий таким образом с ним во взаимодействие и тысячи других аналогичных явлений, все это формы возникновения взаимодействия и образования коллективных единств вопреки воле одной или обеих сторон.

Легко видеть, что конкретных, социально-психических условий возникновения коллективных единств многое множество. Ими могут быть любые акты других людей. Перечислить все эти условия невозможно. Упомянем лишь об основных.

Вспоминая сказанное выше о потребности *умственных запросов, чувственно эмоциональных переживаний и волевой деятельности*, мы можем видеть в этих потребностях одни из основных социально-психических факторов, заставляющих людей взаимодействовать друг с другом. Ряд общений вызывается необходимостью *удовлетворения интеллектуальной потребности*. Таковы коллективные единства, образуемые учи-

---

ошибкой приходится считать утверждения, подобные положению *Еллинека* «ни одно учреждение не может возникнуть помимо сознательно направленной на определенную цель воли человека», положение, которое, кстати сказать противоречит другим положениям того же автора. См. *Еллинек*: «Право совр. государства. 30».

телем и школьниками, аудиторией и профессором, читателем и писателем и т. д., короче все взаимодействия, сознательно или бессознательно предназначенные для удовлетворения этой потребности [1]).

Вторым важным социально-психическим фактором образования коллективных единств является *потребность чувственно-эмоциональных переживаний*, толкающая людей друг к другу, заставляющая их искать адресатов „любви", „гнева", „симпатий", „ненависти" „обожания" и др. чувств. Мы видели, что эта потребность толкает людей в театр, на музыку, на танцы, в цирк, кабак и в другие места, где можно получить сильные или не сильные эмоциональные переживания.

Третьим важным социально-психическим условием, которому обязаны своим возникновением мн жество процессов общения, служит потребность *волевой деятельности*, как таковой. Ряд конкретных форм общения, вызываемых этой потребностью, был указан выше.

Из дальнейших крупных условий социально-психического порядка, заставляющих людей вступать в процессы взаимодействия, *является техническое разделение труда*. Иными словами—*разнородность* социальных функций, выполняемых различными индивидами. В силу социального разделения труда каждый из нас не является самодостаточной единицей, способной удовлетворить все свои нужды. Мы не можем быть одновременно и сапожником, и пекарем, и слесарем, и священником, и земледельцем, и ткачом, и артистом, и ученым, и т. д... Каждый индивид своими силами может удовлетворить только часть потребностей. Для удовлетворения остальных он принужден обращаться к другим индивидам и вступать с ними во взаимодействие. Иными словами, *социальная разнородность индивидов*, вот одна из существенных причин, гонящих одних лиц к другим и заставляющих их „связываться" друг с другом [2]).

Исследования Бюхера показывают, что в настоящее время техническое разделение труда приняло колоссальные размеры и чем далее, тем более растет. Число различных профессий сейчас достигает до 10.000 тысяч. С 1882 по 1895 г. появилось до 4.000 новых профессий. По исследованиям Petrenz'a в Лейпциге с 1830 по 1860 г. было 25 основных

---

[1]) См. выше §, «потребности человека».

[2]) См. об этом: *Дюркгейм*· Разделение общ. труда Одесса. 1900. *Зиммель:* Социальная дифференциация. 1909 Москва. *Bouglé*· Revue générale des theorie récentes sur la divis. du travail. L'année sociol, т. 6.

*

профессий и 68 подпрофессий. В период же с 1830 по 1895 соответственные цифры возросли до 42 и 173 [1]).

При таком колоссальном росте технического и отчасти общественного разделения труда, естественно, индивид нуждается в других индивидах, для удовлетворения одних нужд он должен итти к одним индивидам, для удовлетворения других—к другим, и т. д. Говоря коротко, здесь *несходство функций, выполняемых индивидами, или социально-технический полиморфизм, служит силой, которая притягивает людей друг к другу, заставляет входить во взаимодействие и связывает их в коллективное единство* [2]).

Говоря словами Дюркгейма здесь „личность не в состоянии одна удовлетворить себя... Таким образом создается весьма сильное чувство состояния зависимости, в котором находится личность“ [3]). Эта зависимость гонит ее к другим

---

[1]) См. *Bouglé* Revue général... sur la division du travail. L'année sociologique T. 6 85.

[2]) В данном случае социально-технический полиморфизм служит аналогом биологического полиморфизма и связанного с ним физиологического разделения труда в обществах муравьев, пчел, ос и т. д. Здесь полиморфизм различных групп этих животных (пчела—«царица», «трутни», «пчелы-работницы») является связью объединяющей их в коллективное единство. «Разделение труда, основанное на полиморфизме, вызывает высокую степень взаимозависимости в муравьиных обществах, говорит Пармели, и играет важную роль в социальной жизни муравьев».

Parmelee: Op cit 340—341.

Точно также и социально-технический полиморфизм людей вызывает тесную взаимозависимость людей и заставляет их общаться друг с другом.

Отсюда, однако, не следует, как полагает Дюркгейм, чтобы взаимодействие, возникающее на почве разделения труда, было всегда «солидарным», безконфликтным, морально-положительным. («Органическая солидарность» Дюркгейма). Ничуть Нужда в сапогах меня заставляет вступить в общение с сапожником, нужда в костюме—итти к портному, но если сапожник сошьет мне скверные сапоги, портной- скверный костюм, или они возьмут задаток и ничего не сошьют, то конфликтов и антагонизмов может быть сколько угодно То же бывает и во всех других случаях общения на этой почве. Вот почему ошибочно придавать этой взаимозависимости морально-солидарный характер. Она может быть безконфликтной, но может быть и конфликтно-антагонистичной Дюркгейм бессознательно придал своей конструкции нормативно-оценочный характер

См. об этом правильные замечания *Н. К. Михайловского*

«Итак, разделение труда по малой мере не всегда является источником и мерилом солидарности» *Михайловский:* Отклики. 87.

См также: *М. Ковалевский:* Соврем социологи. 154 и сл.

[3]) *Дюркгейм:* Op. cit. 180. См. также: *Richard.* La Sociologie générale et les lois sociologique 1912. Главы, относящиеся к анализу «Société».

Рост разделения труда делал и делает необходимым обмен, обмен порождал и порождает необходимость встреч и взаимодействий. Немудрено поэтому, что образование и рост городов, т. е. мест с плотным и многочисленным населением, с интенсивным взаимодействием, вызван был тор-

личностям и заставляет вступать в общение, то длительное, то кратковременное.

Второе важное, социально-психическое условие, притягивающее индивидов друг к другу, противоположно указанному. Его можно было бы определить, как *социально-психический мономорфизм* или конформизм. Сущность его состоит в положении, что индивиды, сходные друг с другом, взаимно-притягиваются. Люди, однородные с нами по языку, по мировоззрению, по идеалам, по внешнему виду, говоря коротко, сходные с нами и по внешнему облику и по внутренним свойствам, близки к нам. Это сходство служит как бы притягательной силой, влекущей нас к социально-сходным индивидам. Дети ищут общества себе подобных детей [1]). Люди ищут общества подобных себе людей. Между двумя европейцами взаимно-притягательная сила гораздо больше, чем между европейцем и варваром. Люди одного социального положения понимают друг друга лучше, чем индивиды различных социальных классов, групп, сословий, профессий и т. д. Similia similibus curantur. Люди, настроенные с нами в унисон, ближе нам, чем люди, отличные от нас. Первых мы называем „своими", „ближними", вторые — чужды и далеки от нас. Между социально-однородными единицами скорее устанавливается внутренняя, интимная связь, чем между социально-разнородными. Вот почему социально-мономорфные индивиды ищут и предпочитают быть в обществе себе подобных: буржуа предпочитает быть в обществе сходных с ним по положению и взглядам людей, чиновники тяготеют к чиновникам, интеллигенты к интеллигентам, рабочий к рабочему, революционер к революционеру, верующий к одинаково верующему, футурист к футуристу, ученый к группе ученых, художник—к художникам и т. д.

говлей.. «С точки зрения времени наиболее раннюю экономическую силу, создавшую концентрацию избыточного земледельческого населения, представляет торговля—и в действительности, без промышленности и торговли не могли возникнуть маленькие и большие города, ибо они предполагают не земледельческое население, которое покупает их съестные припасы.. Специализация функций или разделение труда в его широком смысле.. вызывает широкий обмен продуктов и расширение торговых центров».

Вебер: Рост городов в 19 столетии. 164—165. «Город возникает только там, где, в связи с огороженным местом, находится рынок.. Здесь устанавливается специализация», см. *Кулишер.* Лекции по ист. экон. быта. 109— 114.

[1]) «Ребенок симпатизирует естественно подобным себе, у которых он находит потребности аналогичные своим, те же желания, ту же жажду движений, то же стремление к ласкам. Быть сходным—значит уже любить».

Compayré. L'evolution intell. et morale de l'enfant. Paris. 1896. 108.

В первом случае, при социально-техническом полиморфизме, людей гонит к другим и связывает с ними необходимость в другом, проистекающая из разделения труда. Здесь тянет к другим, заставляет вступать в общение с ними, сходство с последними.

Этот факт взаимного притяжения социально и психически сродных индивидов в различной форме отмечен множеством исследователей... Одни, как, напр., *М Даугол*л, видят в нем проявление стадного инстинкта „Стадный инстинкт животного получает удовлетворение только в присутствии подобных ему существ и чем больше подобия, тем полнее удовлетворение. Совершенно то же наблюдается у людей... Соединение сходных элементов в обществе происходит именно потому, что мы чувствуем неодинаковое влечение ко всем социальным аггрегатам, но получаем наивысшее удовлетворение стадного импульса в обществе наиболее сходных с нами людей. У некультурных народов мы обыкновенно встречаемся с общинами одного и того же племени и с племенами, плотно спаянными кровной связью, которые живут на смежных землях... Та же тенденция обнаружилась в создании (в Соед. Штатах) обширных, ограниченных известной местностью общин из выходцев европ. государств. В наших больших городах она проявляется выделением населения сходной расы, сходных занятий и социального уклада“ [1]).

Waxweiler отмечает это явление, конструируя понятие „социального сродства“, в силу которого сходные индивиды взаимно притягиваются. Основой его служит „сходство организации“, или „впечатление этого сходства организации, которое делает возможными междуиндивидуальные реакции“ [2]).

Тот же факт отмечает Petrucci под названием: „La recherche des semblable“ [3]).

Дюркгейм это явление называет „механической солидарностью“. „При сходстве, говорит он, все члены группы индивидуально притягиваются друг к другу, потому что они сходны“ [4]).

---

[1]) *М. Даугол:* Основн. проблемы соц. психологии. М. 1916. 220—221.
В свое время мы разберем, почему неправильно называть это явление стадным инстинктом.

[2]) *Waxweiler:* Esquisse. 56—57. См. также § 21. «Индивид, реагирующий сходно с другим, является индивидом, который «оказывается», «признается» с известной стороны в этом другом» 137.

[3]) *Petrucci:* Origine polyphyletique. des scciété animales. Brussels. 1906. 79.

[4]) *Дюркгейм:* Разд. общ. труда. 83 и сл
[Из сказанного следует, что Дюркгейм не вполне был прав, предполагая, что «механическая солидарность» исчезает и целиком замещается «органической солидарностью». Наблюдение показывает, что первая продолжает существовать, но только приняла иные формы].

Гиддингс этот факт определяет термином „сознание рода". „Наше поведение относительно лиц, в которых мы чувствуем подобие себе, совершенно основательно инстинктивно отличается от нашего поведения относительно других, которых мы считаем менее похожими на нас".

[Факт констатируется верно, но термин „сознание рода" неясен и неудачен.

См. критику его в II т., в гл. „Обзор и критика главн. соц. теорий"] [1]).

Парето отмечает это явление в качестве bisogno di uniformita. (Потребности в сходстве). Такая потребность существует и в мире животных и в мире людей. У варваров она интенсивнее, чем у культурных. Проявлениями ея служат „сходство, получаемое индивидом путем действия на самого себя", в частности подражание; далее, „сходство, налагаемое на других". Человек не только подражает другим, чтобы быть похожим на них, но желает, чтобы и другие делали тоже самое и походили на него. Нарушение или неисполнение этого желания вызывает враждебность. Особенно сильна эта потребность сходства в логической области. Раньше несходство убеждений и верований вело к костру, к наказаниям. То же частично наблюдается и теперь: мальтузианцев, напр., и теперь сажают в тюрьму; лиц, не сходных по политическим, научным, религиозным и т. п. воззрениям, точно также продолжают карать. „Bisogno di uniformita, говорит Парето, несмотря на новые формы, осталась той же.. Исчезла потребность религиозного однообразия, но возросла потребность экономического, социального и гуманного сходства". (Труд, вознаграждение, объем прав и т. д.). Древний запрет религиозного разномыслия при свободе пить вино теперь местами заменен свободой религиозных убеждений и запретом употребления вина и т. д. [Это положение Парето, как видим, противоположно Дюркгеймовскому тезису о падении „органической солидарности". Я думаю, что в данном отношении прав Парето, а не Дюркгейм]. [2]).

Та же потребность в сходстве и в сходных себе констатирована опытами *St. Hall* и *Small'я* в Соед. Штатах, произведенных над юношами. Она выражается „в инстинктивном желании юноши сходствовать с идеями и суждениями другого". It expresses itself in an extreme reluctance to dissent

---

[1]) *Гиддингс:* Осн. Социологии 1898. 19—20. См. его. Elements of sociology. Passim.

[2]) *Pareto:* Trattato di sociologia generale. 1916. т. I, §§ 1115—1133, т. II. 248—259.

from the opinions or purposes of others, especially adults. It often prompts people to say what they think will please and to even diverge from the truth to gratify friend. Some carry their self-abnegation so far that, divining, by a rapport that seems almost mystic, the lines of tastes and likes they develop almost a passion fort saying only what ministers to these" [1]).

То же проявляется и в подражании, изученном Тардом и Болдуином [2]).

На почве разделения труда и социального сходства возникают непрерывно сотни и тысячи процессов взаимодействия, а, следовательно, и коллективных единств...

Из других важных условий, вызывающих взаимодействие, следует особо упомянуть *роль символов-проводников* Всякое обогащение человечества новым символическим проводником, всякое усовершенствование технических средств общения — явления, обязанные своим бытием точному знанию и другим социальным условиям, — влечет за собой возникновение множества процессов взаимодействия, бесконечное увеличение взаимодействия и качественно, и количественно... Изобретение *языка* (звуковой символической проводник) было одним из величайших факторов создания необъятного количества коллективных единств. Изобретение *письменности* (свето-цветовой симв. проводник) было вторым таким фактором.

Изобретение *книгопечатания* вызвало и вызывает к жизни ежеминутно сотни тысяч взаимодействующих процессов читателей с авторами книг, подписчиков с газетой и т. д. Всякое техническое усовершенствование в этой области играло, играет и будет играть колоссальную роль в деле возникновения коллективных единств.

Изобретение телефона, телеграфа, радио-телеграфа, железных дорог, мотоциклетов, аэропланов, автомобилей, пароходов и т. д. было чудесным и могучим фактором, вызвавшим и вызывающим к жизни ежесекундно тысячи и миллионы взаимодействий.

Не будь их — каким жалким и бедным было бы взаимодействие людей! Сколько взаимодействий не возникает благодаря одному временному прекращению телефонного общения в большом городе.

---

[1]) *St. Hall.* Adolescence. New-York. 1904 т. II. 374—375.

[2]) См. *Тард:* Законы подражания. Passim. *Болдуин:* Духовное развитие детск. индивидуума и челов. рода, т. I. (Моск. книгоиздательство) 115 и сл. Ряд авторов, в роде *Паланта*, называют его законом соц. конформизма. См. *Паланта*, Очерк. социологии. 100—109.

Легко себе представить жалкое состояние челов. взаимодействия при отсутствии этих факторов-проводников.

Поэтому *все то, что ведет к улучшению существующих или к изобретению новых символических проводников (напр., эсперанто, если оно привьется), все это является и факторами возникновения взаимодействия людей.*

Само собой разумеется, однако, что к этим основным условиям не сводятся все, социально психические условия, вызывающие общение людей и образование взаимодействующих соединений. Последние, как указал я выше, могут быть вызваны любым поступком, любым актом других людей... Слова любви и ненависти, акты нападения в роде удара, акты приветствия, в роде снятия шляпы, короче, всякий поступок сочеловеков, может быть раздражителем, вызывающим реакцию с нашей стороны и влекущим за собой возникновение взаимодействия.

Таковы в суммарных чертах социально-психические факторы образования процессов взаимодействия и коллективных единств.

Подведем итоги сказанному.

1) *Процессы взаимодействия людей, а, следовательно, и образование коллективных единств, могут быть вызваны условиями: а) космическими, b) биологическими, с) социально-психическими.*

2) *Они вызывают эти процессы либо тем, что механически (пространственно) сближают индивидов друг с другом и заставляют их входить во взаимодействие, либо тем, что, в силу биологической нуждаемости одного организма в другом, толкают организмы друг к другу и принуждают их входить в общение, либо тем, что, в силу космических и биологических причин, они вызывают частоту встреч и соприкосновений индивидов, либо, наконец, в силу социально-психических условий, гонят одного человека к другому на почве удовлетворения социально-психических потребностей и разделения труда, притягивают социально-сходных индивидов друг к другу, и тысячью других способов сталкивают их друг с другом и заставляют взаимодействовать.*

3) *Возникновение взаимодействия означает и образование коллективных единств, то длительных, то мгновенных, то солидаристических, то антагонистических, то связанных внешними узами взаимной нуждаемости, то связанных общностью переживаний и т. д.*

4) *Всюду здесь взаимодействие и коллективное единство понимается в смысле данного выше определения и лишено всякого нормативно-телеологического оттенка.*

Критические замечания.

Очерченная теория плюралистического возникновения коллективных единств заставляет признать совершенно ошибочными все „монистические теории“ возникновения „общества“ и сложных социальных соединений, в роде: государства, рода, касты, класса, церкви и т. п., сводящие факторы образования последних к одной какой либо причине...

Если простейшие социальные явления обязаны своим бытием многим причинам, то тем более это имеет значение для сложных социальных соединений.

Этот тезис избавляет меня от необходимости подробной критики этих теорий.

1) Неверна теория *Гобино*, признающая такой причиной *единство крови или расы*. Это только один и то не важнейший фактор, вызывающий возникновение общения людей друг с другом.

2) Неверна теория *Ад. Смита*, *Сутерланда* и др., признающая источником общества *симпатию* и видящая первый ея прообраз в родительских заботах о потомстве. Люди и животные вступают в взаимодействие друг с другом не только из-за симпатии, но и из ненависти, не только в силу эмоциональных условий, но и в силу множества других обстоятельств. Сама симпатия, чтобы возникнуть, требует уже общения и взаимодействия. Сама она продукт, и сравнительно поздний, процессов общения, а не их причина.

3) Неверна теория *Гиддингса*, являющаяся модификацией теории Ад. Смита. „Сознание рода“ или социальное сходство только одна из причин, заставляющих и людей и животных общаться друг с другом, встречаться, сталкиваться, взаимодействовать. Само „сознание рода“, поскольку под ним разумеется не так наз. „стадный инстинкт“, а социально-психическое сходство, могло появиться только после длительного и разнородного общения с себе подобными и от себя отличными. Посему, искать в нем источник „общества“ все равно, что искать причину в одном из следствий.

4) Столь же односторонняя теория, усматривающая фактор соединения людей *„в удовольствии общения“*, *в „удовольствии кооперации“* и т. д. „Товарищеский аппетит (fellowship), правильно говорит Ross, может об'единить десяток или сотню людей; но он бессилен об'единить десятки тысяч и миллионы. Любовь может создать семью, дружеский союз и церковь; но она ли является архитектором городов, общин и государств? Удовольствие товарищества, удовольствие общения—

роскошь; и если люди образовали группы под влиянием конфликтов, то, столь же верно, что страх, голод и жадность в большей степени, чем социабельность, привели их к жизни в группах. Не притяжение сходного к сходному, но война и ея ужасы побуждали их объединяться в агломераты общин. Группы возникли очень рано, образовались раньше, чем социализирующие силы могли выполнить свою работу“ [1]).

5) Односторонняя и неверна теория *П. А. Кропоткина*, видящая основной фактор образования соединений *во взаимной помощи*. Это только один из факторов, вызывающих взаимодействие и животных, и людей. И первые, и вторые входят в соприкосновение друг с другом не только для взаимной помощи, но и для взаимной или односторонней борьбы и причинения вреда. Лев ищет добычи и входит с ней в соприкосновение; паразиты взаимодействуют с организмом, которым они живут и взаимодействуют с ним временами весьма длительно. Люди общаются друг с другом и взаимодействуют опять таки не только на почве взаимопомощи, но и взаимопотребления и взаимоугнетения (войны, драки, взаимодействие капиталиста и рабочего, рабовладельца и раба, угнетенного и угнетателя и т. д.).

Даже сами явления общения, в смысле гармонической, интимной связи, возникают не только на почве взаимопомощи, но и в силу других перечисленных выше условий.

6) Неверна теория чисто *инстинктивного возникновения явлений общения*, поддерживаемая, в частности, *М. Данголлом* и *Petrucci* (Теория стадного инстинкта). Она неверна, во-первых, потому, что по ряду оснований можно усумниться в самом существовании стадного инстинкта, как инстинкта. Во-вторых, как и все „монистические“ теории она видит только один фактор возникновения коллективных единств тогда как в действительности их множество.

7) Все сказанное применимо и к таким теориям, как *теория подражания Тарда и Балдуина*, видящая фактор образования „общественности“ в подражании, как теория *социального принуждения Дюркгейма, теория симбиоза или социального психизма Изуле и Де-Роберти* и т. д.

8) Еще более нелепыми должны быть признаны теории, видящие исключительный источник общества в чисто сознательно-волевых актах людей, как *договор* (*Руссо* и др.), как *общая цель* (Иеринг, Макаревич и др.). Они нелепы не только в силу их односторонности и фактической неверности, но и в силу „логического круга“: чтобы общество могло возник-

[1]) *Ross*· Foundations. 270.

нуть, нужен договор или соединение целей; но чтобы возможен был договор или единство цели, нужно уже общество.

Все эти, как и ряд других „монистических“ теорий, односторонни, учитывают только один из многих факторов, и потому неверны; кроме того они „загрязнены“ привнесением нормативно-оценочных элементов в понятие возникновения общества и общественности.

9) Неверны далее и все „монистические“ теории, сводящие происхождение сложных коллективных единств, в роде государства, рода, класса, сословия, касты, католической церкви и т. д. к одному какому либо фактору.

Неверны, напр., теории *Гумпловича и Оппенгеймера*, видящие источник происхождения государств в насильственном подчинении одной группы другою [1]).

Может быть когда либо такое возникновение государства было, но оно не может быть общим правилом. Да и сомнительно, чтобы государство возникло только благодаря данному фактору [2]).

„Причины образования больших госуд. территорий бывают вообще весьма различные и в каждом отдельном случае представляют собою более или менее своеобразные комбинации“, справедливо говорит *Н. И. Кареев* II далее, не менее правильно он указывает в качестве таких факторов условия: географические, этнографические, династические, политические, коммерческие, национальные, вероисповедные и т. д. [3]).

Не менее правильно говорит по этому поводу и *Еллинек*. Процесс превращения орд, племен и семей в государства... „мог быть достигнут самыми разнообразными путями, и представляется весьма маловероятным, чтобы процесс образования государств повсюду был один и тот же. Здесь могут быть установлены только самые общие типы. Так, напр., можно утверждать, что общая опасность вызывала совместную борьбу, что т. о. сперва возникли организации ad hoc, которые затем, повторяясь, получили постоянный характер. Или — что к более тесному объединению побуждала необходимость искать новых мест для охоты или пастбищ, а также стремление соединенных племен к при-

---

[1]) См. *Гумплович:* «Осн. социологии». 179 и сл. *Oppenheimer:* «Der Staat». (Frankfurt a. M.) 8—9.

[2]) См. критику данной теории. *Ковалевский:* «Соврем. социологи». СПБ. 1905. 98—133. Его же. «Социология», т. II, гл. VIII *Лазаревский:* «Русск. гос. право». II. 1917. 29.

[3]) См. *Н. Кареев:* «Зап.-Европ. абсолютная монархия». 1908. 93—95.

обретению собственности путем грабежа. Далее можно установить, что возникновению прочных союзов содействовали, между прочим, примитивные религиозные представления и т. д. [1]).

На основании всего сказанного нельзя согласиться с *Я. М. Магазинером*, примыкающим к марксистско-монистической теории происхождения государства („государство обязано своим возникновением перевороту в эконом. условиях родового общества") и находящим плюралистическую точку зрения Еллинека „принципиально неправильной". Он думает, что „должны были быть некоторые принципиально общие условия" для возникновения государства, что „такой всеобщий институт, как государство, не мог образоваться в силу причин принципиально различных и потому в большей или меньшей мере случайных" [2]).

Во-первых, различность причин нельзя отождествлять с случайностью. Это очевидно. Во-вторых, сам переворот в экономич. условиях и происхождение земельн. собственности—результат действия многих причин [3]).

В-третьих, фактическое исследование показывает, что прав Еллинек, а не Я. М. Магазинер [4]).

В-четвертых, теория Магазинера—осколок теории единообразного развития различных народов и государств. На этот счет я могу лишь процитировать слова Дюркгейма, достаточно основательно „разнесшего" такие теории. „Ничто не дает основания полагать, что различные типы народов развиваются в одинаковом смысле; они идут различными путями. Развитие человечества д. б. изображаемо не под формой прямой линии, но как дерево с различными и многочисленными ветвями [5]).

То же говорит и *Росс*. „Ранняя предшественница социологии, философия истории, считала, что судьбы частных обществ, напр., Сицилии или Польши, суть только часть единого могущественного процесса. Она думала, что жизнь человечества может быть подведена под одну формулу. Но позже мы нашли множество независимых течений цивилизации, как Перу, Камбоджа, Китай, Ашантии, Дамарас,

---

[1]) *Еллинек:* «Право совр. госуд». СПБ. 1903. 172.

[2]) *Я. Магазинер:* «Лекции по гос. праву». 1919. 38—38.

[3]) См. об этом *Ковалевский:* «Социология». Т. II, гл. VI и VII.

[4]) См. *Ковалевский:* «Социология», т. II, гл. VII «Генезис полит. союзов, различных видов начальствования и госуд. власти», где достаточно основательно показана и ошибочность марксистской концепции и плюрализм факторов происхождения госуд. власти.

[5]) См. рецензию Дюркгейма на Вундта. «L'année sociol» т. XII. 50—61.

Банту, Ацтеки, Япония и т. д., каждое из которых имеет свое собственное течение и свою собственную судьбу. Имеется множество специальных течений, каждое со своим собственным уклоном и водоворотами, которых не найти в Ниле Европейской цивилизации". Отсюда, доказывает далее Росс, следует ошибочность попытки установления параллельных законов возникновения и развития обширных обществ, взятых в целокупности (государств, наций и т. д.). Такие законы будут неизбежно ложными. „Можно ли думать, спрашивает Ross, что общая социальная эволюция одна и та же для всех народов? Нет. Развитие отдельных институтов в большей или меньшей степени было *многолинейным* и всякая попытка установить в каждой сфере социальной жизни одну типичную и последовательность изменений обречена на неудачу". „Ошибка здесь лежит в том, что берут (для установления законов) слишком громадные единства. Открыть законы возникновения или последовательности мы можем только перейдя к мелким сериям трансформаций, повторно совершающихся в жизни отдельного общества.. Только мелкие явления часто повторяются. Отрава социологии состояла в оперировании широкими единствами, в сравнении сложных коллективов оптом вместо сравнения мелких фактов в деталях. Вместо обобщения на почве немногих громадных и фантастических сходств (напр., английской и французской революции, узурпации Цезаря и Наполеона, классического и соврем. общества) следует делать обобщения на почве многочисленных, мелких и точных сходств. Социология, чтобы достичь общих истин (законов), должна перейти от масс к молекулам" [1])

В силу всего сказанного утверждение Магазинера, как и многих других сторонников единообразного происхождения государств и других сложных социальных групп, приходится признать „отрыжкой" старой философии истории, сданной в архив с ее мнимыми единообразными законами.

Неверны и другие „монистические" теории: фантастическая теория договора, (Руссо, Гоббс), теория чисто естественного (космического) происхождения государства, (Аристотель), теория чисто искуственного его происхождения, обусловливаемого *целью* роста и развития des rein Menschlichen in einer Nation" (Фихте), или с целью проявления нравственного духа (Гегель). Неверны и другие „монистические"

[1]) *Ross:* Foundations of Soc. 75—76, 61. То же говорят *Тард·* «Соц. законы» Гл. I и passim *Pareto:* «Op. cit». т. I, 120—121. *Waxweiler:* «Bullet. mensuel» Сольвеевск. института. 1910 г. № 1. 5. *Stemmetz:* ст. в L'année sociol., т. 6 и др.

теории. Все они одинаково однобоки и пытаются уложить сложную действительность в „прокрустово ложе“ своей теории. То же приходится сказать и о большинстве „монистических“ теорий, объясняющих возникновение церкви, касты, сословия, национальности, класса и т. д. одним каким либо фактором, начиная с таких наивных теорий, как, напр., объяснение возникновения религии сознательной выдумкой попов с целью получения „земных благ“ и кончая такими „прозаическими“ теориями, как теории, сводящие возникновение таких сложных коллективов к действию чисто экономических факторов [1]).

Пора бы перестать рассматривать сложные исторические процессы, как уравнение с одним неизвестным. Конечно, такое упрощение делает чрезвычайно легкой работу анализа социальных явлений. Но не всякая простота — святая. Бывает и простота иная. Выражаясь точнее и мягче — такое упрощение ошибочно и неверно.

Рядом с этой ошибкой „монистичности“ следует указать и другую ошибку теорий государствоведов и др. теоретиков, пытающихся объяснить происхождение государства и других обширных ассоциаций.

Обычно центр тяжести таких теорий лежит не в том, чтобы объяснить: почему на определенной территории люди живут вместе? почему они общаются друг с другом? Почему они тяготеют друг к другу, а не разбегаются в разные стороны? а в том: как и почему в среде сосуществующих людей возникает „порядок“, „организация“, „шаблон взаимоотношений“ и „власть“?

Сам факт сосуществования и взаимодействия людей, их тяготение друг к другу, такие теории находят чем-то само собой понятным, не нуждающимся и не заслуживающим никакого объяснения. На этой проблеме они совершенно не останавливаются или, в лучшем случае, ограничиваются шаблонным повторением традиционной формулы Аристотеля: „человек есть общественное животное“.

Между тем, ответ на первые вопросы гораздо важнее, чем на вторые. Важно понять: почему люди взаимодействуют, почему масса людей живет вместе, а не разбегается в разные стороны, почему в данном месте есть народонаселение (population). Если это будет понято, если нам дано будет

---

[1]) Достаточный конкретный материал для критики таких теорий дается в книге *М. М. Ковалевского*: «Социология, т. II и «Современные» социологи». Критику марксистской теории происхождения государства» см. у *Н. И. Лазаревского*. Op. cit. 31—34.

народонаселение, то объяснить: как и почему в этом народонаселении возникает „порядок, *организация, власть и т. д.*,— *не представляет большого труда.*

Не представляет большого труда потому, во-первых, что само понятие „порядка" (order, l'ordre) „организации" и т. п. — весьма относительно. Оно, как блестяще показал Бергсон, имеет смысл постольку, поскольку противополагается идее „беспорядка", „дезорганизации". Эти же последние, в итоге анализа, означают просто иной порядок, иную организацию.. и только, а не нечто противоположное порядку. „*При тщательном анализе идеи беспорядка, мы видим*, заключает Бергсон, *что она ровно ничего из себя не представляет; тем самым исчезают и задаваемые ею проблемы*" [1]). Поэтому, раз дана будет совокупность сосуществующих людей,—всегда будет дан тот или иной порядок, та или иная организация. Раз даны будут бревна и кирпичи—всегда можно построить то или иное жилье. Быть может оно и будет плохим, но, как известно, и „социальный порядок" никогда не был идеальным. Но если не будет кирпичей, бревен и др. материала, тогда жилья не выстроишь. Во всякой среде индивидов, сосуществующих и взаимодействующих *длительное* время, всегда устанавливается тот или иной порядок, шаблон, организация. Но никакой порядок и организация не были бы возможны, если бы не было сосуществующих и общающихся людей, если бы последние отскакивали друг от друга, как шарики с однородным электричеством. Вот почему центр тяжести происхождения сложных и обширных соединений (государств, племен, родов и т. д.) лежит не в объяснении возникновения порядка и власти, а в раскрытии причин: почему люди связаны друг с другом, почему они тяготеют взаимно, почему они общаются, почему не бегут друг от друга, а живут скученно, вместе.

Очерченное выше представляет попытку дать ответ на эти вопросы. Что касается проблемы возникновения порядка, то ниже кратко мы затронем ее.

§ 2. Условия (факторы) сохранения коллективных единств.

Одни из процессов взаимодействия, возникнув, быстро исчезают. С их исчезновением распадается и возникшее коллективное единство. Таковы акции и реакции двух индивидов, (встречи на улице, в трамвае, в лавке и т. д.), которые,

[1]) *Бергсон:* «Творч. эволюция». СПБ. Изд. Семенова. 197. См. всю III гл., посвященную анализу безпорядка.

обменявшись актами или выполнив известное дело, расходятся в разные стороны, забывают друг о друге, короче— перестают влиять и обусловливать взаимное поведение. Такова толпа, собравшаяся на улице вокруг какого либо события, которая чрез несколько минут рассеивается.

Рядом с такими „мгновенными" коллективными единствами есть другие, которые, возникнув, не исчезают быстро, а продолжают существовать весьма длительное время временами целые десятки лет.

Иными словами, здесь процессы взаимодействия между рядом лиц, возникнув, длятся, продолжают жить и существовать. Таковы коллективные единства, называемые семьей, пожизненной дружбой двух или бо́льшего числа индивидов, „вечной любовью"; таковы, далее, сложные коллективные единства, называемые церковью, государством, классом, кастой и т. д..

Всюду здесь индивиды, составляющие такие длительно существующие группы, взаимодействуют друг с другом, обусловливают поведение один другого, короче — образуют весьма длительную реальную совокупность.

Спрашивается: *как возможны такие длительные процессы взаимодействия? В силу каких условий или факторов коллективные единства не распадаются, а продолжают существовать?*

Постараемся разобраться в этом вопросе. Свой анализ опять будем вести путем наблюдения простейших случаев взаимодействия. Выводы, полученные таким путем, применимы будут и к сложным „обществам", к обширным скоплениям населения.

Вопрос, как сохраняются коллективные единства означает: в силу каких условий раз возникшее взаимодействие двух или большего числа индивидов продолжается?

Таких условий опять таки множество. Всякая попытка свести их к одному условию была бы непростительным симплицизмом, однобоким упрощением и искажением действительности.

В целях отчетливости эти условия, определяющие продолжительность взаимодействия, можно разделить опять на те же основные группы: *1) на факторы космические, 2). биологические, 3) социально-психические.* Остановимся на каждой группе.

I. Космические факторы, обусловливающие продолжительное сохранение коллективного единства.

Продолжительность взаимодействия людей и животных прежде всего может быть вызвана „механически", рядом физико-химических или космических условий...

Простейшим примером таких явлений служат факты, где два или большее число индивидов, в силу космических причин, принуждены оставаться в пространственной близости друг к другу. Робинзон и Пятница — иллюстрация сказанного. Брошенные волею стихии на уединенный остров, они volens-nolens принуждены были встречаться и взаимодействовать друг с другом. Робинзон и дикари — вторая иллюстрация сказанного. Переходим от этих воображаемых фактов — к реальным. История знает ряд случаев, являющихся результатом кораблекрушений, аналогичных истории Робинзона и Пятницы. Ряд лиц забрасывались стихией на изолированные острова и принуждены были взаимодействовать друг с другом... Это взаимодействие временами продолжалось довольно долгое время и нередко из механической связи превращалось в связь внутреннюю, подобную дружбе Робинзона и Пятницы. Еще пример.

„Когда ганзейский корабль, вышедший в море, пройдет бывало пол дня, капитан обыкновенно собирал на палубе весь экипаж и пассажиров и обращался к ним с следующей речью. „Так как мы теперь находимся в воле Бога и волн, то мы должны быть равны друг другу. И так как мы окружены бурями, волнами и разбойниками, то мы должны поддерживать строгий порядок и... избрать тех, которые займут судейские места". Вслед за тем выбирались фогт и скабины". [1]).

Здесь в возникновении и поддержке взаимодействия играют роль на ряду с другими и космические факторы: пространственная близость индивидов, заставляющая их соприкасаться, космические опасности, заставляющие их соединять усилия для борьбы с ними...

Из этих примеров мы видим, что здесь „связью", скрепляющей индивидов, являются связи космического порядка, механически вынуждающие индивидов общаться друг с другом и составлять солидарное ли или антагонистическое коллективное единство.

Такая механически-связывающая роль прямо или косвенно осуществляется рядом космических условий. Местность, богатая пищей, прибрежная полоса реки или моря,

[1]) Цитирую по *Кропоткину:* «Взаимн. помощь». 1918. 127—128.

удобная для жизни и сообщений, места, обильные теми или иными продуктами природы, полезными или нужными человеку, (хорошие пастбища, леса, изобилующие дичью или съедобными животными, месторождения золота, пещеры, удобные для жизни первобытных людей, плодородная, черноземная почва и т. п.),—все эти космические условия не только заставляют людей стягиваться в эти места и вступать во взаимодействие, но они же часто служат причинами, побуждающими их оставаться в таких местах надолго или „навсегда". Притягивая к себе, связывая с собой индивидов, такие места связывают друг с другом и „притянутых" лиц. Люди, которые остаются в пространственной близости друг к другу, не могут не встречаться и не общаться друг с другом. Иными словами, не могут не составлять длительного коллективного единства...

Если не прямо, то косвенно эту механически связывающую роль космические условия играли и играют во множестве случаев... Самые места человеческих поселений—сел, городов, деревень, монастырей и т. д.,—т. е. скопления людей в пределах определенной территории, были обусловлены весьма часто именно космическими факторами Индивиды, в начале механически привлеченные в одно место, продолжая оставаться бок о бок друг с другом, сближались, механическая связь космических условий превращалась в связь психическую, в итоге, в процессе десятилетий, образовывалось тесное, социально-сходное коллективное единство.

Быть может всего рельефнее выступает роль космических факторов в значении *территории* для существования продолжительного взаимодействия. Эта механически-связывающая роль территории столь значительна, что государствоведы до сих пор считают территорию одним из „элементов" государства. Она мыслится как бы составной частью государственного коллектива Конечно, элементом государства территория не является, но что она прямо или косвенно в ряде случаев играет роль механической связи между индивидами, составляющими население государства, это стоит вне сомнения. Этот факт отметил и Зиммель, говоря, что в ряде случаев (но не всегда) „непрерывность социальных форм" обязана своим существованием „постоянству территории, на который живут члены данного социального коллектива" [1]).

---

[1]) См. *Simmel:* Comment les formes sociales se maintiennent. L'année sociologique. T. I. 76.

Правда, как верно указывает тот же Зиммель, одна территория не всегда достаточна для сохранения идентичности социальной формы. „Когда народ изгнан или покорен народом победителем, мы говорим, государство изменилось, хотя территория и осталась той же“ [1]); но роль территории, благоприятствующую сохранению социальных форм, при наличности других условий, не отрицает и Зиммель; она несомненна и с нашей точки зрения. Больше того, определенные качества территории, как я указал сейчас, в ряде случаев, могут быть достаточными условиями для сохранения возникшего процесса взаимодействия.

Эта роль ея особенно рельефно выступает в тот период истории людей, когда образовывались т. н. „*территориально племенные общества*“... Члены различных родов, вначале социально гетерогонные, привлекались рядом космических условий в пределы определенной территории; оседая на ней, они входили в близкое взаимодействие, и в итоге составляли „единое социальное тело“, скрепленное не только механическими, но и психическими связями, тело, носящее название „территориально-племенного общества“.

В той или иной форме ряд космических условий может благоприятствовать продолжению взаимодействия и в иных, частью указанных выше, формах.

Правда, на это можно возразить, что сами по себе космические условия не в состоянии вызвать, а тем более поддерживать существование взаимодействия, что, в частности, пространственное соседство двух или большего числа индивидов еще недостаточно для того, чтобы взаимодействие между ними продолжало существовать: две статуи могут целые века стоять рядом, но от этого они не превратятся в коллективное единство. Да, две статуи не станут, конечно, взаимодействовать. Но люди не статуи. Один вид сочеловека в пустынной местности вызывает ряд переживаний и поступков в другом человеке; длительная же пространственная близость, вызываемая рядом космических условий, неизбежно заставляет чуждых друг другу людей соприкасаться друг с другом и вступать в те или иные взаимоотношения... А затем уже, на почве этих взаимоотношений, в силу свойств человека, возникают связи иного порядка — биологического и социально-психического. Без наличности космических условий не могли бы возникнуть последние... (Связь чувств, идей, интересов и т. д.).

---

[1]) *Simmel*· Ibid. 76.

Вот почему *роль космических условий в деле поддержания взаимодействия сказывается в двоякой форме: а) иногда пространственно сближая людей и вызывая длительное соседство их, прикрепляя их к одному месту, они механически прикрепляют их друг к другу, непосредственно поддерживают длительное их взаимодействие, в) рядом с этим, они косвенно способствуют существованию коллективного единства:* вызываемые ими частые встречи, вначале совершенно чуждых друг другу людей, с течением времени нередко ведут к тому, что механически связанные друг с другом индивиды становятся связанными органически и психически: между ними возникает симпатия, ненависть, общность интересов, единство переживаний и т. д., которые затем уже сами заставляют людей взаимодействовать друг с другом.

II. Биологические факторы, обусловливающие продолжительное сохранение коллективных единств.

Если космические условия в ряде случаев способны поддерживать взаимодействие, то из этого не следует, что они достаточны во всех случаях, или, что они являются важнейшими условиями продолжительности коллективных единств. Несравненно более важную роль в этом отношении играют факторы биологического порядка. Эти последние многочисленны и разнородны. Остановимся здесь только на некоторых. Характеристика их роли в этом отношении может служить характеристикой и других биологических факторов, обусловливающих продолжительность взаимодействия и существования коллективных единств.

Те же биологические условия, которые вызывают взаимодействие организмов и людей, могут обусловить и продолжительность последнего.

Таковы потребности питания, половая потребность, потребность самосохранения и т. д.

Потребность питания как в ряде животных видов, так и в мире людей, заставляет их соединять свои усилия для добывания средств существования. Ряд „коопераций“ для охоты, рыбной ловли, собирания дико растущих семян, а в более новое время—ряд организаций для добывания и производства питательных продуктов, в конечном счете, обязаны своим существованием данной потребности. Она не только вызывает взаимодействие, но и поддерживает его. В конкретных формах роль рассматриваемого биологического условия выступает в тысяче форм. Длительное взаимодействие молоч-

ницы и хозяйки дома, поставщика хлеба, зелени, и мяса и того, кому они поставляются; взаимоотношение хлебного торговца и его постоянного покупателя; хозяина или агента столовой, ресторана и их постоянных клиентов; коллективное единство, образуемое постоянными посетителями постоялого двора, трактира, чайной и владельца или прислуги последних; взаимодействие „нахлебника“ и его хозяев, кормилицы и ребенка, потребителя водки, вин, чая, кофе, пива—и лиц, продающих эти продукты, короче, сотни различных постоянных взаимодействий существуют благодаря именно данному фактору.

Каждому известно, что весьма часто подобные взаимоотношения являются длительными. Хозяева „питательных“ центров (столовых, ресторанов, пивных, трактиров etc.) имеют своих постоянных клиентов, последние имеют свои постоянные и „любимые“ питательные центры. Это постоянство, как известно, часто ведет к связям весьма „интимным“ между тем и другим: хозяин или поставщик знает своего покупателя или клиента, он ему верит в долг, старается „уважить“ его, нередко между тем и другим возникает „настоящая дружба, „солидарность“ и т. д. То же самое происходит весьма часто и со всеми лицами, соприкасающимися друг с другом на почве удовлетворения голода и жажды. Званные завтраки и обеды общие кутежи, совокупные банкеты и пиршества часто сближают и соединяют людей в длительные коллективные единства: собутыльники, сотрапезники становятся коллегами, ищут друг друга для общей попойки или обеда, делаются индивидами, привязанными друг к другу... Не будь этого биологического условия—не возникли и не существовали бы все подобные явления. Питание и жажда здесь служат связями, прикрепляющими индивида к индивиду, устанавливающими между ними нити, связывающие их друг с другом.

Я указал только немногие из взаимоотношений, длительно существующих на этой почве. Нужно ли говорить, что в конкретной действительности их сотни и тысячи. Социологи почему то до сих пор не занялись изучением социализирующей роли питания. Быть может потому, что подобные факты столь обычны, что, как все, находящееся под глазами, они просматриваются и не замечаются. Жаль, ибо такие то мелкие взаимоотношения и составляют подлинную ткань крупных социальных событий. Едва ли будет парадоксом, если я скажу, что часто хороший обед или блюдо, которым хозяин дома угощает своих гостей, связывает последних

с первым гораздо большей солидарностью, чем самые пламенные речи о солидарности. Недаром же и в жизни, и в романах, дома, признаваемые „общественными центрами", всегда фигурируют в качестве домов гостеприимных, их хозяева—в качестве хлебосолов, их кухарки и повара—в качестве знатоков своего дела... Такие дома притягивают к себе. в них постоянно бывают, с ними все „поддерживают знакомство". Не будь в таких домах „обильного угощения" очень многие из них перестали бы играть роль центров общества, перестали бы потому, что „многих" одними баснями не кормят. Речи, разговоры и общение вещь хорошая: но не для всех притягательная.. Для ряда людей, не только в наши голодные времена, но и во времена более сытые,— помимо речей нужно еще нечто „более существенное": одним—хороший ужин, другим—стакан хорошего вина.

Едва ли мне нужно приводить дальнейшие факты для доказательства положения, что *взаимодействие может длительно существовать и поддерживаться биологическим фактором питания.* Таких фактов столь много, они столь легко могут быть констатируемы каждым, что дальше настаивать на этом излишне.

Дальнейшим биологическим условием, способным выполнять ту же функцию, является *половая потребность.* Она не только вызывает возникновение ряда взаимодействий, но во многих случаях она же достаточна и для продолжения этого взаимодействия, иными словами, для длительного существования возникшего коллективного единства взаимодействующих единиц. Простейшие и наиболее „биологические" факты такого рода дают взаимоотношения индивидов, связанных друг с другом чисто половыми вожделениями. Проститутка и ея „постоянный гость", индивид и его любовница, пожизненные союзы двух лиц, связанных лишь удовлетворением полового импульса, таковы классы явлений, где половая потребность функционирует в указанной роли. Такие длительные союзы обязаны своим бытием именно этому фактору. И не следует думать, что последний может связывать надолго только людей неразвитых и некультурных. Наблюдение показывает, что такие связи могут объединять людей, выдающихся по своим умственным свойствам. Взаимоотношение Руссо и его жены, особы совершенно чуждой Руссо по укладу и развитию,—исторический пример такой чисто биологической постоянной связи. Она была единственной нитью, которая заставляла Руссо взаимодействовать с Терезой. Аналогичные факты можно наблюдать весьма часто.

На почве этой потребности рождается и существует множество длительных взаимоотношений индивидов разного пола, начиная от связей, прикрепляющих влюбленного к субъекту другого пола, и кончая семьей, как пожизненным союзом супругов Всюду она служит тем „обручем“, который связывает двух или большее число индивидов и мешает „разрыву“ образуемого ими коллективного единства Иными словами, она заставляет в той или иной форме продолжать общение их друг с другом. Она тянет их друг к другу, тянет чисто импульсивно, как тянет железо к магниту.

„Не призывай .. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.
И буду слушать приказанья
И робко ждать,
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать...
Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб —
Порой — слуга, порою—милый,
И вечно раб“...[1], таково поэтическое выражение

этой тяги индивидов друг к другу, вызываемой рассматриваемым биологическим фактором.

Само собой разумеется, что роль его не ограничивается чисто половым тяготением людей друг к другу. Взаимодействие на этой почве весьма часто вызывает появление иных, чисто психических связей, когда взаимодействующие превращаются не только в „едино тело“, но и в „един дух“; к чисто биологическим „обручам“ присоединяются в таких случаях обручи психические: чувства симпатии, любви, нежности, уважения, обожания и т. д., появляющиеся на почве действия полового фактора. Иллюстрацией такой трансформации данной биологической связи в психо-социальную может служить поговорка: „стерпится—слюбится“. Брак, вначале соединяющий индивидов только биологически, потом нередко превращается в „духовное сродство“ их. Связь, соединяющая любовников чисто биологически, нередко ведет к „гармонии душ“, к чисто психической привязанности их друг к другу.

---

[1]) *Блок:* Servus—reginae Стихотворения. Кн. 1-ая. М. 29.

В чисто-ли биологической форме, или в форме, осложненной добавочными психическими связями, появившимися на ее почве, половая потребность является условием, поддерживающим бытие коллективного единства во множестве случаев. Самым рельефным проявлением этой роли ее служит *семья, как союз супругов.* Семейное коллективное единство обязано своим бытием именно данному фактору. Вне его и без него—семейные союзы не могли бы ни возникнуть, ни существовать. Это подтверждается, в частности, и тем, что непригодность одного из супругов к супружеской жизни; т. е. условие, мешающие удовлетворению половой потребности, служит даже в современных гражданских кодексах поводом, достаточным для расторжения брака, т. е. исчезновения коллективного единства семьи. Далее, эта „связывающая" роль половой потребности в семейных союзах подтверждается и тем, что крепкими и продолжительными нормально являются те семейные союзы, где половые потребности супругов взаимно удовлетворяются. Если такого удовлетворения нет,—возникают „измены", „разрывы" и крушения семейных ассоциаций. Последние становятся хрупкими, легко распадаются и легко исчезают.

Так как семейные коллективные единства служат видом наиболее частых и наиболее важных ассоциаций, то отсюда следует и вся важность данного биологического условия в рассматриваемом отношении. „Цементируя" семью, вызывая и поддерживая взаимодействие лиц различного пола, половой фактор является тем самым одним из наиболее могучих условий, поддерживающих существование коллективных единств вообще

Однако, этими многочисленными фактами не исчерпывается „дементирующая" роль полового фактора в деле укрепления и продолжения процессов взаимодействия. На его почве возникает ряд новых факторов, игравших и играющих колоссальную роль в этом отношении. Из них на первом месте стоит *факт единства крови и взаимоотношения, возникающие из физиологического, кровного родства.*

Это явление представляет *одно* из производных факта полового общения и связано с ним непосредственно. Поэтому „цементирующая" роль первого относится и ко второму.

Эта цементирующая роль „кровной связи" громадна. Она связывает в одно целое группы индивидов (кровных родственников), она притягивает друг к другу и образует из них продолжительное коллективное единство. С самых древних времен кровная связь была одной из наиболее дей-

ственных и важных „социализирующих“ связей. Она объединяет в одно целое родителей и детей, она связывает дедов и внуков, она вызывает и поддерживает существование коллектива, составляемого из родственников по крови. Она давала и дает семейным коллективам возможность существования, превосходящего продолжительность индивидуальной жизни, продолжающегося временами сотни лет, становящегося „вечным“, „бессмертным“. Благодаря ей отец живет в сыне, в сыновьях и внуках этого сына и т. д. Генеалогия рода есть ни что иное, как взаимодействие ряда поколений, создающееся на почве единства крови. *Единство крови* было и остается условием, необходимым для существования множества процессов взаимодействия и бытия коллективных единств. Оно было и остается одним из важнейших критериев социальной группировки. Благодаря ему ряд индивидов „притягиваются“ и прикрепляются друг к другу, взаимодействуют один с другим, чего не было бы, если бы данного фактора не существовало. Индивиды, совершенно чуждые друг другу, взаимодействуют — помогают, видятся, поддерживают знакомства, — считают друг друга „своими“, только потому, что они едины по крови. Представим себе, что в один прекрасный день „единство крови“ перестало существовать и потеряло свое значение; — какой катаклизм социальной группировки получился бы в итоге такого исчезновения! Сколько „близких“ друг другу лиц оказались бы вполне чуждыми! Сколько коллективных единств моментально бы рассыпалось! Сколько процессов взаимодействия перестало бы существовать! Изменился бы весь уклад общественной жизни.

Лица, придававшие значение единству крови, физиологической связи, (race) в деле создания общества были бы правы, если бы подчеркивали значение этого фактора. Ошибка их заключается в том, что они делают его единственным цементом, связующим группу. Такой взгляд, конечно, не приемлем.

Зиммель, в цитированной статье о способах сохранения социальных форм, в статье, указывающей только немногие факторы этого сохранения, не мог обойти молчанием эту „цементирующую“ роль кровного родства. „Фактор гораздо более действенный, чем территория, говорит он, это связь физиологическая, образуемая отношениями кровного родства вообще“ [1]). В ряде случаев она является последним прибежищем, ultimum refugium социальной связи и непрерывности.

[1]) *Simmel*· Comment les formes sociales se maintiennent. L'année soc. т. I. 77.

Так, напр., когда немецкая корпорация (цех) выродилась и внутренне ослабела, она тем строже оградила себя извне; появилось правило, что только сын мастера, его зять, муж его вдовы могут стать мастерами

Цементирующая роль кровного единства проявляется особенно ярко *в расовых взаимоотношениях*. Благодаря этому биологическому условию индивиды, принадлежащие к одной расе (к одной крови), взаимно притягиваются и образуют расовое коллективное единство,—с одной стороны, с другой—взаимно отталкиваются индивиды, принадлежащие к различным расам. Это в один голос утверждают почти все исследователи расовых взаимоотношений в Америке. Назвать белого „негром", говорит Stephenson, это значит оскорбить его и дать повод для судебного иска. И юридически (в 26 государствах), и фактически смешанные браки между различными расами воспрещены. Негры не могут ни садиться, ни собираться вместе с европейцами в ресторанах, в кабачках, в театрах, на концертах, в церкви и т. д. Даже в тюрьмах преступников различных рас сажают и содержат отдельно [1]).

На чем же покоится вся эта регламентация? На внешнем признаке, отвечает автор, *на цвете кожи*. Цвет кожи служит признаком расовой принадлежности, признаком африканской крови, определяющим отношение к нему белых и отношение к нему „своих". Для объединения негра с первыми различие крови служит препятствием, объединение со вторыми оно вызывает, с первыми этот фактор разъединяет, со вторыми связывает [2]).

В той или иной форме в явлениях социальной группировки единство крови играло и играет громадную роль. Раньше, человек чужой крови механически считался врагом, иноземцем, лишенным покровительства законов. В менее острой форме это различие крови в сотнях видов дает себя знать и по ныне: различие белой и черной кости, желание избежать смешения крови, аристократизм семейного происхождения от крови знаменитых предков, инстинктивное стре-

---

[1]) См. *Stephenson*: Race distinctions in American law. New-York Appleton. 99 и сл. См. также цитированную выше статью *Callaway*: Colour antipathies.

[2]) Эта роль расы в социальной группировке Соединенных Штатов столь сильна, что преодолеть расовый антагонизм бессильны даже такие учреждения, как федеральный суд и конгресс Соединенных Штатов. «Under the schadow of the statutes and the constitution, the legislatures and courts of the states have built up a mass of face distinctions which the Federal courts and Congress, *even* if so inclined, are impotent to attack, говорит тот же автор. *Stephenson*: Op. cit. 11.

мление к единокровным индивидам, и т. д.—все это проявления данного фактора. „Единокровных“ он цементирует, разнокровных—разъединяет.

Частным случаем „цементирующего“ влияния единства крови является и *взаимодействие родителей и детей*. Те и другие обычно живут вместе. Взаимодействие между теми и другими интенсивно и длительно, нормально—пожизненно. Если спросим себя: чем вызваны устойчивость и длительность таких союзов, состоящих из родителей и детей, то ultima ratio их будет тот же биологический фактор единства крови. Он „роднит“ и „объединяет“ их, он делает их близкими, им вызваны заботы родителей о детях и детей о родителях; он служит фундаментом, на котором вырастают другие, психические связи. Он является „паром“, заставляющим сына, разъединенного от родителей, стремиться к ним, посылать им заработок, защищать их и то же делать родителей по адресу детей.

Не менее четким проявлением той же роли данного фактора служит *единство и связь евреев*. Разбросанные по всему миру, распыленные между различными народами, члены этого коллектива, тем не менее, не утратили своей связи Они взаимодействуют друг с другом, помогают один другому, выручают друг друг из бедствий, коллективно и сплоченно защищают свои права. Я ничуть не намерен преувеличивать значение социально-психических связей в сохранении единства евреев· религии, языка, навыков и т. д. Но одних их было бы мало и недостаточно для сохранения этого единства: в основе их должна лежать и лежит биологическая база единства крови и происхождения, база, в большинстве случаев легко узнаваемая по ряду внешних черт, характерных для еврея.

Из всех этих фактов становится бесспорной изучаемая роль биологического фактора единства крови в деле поддержания возникших процессов взаимодействия (коллективных единств).

Из дальнейших биологических условий, играющих ту же роль, упомянем про потребность *самосохранения*, потребность, имеющую природу биологического инстинкта.

Это условие опять таки не только порождает, но и поддерживает существование возникших коллективных единств. В силу этой потребности ряд индивидов объединяется в коллективы для общей защиты от нападения. Такие коллективы многообразны и разнородны: заговор двух лиц для нападения на кого либо, шайка разбойников, дающая друг

другу клятву помогать и выручать своих членов из беды, группа террористов или членов каморры, единообразно действующая и защищающая своих сотоварищей, караван путешественников по диким и опасным местам, соединяющийся для отражения общей опасности, два города, области, государства, заключающие оборонительные и наступательные союзы и т. д.—все эти коллективы в конечном счете возникают на почве этого инстинкта. Наличность той или иной опасности, угрожающей ряду лиц, объединяет последних: это объединение существует или может существовать временами очень длительно, все время, пока существует опасность, пока последняя не устранена. Нередки случаи, что связь, вызванная общей опасностью, порождает добавочные психические связи, которые еще более скрепляют возникшее коллективное единство и трансформируют его из биологического в социально-психическое. Такой пример дают те случаи, когда один индивид спасает другого от опасности: между ними подобное взаимодействие нередко вызывает пожизненную дружбу, питаемую со стороны спасенного переживаниями признательности, благодарности, любви, уважения и т. д.

Из других биологических факторов остановимся на явлении *повторения одних и тех же актов, вызывающего в итоге привычку.* Это условие одно из важнейших, играющее громадную роль не только в деле поддержания возникшего взаимодействия, но и во всей социальной жизни людей...

Ряд актов общения, повторяясь много раз в силу тех или иных причин, в результате приобретает силу привычки, влекущей нас к продолжению взаимодействия в силу инерции, без всяких других причин и условий... Коллективное единство, однажды возникшее и существующее определенное время, по истечении известного числа повторений взаимодействия, далее может существовать инертно, вплоть до того момента, когда какая-либо сила не заставит к привычке присоединить новое условие для поддержания разрывающейся связи взаимодействующих единиц .. [1]) Инертная сила повторения ряда актов известна. Достаточно сказать, что многочисленная и однообразная реакция человека на тот или иной раздражитель механически, спонтанно будет вызывать эту

---

[1]) Как и при характеристике других факторов возникновения и поддержания коллективных единств здесь, при характеристике аналогичной роли привычки, я ограничиваюсь лишь краткими штрихами Роль привычки в социальной жизни людей и влияние ее на поведение последних будут изучаться в «Соц. механике».

реакцию, как только будет дан соответственный раздражитель. Иными словами, повторение создает привычку, привычка создает шаблоны действия, спонтанно заставляющие нас поступать согласно этим шаблонам. В этом смысле привычку можно не в переносном, а в буквальном значении этого слова назвать биологической инерцией.

На роли повторения зиждется то, что называется социальной организацией. Повторение акта, говорит Ваксвейлер, делает его привычкой (habitud); привычка переходит в обычай (usage); обычай — в социальную или правовую норму; норма — в социальный институт. Совокупность последних и составляет социальную организацию. Таким образом происхождение последней следует схеме *повторение, — привычка, — обычай, — правило — институт* (acte — habitude, — usage, — regle, — institution) [1]).

Не анализируя значения привычки и констатируя только ее инертную силу — перейдем прямо к характеристике ее дементирующей роли...

Эта роль ея наиболее ярко проявляется во взаимодействиях, вызванных определенными причинами, но продолжающих существовать и после исчезновения последних.

Ряд взаимодействий между людьми часто возникает в силу той или иной причины, напр., половой потребности, страсти, любви, единства цели и т. д. Нередко, по истечении времени, эти причины отпадают: страсть исчезает, половые стремления гаснут, единство цели гибнет, дружба остывает, социально-психический конформизм уменьшается, взаимозависимость, порождаемая разделением труда, исчезает и т. д. И, однако, взаимодействие, порожденное ими, продолжает существовать и после гибели причин, его вызвавших. Подобно раковине, лишенной породившего ее животного, оно механически живет и существует. Лица, которых когда-то страсть бросила друг другу в объятия, продолжают встречаться друг с другом и после исчезновения страсти.

Люди, сблизившиеся друг с другом в силу сходства идей, мыслей и настроений, продолжают быть друзьями и после того, как это сходство исчезло.

Взаимодействие покупателя с определенным торговцем продолжается и после того, как причины, вызвавшие это взаимодействие, исчезли: оно продолжается просто в силу инерции, по привычке...

---

[1]) См. *Waxweiler:* Avant-propos в Bulletin mensuel Социол. Института. 1910 г. № 1. I—IX. См. о повторении и привычке подробнее: *Сорокин.* Преступление и кара. 251—310. 196—205.

Ряд лиц, вступивших в политическую партию, в силу согласия с ее программой, остаются в ней долго и после того, как это согласие исчезло.

По привычке мы продолжаем встречаться с рядом лиц, с которыми встречаться мы привыкли, хотя причины, вызвавшие первые встречи, и отпали. По привычке мы ходим в церковь, в которую привыкли ходить, хотя наша вера и погасла.

По привычке мы делаем те или иные благотворительные взносы, хотя и не верим больше в спасительность филантропии. По привычке живет и существует супружеский союз, хотя и исчезли те нити, которые когда то связали супругов в одно целое. По привычке мы посещаем ряд собраний, хотя они и перестали интересовать нас...

Короче говоря, привычка часто является той нитью, которая мешает разрыву индивида с другими. Нередко она и только она связывает ряд индивидов и поддерживает существование коллективного единства ..

Человек, запивший с горя и вошедший членом в компанию собутыльников, часто продолжает пить и общаться с собутыльниками и после того, как горе прошло. Многократное повторение актов потребления алкоголя сделало его привычным пьяницей...

Такова же часто история „привычного преступника". Привычка, как груз тянет его на дно, повелительно принуждает его продолжать привычные акты и привычные общения... То же можно сказать о привычном картежнике и привычной проститутке.

Многочисленное повторение тех или иных актов, тех или иных взаимодействий, входит в плоть и кровь взаимодействующих; оно способно делать святого преступником и преступника святым. Воздержание от кражи, от курения, от взятки, от проституции один, два, три, много раз способно „отучить" человека от этих актов. И обратно—нарушение норм: „не убий", „не укради", „не бери взяток", „не проституируй себя", „не кури",—один, два, много раз делает честного человека привычным взяточником, вором, не курящего—курильщиком, человека—палачом, убийцей и т. д. Повторение акта вызывает изменение убеждений, модифицирует совесть, трансформирует верования. Трудно убить человека в первый раз. Трудно выйти на улицу для проституции сначала... Не мало угрызений совести вызывает первая взятка. Но когда человек убил 20—30 индивидов, убить 31-го ему ничего не стоит. Когда девушка не раз прини-

мала „гостя"—дальнейшие приемы покупателей тела будут происходить без особых угрызений совести, без стыда и колебаний... Человек, принимавший взятки не раз, будет принимать их и дальше, по привычке, как нечто нормальное. Палач, повесивший ряд жертв, дальше будет вешать их без „страха и сомнений" [1]).

Первые расстрелы чрезв. комиссии не без угрызений и колебаний приводились в исполнение их агентами,—с одной стороны, с другой—вызывали громадное возмущение и протесты народной и общественной совести. Дальше события пошли обычным путем расстрелы стали бытовым явлением. Без всякого колебания люди расстреливались и продолжают расстреливаться пачками... И это перестало волновать индивидов нашей Республики.. К смертным казням „привыкли". Привыкли и исполнители, из коих многие когда-то яростно протестовали против смертной жизни; „привыкли" жертвы, привыкло и общество. Остроумные люди говорят, что не следует пугаться ада: человек привыкнет и к геенне огненной и будет чувствовать себя великолепно в этой среде... Возможно, что они правы; по крайней мере в их пользу говорит создавшаяся привычка расстрелов со стороны одних и привычка спокойно относиться к ним со стороны других.

Раз так происходит с актами человека вообще — то же самое происходит и с актами взаимодействия одних людей с другими. Многие из последних продолжительно существуют лишь в силу биологического фактора привычки.

С теми или иными изменениями сказанное о рассмотренных биологических условиях можно применить и к другим условиям того же порядка, вызывающим и обусловливающим сохранение коллективных единств.

Теперь следовало бы перейти к краткому очерку социально-психических условий, поддерживающих продолжительное бытие различных единений и союзов. Но прежде чем это сделать, коснемся кратко еще одного условия, частью биологического, частью социально-психического порядка.

Когда мы говорим о продолжительном взаимодействии или существовании коллективного единства, мы мыслим таковые *непрерывными* в течение всего времени их существования. Иными словами, длительное взаимодействие А и В означает, это они взаимно или односторонне обусловливают поведение и переживания друг друга все время, *непрерывно*,

---

[1]) См. подробнее: *Сорокин.* «Прест. и кара». 196—205.

пока это взаимодействие длится. Спрашивается: *как возможна эта непрерывность.*

Указанные факторы продолжительности существования взаимодействия представляются действующими не непрерывно, а только моментами. Половая потребность, как и все биологические, космические и социально-психические факторы, действуют, так сказать, *толчками, время от времени, а не в каждый данный момент* Между тем процессы взаимодействия, вызываемые ими, мы считаем непрерывными. Чем же об'яснить такую непрерывность? Ответ на этот вопрос был дан выше, в параграфах, посвященных изучению длительного и кратковременного взаимодействия. [1]). Этот ответ гласил: *непрерывность взаимодействия об'ясняется свойством определенных актов, обладающих способностью влиять долгое время после их совершения.* Мы видели тогда, что определенные акты похожи на толчки. Подобно тому, как предмет, приведенный в движение толчком, может двигаться долго и после того, как толчек прекратился, так же и ряд актов одного индивида обладает свойством влиять на другого долгое время после их совершения.

Это явление об'ясняет непрерывность длительных процессов взаимодействия. Промежуток времени между двумя моментами действия того или иного из факторов, поддерживающих продолжительность коллективных единств, напр., двумя свиданиями влюбленных, двумя попойками кутил, двумя собраниями индивидов для отражения опасности, этот промежуток „заполняется“ свойством актов действовать известное время после их выполнения... Длительный эффект таких актов соединяет один момент с другим, заполняет „пустоту“ между ними, делает взаимодействие двух или большого числа лиц, встречающихся время от времени, непрерывным...

Иными словами, общение двух лиц, вызванное одним из рассмотренных факторов, для своего непрерывного существования (т. е. обусловливания одним поведения и переживаний другого) не требует, чтобы эти лица непрерывно, в каждый момент, были вместе и непрерывно обменивались акциями и реакциями. Непрерывность взаимодействия достижима иначе и проще: взаимное влияние их актов не испаряется сразу после совершения последних, а продолжает существовать в ряде случаев и после выполнения их... Поэтому, чтобы возможно было длительное и непрерывное

[1]) См. выше стр. 202 и сл.

взаимодействие между ними, достаточно, если они будут встречаться и обмениваться акциями и реакциями время от времени. Связь взаимодействия в промежутки между такими моментами встреч будет существовать благодаря указанному свойству ряда актов: не терять своего обусловливающего поведение эффекта непосредственно после их совершения.

Таково условие, делающее возможным *непрерывность* длительных процессов взаимодействия или *непрерывность* существования длительных коллективных единств. Оно об'ясняет нам, почему, напр., союз супругов не исчезает тогда, когда они пространственно разделены, почему научная ассоциация продолжает существовать и в промежутки между двумя заседаниями, почему связь, об'единяющая двух любовников, продолжает связывать их в промежутки между двумя любовными свиданиями и т. д.

Конечно, влияние таких актов не может продолжаться безконечно. Камень, приведенный в движение ударом, не может двигаться безконечно. Чтобы такое движение (в реальных условиях, а не в воображаемых условиях отсутствия трения и препятствий) было возможно, к одному толчку, по истечении известного промежутка, должен присоединиться второй, третий и т. д. Так же обстоит дело и с продолжительным взаимодействием. Чтобы оно длительно существовало, „толчки" в виде акций и реакций должны время от времени возобновляться.

Если члены научной ассоциации целые годы не будут обмениваться акциями и реакциями (в форме ли заседаний или путем книг, писем и др. проводников), то такая ассоциация замрет и исчезнет. Если супруги целые годы будут абсолютно изолированы друг от друга, то во многих случаях такие союзы распадутся: супруги перестанут обусловливать поведение друг друга. То же можно сказать и о других коллективных единствах.

Итак, *непрерывность процессов взаимодействия об'ясняется свойством ряда актов не терять своего влияния на поведение после совершения их.*

Длительность непрерывного существования взаимодействия и коллективных единств требует повторения время от времени акций и реакций между взаимодействующими единицами. („толчков").

Это повторение акций и реакций вызывается рядом условий, названных нами „факторами", обусловливающими продолжительное существование коллективных единств или процессов взаимодействия.

III. Социально-психические факторы, обусловливающие продолжительное существование коллективных единств.

Выше я не раз указывал, что индивиды, поставленные космическими или биологическими условиями в пространственную близость, в конце концов, об'единяются не только „механически", но на почве этих „механических" связей с течением времени между ними устанавливаются связи иные, *социально-психические*. При частом столкновении индивидов, при их пространственной близости, такие дополнительные связи психического порядка возникают спонтанно, неизбежно...

Спрашивается, как это возможно?

В настоящее время мы можем указать ряд форм, об'ясняющих возникновение таких социализирующих психических связей между лицами, поставленными в пространственную близость друг к другу.

Первой такой формой является *процесс психического взаимозаражения, внушения и подражания*, возникающий в толпе, т. е. в случайном сборище разнородных лиц, находящихся в близком пространственном соседстве один к другому. Исследования Н. К. Михайловского, Тарда, Лебона, Росси, Сигеле, Вигуру и Жукелье, Гарднера, Sidis'a и др. достаточно ясно осветили этот вопрос.

„Когда определенное число лиц собирается вместе, говорит Gardner, психический процесс каждого модифицируется; мысли, чувства и поведение каждого становятся иными, чем если бы он был один". В таком сборище возникает и ростет взаимная психическая диффузия, доходящая до полного депрессирования „я" и превращающая толпу в подобие единой, коллективной души, одинаково мыслящей, чувствующей и действующей [1])

В толпе, говорит Лебон, устанавливается „вид коллективной души, которая заставляет всех ее участников чувствовать, мыслить и действовать отличным образом, чем каждый из них чувствовал, мыслил и действовал бы, если бы он был один". Отсюда получается общность переживаний, верований, чувств, скрепляющая в одно целое гетерогенных участников сборища. [2]).

---

[1]) См. *Gardner:* Assembly. Amer. journ. of soc. т. XIX. 530—555.
[2]) См. *Le Bon:* Psychologie des foules. 1895. Passim.

К таким же выводам, как известно, пришли и Михайловский, и Тард, и Сигеле, и Росси [1]).

Ряд лиц, в частности Бинэ, Вигуру и Жукелье эти вопросы исследовали экспериментально. Бинэ ставил свои опыты над детьми. Итог этих опытов он формулирует так... „В силу одного факта собрания детей в одну группу они становятся более подверженными внушению“ [2]) Исследования Вигуру и Жукелье, в частности над заразительностью зевания, подтверждают то же положение „одно восприятие зевания вызывает у других повторение того же акта. Рефлекс зевания наиболее заразительный..: Мы присутствовали при подлинной эпидемии зевания, вызванной в омнибусе одним фактом восприятия зевания одного из пассажиров“ [3]).

В силу каких причин происходит такое заражение, что здесь нужно отнести на долю физиологии и что на долю психологии—не будем решать здесь. Здесь важно лишь одно, а именно. *простой факт стечения людей в одно место, их взаимная пространственная близость, имеет своим результатом появление и рост взаимного психического заражения (внушения и подражания), вызывающего психическое единство участников толпы или сборища, иными словами, устанавливающего между ними психические связи, превращающие их в резонаторы друг друга* [4]).

Такова одна из форм психических связей, возникающих при пространственной близости индивидов. Само собой разумеется, что психическое „социализирование“ не исчерпывается такой формой. Она—одна из многих форм и далеко не главных Сводить все психические связи к ней, как это делает Ле-Бон, и думать, что единство верований и убеждений сводится к факту внушения и подражания, как думает Тард, нельзя. Такие процессы, правильно указывает *Ross*, „явления временные и редкие“ [5]). Рядом с ними между индивидами, стоящими друг к другу в пространственной близости, устанавливаются разнородные, иные психические процессы, которые могут их привязывать друг к другу, т. е. заставлять взаимодействовать друг с другом. В одних случаях такими психическими связями могут служить симпатия,

---

[1]) См *Михайловский*: Герои и толпа. Еще о героях и толпе. *Тард*: Законы подражания. L'opinion et la foule. 1898 г. *Сигеле*: Прест. толпа. *Rossi*: Psicologia collettiva.

[2]) *Binet:* La suggestibilite. Paris. 1900. 209 и сл.

[3]) *Yigouroux et Juquelier:* La contagion mentale. Paris, 1905. 27.

[4]) См. о том же *Ross:* Foundations 256 и сл., 4 гл. Mob mind. B. Sidis: The Psychology of Suggestion. New. York. 1898. Passim.

[5]) *Ross·* Op. cit 260.

любовь, взаимопомощь, удовольствие общения, общая цель и т. д., возникающие в процессе общения, в других—ненависть, злоба, потребность мести, желание извлечь выгоду и т. д.

Как ниже будет указано, людей связывают друг с другом, т. е. заставляют взаимодействовать не только положительно-благожелательные вожделения и чувства, но и переживания злостные, враждебные, либо с одной, либо с обеих сторон.

Говоря образно, можно сказать: поставьте людей в пространственную близость, заставьте их встречаться друг с другом, а там остальное само приложится: между ними неизбежно возникнут психические связи и процессы общения, которые под той или под другой формой будут прикреплять их друг к другу, заставят общаться и взаимодействовать...

В такую пространственную близость, мы видим, люди часто ставятся рядом космических и биологических условий. На их почве в этих случаях возникают добавочные, социально-психические связи, которые в дальнейшем приобретают самостоятельное значение факторов, поддерживающих существование коллект. единства.

Что касается этих социально-психических условий, связывающих ряд взаимодействующих индивидов в коллективное единство, то таких условий множество. Факторы, вызывающие возникновение взаимодействия, обычно, служат и факторами, поддерживающими его дальнейшее существование. Общую характеристику их я дал выше.

Конкретно их множество. Такими связями, цементирующими коллективное единство, могут быть. *идеи, чувства—эмоции и волевые импульсы.* Ряд коллективных единств существует благодаря *потребности идейного обмена* одних людей с другими. Такими коллективами являются множество ассоциаций, начиная с группы крестьян, собирающейся „покалякать“ друг с другом у ворот дома, и кончая научными обществами, обществами религиозными, политическими, юридическими и другими.

Ряд коллективов продолжают существовать благодаря *потребности чувственно-эмоционального* обмена людей друг с другом. Эта потребность создает и поддерживает ряд ассоциаций, начиная с „короборри“ австралийцев и кончая обществами, подобными обществу любителей музыки, балов, танцев и т. д.

Ряд коллективов продолжает существовать благодаря главным образом *единству волевых, целевых устремлений индивидов.* Такими ассоциациями являются множество коллективных единств, начиная с соединения нескольких индивидов

для переноски тяжестей, для выполнения того или иного дела, неосуществимого путем индивидуальных усилий, и кончая обширнейшими союзами — тред-юнионами, трестами-синдикалистскими и профессиональными организациями, союзами государств и „Интернационалом". Единство цели и волевых устремлений связывает здесь множество индивидов в коллективное взаимодействующее единство.

Однако, редко бывает, чтобы социально-психические связи были только идейными, или только чувственно-эмоциональными, или только волевыми связями.

Чаще всего, в каждом длительном процессе взаимодействия выступают все эти социально-психические переживания. Научное „общество" не есть группа индивидов, обменивающихся только идеями. Одновременно они обмениваются и чувствами, и волениями. То же можно сказать и о любом процессе общения.[1]).

Выделять тот или иной из этих элементов можно только относительно.

Когда я пишу: „*потребность* идейного или чувственно-эмоционального или волевого общения", то употребляю термин „потребность" не в переносном, а в буквальном смысле.

Как выше было показано, *такие потребности нам даны вместе с человеком. Они столь же реальны, как и потребности голода, самозащиты, размножения и т. д.*

Человек нуждается в человеке для обмена мыслями, чувствами, волениями. Он импульсивно стремится „поделиться своими переживаниями" с другим. Идея — как бы примитивна она не была, — повелительно толкает человека сообщить ее сочеловеку. Переживания радости, горя, печали, страха требуют отклика со стороны других. Радость заставляет человека „излить" ее другому, горе требует утешения, страх, колебание—требует успокоения и одобрения, ненависть толкает к отмщению. Желание что либо сделать толкает к другому, чтобы привлечь его к работе по осуществлению поставленной цели. Все эти переживания стремятся „выйти" за пределы индивидуальной души и делают необходимым обмен с другими индивидами. И чем они острее, чем интенсивнее, тем сильнее тяга к сочеловеку, возбуждаемая ими[2]).

---

[1]) См. об этом выше, стр. 221—222.

[2]) *Ross*, правильно говорит, что потребность в себе подобных «проявляется, как craving for the presence of one's kind, distress at being left alone, nostalgia after separation from mates, and a capacity for social pleasure indicated by mirth, laughter, and festal impulses. They lead to social amusement, play, games, dancing, feasting and intercourse.

Ross: Soc. control. 14.

Невидимыми, но действенными связями эти потребности об'единяют людей и притягивают их взаимно, подобно невидимой, но действенной силе магнита, притягивающего железо.

Смотря по идеям, наиболее интересующим ряд лиц, мы имеем ассоциации, обменивающиеся знаниями, относящимися к миру физических, химических, биологических, исторических и др. явлений. (Лекции, заседания и „Общества любителей" физики,— химии,— ботаники, зоологии, истории, языковедения, социологии и т. д.). Совокупность идей и переживаний религиозных об'единяет и поддерживает коллективное единство верующих, составляющих церковь. (Церкви — католическая, православная, секты хлыстов, молокан и т. п.).

Совокупность идей политических, излагаемых кратко в программе партии, вместе с чувствами и волениями, соответствующими этой программе, составляет коллективное единство политической партии (коллективное единство партий: большевиков, меньшевиков, социалистов - революционеров, монархистов и т. д.).

Совокупность идей, относящихся к иным явлениям, об'единяет индивидов в множество других коллективных единств.

При чем следует подчеркнуть, *что процессы идейного взаимодействия могут возникать и существовать не только тогда, когда идеи однородны, но и тогда, когда они разнородны и противоположны.* В любом научном обществе участвуют члены различных идейных школ и течений. Больше того, весьма часто наиболее живым и деятельным является то общество, где не все мыслят в унисон, где есть разногласия и противоположности мнений. В этих случаях прения принимают более живой характер, само общество энергичнее функционирует, его заседания вызывают бо̀льший интерес в членах, чаще посещаются и т. д.

Нередко на почве антагонизма идей возникают и более острые формы антагонистического взаимодействия, об'единяющие индивидов в продолжительное, антагонистическое коллективное единство. Простейший пример такого рода явлений — спор двух противников, доводящий до драки, свалка в парламенте между членами различных партий. Более широкими и продолжительными видами коллективных единств, образуемых и поддерживаемых антагонизмом идей и убеждений, могут служить: коллективное антагонистическое единство (взаимодействие) никонпан и раскольников, многолетняя борьба между ними, сопровождавшаяся заточе-

нием раскольников в тюрьмы, их ссылкой и сожжением [1]), вторым еще более широким и весьма длительным взаимодействием, вызванным и поддерживаемым антагонизмом идей и верований, служит коллективное единство католиков и еретиков, преследовавшихся первыми (взаимодействие „святой инквизиции“ и ея верных с вальденистами, альбигойцами, катарами и др., выражавшееся в войнах, преследованиях, сожжениях еретиков и т. д.) [2]), религиозные споры и войны, об'единявшие надолго противников в коллективное единство (напр., борьба католицизма с протестанством) и т. п.

В данных, и в множестве других примеров цементирующими связями, пригвождающими антагонистов друг к другу, служат антагонистические убеждения.

Подобно им *чувства и воления — сходные и различные каритативные и одиозные,—могут играть роль таких связей, сцепляющих в коллективное единство—солидарное или антагонистичное—ряд индивидов и заставляющих их длительно взаимодействовать.*

Люди притягиваются и „пригвождаются“ друг к другу не только любовью, симпатией, благожелательным отношением, но и одиозными переживаниями: ненавистью, враждой, страхом, угрозой и т. д. Роль благожелательных чувств и эмоций, (симпатия etc) в деле поддержания солидарных коллективных единств, общеизвестна. Но почему-то не желают видеть, что процессы взаимодействия, взаимное притяжение друг к другу индивидов вызываются не только благожелательными, но и злостными переживаниями Множество примеров такого явления дают факты кровной мести. Известно, что в древности она носила обязательно-религиозный характер. Ненависть к врагу заставляла взаимодействовать с ним: искать его, следить за ним, и такое взаимодействие продолжалось до уничтожения обидчика; убийство его, в свою очередь, вызывало месть со стороны его рода; и так род с родом враждовал и воевал (взаимодействовал) временами целые десятилетия [3]). порой до истребления одной или обоих сторон [4]). Это значит,

---

[1]) Подчеркиваю, что с моей ненормативной точки зрения—группа взаимодействующих раскольников и никониан—суть коллективное единство, реальная совокупность, ассоциация.

[2]) См. *Г. Ли:* История инквизиции. т. I. СПБ. 1911. Passim.

[3]) См. факты: *Ковалевский*: Современый обычай и древний закон. М. 1886. т. II 1—17 и сл. *Makarewicz*: Einfuhrung in die Philosophie d. Stratrechts 1906. 246 и passim. *Steinmetz.* Etnolog. Studien. т. I 299—334 и 260—406 *Сорокин*: Преступление и кара. Там же указана литература о кровной мести.

[4]) *Steinmetz*: Особенно внимательно исследовавший эпоху кровной мести ставит вопрос: продолжительна ли месть дикарей, и отвечает на этот вопрос положительно. См. 303 стр. 1-го тома Ethnolog. Studien zur ersten

что связью, объединявшей в коллективное единство антагонистически взаимодействовавших индивидов, были чувства эмоции и воления злобы, ненависти, вражды, а не чувства благожелательные [1]). Отсюда видно, что связями, об'единяющими индивидов в коллектив. единство, заставляющими их взаимодействовать, могут быть не только симпатия и пр. благожелательные эмоции, но и эмоции одиозные. Такие коллективные единства индивидов, объединяемых в одно взаимодействующее целое злостными чувствами и переживаниями, существуют во множестве форм и видов, то мелких и незначительных, то крупных и грандиозных. Взаимодействие тюремщика и заключенного, преступника и ищущих его органов власти (последнее взаимодействие согласно законам о давности может продолжаться десять, пятнадцать и двадцать лет, смотря по тяжести преступления), коллективные единства, образуемые победителями и побежденными, рабами и рабовладельцами, предпринимателями и рабочими, рядом воюющих народов и государств, времепами антагонистически взаимодействующих друг с другом в течение ряда лет, десятилетий и даже столетий (вспомним столетнюю войну, войны Наполеона, современную войну, тянувшуюся $4^1/_2$ года и т. п.)—все эти факты служат примерами коллективных единств или длительных процессов взаимодействия, вызываемых и поддерживаемых злостными и враждебными друг другу переживаниями. Здесь в качестве цемента, объединяющего индивидов в одно взаимодействующее целое, выступают не альтруизм, не сострадание, не симпатия, а самые враждебные и злостные переживания [2]).

Entwicklung der Strafe. 1894, где приводится список народов, у которых месть интенсивна и продолжительна. Она, как подчеркивает и М. Ковалевский, переходит от поколения к поколению и становится наследственной. «Die Blutrache bleibt nicht auf die Geschlechter, welche die Selbe anfingen, beschränkt, говорит Штейнметц, она продолжается из рода в род, от поколения в поколение bis die Fehde endet «faute de combattants», bis eine Gruppe völlig aufgerieben oder erniedrigt wurde. То же констатируют и все почти исследователи кровной мести. *Steinmetz*: 395—396.

[1]) Конечно, г. г. нормативисты в таком взаимодействии не захотят видят коллективное единство. Не будем спорить о словах. важна лишь причинная зависимость между поведением индивидов. Она здесь несомненна. Остается ее констатировать. Я это и делаю. Антагонистическое взаимоотношения для меня составляют столь же важные социальные явления, как и взаимоотношения солидаристические и не вижу оснований, почему они не должны изучаться социологом. См т. II, главу, посвященную критике теории соц. явления, в том числе и критике теорий нормативно-оценочных.

[2]) Отсюда следует, что глубоко односторонни и потому ошибочны теории, полагающие, что индивиды могут притягиваться к индивидам только благожелательными переживаниями, что социально-психическими связями могут

В течение долгого времени они могут быть „обручами", связывающими в одно взаимодействующее единство множество лиц. Не будь их—взаимодействие между ними исчезло бы, а вместе с его исчезновением рассыпалось бы и коллективное единство, образуемое ими. Больше того, история учит нас, что нередко на почве таких антагонистических связей постепенно выростали связи иные, связи солидаристические. Наблюдающееся в истории расширение социально-замиренных кругов, расширение, начавшееся с мирных групп в 40—100 человек и окончившееся замиренными государственными союзами, насчитывающими десятки миллионов людей, это расширение „солидарных" социальных групп, как я старался показать в другой своей работе, происходило именно на почве антагонистического взаимодействия, питаемого злостными переживаниями, поддерживаемого беспощадными карами и наградами. „Как возможно было это расширение замиренных социальных кругов? Как возможно это слияние абсолютно враждебных групп в одно солидарное социальное единство?... Единственно возможный ответ на поставленный вопрос гласит: расширение социально-замиренных кругов возможно лишь благодаря соединенному мотивационно-дрессирующему влиянию наказаний и наград. Без этих рычагов подобное расширение сферы „мира" немыслимо и невозможно... Как совершалось обычно слияние групп? Путем войн. А что такое война?—Коллективное наказание одной группы другою... Когда один народ (в особенности в прошлом) при столкновении побеждал другую группу, то ассимиляция победителем побежденного в большинстве случаев совершалась не в силу добровольного подражания, а подражания вынужденного: нравы, обычаи, законы и институты победителя-народа усваивались побежденным народом не без давления кар и наград. Исключительно благодаря этому давлению в первое время побежденные выполняли предписания и обычаи победителя; но, повторяя много раз предписанные шаблоны победителя, побежденные незаметно привыкали к ним и, после достаточного числа повторений, эти шаблоны теряли характер чуждости и становились „своими", добровольно выполняемыми" [1]).

быть только связи переживаний благожелательных друг к другу. Пример. «Везде, где социальная связь существует, есть и симпатия». Звоницкая. Опыт теорет. социологии 220. См во II т. «Системы» главу, посвященную критике теорий соц. явления. Мы видим, что дело обстоит далеко не так.

[1]) *Сорокин*: Прест. и кара. 235—236. См. также всю главу: Социальная роль кар и наград. То же говорит и *Штейнметц*. В древности «без агрессив-

И объединение ряда народов в государство [1]), и объединение ряда индивидов в одну религию, и объединение их едиными обычаями и нравами и т. д., совершалось именно указанным, принудительно-злостным и карательным путем [2]).

Социальная связь, объединявшая гетерогенные и враждебные группы лиц, в таких случаях была вначале связью злостных переживаний, выражавшихся в беспощадных карах и принудительных мерах, накладывавшихся одними на других. Потом, после долгой карательной дрессировки, эти связи постепенно трансформировались в связи солидарных чувств и переживаний [3]).

Внешним симптомом этой „дементирующей“ роли антагонистических переживаний служит *принуждение* и *насилие*, выступающее в роли социальной связи, мешающей распаду данного коллектива и прекращению взаимодействия между его членами. Сколько „обществ“ существует только благодаря такому принуждению, выражающемуся в беспощадных карах! Сколько государств, составленных из разнородных центробежных групп, сохраняет свое единство только благодаря тому же принуждению. Что связывало Финляндию с Россией, чехо-словаков и итальянцев Австрии с Австрией, Ирландию с Англией, колонии европейских государств с их метрополиями, как не то же *принуждение и насилие*. Отнимите принуждение — и эти коллективные единства рассыпятся, как доски бочки, связываемые в одно целое обручами Такими именно обручами являются принудительно карательные меры; а существование последних, как было показано мной в другой работе, служит симптомом наличности

вности немыслимо никакое расширение группы». *Stemmetz.* Die philosophie des Krieges 1907 23. См также: *Vaccaro*: Les bases sociologique du droit et de l'Etat. 1898 90, сл. и Passim Его же. Genesi e funzione delle leggi penali. 1908 г Passim. *Oppenheimer*: Der Staat. Frankfurt am Main 8 и сл.

[1]) *Oppenheimer.* Der Staat 8—9. «Der Staat ist seiner Entstehung nach ganz und seinem Wesen nach auf seinem ersten Daseinsstufen fast ganzeine gesellschaftliche Einrichtung, die von einer siegreichen menschengruppe einer besiegten menschengruppe aufgezwungen warde mit dem einzigen Zwecke, dié Herschaft der ersten über die letzte zu regeln und gegen innere Aufstande und aü ssere Angriffe zu sichern».

«Современная государственная власть не чужда и чисто принудительного основания». *Лазаревский.* Op cit 13.

[2]) См. факты и литературу в *моей* книге: Преступление и кара 216—247, в моей статье: Законы развития наказаний. Нов. идеи в правов. Сб. № 3.

[3]) «Not the attraction of like for like, говорит Ross, критикуя «сладкие» теории, сводящие социализирование к симпатии, к удовольствию общения и т. д., but war or the dread of war has instigated that unceasing agglomeration of communities revealed in history. Groups arise too soon, form before the natural socializing forces have done their worke. *Ross.* Op. cit. 270.

антагонизма идей, чувств и волений, верований и желаний, антагонизма поведения различных индивидов. Чем более антагонистичны последние, тем острее принуждение, тем беспощаднее кары, стремящиеся „склеить" центробежные социальные группы, поддержать существование внутренно антагонистического коллективного единства [1]).

Я несколько подробнее остановился на антагонистических переживаниях, как факторах, обусловливающих длительное существование коллективных единств, потому, что весьма часто социологи, изучающие „социальную связь", считают, что такой связью могут быть только солидарные и благожелательные идеи, чувства, воления—вообще благожелательные переживания. Из сказанного мы видим, что „социальной связью" могут быть и бывают и противоположные переживания—переживания злостные. Общение людей поддерживается не только любовью и симпатией, но и злобой, враждой и борьбой.

Очертив социально-психические связи по их психической природе, теперь подойдем к тому же вопросу с несколько иной точки зрения. В ряду множества социально-психических условий, вызывающих взаимодействие, мы выделили, как условия особенно важные, явления взаимозависимости людей, на почве общественно-технического разделения труда (социального несходства), и явления тяги людей друг к другу, вызываемой их сходством в том или ином отношении.

Эти социально-психические условия служат весьма важными факторами в деле поддержания возникших процессов взаимодействия, в деле продолжительного сохранения коллективных единств.

Выше была указана эта *связывающая роль разделения труда*. Индивид с индивидом, группа с группой принуждены поддерживать взаимодействие (составлять длительное коллективное единство) в силу несамодостаточности каждого индивида или группы таковых, вызванной разделением труда. Для удовлетворения множества потребностей мы принуждены вступать во взаимодействие с рядом лиц: голод гонит нас к тем, кто изготовляет пищу, потребность в одежде—к портному, потребность в сапогах — к сапожнику, потребность знания — к учителю, потребность востановления права — к судье, потребность в религиозных переживаниях—к священнику и к верующим, потребность в музыке—на концерт и т. д. и т. д.

---

[1]) См. об этом *Сорокин*: Преступление и кара. 423—493.

Взаимозависимость, порождаемая разделением труда, повелительно заставляет нас общаться с рядом лиц, та же взаимозависимость вызывает общение одних групп с другими (явления торгового, экономического, идейного, религиозного и т. п. взаимодействия страны с страной, области с областью государства с государством и т. д.) [1]).

Эту цементирующую роль разделения труда прекрасно выяснил Дюркгейм в своей работе „О разделении общественного труда". В ней он показал, что социальные эффекты разделения труда далеко не исчерпываются экономической выгодой последнего и теми следствиями, которые указывались обычно экономистами „Наиболее поразительное действие разделения труда не в том, пишет Дюркгейм, что оно увеличивает производительность разделенных функций, но в том, что оно делает людей солидарными. Роль его во всех этих случаях не просто в том, чтобы украшать или улучшать существование общества, но в том, чтобы сделать возможными общества, которые без него не существовали бы" [2]). Вопреки многим лицам Дюркгейм показал, что разделение труда не разъединяет людей, а связывает их: связывает не только объективно, но и субъективно; различие индивидов, подобно различию супругов, требует их взаимного дополнения. Эта взаимная необходимость вызывает взаимное уважение, органическую солидарность их друг с другом В силу разделения труда индивидуальные сознания освобождаются от коллективного сознания, но вместе с тем индивиды сохраняют потребность друг в друге, равенство прав, взаимное уважение и т. д.

Такова объединительная—не только объективная, но и субъективная—роль разделения труда [3])

---

[1]) Эта необходимость взаимодействия социальных групп, порождаемого разделением труда, отлично выясняется современным положением России: мы воочию убеждаемся, к каким тяжелым результатам ведет изоляция и блокада России: голод, тиф, паралич промышленности, расстройство транспорта, растущий недостаток в тканях, в продуктах фабрично-заводской промышленности, короче—прогрессивно растущее обеднение и обнищание страны, таковы результаты изоляции. Такое положение дел, естественно, заставляет быть сговорчивыми самых непримиримых людей и искать путей к возобновлению порванной связи с другими странами и государствами Если бы не было разделения труда и происходящей из него несамодостаточности даже государственных союзов,—не было бы ни роста обнищания, ни желаний вновь связаться с миром.

[2]) *Дюркгейм*: Разд. общ. труда. 47 и passim.

[3]) Как я уже отмечал выше—эти субъективно-моральные эффекты (солидарность) разделения труда спорны и следуют из него далеко не всегда. Это частично признает и сам Дюркгейм, говоря, что они могут быть только при ряде условий, а именно 1) при свободе выбора профессии, иначе нет при-

Считая эти субъективно-моральные результаты, в виде солидарности, спорными и не всегда данными [1]), мы не можем усумниться в объективно-объединительной, „связывающей, роли разделения труда. Взаимозависимость индивидов, порождаемая дифференциацией, „прикрепляет" индивида к индивиду, делает их взаимно-необходимыми и заставляет их взаимодействовать друг с другом. И очевидно, чем более прогрессирует разделение труда, тем эта необходимость становится острее, тем с большим числом „специалистов" мы принуждены встречаться, тем общение будет интенсивнее, а социальная группировка сложнее.

Противоположным условием, вызывающим продолжительное взаимодействие, является *социальное сходство индивидов.* Благодаря ему не только возникают, но и существуют возникшие коллективные единства, оно прикрепляет индивидов субъективно. Выше было показано, что „мы любим того, кто похож на нас, кто мыслит и чувствует, как мы". Мы стремимся к подобным себе, и ищем их общества. „Моты не ищут компании скупцов; прямые и открытые характеры не ищут скрытных и лицемерных; доброжелательные и мягкие люди не чувствуют никакой склонности к грубым, и недоброжелательным лицам" [2]).

звания к ней и индивиды будут выполнять плохо свою функцию, 2) при равенстве условий конкуренции (иначе вместо свободы и солидарности получится антагонизм и борьба), 3) при известной социальной структуре общества, которая заставляла бы индивидов соблюдать свои обязательства. *См. Дюркгейм:* Разд. общ. труда. 283—320.

Такие условия чаще всего отсутствуют. Вот почему прав Бугле, говоря: «Дюркгейм открыл нам не столько то, что разделение труда вызывает на самом деле, сколько то, что оно должно было бы вызывать; не столько его необходимые результаты, сколько его идеальные эффекты». *Bougle.* Revue générale des théories récentes sur la divis. du travail. Anneè soc., т. 6. 107—108.

[1]) См. подробности у Дюркгейма, Бугле и Зиммеля: «Соц. дифференциация».

[2]) *Дюркгейм.* Op: cit. 42.

Таким образом дана тяга подобного к подобному. Отличной от нее является тяга индивидов друг к другу, обладающих взаимно дополняющими различиями. Это случаи субъективно-объединяющей роли общественного разделения труда, случаи временами данные, но не всегда следующие из него. Так, «теоретик часто имеет склонность к практическим людям, к здравому смыслу, робкий—к людям отважным и решительным, слабые—к сильному и наоборот.. Вот почему мы ищем в наших друзьях недостающих нам качеств. Соединяясь с ними мы... чувствуем себя менее несовершенными. Т. о. создаются маленькие ассоциации друзей, где каждый имеет свою роль. один покровительствует, другой утешает, третий советует, четвертый исполняет—и именно... это разделение труда вызывает отношения дружбы». *Дюркгейм.* Op. cit. 42—43.

Сходные индивиды обычно (но не всегда) [1]) стремятся к сходным. Это сходство имеет различные степени, начиная с более или менее полного сходства и кончая частичным сходством... Сообразно с ним и люди группируются в те или иные сходные коллективы.

Так, люди сходные по религиозным верованиям, притягиваются друг к другу и образуют коллектив верующих—церковь или секту.

Люди сходные по языку чувствуют себя (ceteris paribus) более близкими друг к другу, чем с теми, кто говорит на ином языке.

Люди сходные по научным школам, художественным течениям, литературным направлениям обнаруживают ту же тягу друг к другу и составляют коллективные группы единомыслящих.

Ту же объединяющую роль играют: сходство целей, сходство социального положения (аристократы обычно взаимодействуют с аристократами, буржуазия с буржуазией, трудовые группы с трудовыми), сходство профессий (профессиональные союзы и организации) сходство нравов, вкусов, одежды, короче—ряд сходств, начиная с важных и крупных и кончая мелкими и ничтожными.

Всюду фактор социально-психического сходства притягивает индивидов друг к другу, побуждает их взаимодействовать, „поддерживать знакомства", солидарно чувствовать, одинаково реагировать, словом,—составлять коллективное единство [2]).

Говоря о социально-психических факторах, поддерживающих существование коллективных единств, нельзя не

---

[1]) *Гиддингс* ошибается, считая это правило абсолютным и признавая «сходство—необходимым условием солидарности и социализации». Двое мужчин, сходных в том, что оба они влюблены в одну женщину, далеко не всегда солидарны друг с другом. Ошибается он и в том, что из сходств наиболее важным во все времена он считает Mental and Moral Resemblance. См. *Giddings*: The Elements. 53 и сл.

[2]) Эта тяга сходного к сходному весьма рельефно между прочим проявлялась в средневековых городах. Эти города, как известно, подобно древнему Новгороду и Пскову, делились на «концы». Каждый такой «конец» и отдельные улицы населен был главн. обр. людьми одной профессии или ремесла или цеха. Так было в среднев. городах Европы, в Германии, в Лондоне, в Венеции, то же мы видим и у нас, в Новгороде и Пскове. Это явление в менее резкой форме наблюдается и теперь. Большие города теперь имеют кварталы, где живет гл. обр. буржуазия, кварталы и улицы преимущественно с рабочим населением, кварталы и улицы, населенные гл. обр. учащимися и т. д. См. подробнее об этом у *Maunier:* L'origine et la fonction économique des villes. Paris. 1910. 122 и сл.

упомянуть про объединяющую роль *символических-проводников* Что ряд коллективных единств или процессов взаимодействия обязан своим существованием проводникам, что только благодаря им индивиды пространственно и временно разделенные могут взаимодействовать, что в силу их данности взаимодействие людей принимает интенсивные—качественно—и обширные—количественно—размеры, что пользование общим языком, письменностью, жестами объединяет участников в одну группу, скрепляет их в одно целое,— это само собою следует из того, что выше было сказано о роли символических прсводников в деле общения людей.

Эта роль проводников, как я старался показать, громадна. Не будь их—взаимодействие людей было бы ничтожным и жалким.

Отсюда следует: чем более насыщена известная территория различными проводниками—звуковыми, световыми, цветовыми, предметными, двигательными и т. д.—тем взаимодействие людей более интенсивно, тем оно способно чаще возникать и продолжать существование [1])

Но не об этой социализирующей роли символических проводников я намерен говорить здесь. В данном случае я имею в виду более тесную социализирующую роль их, основанную на *рикошетном влиянии символов-проводников на психику людей.*

---

[1]) Отсюда следует, что эту степень интенсивности взаимодействия можно объективно определять: 1) количеством писем и телеграмм, падающим в среднем на индивида данной территории или государства, 2) количеством митингов, лекций, публичных заседаний, бывших в течение, напр., года в данном районе, 3) количеством телефонных абонентов и разговоров, 4) количеством верст протяжения железно-дорожных рельс и поездов по ним проходящих, 5) количество газет и их подписчиков, 6) количеством библиотек, их абонентов и числом взятых книг, 7) количеством музеев и их посетителей, и т. д. Чем соответственные цифры будут выше, тем взаимодействие будет интенсивнее. Такая «социометрия» была бы более правильной, чем «социометрия» Коста.

Насыщенность определенного пространства проводниками — с другой стороны, означает сокращение самого пространства. Пункты территории, связанные друг с другом множеством соц. проводников (жел. дорог, телефонов, телеграфа и т. д.) гораздо ближе друг к другу, чем те же пункты, не связанные проводниками. Расстояние между Петербургом и Парижем в данное время сократилось в несколько десятков раз, по сравнению с расстоянием между ними в 18 и в нач. 19 в. Иными словами—географическое пространство и геогр. карта земли не совпадают с социальным пространством и с соц картой земли. В бумагах *И. И. Кауфмана*, по сообщению *Р. М. Орженцкого*, имеется такая сравнительная—социальная и географическая—карта. Она чрезвычайно ярко иллюстрирует сказанное и наглядно показывает роль проводников в деле сокращения пространства и интенсифицирования взаимодействия.

Выше мы видели, что символы-проводники являются объективированием и выявлением психических переживаний. Но видели также, что и сами они оказывают известное, рикошетное влияние на психику [1]).

Все сказанное там применимо и здесь, в явлениях социального объединения.

И здесь, *коллективное единство, образуемое рядом взаимодействующих индивидов, обычно объективируется в форме тех или иных символов-проводников, выражающих это единство во вне.*

Эти символы-проводники в таких случаях становятся внешними выразителями такого единства, сигнализирующими всем природу и характер последнего. Каждый индивид, связывая себя с данным символом-проводником, тем самым связывает себя и со всеми индивидами, связывающими себя с тем же проводником-символом. Конкретных форм таких символических проводников, сигнализирующих, „овеществляющих" то или иное коллективное единство, много.

Таковы, прежде всего, *символические звуковые проводники, в виде имен и названий.* „Россия", „Англия", „Петербург", „Интернационал" и т. д.

Таковы далее *лозунги* „Пролетарии всех стран соединяйтесь", „В борьбе обретешь ты право свое", „Самодержавие, православие и народность" и т. п.

Этими символами-проводниками объективируется во вне целый ряд психических переживаний и обозначается совокупность индивидов, объединенных теми или иными связями единства и сходства. Другой формой такого символизирования единства являются *свето-цветные символические проводники*: таковы национальные цвета флагов, символизирующих коллективное единство государства, таковы флаги и знамена боевых полков, как символы последних; таковы красные ленты, красные флаги, как символы революционных идей, чувств и волений, объединяющих в одно коллективное целое ряд индивидов.

Таковы далее *грамоты, пергаменты и листы, на которых* „запечатлены" те или иные взаимоотношения индивидов и групп, образующих то или иное единство (договоры государств, вступающих в союз, грамоты, гарантирующие права и вольности того или иного народа, договоры частных лиц, вступающих в те или иные обязательственные отношения и т. д.) Особенно важную роль в этом отношении играют *газеты и журналы.* Газета, сам факт ее существования,

[1]) См. выше, стр. 176 и сл.

служит соединительным звеном, объединяющим множество подписчиков, не знающих друг друга. Недаром газетное название часто служит символом целой общественной группы.

Коллективное единство, образуемое студентами учебного заведения, объективируется часто в их *форме и кокардах*; то же происходит с чиновниками одного ведомства, с солдатами, офицерами и генералами; (формы ведомств, мундиры полка, погоны, эполеты, красные лампасы и т. д.); принадлежность к духовному званию символизируется одеждой духовенства, принадлежность к женскому полу выражается женским костюмом, к мужскому — мужским.

В роли таких символов, сигнализирующих то или иное коллективное единство, выступает и ряд других *предметов*: корона, скипетр и держава символизируют единство государства и неограниченность власти главы последнего; ряд религиозных реликвий символизируют единство церкви.

Ряд предметов, составляющих имущество того или иного коллектива, символизирует единство последнего („Учреждения", universitas bonorum, как юрид. лицо).

Весьма часто такими символическими выразителями единства являются *те или иные лица* государственный коллектив „представляется", „символизируется" его главой— монархом, президентом, или группой верховных правителей (парламентом); единство церкви „представляется" патриархом, папой или синодом, коллективное единство армии—ее главнокомандующим и т. д.

Связь, объединяющая ряд индивидов в одно коллективное единство, весьма часто выражается и *жестами*: таково „отдание чести" друг другу членами армии, таково приветствие в виде снимания шапки и кивка головой, выполняемого лицами знакомыми и т. д.

Говоря коротко, *единство коллектива может объектироваться самыми различными символическими проводниками.*

Напомнив этот факт теперь, я напомню и другой: *частое фигурирование тех или иных проводников в роли символов определенных переживаний постепенно превращают их в фетиш, в самоценность, в нечто такое, что само по себе ценно, свято и имеет социально-психическую значимость.*

То же наблюдается и относительно символов социального единства.

Раз коллективное единство группы символизируется в том или ином предмете или лице, и раз этот предмет или лицо приобретает характер фетиша, то длительность и существование такого символа рикошетом влияет на психику членов группы,

укрепляет в них связи единства, вызывает переживания сопринадлежности к единству, короче—становится гипнотическим фокусом, point fixe этого единства.

Единство группы, само по себе трудно схватываемое, трудно уловимое, отождествляется с ее символом. Отношение к этому символу и связь с ним заменяет отношение единства и связь членов группы друг с другом. Индивид или предмет замещает в этом случае группу.

Иными словами, *здесь символ единства помогает реализации и существованию единства социальной группы путем притягивания членов последней к себе, путем связывания их с собою, путем живого овеществления и воплощения этого единства; связывая членов группы с собою, он связывает их и друг с другом.*

Здесь отнесение себя к одному и тому же центру, в виде символа, связывает всех, стоящих к этому центру в одинаковом отношении. Подчиненность одному и тому же главе государства связывает друг с другом всех подчиненных. Верование в одного и того же Бога-Иегову, Христа и т. д.— связывает в одно единство всех одинаково верующих. Снятие шапки и крестное знамение при виде иконы связывает в одно единство всех, подобным образом реагирующих на этот символ.

„Отдание чести" одному и тому же знамени, связывает в одно единство всех, кто эту честь отдает. Ряд лиц, непосредственно друг с другом не связанных, но связанных с одним и тем же символом, оказываются связанными и друг с другом.

Короче—*связь многих индивидов с одним и тем же символом связывает их друг с другом.* Вот почему Зиммель прав, говоря: „Подчинение группы одной личности имеет своим результатом прежде всего объединяющее влияние на группу". Прав, он говоря, что своим сохранением социальная форм часто обязана тому, что ее единство символизируется в одной личности, в ее главе [1])

---

[1]) *Simmel*: Soziologie 141—142. *Simmel*. Comment les formes sociales se maintiennent. L'année. т. I 79. Такое символизирование группы в одном лице, говорит Зиммель, представляет громадную выгоду для сохранения единства группы, во первых тем, что т. о. «воля группы приобретает централизованное выражение или тело», во вторых тем, что в случае если группа стоит в оппозиции к ея главе, то эта оппозиция всех членов группы к главе последней об'единяет снова членов друг с другом. «Если совокупная оппозиционность к кому либо является могучим средством для объединения множества индивидов или групп в одно целое, то она укрепляет единство группы и тогда, когда общим противником группы является глава последней». То же

Таким же образом в эпоху феодализма связь—подчиненность — ряда вассалов одному сюзерену, связывала и вассалов друг с другом. Одинаковое отношение к одному лицу, напр., к предку, связывает и всех индивидов, признающих это лицо своим предком. Почитание одного и того же предмета—иконы, креста, государственного герба, красного флага, семейной реликвии и т. д. связывает в одно единство и всех почитателей.

Как я уже сказал, в качестве таких объединяющих символов могут выступать различные символические проводники.

Ими могут быть *отдельные лица*, как обстояло дело в только что приведенных примерах. Ими могут быть *группы лиц*. Коллективное единство группы в таких случаях сохраняется „благодаря органу, составленному из многих лиц", „группа объективируется в другой группе: церковь воплощается в духовенстве, политическое общество—в администрации, армия—в командном составе" и т. д. [1]); связь индивидов с этой символической группой — „органом" — заменяет связь их друг с другом, делает эту последнюю более конкретной, ощутимой, вещественной [2]).

В других случаях таким символом единства могут *быть вещи*. „Другое средство для объективирования социального единства, говорит тот же Зиммель, это инкорпорировать, овеществить это единство в безличных вещах (не имеющих собственников!) Роль таких вещей особенно рельефна в институте „имущества мертвой руки". Распоряжаться единолично никто им не может. Благодаря определенному положению такого имущества в пространстве, оно является как бы point fixe, к которому тяготеют все сособственники. Поэтому такой

наблюдается и в области религиозных коллективных единств. Так, напр., Vertragsverhältnis zu Iehova всех евреев представляет die eigentliche Kraft und Sinn der nationalen Zusammengehörigkeit».

Simmel: Soziologie. 142—144. «Le royauté paraît ainsi toujours comme le foyer unique où tous les rayons politiques viennent se reunir», тонко характеризует объединяющую роль англ. короля в старой Англии, М. Я. Острогорский. *M. Ostrogorski:* La démocratie et les partis politiques. 1912. 5.

[1]) *Simmel:* Comment les formes se maintiennent. 83—84.

[2]) Помимо таких объединяющих эффектов символизация группы в меньшей группе имеет своим результатом и другие объединяющие функции. При отсутствии такого символического органа группа не гибка, в ней трудно достижимо моральное и физическое единство; нельзя легко и быстро добиться решений: раз каждый член равноправен другому, то veto одного может парализовать волю большинства, без такого «органа» невозможно продуктивное использование коллективных сил и т. д.

См. *Simmel:* Comment... 87—89.

институт представляет не только источник материальной выгоды, но и гениальный прием для сохранения единства группы [1]). Такую же объединяющую роль играют имущества групп, которые, по уставу этих обществ, запрещено делить между членами последних, и которые, в случае распадения общества, должны передаваться другому обществу, преследующему аналогичные цели.

Связывающую роль выполняют и другие символические предметные проводники. Возьмем *мундир*. „Люди того же ранга, одетые одинаково, познают, что они все равны и все солидарны: человек компрометирующий свой мундир, компрометирует и всех, кто его носит", совершенно верно говорит P. Simon ([2]). Здесь мундир выступает в роли связывающего символического проводника: он является центральной точкой, к которой тянутся нити всех носящих мундир. Соединяясь с ним, эти последние оказываются связанными и друг с другом. Нижеследующая схема иллюстрирует сказанное. *A* в этой схеме служит символическим проводником единства (человек, мундир, группа лиц, крест, флаг, герб, имя и т. д.).

B, C, D, E, F, G, и т. д. изображают индивидов, стоящих в сходном отношении к символу (отношение подчинения, почитания, ношения одной формы, любви, ненависти к *A*). Схема показывает, что, будучи связаны с A все эти индивиды, чрез A, оказываются связанными и друг с другом. Члены одной религии, одного полка, ведомства, государства, рода, партии и т. д. могут не знать друг друга, но, будучи связанными с одной символической Point fixe, они оказываются связанными и друг с другом.

Символ проводник напоминает в таких случаях центральный узел множества нитей, сходящихся в нем, или передаточный пункт, воспринимающий раздражения от одних и передающий их другим.

Зиммель отметил объединяющую роль только немногих из таких символов-проводников. Фактически их бесчисленное множество: им может быть любой символический проводник. Так, символический звуковой проводник: „русский", связывая с собой множество индивидов, связывает их и друг с другом. Такую же роль могут играть лозунги и названия,

---

[1]) Simmel: Comment.. 82—83.
[2]) *P. Simon*: Instruction des officiers. 402.

напр., „коммунист", „либерал" [1]) и другие звуковые символические проводники. Символический цветовой проводник, в виде красного флага, в виде газеты, связывая с собой пестрый агломерат людей, связывает их и друг с другом. Предметный проводник в виде креста, вызывая крестное знамение у ряда незнакомых между собой лиц, объединяет их в одну группу. Такую же роль могут играть любые вещи, фигурирующие в роли тех или иных символов. Одинаковая оценка какой-либо картины или книги,—связывает и делает сродными различных челов. единиц. Предмет, напр. значок союза русского народа,—ненавидимый многими индивидами, устанавливает соединительные нити между ними. Определенные двигательные проводники, напр., отдание чести, связывает тех, кто этот жест выполняет [2]).

Не буду приводить дальнейших примеров. Из сказанного ясна цементирующе-связывающая роль проводников-символов. Краткая формула этой объединяющей роли символов-проводников такова: *связывая с собой ряд индивидов, они связывают их друг с другом; фигурируя на себе психические переживания одних лиц, они, в качестве передаточного пункта, дают возможность передавать их другим лицам; связывая с собой ряд индивидов, они делают „осязаемой", наглядной, вещественной связь последних друг с другом.*

Такова эта роль—роль громадная (хотя обычно и не замечаемая социологами) — символов-проводников в деле поддержания бытия коллективных единств.

Чтобы оценить эту роль, достаточно будет сказать, что ряд разнообразных сложных коллективных единств, существующих в течение десятилетий и столетий, считается нами за нечто единое, тождественное самому себе, в значительной степени благодаря указанной роли символических проводников. Не будь последних—мы не считали бы за нечто единое ряд разнородных по своему характеру групп, живших в различные времена. Возьмем для примера коллективное единство, называемое словом „Россия" или „Петербург" или „Петербургский Университет". Одним и тем же

---

[1]) Comme on ne pouvait pas aisément etablir l'unité dans les esprits sur le fond des problèmes on s'attacha à rallier les électeurs autour da la raison sociale du parti, autour de son enseigne et de sa vieille renommée, правильно говорит М. Я. Острогорский, указывая на одно из зол совр. партий. *Ostrogorski* La démocratie et les partis politiques. 621. 1912.

[2]) Пример. «Когда уличные статуи Гермеса были низвергнуты, все афиняне были приведены в ужас и ярость. Они думали, что все они должны погибнуть, ибо кто-то низвергнул изображение бога и т. о. оскорбил его». *Bagehot* Physic and Politics. 103. 1873.

именем „Россия“ мы называем тот комплекс явлений, какой представляла „Россия“ времен Грозного. и тот комплекс явлений, который она представляет в наше время. Мы не только называем то и другое одним именем, но больше того: мы при этом мыслим, что „Россия“ нашего времени есть продолжение или развитие „России“ Грозного, что по существу тот и другой комплексы нечто единое, тождественное, что коллективное единство „Россия“ 1919 года есть продолжение коллективного единства „России“ времен Грозного. То же относится и к другим коллективным единствам, как „Франция“, „Католическая церковь“ и т. д.

Несмотря на то, что индивиды, составлявшие коллективное единство „России“ времен Грозного, и индивиды, составляющие „Россию“ 1919 г., совершенно различны, как различна и организация их взаимоотношений, мы, тем не менее, мыслим, что они являются членами одного единства „России“, что коллективное единство последней остается тождественным самому себе или, как выражается Зиммель, *„социальная форма „России“ остается идентичной самой себе при смене составляющих ее индивидов“*.

Такие представления столь привычны для нас, что мы даже не видим мистицизма, а временами и объективной ошибочности их [1]).

В самом деле: какие основания имеются для того, чтобы мыслить Россию 1919 г. как нечто единое с „Россией“—Грозного, как продолжение последней?

Разве то, что мы называем „Россией“ или „Петербургом“ теперь, не отличается резко от того, что называлось „Россией“ или „Петербургом“ 200 лет тому назад? Изменились люди, те,

---

[1]) Затрагиваемый здесь вопрос—гораздо сложнее: он тесно связан с основными понятиями логики и философии, ибо составляет часть более общей проблемы—проблемы бытия и становления, вечно пребывающего и вечно изменяющегося. «Понятие изменения мы можем мыслить лишь при наличности в этом изменяющемся чего то неизменного: «того, что изменяется». История философской мысли дала 3 решения этой проблемы. Первое гласит: существует только неизменное, само в себе пребывающее бытие. Изменение, бывание—одна видимость (Парменид, Зенон, deus—Спиноза). Второе решение. «Все течет—πάντα ῥεῖ. Существует только вечное становление, вечное изменение Нет неизменного бытия, (Гераклит, Гегель) Третье решение. существует и бытие, и становление. Атомы неизменны, но их комбинация, их сочетание, вечно меняется. (Демокрит и теория атомизма: «неизменная форма» и «текучее содержание» неокантианства). См. такую философскую постановку этой проблемы у *Зиммеля*: Hauptprobleme der Philosophie. 1911 г. гл. II; см. также *Сорокин*, Обзор теорий и основн. проблем прогресса. Нов. идеи в соц. Сб. № 3.

Подробно об этом придется говорить в «Социальной Генетике». Здесь же автор берет только одну сторону этой сложной проблемы для иллюстрации развиваемой в тексте мысли.

кто составлял население „России“ или „Петербурга“ умерли. Изменилась материальная обстановка. Ни по территории, ни по зданиям, ни по всему материальному быту „Россия“ наших дней и „Россия“ времен Ивана Грозного не тождественны. Не тождественны они по организации и духовной культуре. Старые боги умерли, на их место появились новые. Взгляды, привычки, идеи, верования, желания, взаимоотношение индивидов, социальная группировка их—все они не одинаковы в современной „России“ и „России“ времен Грозного.

Иными словами—объективно эти две „России“ явления разнородные, между ними объективно лежит пропасть.

И, однако, такое отождествление мы постоянно производим и не только в применении к „России“, но и в применении к „Германии“, „Франции“, „Англии“, и т. д. Комплекс явлений, известный под именем Германии, времен Цезаря или Тацита, Англии 10 в., Франции эпохи Людовика IX, „католической церкви“ времен Григория VII и т. д., мы считаем как нечто тождественное с современный Германией, Францией, Англией, католической церковию, чем то таким, продолжением чего служат последние коллективы.

Если спросить себя: какими обстоятельствами вызваны такие представления, то ответ будет гласить, что в *ряду этих обстоятельств весьма важную роль играют символические проводники.*

Такое отождествление имеет известные объективные основания. Они сводятся к тому, что индивиды, ряд поколений, живших со времен Грозного на территории „России“, *находились между собой в более тесном взаимодействии*, чем, напр. с индивидами поколений, населявших территорию „Франции“, Британии или Америки. Поколения, жившие на территории России, сильнее влияли на последующие поколения, заселявшие тот же район, более интенсивно обусловливали поведение последних, накладывали на них более сильный и определенный штамп. Вот почему они более тесно связаны друг с другом и могут быть выделены (кроме каких либо самоедов или тунгузов, слабо или совсем не взаимодействовавших с населением „Европейской России“ или Западной Сибири) в особое коллективное единство. Основанием его служит более интенсивная степень взаимодействия [1]). Эта большая интенсивность взаимодействия обусловливалась и обусловливается множеством причин.

[1]) См. об этом *Сорокин* Система социологии. Т. II, гл. I и II-я.

Прежде всего тем, что в любой момент среди населения, заселявшего область „России“ одновременно существовали, поколения дедов, отцов и детей. Все три поколения взаимодействовали друг с другом; взгляды, привычки, вкусы, обычаи, короче — поведение старших передавалось младшим; отцы были копией дедов, дети — отцов и т. д.

Таким образом, в силу традиции, устанавливалось между ними большее или меньшее сходство: сходство языка, верований, обычаев, уклада жизни, словом—сходство поведения. Место выбывающих „дедов“ замещали „отцы“, место отцов — „дети“, место последних—новое поколение. Таким путем создавалась непрерывность в движении и смене населения. Эта непрерывность и сходство поведения разных поколений служат основными условиями для анализируемого отождествления „России“ Грозного с „Россией“ Екатерины, с „Россией“ 1919 г. [1])

К тому же итогу ведут и ряд других сходств, сводящихся к сходству проводников. Прежде всего сходство *по имени* (звуковой проводник). Коллективное единство эпохи Грозного, и коллективное единство 1919 г.—называются одним именем „Россия“. Это тождество имени гипнотизирует. *Две величины, порознь носящие одно имя, невольно начинают считаться тождественными.* Выше было указано, что иногда достаточно бывает дать разным явлениям одно имя, чтобы эти явления стали мыслиться, как нечто единое [2]). Благодаря тому, что самые различные индивиды, составлявшие поколения, жившие на территории „России“, назывались и называются „русскими“, а их совокупность „Россией“,— в силу этой связи их с одним названием, они оказываются связанными и друг с другом. „Две величины порознь равные

---

[1]) «Поскольку государство есть совокупность людей, связанных в одну общую организацию, признается, что государство продолжает свое существование, пока держится та же организация (быть может с некоторыми частичными изменениями), несмотря на то, что одни поколения сменяют другие, и что территориальный состав государства также меняется, так формулирует это условие *Н. И. Лазаревский*. В этом отношении имеется полная аналогия между государством и организмом, который тоже признается нами продолжающим свое существование, несмотря на то, что весь материальный состав его мог измениться».

Н. Лазаревский: Русск. гос. право. 3—4.

[2]) Кто наблюдал за психикой солдатских масс в 1917 г., тот не мог не заметить следующего факта: под влиянием агитации большевиков, окрестивших одним именем «корниловцев» и сторонников и противников ген. Корнилова (напр., с.-р-ов и меньшевиков) солдаты искренно считали и тех и других «корниловцами». То же наблюдалось и в применении к терминам «контрреволюционер», «белогвардеец», «саботажник» и т. д.

третьей (одному имени)—равны между собою". Не называй „Россию" Грозного и современную „Россию" одним и тем же именем „Россия",—такое отождествление не имело бы места[1]). Больше того: это называние одним именем нередко имеет своим результатом включение в состав того или иного коллектива таких групп, которые объективно на это включение права не имеют. Так, в состав „России", как коллективного единства индивидов, включаются и те индивиды или группы их, которые заселяют северо—восточные части Азии (напр, чукчи, тунгусы, олюторы, коряки, югакиры) и которые весьма слабо связаны с остальными членами единства „России".

Рядом с именем ту же роль играют и другие проводники напр., *сходство языка*. Раз различные поколения говорят одним и тем же языком, напр., русским,—то это влечет за собой уравнение и сближение одинаково—язычных лиц и поколений. Множество лиц, говорящих одним языком, стоящих к этому проводнику в одинаковом отношении, оказываются связанными друг с другом, мыслятся, как нечто единое.

Ту же роль играют *„предметные проводники"*: территория, города, деревни, „Иван Великий", „Москва", „Василий Блаженный", всевозможные реликвии, „церкви", „иконы" и т. д. Человеческие полипы времен Грозного оставили после себя ряд „коралловых рифов", т. н. „материальную культуру", которая определенным образом влияет на поведение позднейших поколений и связывает их друг с другом. *Все эти бесчисленные „исторические памятники", связывая с собой каждое поколение, связывают тем самым и последних друг с другом.* Благодаря им давно ушедшие поколения, запечатлевшие следы своей деятельности в форме таких матери-

[1]) Подтверждением этому служит, напр., Италия. Она имеет не меньше прав для отождествления себя с древним Римским государством, чем Россия 1919 г. на отождествление с «Россией» Грозного. И однако, в силу того, что население соврем. Италии называет себя popolo italiano, а не populus romanus, что само государство носит название Италии, а не civitas Romana, в силу такого «маленького обстоятельства» Италия не мыслится, как нечто тождественное с древним Римом; не считается она и непосредственным продолжением древне-римского государства.

Второй яркий пример дает история коммунистической партии в России. Хотя за годы войны (отчасти и ранее), позиция и тактика ленинцев весьма резко отличалась от тактики социал-демократов, однако, они считались социал-демократами, так как носили такое имя. Только со времени переименования себя в «коммунистов» и отказа от названия «социал-демократов» для многих стала ясной «не социал-демократичность» большевиков, их разрыв с социал-демократией и глубокие отличия от последней.

альных памятников (города, селения, здания, утварь, одежда, книги, дороги, возделанные поля, и т. д.) непрерывно воздействуют на последующие, взаимодействуют (хотя и односторонне) с последними, словом—составляют коллективное единство. Не будь этих проводников—такого коллективного единства ряда поколений, называвших себя „русскими", такого отождествления „России" Грозного с „Россией" 1919 г., не могло бы быть. Каждый из этих комплексов в этом случае представлялся бы чем-то различным, оторванным один от другого; короче говоря—различные „русские" поколения в этом случае представляли бы не нечто единое, а были бы membra disjecta различных социальных тел.

Отсутствие проводников и единого имени означало бы отсутствие „соединительных тканей" между этими, объективно—различными комплексами. В этом случае люди не считали бы их чем-то единым, не думали бы, что „Россия" наших дней суть продолжение „России" Грозного, что современная Англия, Франция, Германия суть продолжение „Англии" 10 в., Франции Людовика IX, Германии времен Тацита. Отнимите эти проводники и их объединяющую роль — и большинство подобных единств рассыплется, люди перестанут считать их чем-то единым.

Из этих штрихов достаточно ясной становится „объединительно—передаточная" роль проводников.

Из сказанного попутно выясняются и основные условия существования подобных сложных коллективных единств. Как видно из предыдущего, такими объективными условиями являются: наличность более интенсивного взаимодействия между членами данного единства, выделяющего их из среды других индивидов земного шара [1]). К этому основному условию присоединяются условия дополнительные, где колоссальную роль, благодаря рикошетному влиянию проводников на психику, играют эти последние.

Что касается факторов, вызывающих взаимодействие между различными поколениями таких исторических единств, как „Россия", „Франция" и т. д., и факторов, обусловливающих продолжительность бытия таких коллективов, (длительность взаимодействия), то в общем и целом эти условия те же, что и очерченные выше [2]).

---

[1]) Отсюда следует: там где нет этой интенсивности взаимодействия, там объективно отсутствует почва для выделения исторически длительного коллективного единства.

[2]) Из сказанного следует, что мы признаем возможность существования таких длительных коллективных единств. В предыдущем кратко

Таковы вкратце основные факторы, обусловливающие продолжительное сохранение коллективных единств. Они объясняют нам, *почему раз возникшее взаимодействие не разрывается, почему люди остаются прикрепленными друг к другу, почему* они *не „отскакивают" друг от друга; почему, иными словами, общественная жизнь людей существует.* Эти факторы служат как бы *соединительными цепями*, прикрепляющими человека к человеку. Они—*скрепы*, не позволяющие людям отрываться друг от друга, а группе совместно живущих людей—отталкиваться и рассыпаться подобно шарикам однородного электричества по лицу земли.

указаны объективная почва их существования (более интенсивное взаимодействие) и субъективные условия, в силу которых—иногда согласно с объективностью, а иногда—вопреки ей,—люди считают различные комплексы тождественными, продолжающими и развивающими один другого (единство имени, сходство территории, языка, мат. культуры, нравов, обычаев и т. д.). Но было бы ошибкой, если бы нашу мысль истолковали в смысле *Зиммелевского* положения: *«возможности социальных форм, остающихся идентичными самим себе, в то время, как их члены меняются»*. (См. *Simmel*: Comment... Passim).

Такую возможность я отрицаю. Иными словами, если возможно думать, что «Россия» времен Грозного и «Россия» 1919 г. суть различные стадии единого коллектива, составляемого непрерывно меняющимися индивидами, то отсюда ничуть не следует, что «социальная форма» России осталась неизменной, «идентичной» самой себе.

Социальная «форма»—не бутылка, которую можно наполнить любой жидкостью и которая, тем не менее, будет всегда оставаться идентичной. Здесь «форма» определяется характером индивидов, составляющих данное единство. Если меняются индивиды—меняется и форма. «Россия» времен Грозного и «Россия» нашего времени—два совершенно различные единства, две совершенно различные (а не тождественные) «социальн. формы». То, что обозначалось термином «Петербургский университет» при Николае I, и то, что обозначается им теперь,—два совершенно различные и мало похожие друг на друга коллектива: различны-профессора, число и качество студентов, характер преподавания, взаимоотношения учащих и учащихся и т. д. Сходным осталось разве одно имя и здание Университета, да и оно изменено позднейшими ремонтами и пристройками. Говорить о тождественности «социальн. формы» Петроградского Университета при изменении составляющих его индивидов, с об'ективной точки зрения невозможно. *Раз изменяются индивиды, образующие коллективное единство, меняется фактически и «форма» последнего.* Ибо вне индивидов-нет социальных форм, ибо соц. формы—это взаимоотношения индивидов. А т. к. совершенно сходных индивидов нет, то при изменении их не может быть и тождественных соц. форм.

Это положение применимо ко всем коллективным единствам, начиная с «католической церкви» и кончая каким-нибудь маленьким обществом «любителей ораторского искусства» или коммерческим обществом: «Волга», «Саламандра» и т. д. Ни одно из них, при смене их членов, не остается тождественным. Разница между ними лишь в большей или меньшей быстроте изменения этих форм. Любое общество, любая партия изменяют свои «формы» с изменением их членов. Правда, их устав, их программа, конституция государства могут остаться неизменными. Но наивным был бы тот человек,

Мы видим, что здесь, как и при возникновении взаимодействия, действуют не одна, а множество условий. Эти условия взаимно переплетаются друг с другом, одни подкрепляют другие и в итоге создают возможность существования и продолжения раз возникшего коллективного единства. Всякие попытки свести эти факторы к одному условию должны быть признаны неверными и ошибочными. Как возникновение коллективных единств вызывается рядом космических, биологических и психо-социальных факторов, так же и сохранение их обусловливается действием многих сил.

Что это так,—подтверждается и исследованием „скреп" обширных и численных скоплений населения, составлявшего в своей совокупности ряд исторических аггрегатов. Таково, напр. население тотема, рода, территориально-племенного общества, средневекового города—государства, современного государства и т. п. И здесь индивиды, составляющие население этих обширных аггрегатов, прикреплены друг к другу не одной связью, а многими. И здесь, „проволоки", связывающие их друг с другом, заставлявшие их жить рядом, взаимодействовать и мешавшие им отрываться друг от друга, многочисленны и разнородны.

который, основываясь на неизменности программы эс-эров с 1904 г., заключил бы отсюда, что не изменилась и «форма» партии. Не менее наивным было бы заключение того, кто, основываясь на неизменности конституционных статутов и биллей Англии и декларации прав Соед. Штатов, заключил бы отсюда, что «политическая форма» Англии и Соед. Штатов за 19 и 20 в.в осталась неизменной. Знатоки дела заставят такого человека сознаться в своей ошибке.

То же применимо и к любому коллект. единству. Вот почему формулировка Зиммеля: «как существуют и сохраняются идентичными самим себе социальные формы в то время, как их члены меняются»—объективно несуразна. Несуразна потому, что идентичные самим себе социальные формы при изменении индивидов—невозможны. Это Contradictio in adjecto, продиктованное гипнозом философии «неизменной формы» и «текучего содержания» или гипнозом рикошетного влияния проводников. В первой главе данной работы я указал на незаконность применения «воззрительных» аналогий к социальным отношениям.

Здесь видим неудачливые плоды такого оперирования, плюс—подпадание Зиммеля под гипноз общих имен и названий. Исторически — длительное коллективное единство может обозначать для нас лишь совокупность индивидов, живших в различные времена и связанных друг с другом—и в пространстве и во времени, более тесным взаимодействием, (т. е. сильнее обусловливавших взаимное поведение) и только... Ни о каком сохранении идентичных социальных форм, или идентичности организации при смене составляющих их индивидов—не может быть и речи. Это,—остаток органической концепции общества, незаконно живущий даже в тех умах, которые, как Зиммель, отрицательно относятся к существу последней... Частично эта ошибка сказывается и в приведенной выше цитате Н. И. Лазаревского. Такие метафоры—от лукавого.

Самый краткий обзор связей, заставлявших их жить совместно и делавших их сложным коллективным единством, подтвердит правильность сказанного [1]).

Тотемическая группа. В тех австралийских группах, которые были описаны рядом лиц, и в частности Б Спенсером и Гилленом, мы встречаем упоминания следующих факторов, обеспечивающих сохранение совместного существования их членов: a) *территория* [2]): как вся тотемическая группа, так и ее части, кочуют обычно в пределах более или менее определенной территории. b) *Ряд космических условий*, вызывающих плодородие почвы, расцвет растительности и т. д.; ими обусловливается, помимо других причин, собрание частей всей тотемической группы на *коробори*, обычно совпадающее с временем расцвета растительности и созревания питательных продуктов. Здесь космические условия выступают (наряду с другими) в качестве факторов, притягивающих друг к другу обычно разделенные части всей тотемической группы, и мешают разрыву этих частей друг с другом. c) *Ряд биологических условий*: поиски пищи, общая охота, рыболовство, собирание семьян, удовлетворение половых потребностей, инстинкт самосохранения, выражающийся в конфликтах, в „отряде мстителей", в нападении и защите. d) Ряд *социально-психических условий*: сходство верований, в частности верование в единого тотемического предка, (общий символ), система тотемического родства, сходство языка, обычаев, нравов и т. д. Ряд символов-проводников—единая чуринга, татуировка, имя и т. д. Разделение труда: a) между полами, b) между возрастными группами, c) между отдельными членами группы (вождь, чародей и т. д.)

Короче, в той или иной форме мы встречаем почти все перечисленные нами факторы [3]).

---

[1]) Нижеследующее отвечает на вопрос: что прикрепляет и прикрепляло друг к другу индивидов, составлявших население тотема, рода, государства и т. д., что заставляет их взаимодействовать друг с другом и жить совместно. Что же касается самого понятия тотема, рода, государства и т. п., их отличительных и характерных признаков, их строения, то эти вопросы, совершенно отличные от первых, будут предметом анализа во II т. «Системы социологии».

[2]) «Там, где тотемические подразделения на лицо, там площадь, занятая всем племенем, разделена на районы, границы которых хорошо известны членам отдельных родов». *Ковалевский*: Социология, т. II. 125.

[3]) См. для примера *B. Spencer and* Gillen: The northern tribes of central Australia. London. 1904. Этой именно сложностью связей, вызываемых различными факторами, объясняется трудность систематической классификации тотемических группировок, о которой упоминают эти авторы. «We can divide the tribes, so far as their systems of social organisation are concerned,

Родовой союз. Что касается факторов, поддерживавших существование агрегата, известного под именем рода, прикреплявших его членов друг к другу, то множественность связей, объединявших в родовой коллектив индивидов, — следует прямо из того определения, которое дают роду такие компетентные исследователи, как М. М. Ковалевский.

„Мы должны признать родом всякую совокупность семей, пишет он, правильно или неправильно считающих себя связанными *узами крови* (все равно—по отцу или по матери), *культом общих родственников, единством имени, коллективною ответственностью*, как уголовною, так и гражданскою, иногда и *общей собственностью* или точнее, *нераздельным пользованием*“. [1]) Здесь из самого определения рода видна разнородность и многочисленность факторов, вызывающих разнородность связей, объединяющих членов рода в одно единство: тут *и единство крови* (биолог. фактор), и *культ предков* (соц.-псих фак.), и нераздельное пользование, в частности, *территорией* рода (космич. фактор) и *единое имя* (фактор символический—частный вид соц.-псих. сходства), и объединение *для защиты и нападения* [2]) (основа-биологич. фактор самосохранения); изучая род, мы видим и другие связи, вызванные другими факторами: взаимозависимость порождаемую *разделением труда* (глава рода и остальные члены, зародыши политической группировки, дифференциация по возрасту, полу и т. д.) и др; короче, и род, как совокуп-

---

into two main groups, *tough it must be remembered that this is only a rough grouping, taking this one feature as its basis*». Говоря далее, что каждая из двух главных групп распадается на восемь подклассов и пытаясь группировать их в родственные «nation» авторы пишут: it is not always possible to do this sastifactorily, as there must inevitably be a certain amount of cross division according to the standart which adopted. Thus, for example, if we take the organisation and method of counting descent as a standart, the, Binbinga fall into the Warramunga group, and yet, apart from this one feature and in respect of their customs and beliefs, they are without doubt most closely associated with the Mara group».

Spencer and Gillen. Ibid. 74—75.

Естественно, при такой сложности и различии объединяющих связей, трудно провести какую бы то ни было не пересекающуюся классификацию соц. группировки; вполне правы авторы, подчеркивая условность избранного ими критерия группировки.

Все указанные связи, порождаемые рядом перечисленных факторов, можно найти в любой компететной характеристике тотемического «общества». См. для примера *Ковалевский*: Социология, т. II., гл. V, VII и VIII.

[1]) *Ковалевский.* Социология т. II. СПБ. 1910. 94.

[2]) *Ковалевский*, Op. cit. 138. «Прочным основанием к признанию земельных районов общим владением является *факт защиты этих районов родами* от всякого вторжения».

ность взаимодействующих индивидов, связывается в коллективное единство не одной связью, порождаемой одним фактором, а множеством связей, вызываемых различными факторами [1]).

Территориально-племенная община. Коллективное единство обозначаемое этим именем, подобно предыдущим коллективным единствам, опять таки составляло коллективное целое благодаря действию многих факторов, а не одного. Взаимодействие, возникшее между членами такой группы, поддерживалось: *космическими условиями*, державшими индивидов бок о бок в пределах определенной территории, общность и единство которой „заступили место уже угасавшего представления об общем по крови происхождении“ [2]), биологическими условиями самозащиты и защиты своих владений [3]), *совместной обработкой* земли, и социально-психическим сходством, принуждением, налагаемым одними членами на других, общей охотой и общественными играми (фактор голода,

---

[1]) См. ряд других факторов в характеристике родового общества, данной М. М. Ковалевским. Op. cit. 91—113, а также 180 и сл. Конкретным примером правильности сказанного может служить древне-славянский род. *У В. О. Ключевского* мы находим указания на такие связи, объединявшие и обусловливавшие существование славянского рода, как коллективного единства. «Родовой союз держался на двух опорах: на *власти* родового старшины и на нераздельности родового *имущества*». Однако, в дальнейшем Ключевский присоединяет к этим двум условиям множество других... «Родовой *культ*, почитание предков освящало и скрепляло обе эти опоры... Родичи хранили родовые *обычаи* и *предания*»... Они имели общие *верования*... «Были отдельные *волхвы*, которые имели большое влияние на народ». Была общая *территория*. «Придорожные столбы, на которых стояли сосуды с прахом предков — это межевые знаки, охранявшие *границы родового поля или родовой усадьбы*». *Общее происхождение и единство крови*, отсюда — единство имени: Жидчичи, Мирятичи, Дедичи, Дегостичи». Играл свою роль и *инстинкт самосохранения*. «Продолжительный вооруженный напор карпатских славян на Империю сомкал их в военные союзы». Не могло дело обойтись и без участия *половой* потребности: «Бесовские игрища», умычки, борьба на этой почве, позже — выкуп. «Умычка, вено, привод невесты все эти сменявшие одна другую формы брака были последовательными моментами, подготовлявшими сближение родов... Родственники жениха и невесты становились своими людьми, свояками... Значит, брак уже в языческую пору родил чуждые друг другу роды».

Не перечисляя других фактов, отсюда мы видим, что в деле поддержания единства рода играли роль почти все перечисленные мною факторы.

Ключевский. Курс. т. I. 124, 136—143 и др.

[2]) *Кропоткин*: Взаимная помощь. 95 и сл. «Вместо прежних союзов по крови выростали земельные союзы». «Земля» отождествляется с ее обитателями».

[3]) *Кропоткин*: «Деревенская община была главным оружием варваров в их тяжелой борьбе с враждебной природой». 102.

сближавший членов общины) [1]), не говоря уже о психич. факторах— потребности умственного, чувственного, эмоционального и волевого общения, разделению труда, сходству политических, религиозных и др. убеждений, сходству нравов и обычаев, ряду конфликтов, вызывавших борьбу индивидов и вмешательство других для решения спора и т. д.

Короче—и здесь коллективное единство связывается не одним, а многими обручами, вызываемыми действием ряда указанных выше факторов [2]).

Средневековый город — государство. Существование данного коллективного единства, связь его членов,— населения, поддерживалось также множеством факторов. Что связывало в одно целое членов средневекового города? Что заставляло их взаимодействовать друг с другом? Целый ряд условий. Вот некоторые из них: „со-прикасательство" (co-jurations) в определенной территории, защищенной городскими стенами, взаимопомощь в борьбе за освобождение и за свободу, борьба—частью взаимная, частью—с общими врагами, разделение труда между гильдиями и цехами, сходство членов одной гильдии или цеха, общие вечевые собрания и симпатия членов гильдии друг к другу, общие трапезы, из года в год устраивавшиеся гильдиями, территориальные союзы домохозяев, составлявших улицу, приход, „конец" и т. д. Такие факторы, как половая потребность, уплотнение, получавшееся в результате размножения и т. п., само собой разумеются...

Современное государство. К тем же выводам придем, рассмотревши связи, прикрепляющие друг к другу население

---

[1]) «При всяком удобном случае, как напр., в дни поминовения предков во время религиозных празднеств, при начале и конце полевых работ, а также по поводу таких событий, как рождение, свадьбы, похороны, община собиралась на обществ. пир». *Кропоткин.* Op. cit. 100—101.

[2]) Беру в качестве примера древние славянские территориальные союзы, образовавшиеся на месте разложения родов. Ключевский дает указания на ряд перечисленных связей, объединявших членов территориальной общины в одно коллективное единство. Таковы: совместная защита и нападение («продолжительная борьба с Византией завязала военный союз и сомкнула восточное славянство в нечто целое»), территория и др. космические условия, «племена — полян, древлян, северян и т. д.—поселились по речным бассейнам», «пространства, удобные для промыслов, не шли обширными сплошными полосами, удобные места являлись отдаленными друг от друга островками среди моря лесов и болот. На этих островках поселенцы ставили свои одинокие дворы»... Из этих дворов выросли городища. Из совокупности их — города, в роде Киева, род—заменяется территориальным двором; общие верования, брак и взаимодействие, вызываемые половым фактором, общность обычаев, правовых воззрений, власть, обмен и разделение труда и т. д.

См. *Ключевский.* Ibid. 124, VIII и IX лекции.

современного *государства*. Уже в обычном, шаблонном определении последнего виден плюрализм связей, объединяющих в одно государственное единство множество индивидов. „Юридическими элементами, составляющими государство, являются коллективность, территория, на которой живет эта коллективность, и правительство, выражающее волю этой территориальной коллективности“ [1]). Уже в этой, неразвернутой формуле содержится указание на связи: территориальную, принудительную, проистекающую из общ. дифференциации, и солидаристическую, объединяющую множество граждан в одну „нацию“ (выражаясь языком Дюги). Если, следуя тому же Дюги (в этом отношении и другие государствоведы согласны с ним) мы расшифруем, что кроется под термином солидарной связи, то увидим здесь: и связь „подчинения одной политической власти“, и „связь расы (единства крови) и языка“, и „связь религии“, и „принцип естественных границ“ [2]), и „общность традиций, потребностей и стремлений“ и т. д. [3]). Если же расшифровать в свою очередь связи, составляющие суммарное понятие территориальной связи и связи властвования, то плюрализм факторов существования государственного единства, будет бесспорным.

Не останавливаясь подробнее, мы можем прямо сказать, что тот же плюрализм факторов мы найдем и при беглом анализе связей, обусловливающих единство других сложных коллективов.

И здесь взаимодействие между членами таких коллективных единств возникает и поддерживается многими, а не одним фактором. Комбинируясь различным образом, давая первенствующее значение то одному, то другому, эти факторы редко действуют изолированно, а почти всегда совокупно.

Произведенный самый беглый и поверхностный обзор ряда коллективных единств подтверждает сказанное. Вместе с этим он подтверждает правильность плюралистической теории факторов возникновения и сохранения коллективных единств, т. е. длительных процессов взаимодействия [4]).

---

[1]) *Дюги*. Констит. право. М. 1908. 58.

[2]) *Дюги*: Op. cit. «Конфигурация территории, конечно, облегчила известные национальные формации». 103.

[3]) См. *Дюги*. 101—106. «Эти различные факторы бесспорно действовали или сообща или в раздельности, но ни один из них не был достаточно силен, чтобы создать самостоятельно национальную солидарность», довольно верно говорит Дюги. 102.

[4]) Этот беглый и поверхностный анализ «связей» тотемического и родового общества, территориальной общины, государства—города и совре-

Сохранение коллективных единств и переход от неорганизованного взаимодействия к организованному.

В предыдущем речь шла о тех условиях, которые прикрепляют индивидов друг к другу и заставляют их взаимодействовать. Теперь обратим внимание на факт, связанный с продолжительным сохранением коллективного единства, на факт *организации последнего.*

Всякое длительно-существующее коллективное единство, по мере своего существования, из бесформенного становится оформленным, из нешаблонного—шаблонным, из беспорядочного—упорядоченным, короче—из неорганизованного—организованным.

Подобно тому, как насыщенный раствор соли, оставаясь в покое долгое время, кристаллизуется, так же постепенно шаблонизируется и длительно-существующая группа: неустойчивые и нешаблонные взаимодействия становятся устойчивыми, повторяющимися, упорядоченными.

В коллективном единстве устанавливается равновесие. требуемое необходимостью приспособления людей друг к другу при совместном сосуществовании.

менного государства имел своей задачей только показать плюрализм разнородных связей, объединяющих их население в один аггрегат. Само собой разумеется этот анализ не представляет решение проблемы: какие же именно связи объединяют каждое из этих единств и какая из них является главной в том или ином случае Решение этой задачи не входит в пределы данной главы.

Анализу структуры населения сложных соц. аггрегатов посвящен II-й том «Системы социологии». Здесь же отметим только, что большинство ходячих теорий, посвященных этому вопросу поверхностно и негодно.

«Социальная химия» продолжает топтаться на месте и стоит на уровне средневековой алхимии, верившей в существование «филофского камня». Социологии и государствоведы все еще продолжают искать едины монистический «философский камень». Жаль. Пора бы с такими упрощенными «монизмами» покончить и перейти к скромному изучению многообразных социальных связей и форм взаимодействия, с одной стороны; с другой—к детальному изучению группировки населения... Это дало бы, быть может, менее поэтичные, но более реальные научные результаты и для понимания самих коллективов, и для понимания их длительного существования. Пока же г. г. социологи вот как обясняют сохранение коллективных единств: «Соц. группа, какова бы она ни была, с яростью отстаивает свое существование. Она проявляет для своей защиты и расширения жадность, коварство, упорство, и жестокость, чуждые индивидуальной психике. Прибавьте к этому лицемерие.., Общество бессознательно стремится к самосохранению. Оно лжет, убивает, ворует, узурпирует... Оно есть и всегда будет эксплуататором, узурпатором, тираном» и т. д.

Палакт. Очерк социологии. 83—84.

Чем это лучше описания Гоббсовского «Левиофана»! Не спорю, то и другое поэтично... Но... самые поэтичные стихи, никем, кажется, не считаются за научные теоремы... Пора бы покончить с поэзией в социологии: от нее страдают и поэзия, и социология.

Порядок установления организации группы совершается двояким путем: *бессознательным и сознательным.*

В первом случае он происходит по указанной выше схеме: *1) акты взаимодействия,—2) их повторение,—3) обычай,—4) юридическое правило,—5) юридический институт, как совокупность норм поведения в определенной сфере отношений* (семейный институт, институты собственности, власти, наследования, суда и т. д.), *социальная организация*, как совокупность юридических институтов данной группы населения.

Таковы основные этапы установления организации в этом случае. Так именно устанавливался порядок в древних группах населения, в древних государствах, в древних „обществах".

По тому же типу очень часто устанавливается организация и теперь, в ряде групп, члены которых поставлены в необходимость взаимодействовать друг с другом.

Толпа детей, приведенных в школу и незнакомых друг с другом, вначале представляет неорганизованный коллектив. По мере встреч и общений „детский коллектив" организуется, выделяются „коноводы", „камчатники", устанавливаются нормы взаимоотношений, управляющие и управляемые, детская аристократия и демократия. Без всяких конституций и уставов одни начинают повелевать, другие—подчиняться, появляются нормы товарищеского поведения (обязанность подсказывания, шпаргалок, взаимных предупреждений об опасности и т. д.). Словом, неорганизованная группа детей скоро становится организованным школьным государством, законы которого возникают явочным путем без предварительно обдуманного и вотированного договора, устава и конституции.

Из частого повторения определенных взаимоотношений возникает социально-правовая организация группы.

То же происходит и в сотне других случаев во всякой совокупности длительно-взаимодействующих индивидов.

При *сознательном установлении организации*, процесс ее рождения короче. Примером возникновения организации по этому типу может служить открытие или основание любого современного общества: научного, экономического, литературного и др. Ряд лиц, желающих открыть его, заранее вырабатывают „устав" общества и, по выполнении всех формальностей, общество сразу рождается на свет организованным. Устав указывает цели и задачи общества, условия его членства, права и обязанности членов, правление и т. д.

Этот путь установления организации, очевидно, возможен в среде культурной, приобревшей навыки socius'a, сообщественника, имеющей общие задачи и цели и хотящей их достигнуть путем кооперации и усилий.

Таковы два пути возникновения организации в любом длительно-существующем коллективном единстве.

Иными словами, *организация—постоянное и неизбежное следствие всякого длительного существования коллективного единства.*

Это не значит, что она возникает безболезненно, и обязательно должна быть во всякой группе взаимодействующих людей. Нет! Люди могут взаимодействовать и тем не менее их коллектив может не быть организованным. Неустойчивость отношений, отсутствие обязательных норм поведения и разделения функций, словом—неорганизованность взаимоотношений может существовать; но она ведет к конфликтам, к нескончаемой взаимной войне, к невозможности мирной производительной работы, в конечном итоге—*к частичной или полной гибели группы.* Посему, обычно такой коллектив не имеет длительного существования: он или распадается или гибнет.

Но и там, где коллектив стал организованным, процесс шаблонизации или организации был и обычно бывает процессом мучительным, вызывающим колоссальное число жертв и устанавливающимся после долгой борьбы и тяжелых конфликтов. Чтобы люди перестали убивать друг друга, нужны были бесконечные убийства; чтобы научились уважать права другого, нужны были бесчисленные нарушения этих прав; чтобы они привыкли исполнять обязанности, нужна была жестокая дрессировка путем „бичей и скорпионов". Вся история человечества есть сплошное дрессирование людей и приучение их к упорядоченной совместной жизни [1]).

Не только в прошлом, но и теперь, сохранение организации любой группы (кроме немногих „обществ свободно хотящих людей"), совершается не без жертв, не без принуждения в различных формах. Обычным способом поддержания организованного шаблона взаимоотношений служит принуждение в форме: *исключения* непокорных членов из группы, принудительного *подчинения* их установленному порядку и, наконец, в форме *наказания*, начиная с смертной казни и кончая штрафами, порицанием и выговором. Возьмете ли вы семью, или церковь, или государство, или партию, или

[1]) См. об этом *Сорокин*: Преступление и кара. Кн. II. и III.

любое организованное единство,—всюду порядок поддерживается путем таких мер; в любой из этих групп имеются свои „протестанты", „преступники", „еретики", „бунтовщики", не подчиняющиеся порядку; и любая из них практикует указанные методы поддержания порядка: исключение, принуждение, наказание в различных формах.

Из этих замечаний видно, что возникновение организации в группе не представляет особой проблемы. Оно—имманентный результат длительно существующего коллектива (если он не погиб или не распался). *Факторы возникновения и сохранения коллективных единств являются и факторами, вызывающими их организацию.* Ross, посвятивший возникновению организации или „социальному контролю" целую монографию, указывает в общем те же самые условия, которые очерчены и нами, как условия возникновения и сохранения взаимодействия; таковы: симпатия—следствие половой потребности и родит. инстинкта, потребность общения с подобными (социабельность), самосохранение и его рефлексы в виде „справедливости", обществ. дифференциация, обществ. мнение, внушение и подражание, обычаи, религия, принуждение и т. д. [1]).

Повторяя сказанное выше, центр тяжести проблемы приходится видеть не в том, как и почему возникает организация группы, а в том, почему люди взаимодействуют и живут совместно. Раз это условие есть и раз в этом взаимодействии они не уничтожают друг друга, та или иная организация—плохая или хорошая—устанавливается и существует.

§ 4. Условия (факторы) распадения и разрушения коллективных единств.

Там, где люди сосуществуют друг с другом, там постоянно происходит не только возникновение процессов взаимодействия, но и их распадение. То, что называют общественной жизнью людей, представляет непрерывный поток возникновения процессов взаимодействия, сохранения их более или менее продолжительное время и распадения. На место распавшихся коллективных единств приходят новые и рано или поздно снова распадаются. В этом отношении общественная жизнь людей похожа на волнующийся океан: океан

[1]) См. *Ross*: Social Control. A Survey of the Foundations of Order. New—York. 1904.

остается „вечным", но отдельные его волны возникают, растут, пенятся и в итоге исчезают... Такими волнами в сосуществовании людей являются отдельные процессы взаимодействия, отдельные коллективные единства. Они подобно волнам возникают, длятся более или менее продолжительное время и исчезают, давая место новым „волнам", новым процессам взаимодействия, а море общественной жизни, составляемое этими отдельными процессами взаимодействия, остается вечным. На место одних высохших потоков взаимодействия и составляемых ими коллективных единств появляются новые и продолжают наполнять необъятный бассейн океана общественной жизни.

Рассмотрев факторы возникновения и сохранения процессов взаимодействия или коллективных единств, рассмотрим теперь, в силу каких условий процессы взаимодействия разрываются, иными словами, в силу каких факторов исчезают коллективные единства, в силу чего их члены перестают взаимодействовать и разбегаются в разные стороны.

После всего сказанного легко понять, что вопрос о факторах разрушения коллективных единств равнозначен вопросу— *какие условия вызывают прекращение возникшего взаимодействия двух или большего количества людей.*

Все то, что ведет к изоляции взаимодействующих индивидов друг от друга, все это является условиями прекращения взаимодействия или факторами распадения коллективных единств.

Из существа дела ясно, что таких условий множество.

Очертим их бегло. Сообразно с предыдущим в качестве таких факторов распадения коллективных единств мы можем выделить ряд условий *космического, биологического и социально-психического порядка.*

I. Взаимодействие между А и В, или А и рядом других лиц (а след., и образуемое ими коллективное единство) может прекратиться в силу *смерти* А, или смерти А и В или смерти части или всех членов данного коллективного единства. Непосредственное взаимодействие между супругами прекращается в силу смерти одного или обоих супругов [1]); короче говоря, простейшим видом изоляции взаимодей-

[1]) Всюду пока речь идет о непосредственном взаимодействии лиц; взаимодействие между живым и мертвым, обусловливаемое наличностью проводников, есть уже явление иного порядка... Здесь на место смерти людей нужно подставить гибель проводника (напр. гибель от пожара знаменитой Александрийской библиотеки или иного проводника). Его гибель делала невозможным и взаимодействие между живыми и мертвыми.

ствующих индивидов является смерть части или всех членов данного коллективного единства.

Исследуя причины смерти мы можем прекрасно убедиться в плюрализме факторов разрушения коллективных единений или прекращения процессов взаимодействия.

Смерть взаимодействующего индивида может быть вызвана действием *космических сил.* (Удар молнии, разрушение корабля волнами моря, смерть от „солнечного удара", смерть от огня, смерть от оборвавшегося куска скалы, смерть от наводнения, вулканического извержения, от холода и т. д.).

Смерть индивида может произойти и от ряда *биологических условий.* (Смерть от ужаления змеи, от нападения зверя, от укуса того или иного ядовитого животного, от расхищения пищи другими организмами, от заражения организма смертельными микробами: чумы, холеры, тифа, от отравления организма гнилой мясной пищей, смерть от дряхлости, смерть—как неизбежный конец всякого организма и т. д.). Наконец, смерть индивида может быть вызвана множеством *социально-психических условий.* (Смерть от отравления человека человеком, различные виды убийства и смертной казни, истощение организма от голода, вызванного рядом социальных условий, смерть от „ужасной вести", самоубийство, вызываемое рядом социально-психических факторов в роде: горя, проигрыша казенных денег, несчастной любви, потери чести, позора, психозов и т. д. и т. д.).

Этот беглый анализ причин смерти с достаточной несомненностью показывает плюрализм факторов разрушения коллективных единств и прекращения непосредственного взаимодействия: эти факторы, вызывая смерть членов взаимодействия, тем самым вызывают прекращение взаимодействия и распад коллективности.

Но само собой разумеется, что *для исчезновения последних вовсе не нужно физической гибели взаимодействующих индивидов. Достаточно, если в силу тех или иных причин они будут изолированы друг от друга, перестанут влиять своими актами один на другого, иначе—перестанут „раздражать" друг друга.*

Обращаясь к факторам, вызывающим такую изоляцию, мы опять таки встречаемся с факторами и космического, и биологического, и социально-психического порядка.

Кораблекрушение, вызванное бурей, может забросить близких лиц, бывших на корабле, в разные стороны. Оставаясь живыми, эти члены коллективности, тем не менее, будут лишены возможности взаимодействовать и общаться друг с другом. Наводнение, заливающее водой данный

район, часто имеет своим последствием бегство взаимодействующих индивидов в разные стороны и их временную или длительную изоляцию. Вулканическое извержение может иметь те же результаты. Буря, рвущая телеграфные или телефонные провода, может на время прервать общение индивидов друг с другом. Такие же результаты могут иметь снежные заносы, наводнения, ледоход, пожары, портящие железнодорожные пути и вызывающие прекращение общения одних людей с другими.

Изоляции и рассеянию коллективного единства благоприятствуют и другие, менее катастрофические космические процессы. Так, постепенное высыхание определенного района может вызвать разрыв коллектива, его населяющего, и переселение отдельных его членов в разные пункты [1]); такие же эффекты может вызвать общее понижение температуры (вспомним ледниковый период), или медленное, но неуклонное оседание почвы, неурожай, вызванный космическими причинами, и т. д.

Сказанного достаточно, чтобы признать *„изолирующую" роль космических факторов.*

II. Та же изоляция и прекращение взаимодействия могут быть вызваны и *рядом биологических условий.* Так, нашествие саранчи, опустошившей поля и сделавшей невозможным существование всей группы в данном месте, может вызвать ее распад и эмиграцию индивидов в разные стороны. Интенсивная эпидемия может дать те же результаты. Заразная болезнь одного из взаимодействующих индивидов может на время или надолго разорвать с ним общение остальных членов коллектива (так, напр., сифилис влечет за собой развод и разрыв супружеского единства; такие же последствия вызывала и продолжает вызывать, напр., проказа: вспомним историю праведного Иова! временную изоляцию вызывают: холера, тиф, скарлатина и т. д.).

---

[1]) Так, ряд лиц, напр. *П. Кропоткин,* космическим процессом высыхания почвы Средней Азии объясняют «великое переселение народов». «Ученые еще не согласились между собой насчет тех причин, которые около 2000 лет тому назад двинули целые народы из Азии в Европу и вызвали великие переселения варваров, положившие конец Зап.-Римской империи. Географу, однако, представляется одна возможная причина. Причина эта — высыхание, продолжающееся и поныне... С подобным явлением человек не мог бороться. Когда обитатели Сев.-Зап. Монголии и Вост. Туркестана увидели, что вода уходит от них, им не оставалось другого выхода, как спуститься к низменностям и теснить на Запад обитателей этих низменностей». *Кропоткин:* Взаимная помощь. 94.

Распад коллективного единства может быть вызван и *инстинктом самосохранения* [1]): таким примером может служить паническое бегство членов группы при наличности опасности, угрожающей их жизни (напр. бегство солдат при мнимой угрозе неприятеля, распадение каравана в пустыне при нападении зверей, паническое бегство цирковой толпы в случае освобождения тигров из клетки и т. д.).

К тому же результату — ведет вместе с другими социальными условиями — и *осознанный* инстинкт самосохранения, заставляя сознательно удаляться из мест, грозящих жизни индивидов, и порывать со многими коллективными единствами. членами коих они были. В итоге, ряд коллективных групп могут распасться. Так, в эпохи революций, гражданской войны, политических неурядиц, множество лиц, в целях сохранения жизни, эмигрирует из родной страны, порывает связь с рядом групп, вследствие чего множество коллективов распадается. Что это так, подтверждается и статистикой эмиграции. Так, иммиграция в Соед. Штаты резко упала за годы гражданской войны. С 427,833 эммигрантов в 1854 г. цифра последних упала до 89,007 в 1862 г. [2]) „Поднявшись в 1860 г. до 105,162 чел., в 1861 г. население Нью-Йорка, вследствие возгоревшейся междуусобной войны, спустилось до 65,539, а в 1862 г. до 76,306 человек“ [3]). Максимум эмигрантов из Германии пришелся на годы с 1845 — 1854. „В продолжение этих 10 лет в Соед. Штаты прибыло (значит из Германии убыло) 1,226,936 немцев. Все это жертвы экономических и политических неурядиц. Что политические причины влияли на увеличение эмиграции, можно видеть из того, что количество эмигрировавших достигло максимума в годы начинавшейся реакции“ [4]).

Такую же „разрушительную“ роль могут сыграть ряд других биологических процессов организма—импульс голода, половой инстинкт, дряхлость, болезни и др. В одних случаях они вызывают возникновение процессов взаимодействия, в других — их распадение. Так, *голод* может разорвать семью и бросить одних членов ее в поисках средств существования

---

[1]) Он наблюдается и у обществ животных. «Гиббоны живут группами; но как только появляется опасность, все разбегаются, кто куда, не заботясь о других». То же наблюдается и у ряда других животных, живущих обществами. *Waxweiler*: Esquisse d'une Sociologie. 59.

[2]) *Майо-Смит*: Статистика и Социология. 342.

[3]) *Филиппович*: Эмиграция, в сб., «Народонаселение». М. 1897 г. 242.

[4]) *Филиппович*: Ibid. 241—292.

в Америку, других в Азию. Подтверждение этого положения дает, между прочим, и статистика эмиграции. Рост эмиграции из данной страны означает рост разрыва и распадения коллективных единств. С эмиграцией членов тех или иных групп связи между ними и группами слабеют, весьма часто — совершенно порываются. „Неурожай в Европе в 1827 г. вызвал усиленную эмиграцию. Неурожай в Соед. Штатах в 1837 г. вызвал ослабление эммиграции в 1838 г. Великий Ирландский голод 1845 — 46 г. г. повел за собой громадное движение эмиграции, усиленное неурожаем в Германии в 1853 г.“ [1]).

Половой инстинкт часто служит фактором разрыва целого ряда коллективных единств, начиная с супружеского союза и кончая рядом дружеских ассоциаций. Половое влечение и измена супруга нередко влечет распадение семьи (развод-отлучение от стола и ложа и т. д.), половая близость дочери к кому-либо часто сопровождается ее изгнанием из семьи, ревность, возникающая на этой почве, делает врагами друзей и навсегда разрывает дружеский союз, соперничество двух самцов из-за самки или двух самок из-за самца нередко имеет те же последствия и т. д. *Старость или немощность* организма временами влекут те же результаты: друзья и деловые люди реже и реже начинают заходить, видаться, переписываться и вообще общаться со стариками и больными, сами последние не в состоянии бывать у других, связи становятся более слабыми и в итоге часто обрываются.

Голод может сделать врагами двух близких людей на почве недостатка пищи. Эта враждебность может иметь своим результатом „разрыв“ дружбы и общения. Те же конечные результаты голод может вызвать и в сотне других форм [2]).

---

[1]) *Майо-Смит*: Статистика и социология. 342. До 60-х г. г. 19 ст. «увеличение эмиграции совпадало с повышением цен на хлеб». *Майр*: Статистика и обществоведение. Т. II. СПБ. 1901. 486. «Наивысшего развития эмиграция из Ирландии достигла после сильного голода, в 1846 г.». *Филиппович*: Эмиграция; в сб. «Народонаселение и учение о народонаселении». М. 1897 г 241.

[2]) Влияние голода на рассеяние населения, а след., на прекращение ряда процессов взаимодействия, мы видим сейчас воочию. Пункты России, напр., Петроград, неблагоприятные в продовольственном отношении, пустеют; люди, подобно тараканам, лишенным пищи, из Питера уезжают. Множество коллективов прекращает существование. Общественная жизнь Петрограда замирает. Пункты же, благополучные, в смысле продовольствия, притягивают людей; (юг России, хлебные губернии, деревни по сравнению с городами) их население растет. Число процессов взаимодействия увеличивается. Появляется множество коллективных единств. В силу этого, весь темп общ. жизни в таких местах становится быстрым, живым, интенсивным.

У первобытных людей нередко стариков оставляют на произвол судьбы: племя уходит на новое место, старики покидаются на прежнем, т. е. связи последних с другими членами племени разрываются.

Тот же разрыв или общее ослабление взаимодействия эти факторы могут вызвать и постепенно: болезни, голод, половые излишества и половые антагонизмы, постепенно ослабляя организмы, делая их менее деятельными и активными, могут убить, „заглушить“ самую потребность общения с себе подобными, сделать невозможными многие процессы взаимодействия и постепенно подорвать „базу“ коллективных единств. В итоге, ряд процессов взаимодействия прекратится, ряд других будет вести жалкое существование, третьи— трансформируются и т. д. [1]).

Вообще говоря: *невозможность удовлетворения основных биологических потребностей (питания, размножения, самозащиты, движения и др.) в среде данных групп вызывает уход из них членов и распадение самих коллективов.*

III. Перейдем к факторам *психо-социальным.* Выступая в самой различной форме, они дают множество условий, вызывающих прекращение взаимодействия и коллективных единств. Распоряжение „власти“, закрывающее неугодное ей общество или ассоциацию, приказ цензора, прикрывающего газету и прекращающего взаимодействие ее сотрудников и читателей, полиция, разгоняющая митинг или собрание, нашествие неприятеля, вызывающее распад ряда коллективных единств и бегство их членов в более безопасные территории, волнения народа, разрывающие ряд

---

[1]) Иллюстрацией сказанного может служить современное состояние России. Сколько процессов взаимодействия перестало существовать благодаря голоду. Сколько коллективных единств распалось. Аудитории высших школ пустуют. Большинство научных обществ бездействует. «До науки ли, когда жрать нечего!» такова стереотипная формула, объясняющая эти распады. Ряд супружеских, дружеских и семейных союзов разорваны: одни из их членов остались в Петрограде, другие разбрелись по России в поисках хлебных мест. Общее ослабление и истощение организмов сделало энергичных людей апатичными: нет в них больше того интереса к «высоким материям», который был в сытое время. Нет энергии для того, чтобы передвинуть себя в другой конец города.

Аналогичные же результаты дают холера, тиф, оспа и др. «вечные спутники» голода и полного расстройства общественного механизма. К тем же результатам голод ведет и иными механическими путями: время, которое раньше употреблялось для заседаний, творчества и т. д., теперь уходит на бесчисленные очереди, начиная с очереди за хлебом и кончая очередью на расстрел... Едва ли нужно иной более рельефной картины реального значения биологических факторов в рассматриваемом отношении.

ассоциаций, ссора и антагонизмы, вызванные разными поводами, отчуждающие многих близких, экономические и политические кризисы, [1]) служебные обязанности, заставляющие индивида уехать в далекие от близких места, „несчастная любовь", побуждающая человека изолировать себя от адресата любви, чтобы забыть о нем, преступление, изолирующее преступника и механически путем заключения его в тюрьму, и морально—путем „разрыва" с ним „честных" людей, и множество других причин и условий социально-психического порядка могут вызвать и вызывают распад и исчезновение коллективных единств.

Вообще говоря, невозможность удовлетворения минимума социально-психических потребностей (интеллектуальной, чувственной и волевой деятельности) в данных условиях влечет за собой отрыв большей или меньшей части членов данного населения от ряда коллективов (их выход из групп, „разрыв", удаление и т. д.), что в итоге ведет к распадению ряда коллективных единств. Здесь вполне применимы слова Садлера и Филипповича о причинах эмиграции. „Едва ли можно представить себе такую причину, которая, влияя на образ действий человека, не оказывала бы вместе с тем влияния на эмиграцию (распадение коллективов. П. С.) населения. Честолюбие, погоня за наживой, обманутые надежды, потеря доброго имени, жажда приключений, любовь к путешествиям, дурные страсти принимают участие в ряду причин эмиграции (след., и распадения реальных совокупностей. П. С.) на ряду с религиозным и политическим гнетом и затруднениями экономического характера. Все, что способствует разрыву связей с привычным существованием в кругу семьи и с местом, в котором человек родился, все это способствует эмиграции (и обратно: условия, способствующие эмиграции, способствуют и разрыву связей и распаду коллективов. П. С.). По мере того, как иностранные государства (или иначе, коллективы. П. С.) приобретают все более и более преимуществ, каковы, напр. лучшие полит. учреждения, обще-культурные успехи и т. д., увеличи-

---

[1]) Так, напр, экономический кризис 1873 г. в Соед. Штатах вызвал падение эммиграции с 459,803 в 1873 г. до 138,469 в 1878 г. То же понижение эммиграции наблюдалось и в 1894 г., вызванное кризисом 1893 г. С улучшением экономических условий увеличивалась и кривая эммиграции.

См. *Майо-Смит*. Op. cit. 342. Та же статистика эмиграции показывает, что экономические кризисы в стране обычно сопровождаются ростом эмиграции из нее. См. *Филиппович*: Op. cit. 242, 246—249.

вается притягательная сила новых стран (и групп) в глазах людей, связи которых с родиной (с группой, членом которой они были) порываются в силу каких бы то ни было причин" [1]).

В одних случаях коллективы уничтожаются *по добровольному желанию* всех или части его членов. Таковы, напр. закрытие того или иного „общества" по постановлению большинства членов последнего. Таков „развод" супругов по одностороннему или обоюдному согласию, развод, влекущий прекращение семейного союза.

Таково добровольное разделение группы на части [2]).

В других случаях этот распад совершается *помимо или вопреки воле и желанию взаимодействующих индивидов.* Примеров этого типа бесконечно много. Закрытие „общества" (научного, литературного, порнографического, домов терпимости и т. п.) органами власти — один пример такого типа .. Закрытие газеты — другой. Полицейские, растаскивающие двух дерущихся и изолирующие их в участки, третьи лица, освобождающие жертву от насильника, разрыв супружеского союза по воле третьих лиц, нашествие неприятеля, прекращающее существование множества коллективов, социальные события, забрасывающие одних членов семьи в одни места (напр., в Сибирь), других — в другие (напр. в пределы Советской России) и т. д. — все это дальнейшие примеры длительного или временного разрыва связи взаимодействия, помимо и вопреки воле взаимодействующих единиц.

В сложной и пестрой обстановке сосуществования людей факторами распада коллективных единств и прекращения взаимодействия могут быть самые разнородные явления.

В одних случаях таким фактором может быть *социально-психическое сходство индивидов*, вынуждающее их—по своей ли воле или воле третьих лиц, на короткое или длительное время — прекратить взаимодействие. Так, лица, одинаковые по своим политическим взглядам, часто разобщаются и изо-

---

[1]) *Филиппович*: Op. cit. 247.

[2]) Пример. «И был спор между пастухами скота Авраамова и пастухами скота Лотова. И сказал Авраам Лоту: Да не будет раздора между мной и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими; ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево .. И отделились они друг от друга... И избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую. Авраам стал жить на земле Ханаанской»... *Бытие*, гл. 13...

Такова же эмиграция квакеров из Англии в Америку, удаление плебеев на свящ. гору и т. д.

лируются друг от друга по воле власти. (Один ссылается в Нерчинск, другой—в Туркестан). Двое или бо́льшее число мальчиков не по летам зрелых, волею родителей часто разобщаются, чтобы „помешать их взаимному растлевающему влиянию друг на друга". Члены одного религиозного братства или политической партии нередко добровольно изолируют себя друг от друга, отправляясь проповедывать евангелие Христа или евангелие Маркса в разобщенные друг от друга местности. Люди одной профессии, не находя соответственного приложения сил и труда в данном районе, принуждены бывают разбредаться по разным углам вселенной и прекратить взаимодействие друг с другом [1]). К тому же разрыву взаимодействия часто ведет и *социально-психическое несходство* в той или иной форме. „Что общего между поэтом, всецело преданным своей мечте, ученым, погруженным в свои изыскания, рабочим, проводящим жизнь в вытачивании булавки, земледельцем за сохой, купцом у конторки".

Часто их соединяет лишь взаимозависимость, вытекающая из разделения труда. Поэт нуждается в хлебе, который он покупает у купца, тот в свою очередь получает его от крестьянина; последнему нужна булавка, рабочему — книжка поэта. *Но как только*, в силу тех или иных причин, *взаимо-*

---

[1]) Как известно аналогичный факт был отмечен *Дарвином* в «Происхождении видов». Соперничество между двумя организмами тем сильнее, чем они сходнее. Имея те же потребности, преследуя те же цели, они повсюду оказываются соперниками. Результатом такого положения дел является или обострение борьбы между ними, либо разделение и эмиграция части из них в другие районы.

«Люди подвержены тому же закону, пишет *Дюркгейм*. В одном и том же городе различные профессии могут существовать, не будучи вынуждены вредить друг другу, т. к. они преследуют различные цели. Солдат ищет военной славы, священник—морального авторитета, госуд. человек—власти, промышленник — богатства, ученый — научной славы. Но чем более сближаются функции, тем более между ними точек соприкосновения, тем более они расположены к борьбе. Они не могут благоденствовать одни без ущерба для других. И принуждены тем сильнее конкурировать друг с другом, чем они более подобны».

Выходом отсюда является: или обострение борьбы, или разделение труда, или эмиграция и распадение группы сходных индивидов. *Дюркгейм*: Разделение общ. труда. 213 — 214.

Как общее правило это положение Дюркгейма неможет быть принято: вместо соперничества и обострения взаимной борьбы сходство профессии выливается теперь в профессион. союз, депрессирующий взаимную борьбу его членов и заменяющий ее взаимной помощью. Но в ряде случаев указанное обострение конкуренции или вынужденная эмиграция сходных по профессии индивидов несомненно имеет место.

зависимость исчезает — эти разнородные индивиды взаимно *отталкиваются* друг от друга и прекращают взаимодействие...

Аналогичное наблюдается и в других подобных случаях. Аристократ, любезно принимавший ростовщика в минуты нужды, выгоняет его вон, когда он не нуждается в деньгах последнего. „Барин" охотно взаимодействует с „мужиком", когда он зависит от него, и прекращает это взаимодействие, когда нет нужды в последнем.

Люди, „прикованные" друг к другу взаимозависимостью или принуждением, исходящим от одной стороны или третьих лиц, отталкиваются друг от друга, как только взаимозависимость или связи принуждения исчезают. Примером массового распадения принудительных союзов, при отпадении физического или психического принуждения, служат *массовые разводы и разрывы супружеских связей*, имеющие место теперь, после декрета о свободе разводов. Газеты запестрели объявлениями о расторжении браков; соответствующие учреждения не успевают выносить надлежащих решений в виду громадного наплыва разводящихся...

Такими фактами полна совместная жизнь людей... Подобно тому, как социальное сходство и социальное различие индивидов может быть факторами распадения коллективного единства, *так и самые противоположные психические переживания при разных условиях могут привести к тому же результату.*

Обычно думают, что только антогонистические чувства— злобы, вражды, ненависти, отвращения — ведут к разрыву социальной связи. Чувства же благожелательные — любовь, симпатия, обожание, преклонение и т. п., — не могут вести к разрыву общения.

Мы видели выше ошибочность взгляда, что злостные чувства не могут притягивать людей друг к другу, мы видели, что такие факты бывают и весьма часто. Точно также, *не только злостные, но и благожелательные переживания могут вести к разрыву общения и распаду коллективного единства.*

В древности, многие христианские матери любили своих детей; но побуждаемые этой любовью, они „посвящали их Богу", отдавали в монастырь и разлучались с ними временами навсегда. Лиза из „Дворянского гнезда" несомненно любила героя этого романа; но во имя любви к нему она и „порвала с ним", уйдя в монастырь и изолируя себя от него.

На днях мне пришлось наблюдать аналогичную историю: девушка, страдавшая истерией, опасаясь этого недостатка, во имя любви к жениху, сознательно порвала с ним. „Без-

успешно влюбленные" часто бегут от того, в кого они влюблены, и т. о. сознательно изолируют себя от последних. Люди, искренно симпатизирующие другим, но страдающие теми или иными пороками, во имя пользы и интересов симпатизируемых, часто изолируют себя от последних, чтобы не оказать на них вредного влияния.

Все это, казалось бы, мелкие факты. Но не встречаются ли они на каждом шагу? И не из таких ли мелких фактов создается основная ткань социальных событий? Если бы поближе присматривались к таким „обыденным", „мелким" фактам, то, вероятно, не появилось бы многое множество социологических теорий, совершенно не соответствующих действительности.

Далее, *распад ряда коллективных единств может быть вызван уменьшением и атрофированием проводников общения людей друг с другом.* Стоит себе представить на один момент, что люди лишились бы вдруг речи, книг, телефонов, телеграфа, железных дорог, автомобилей и других средств общения.

Какая катастрофа разразилась бы в итоге такой потери! Мир взаимодействия людей, похожий при их наличности на могучий непрерывно бурлящий водопад, сразу превратился бы в жалкое, засохшее русло маленького ручья, в котором лишь местами остались бы затянутые плесенью лужицы воды.

Потеря речи равносильна была бы смерти сотен миллионов ежеминутно возникающих коллективных единств [1]). Исчезновение книг и письменности имело бы своим результатом тот же эффект. Впрочем, к чему такие гипотетические случаи. Всякий знает, что прекращение телефона или телеграфа на сутки „убивает" тысячи общений, изолирует тысячи индивидов, приостанавливает функционирование сотен ассоциаций и обществ. Всякое, малейшее ухудшение в сфере символических проводников — самым чувствительным образом отражается на существовании и жизни процессов взаимодействия [2]).

Вот почему *все то, что способствует такому атрофированию символ. проводников (падение знания, деятельность* власти,

---

[1]) Частично, но не вполне, прав по этому *Majewski*, говоря: «la mort des langues est la mort des nations».

Не вполне потому, что оставались бы еще другие проводники.

Majewski La théorie de l' homme et de la civilisation. 1911 г.

[2]) Хорошую иллюстрацию к сказанному опять-таки дает современное состояние России. Теперь каждый знает, что значит хорошее функциониро-

эконом. бедность, и т. д.), *все это вместе с тем служит и фактором разрушения коллективных единств.*

Символические проводники могут вести к тому же результату и иначе. Выше мы видели, что ряд символических проводников играют объединяющую роль тем, что, связывая с собой ряд лиц, они связывают их и друг с другом. *Когда гибнет или разрушается такой объединяющий символ-проводник (лицо, вещь, звук etc.), может распасться и коллектив индивидов, связанных друг с другом чрез посредство такого проводника-символа...* Смерть руководителя научного кружка часто распыляет его учеников, составлявших при нем коллективное единство. Гибель главы государства временами ведет к распадению государственного коллектива на части. Уничтожение религиозной реликвии, напр., мощей или „чудотворной иконы", перестает собирать в данное место толпу богомольцев и верующих. Исчезновение имущества „мертвой руки" прекращает существование коллектива лиц, взаимодействовавших друг с другом чрез его посредство.

Уничтожение кастовой или сословной, или ведомственной форменной одежды „убивает" множество взаимодействий, которые возникли бы при ее наличности. Удаление главы секты или течения — часто влечет распыление его последователей и поклонников. Гибель правительственного органа того или иного коллектива и невозможность его замены (напр., государств. власти) может повлечь за собой и распадение данного коллектива на части.

Останавливаюсь на этом в очерке факторов разрушения процессов взаимодействия и коллективных единств... Нет сомнения, что я указал только некоторые из них, далеко не исчерпав всех. Но исчерпать их и невозможно. Достаточно поэтому сказать, что такими факторами могут быть множество условий космического, биологического и социально-психического

вание железнодорожного движения, телеграфа, телефона, трамвая, книгоиздательского и газетного дела и т. д.

Мы возвращаемся к средним векам. Научные и др. общества фактически умерли. Аудитории лекций пустуют. Книг нет. Общение людей механически атрофируется. Сколько процессов взаимодействия не может реализоваться благодаря тому, что нельзя послать телеграмму, нельзя переслать письмо, нельзя поехать; сколько коллективных единств скончалось благодаря смерти трамвая; сколько книжных и газетных взаимодействий умерло благодаря тому, что нет бумаги, не на чем печатать, а если и есть на чем, то не дают печатать.

Короче—поток человеческого взаимодействия во всех формах высыхает в пределах России. Если прогресс высыхания будет длиться и дальше—одичание людей не будет неожиданностью.

порядка. Предыдущее едва ли позволяет сомневаться в плюрализме факторов, принимающих участие в прекращении процессов взаимодействия. Для большей наглядности я брал нарочно самые „обыденные и мелкие“ факты. Эти мелкие явления гораздо яснее выявили нам сложность сил и факторов распада коллективных единств, чем факты „громадные“, не поддающиеся анализу в силу своей громадности и сложности.

Если бы социологи и историки чаще приглядывались к окружающим их обыденным фактам, а „не парили в воздусях“ огромных агломератов, недоступных наблюдению, не поддающихся анализу и потому обрекающих социолога на чистое умозрение, — они не построили бы многих монистических теорий „падения Римской империи“, „вырождения и гибели нации“, распада государства и т. д. Не создали бы они в этом случае и „монистических“ теорий падения тотемического, родового общества, сословий и каст, территориальной общины и гильдии, церкви и крепостничества. *Как возникновение и сохранение, так и распадение коллективных единств представляли и представляют уравнение со многими, а не с одним неизвестным.*

Заключение.

На этом мы и кончим очерк теории факторов и вместе с тем 1-ый том „социальной аналитики".

Предметом его было изучение строения простейшей и родовой модели социального явления. Таковым мы признали взаимодействие двух индивидов. Дав понятие взаимодействия, мы разложили его на составные элементы,—индивиды, акты и проводники,—и рассмотрели последние. Вслед за этим мы очертили основные формы взаимодействия. Все это с логической необходимостью привело нас к понятию взаимодействия, как коллективного единства. Рассмотрев в связи с этим вопрос о реальности этого единства, мы перешли к естественно вытекавшему отсюда вопросу: что же заставляет индивидов взаимодействовать друг с другом; какие условия их взаимно притягивают, „пригвождают" друг к другу, и отрывают друг от друга.

Дав ответ на эти вопросы мы замкнули разорванный круг взаимодействия, получили понятие социальной группы и этим закончим изучение строения отдельных волн необъятного моря общественной жизни.

Теперь мы можем перейти ко второй стадии изучения строения социальных явлений. мы можем теперь изучать уже строение и состав не отдельных волн, а самого общественного моря, как совокупности этих волн. От взаимоотношений индивидов мы можем теперь перейти к изучению взаимоотношений социальных групп. Население, покрывающее обитаемые территории земли, будет этим морем. На какие слои и социальные группы оно распадается? Каковы общие принципы этого расслоения? Каковы виды и конкретные формы этого расслоения? Каковы in concreto важнейшие социальные группировки: элементарные, кумулятивные и др.? Каков с этой точки зрения „химический состав" любого населения, как сложного социального аггрегата?

Каков состав множества соц. групп, выделяемых в общежитии: класса, национальности, касты и т. п.? Каковы,

основные виды сложных соц. аггрегатов (обществ) и как следует их систематизировать? Каково положение индивида в среде населения? Как совершаются в последнем перегруппировки и циркуляция индивидов от слоя к слою? Какие реакции соединения и разложения представляют изменения состава населения? и т. д. Наконец, каково взаимоотношение развиваемых здесь положений к другим социологическим теориям? Таковы вопросы, с которыми придется иметь дело во II т. „Соц. Аналитики". Данный том был лишь подготовкой к нему Конкретное „распластание" населения на его естественные (а не мнимые) слои—такова основная задача „Аналитики сложных соц. аггрегатов". Начав изучение соц. явления с простого взаимодействия людей, мы логически пришли к этой задаче. Путь для ее решения расчищен. Остается приступить к ней. Попыткой распластания населения на его естественные слои и попыткой создания „социальной химии" и явится печатающийся II-й том „Аналитики", как продолжение данного тома.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие.

ВВЕДЕНИЕ.

Гл. I. Предмет социологии и ее отношение к другим наукам.

§ 1. Предмет социологии. § 2. Основания для существования социологии, как автономной дисциплины. Практическая и теоретич. важность социологии. Социология и физ.-химические науки. Социология и биология, в частности, экология. Соц-ия и индивид. психология. Соц-ия и коллективная психология. Социология и специальные дисциплины, изучающие взаимоотношения людей . . . . . Стр. 1—36

Гл. II. Архитектоника социологии и ее основные отделы.

§ 1. Теоретическая и практическая социология. Теоретич. соц-ия и ее отделы: социальная аналитика, соц. механика и соц. генетика. Практическая социология . . . . . 36—43

Гл. III. Понятие взаимодействия людей и методы его изучения.

§ 1. Понятие взаимодействия и поведения людей. Социология, как наука о поведении взаимодействующих людей и его результатах. § 2. Субъективный и объективный методы изучения психических явлений. Спор „субъективистов“ и „объективистов“ в психологии и социологии. Решение спора. Неопределенность понятия

„психики". „Субъективная" и „объективная" психология. Методы познания психич. переживаний. „Субъект. и объективная" социология. Понятие психич. актов и переживаний. Методы изучения явлений взаимодействия. . Стр. 44—76

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА.

Гл. IV. Анализ элементов взаимодействия.

§ 1. Взаимодействие, как простейшее соц. явление. § 2. Элементы явления взаимодействия. § 3 Индивиды, как элемент явлений взаимодействия. Основные биологические и психические свойства индивидов. Полиморфизм индивидов. Потребности человека. *§ 4. Акты (действия), как элемент явлений взаимодействия.* Акты людей, как раздражители. Акты делания и неделания. Акты, продолжительно влияющие и имеющие мгновенное влияние. Акты интенсивно влияющие и имеющие слабое влияние. Акты, сопровождаемые сознанием и бессознательные. *§ 5. Проводники, как элемент явлений взаимодействия.* Понятие проводников и их роль. Классификация проводников взаимодействия. Цепь проводников. Люди, как контактные звенья цепи проводников. Проводники взаимодействия и т. н. „материальная культура". *Взаимоотношение переживаний и проводников:* Причина появления проводников; как возникают проводники; в силу каких условий определенные переживания выражаются определенными проводниками. Рикошетное влияние проводников на поведение и псих. переживания. Фетишизация проводников . . . . 77—193

Гл. V. Классификация форм взаимодействия.

§ 1. Виды взаимодействия в зависимости от индивидов. В зависимости от количества и качества индивидов. *§ 2. Виды взаимодействия в зависимости от характера актов.* Типы взаимодействия в зависимости от актов дела-

ния и неделания. Взаимодействие: одностороннее и двустороннее, длительное и временное, антагонистическое и солидаристическое, шаблонное и нешаблонное, сознательное и бессознательное. Взаимодействие: интеллектуальное, чувственно-эмоциональное и волевое. *§ 3. Виды взаимодействия в зависимости от проводников.* Формы взаимодействия в зависимости от природы проводников. Взаимодействие посредственное и непосредственное. . Стр. 194—231

Гл. VI. Явление взаимодействия, как коллективное единство.

§ 1. Явление взаимодействия, как коллект.-единство или реальная совокупность. § 2. Социологический реализм и номинализм. . . . . . 232—248

Гл VII. Условия (факторы) возникновения, сохранения и исчезновения простых коллективных единств.

§ 1. Условия (факторы) возникновения коллектив. единств. Космические факторы образования коллект. единств. Биологические факторы. Социально-психические факторы. Критические замечания. *§ 2. Условия (факторы) сохранения коллект единств.* Космические факторы, обусловливающие продолжительное существования коллект. единства. Биологические факторы. Соц.-психические факторы. *§ 3. Условия (факторы) распадения коллективных единств.* . 249—355

Заключение. . . . . . 356—357